

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

ГЛАВНАЯ
★ КНИГА ★
О ШТРАФ-
БАТАЛЛЕ

АЛЕКСАНДР
ПЫЛЬЦЫН

★ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР ★

АЛЕКСАНДР
ПЫЛЬЦЫН

ГЛАВНАЯ
★ **КНИГА** ★
О ШТРАФ-
БАТАХ

ЭКСМО
МОСКВА
2009

Оформление С. Курбатова

Издание третье, дополненное и исправленное

Ранее книга выходила под названием «Правда о штрафбатах»

Пыльцын А. В.

П 94 Главная книга о штрафбатах / Александр Пыльцын. —
3-е изд., испр. и доп. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 512 с. —
(Военно-исторический бестселлер).

ISBN 978-5-699-37226-3

Главный военно-исторический бестселлер, выдержавший несколько изданий и разошедшийся рекордными тиражами!

Уникальные мемуары советского офицера, с декабря 1943 по май 1945 года воевавшего в 8-м Отдельном штрафном батальоне (полевая почта 07380), прошедшего с ним от Белоруссии до Берлина и подробно, обстоятельно и честно рассказавшего об этом боевом пути — не приукрашивая «окопную правду», но и не очерняя прошлое.

Правдивые книги о советских штрафниках можно пересчитать по пальцам одной руки. И эта среди них — лучшая.

УДК 82-94
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-699-37226-3

© Пыльцын А. В., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

*Всем офицерам, штрафникам
и командирам 8-го Отдельного
штрафного батальона
1-го Белорусского фронта,
трудными дорогами войны прошедшим
от Сталинграда до Берлина,
посвящается*

Освистанные смертным ветром,
в буранах, ливнях и в пыли,
мы километр за километром
к своей заветной цели шли.

Алексей Сурков

ВСТУПЛЕНИЕ,

*или Слово к читателю, в котором автор объясняет причины,
побудившие его написать эту книгу, и выражает сердечную
благодарность всем, кто вдохновил его на этот труд и помог
в его осуществлении*

Свою часть Великой Отечественной войны до самой Великой Победы я прошел командиром взвода и роты в офицерском штрафном батальоне. Много лет меня волновала атмосфера какого-то странного умолчания в литературе, прессе и вообще в средствах массовой информации истории этих штрафных батальонов. Такой строгий запрет на информацию о штрафных батальонах и ротах породил массу всяческих домыслов, а затем уже и просто вымыслов и откровенной лжи об этом непростом явлении в истории Великой Отечественной войны. Как известно, штрафные батальоны и отдельные штрафные роты стали создаваться в 1942 году после приказа Народного Комиссара Обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года, знакомого многим, как **Приказ Сталина «Ни шагу назад!»**, появившегося в очень сложный период войны, когда дальнейшее отступление грозило катастрофой для всей страны.

Но нигде в военных мемуарах видных военачальников об этих батальонах ничего не говорилось, а в Советской военной энциклопедии (до выхода в свет «Иллюстрированной энциклопедии Великой Отечественной войны...» Олма-пресс, Москва, 2006) о них было сказано только в общем, и применительно к армиям других стран. Даже нам, имевшим непосредственное отношение к этим воинским подразделениям, соответствующие органы тогда настоятельно рекомендовали не распространяться о них. Надо сказать, что и о нашем 8-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта впервые открыто было упомянуто только в 1985 году — в очерке обозревателя «Комсомольской правды» И. Руденко. А в 1995 году Российское телевидение в серии телепередач к 50-летию Великой Победы под общим названием «Моя война», хотя и приблизительно (из моего телеинтервью), раскрыло сущность боевых действий нашего штрафбата.

Сберечь историю всего нашего героического поколения так важно сейчас, когда она, эта история, порой бессовестно, тенденциозно искажается, извращается некоторыми, с позволения сказать, «историками», писателями, да и просто временщиками, стремящимися на сенсационной полуправде нажать капиталы в буквальном и переносном смысле этого слова.

А хорошо бы помнить этим господам: **истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истиной.** И вот именно по отношению к ним, к этим предателям, псевдоисторикам, хочется привести пару строк из русских «Коробейников», изменив в этой песне всего одну букву и заменив всего одно слово, как это сделал (правда, по другому поводу) известный юморист Феликс Кривин:

Распрямись ты, **Ложь** высокая,
ПРАВДУ свято сохрани.

Вот и прячут такие деятели разных рангов за своей многоэтажной ложью истинную правду об этих непростых страницах Великой Отечественной войны.

В «перестроечные» годы стали появляться, а перед 60-летием Победы особенно усилился в различных средствах массовой информации, и в первую очередь на телевидении, поток публикаций «популярных» авторов и телефильмов на эту тему. В них мода охаивать нашу военную историю привела к тому, что эти необычные воинские формирования стали освещаться как дикая смесь слухов о фронтовых офицерских штрафных батальонах, об армейских штрафных ротах с тюремно-лагерными порядками.

Особенно преуспел в фальсификации исторической действительности Эдуард Володарский, многотысячным тиражом издавший свой «Штрафбат», а затем и авторы одноименного «художественного» фильма. О том, какое воздействие на многих, не знающих истинной правды о штрафбатах, оказали эти «произведения», довольно ясно выразился бывший штрафник нашего 8-го штрафного батальона, ныне подполковник в отставке Басов Семен Емельянович.

Вот что он писал в харьковской областной газете «Время» по поводу тотального оболванивания телезрителя современными киноподелками:

«Перед 60-летием Победы на экраны вышел телесериал «Штрафбат», который пользовался большой популярностью у людей, тяготеющих к запрещенным на долгие годы темам. В этом фильме очень много лжи. Показаны сплошь уголовники, играющие в карты и режущие друг друга. Герои сериала — бандиты, насилующие женщин, грабящие склады и так далее. У зрителей осталось впечатление, что в штрафбатах были только одни преступники-лагерники. Племянница одной моей знакомой, посмотрев этот фильм и узнав, что я был штрафником, воскликнула: «Так он же уголовник! Его надо бояться!» Было очень обидно...»

В канун 60-летнего юбилея Победы мне в составе делегации Межрегиональной организации общества «Знание»

Санкт-Петербурга и Ленинградской области довелось побывать на гостеприимной земле Беларуси. Не буду живописать наши яркие, незабываемые впечатления от увиденного и почувствованного там, но вот о том, какое впечатление произвел «Штрафбат» Досталей и Володарского на участников Великой Отечественной, свидетельствуют строки из напечатанной в те дни статьи «А душа молода» о бывшей фронтовой медсестре Серафиме Ивановне Панасенко, которая посмотрела этот «художественный» фильм. Привожу дословную цитату из белорусской военной газеты «Во славу Родины»:

«Большую часть войны стрелковый батальон, где служила медсестрой Серафима Панасенко, прошел плечом к плечу с фронтовым штрафбатом... Тема эта, после того, как на российском телевидении прошел нашумевший сериал, стала весьма популярной. Равно как и «блатные» песни, воспевающие «подвиги» рецидивистов, воров в законе и прочих «героев нашего времени». Наверное, к этому стандарту и постарались «подогнать» авторы свое телепроизведение...»

Серафиму Ивановну, для которой тема войны — знакомая и родная, если можно так выразиться, этот телевизионный «шлягер» привел в настоящее негодование. Вместо реальных солдат-штрафников, с которыми ее однополчане брали Кенигсберг, форсировали Одер, шли в атаки на врага с криком «За Родину!», «За Сталина!», которых вовсе не нужно было выгонять на передовую под дулом пистолета, фронтовичка увидела в сериале обыкновенных бандитов-рецидивистов... А вместо удовольствия от фильма, снятого как раз в канун 60-летия Победы, в душе остались обида и боль.»

К числу подобных фальсификаторов, несомненно, можно отнести и автора «документального» фильма «Штрафники» Льва Данилова, а также «романиста» Александра Белова с его книгой «Штрафбат. Кровь Серого». Да и многих других, кто писал или «вещал», не зная истинной правды об этом. Во всех этих «произведениях» штрафбаты — это подразделения, где смешаны в одну кучу штрафники из числа офицеров,

солдат, да еще всякого рода уголовники: и «воры в законе», и «политические».

Видимо, главный подручный Гитлера, рейхсминистр пропаганды Геббельс был не первым, кто поклонялся известному постулату: «чем чудовищнее ложь, тем скорее в нее поверят». Но, оказывается, и далеко не последний.

Откликнулись на 60-летие Победы и «СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ XX века» (спецвыпуск № 3/2005 года). На яркой, цветной обложке этого журнальчика красуется фраза «Штрафбат: пушечное мясо Великой Победы». Ну, чем не рожденное матерыми фальсификаторами и затертое уже выражение: «трупам немцев забросали», ставившее целью дегероизировать всю историю минувшей войны и доставшуюся нам действительно высочайшей ценой Победу в ней. Понятен лейтмотив авторов, хотя в статье Алексея Щербакова «В прорыв идут штрафные батальоны» более или менее правильно освещен вопрос о том, кого направляли в штрафбаты. Однако, со ссылкой на «командира штрафбата капитана Игишева», утверждается, что в 1944 году его батальон состоял почти полностью из зэков, что, судя по нашему 8-му штрафбату, весьма сомнительно. Да и помещенная на обложке фотография актера А. Серебрякова в роли комбата Твердохлебова из известного неправдой фильма «Штрафбат», видимо, должна настроить читателя на определенное восприятие статьи А. Щербакова.

Умышленное смещение провинившихся офицеров, дезертиров и разного рода уголовников в одно понятие — штрафбат — характерно для многих, не знающих истины. Однако офицерские штрафбаты и штрафные роты может в какой-то степени объединять лишь общая принадлежность к понятию «штрафные», да, может быть, и возлагаемые на тех и на других особо сложные боевые задачи. Штрафбаты и штрафные роты были совершенно разными воинскими организациями. Они не были похожи между собой прежде всего по составу. Штрафбаты состояли только из проштрафив-

шихся офицеров. Неофицерских штрафбатов просто не было! Штрафные же роты комплектовались рядовыми и сержантами, проявившими трусость и паникерство в бою, дезертирами или совершившими другие преступления. Часто в них направлялись и уголовные элементы, этаплируемые на фронт из мест заключения. Но только из числа тех, кто сам добивался отправки на передовую, кому совесть человеческая не позволяла в тяжелые для страны время быть вне рядов ее защитников. И то лишь после серьезной проверки их истинных намерений.

В Харькове, когда я там жил, мне довелось встретиться с бывшим командиром 5-й штрафроты 64-й, а затем 7-й гвардейской армии, полковником в отставке Михайловым Владимиром Григорьевичем. Мы договорились о том, что обменяемся информацией о нашем опыте боевой работы со штрафниками в таких разных формированиях, как штрафбаты и штрафные роты. Однако судьба нам такого шанса не дала. Скоропостижная кончина Владимира Григорьевича помешала этому. Вскоре знакомый мне член Харьковского областного комитета Международного союза ветеранов войны Станислав Старосельцев дал мне возможность прочесть его публикацию о В.Г. Михайлове «Командир штрафной роты», помещенную в газете «Панорама» (октябрь 1999 года). Из нее узнал я некоторые подробности, которые привожу в нижеследующем фрагменте этой статьи.

«Он принял этап заключенных, охраняемых усиленным конвоем. К большому удивлению охраны, эзков тут же, после короткой беседы, обмундировали и выдали им оружие с полным боекомплектом. Риск был огромен. Штрафная рота состояла в основном из людей, совершивших разного рода преступления... Были среди них и рецидивисты, отбывавшие длительные сроки наказания на Камчатке и Колыме. По общепринятой логике, ожидать от них следовало чего угодно. Но ни один не оказался впоследствии трусом, дезертиром или членовредителем... подчиненные лейтенанта Михайлова смело шли на прорыв, штур-

моя, казалось бы, неприступные из-за огневой мощи высоты и населенные пункты. Жертвы были немалые.

За последние годы в средствах массовой информации появилось много публикаций, авторы которых утверждают, что штрафники шли в бой под страхом пулеметов заградительных отрядов. Словом, что-то вроде отчаяния обреченных. Да, была отчаянная храбрость — ведь даже легкое ранение штрафника расценивалось как искупление им вины с правом перевода в обычную действующую часть. Но чего не было — так это чувства обреченности, как и стоящих якобы за спиной штрафников заградотрядов... Версию о заградотрядах при штрафниках запустила во время войны фашистская пропаганда, а позднее эта версия использовалась либо в определенных интересах фальсификаторов нашей военной истории, либо была принята на веру по незнанию истории Великой Отечественной».

Наверное, убедительнее не скажешь.

Были отдельные случаи, когда и в наш штрафбат поступали офицеры из числа ранее осужденных и уже отбывших частично наказание в тюрьмах или лагерях. Кардинально различались эти штрафные формирования, естественно, также по организации, уровню боевых навыков и боевому опыту.

Попалась недавно мне книга «Записки командира штрафбата» Михаила Сукнева (Москва, Центрполиграф, 2006). В ней тоже идет речь о штрафбате, где «две роты офицерские..., одна из уголовников, одесских и ростовских рецидивистов... Несколько привезли с приговорами к смертной казни — расстрелу. Это медвежатники, аферисты... 3-я рота — басмачи, 200 человек таджиков, туркмен и еще откуда-то из Средней Азии, по-русски якобы не понимающих...» Видимо, на Волховском фронте, о котором идет речь в книге, решили на время свести в один батальон все, что было «штрафного». Но это уже местная самодеятельность, ничего общего не имеющая с приказом № 227 и «Положением о штрафных батальонах действующей армии».

Кстати, за штрафбатами, как и за штрафными ротами, как следует и из приведенной выше статьи о командире

штрафной роты Михайлове, никогда не выставлялись заградотряды, создаваемые в соответствии с тем же приказом № 227. Современным историкам при самом тщательном поиске не удалось обнаружить в архивах свидетельств того, что эти части гнали свои войска под дулами пулеметов и расстреливали отступающих.

Убедительно, с большой доказательной базой все эти и другие проблемы Великой Отечественной войны освещены в недавно вышедшей в свет уже вторым изданием книге молодого исследователя военной истории советского периода Игоря Пыхалова «Великая Оболганная война». Какой зубодробительный отпор дан в ней новоявленным клеветникам России! Отрадно нам, старшему поколению, что, несмотря на огромный наплыв антиисторических фальсификаций разного толка, не удалось этим предателям прошлого затуманить мозги всем, приходящим нам на смену поколениям. А значит, выживет истина, будет жить наша Великая Родина!

Об особенностях использования в боях именно офицерских штрафных батальонов и о том, что пришлось пережить за время пребывания в таком штрафбате, я и рассказываю в этой книге. Тем более что наш штрафбат, как говорят об этом документы войны, **формировался первым из всех штрафбатов** еще под Сталинградом. В ней использованы малоизвестные широкому читателю и ставшие мне доступными теперь архивные документы, хранящиеся в Центральном архиве Министерства обороны России (ЦАМО РФ, гор. Подольск).

Что же привело меня к мысли начать работу над этой книгой? Все послевоенные годы я все-таки надеялся, что из множества фронтовых штрафбатов, которых, например в 1944 году было 15 (а не «тысяча», как однажды утверждал Э. Володарский), найдется же кто-нибудь из очевидцев, кто сможет правдиво, на фактическом материале рассказать об этих уникальных формированиях Великой Отечественной

как бы изнутри. Но, увы, правдивых публикаций так и не дождался.

Мои боевые друзья по штрафбату многие годы подталкивали меня на этот нелегкий, ответственный труд — написать для современников и потомков свои воспоминания о войне, именно *штрафбатовские*, и таким образом хоть частично, но опровергнуть ту ложь, которая наслοилась за послевоенные годы.

У талантливого советского поэта Ярослава Смелякова есть такие строки:

И академик сухопарый,
И однорукий инвалид —
Все нынче пишут мемуары,
Как будто время им велит!

Видимо, само время повелело и мне взяться за это нужное и важное, на мой взгляд, дело. Особенно теперь, когда уже не стало многих из моих боевых товарищей, а тем более самих штрафников, и погибших в боях, и тех, кто выжил тогда, в огне войны, но не дожил до наших дней. Время неумолимо. Я как-то в одном из многочисленных интервью сказал, что **мы живем долго для того, чтобы успеть рассказать правду о той Великой войне**, о том, какие чувства тогда нас обуревали и какие ценности были в основе патриотизма, в основе безграничной любви к Родине. Любви, обеспечившей Великую Победу в невиданно жестокой войне с фашизмом, злейшим врагом всего человечества.

Рассказать правду — мой долг перед памятью погибших и перед теми поколениями, которые долгие годы старательно вводили в заблуждение всякого рода дельцы от истории и литературы злонамеренной ложью. Да и сами офицеры, попавшие в те годы по непростой военной судьбе в штрафбаты, оказались фактически оболганными, чего мы, старшее поколение, не должны оставлять без адекватной реакции.

На мои довольно долгие годы жизни вообще (мне уже не один год за 80!) и 40-летней армейской службы в частности

выпало много событий, много встреч с людьми, разными и по характерам, и по той роли, которую они сыграли в моей жизни. Главная моя цель — через людей, с которыми меня сталкивали обстоятельства, через события, которыми заполнялась жизнь, показать не только штрафбат в войне, но и то непростое, но поистине героическое время. Ту эпоху, которая осталась теперь лишь в памяти представителей нашего, увы, уходящего, поколения победителей, о которой нужно знать и помнить тем, кто приходит нам на смену, чтобы **не вырасти «Иванами, не помнящими родства».**

Дневников на войне мы не вели (офицерам переднего края, мягко говоря, это было «не с руки»), и самое трудное, что вначале казалось мне вообще непреодолимым, — это огрехи и провалы памяти, коварной памяти. Она с годами растеряла многие детали событий, названия сел и городов, в которых они происходили, фамилии и имена бойцов и командиров, с которыми бок о бок довелось пережить то нелегкое время.

В книге вообще нет ни одного вымышленного события, ни одного надуманного боевого эпизода. А теперь подлинность событий, происходивших в нашем штрафбате, подкреплена архивными документами того времени, любезно предоставленными мне Центральным архивом МО РФ (г. Подольск). И еще благодаря появившейся в июле 2006 года в газете «Красная звезда» статье полковника юстиции Андрея Мороза «Искушение кровью» (огромное спасибо ему!), свою книгу о нашем 8-м отдельном штрафном (офицерском) батальоне 1-го Белорусского фронта я по праву могу назвать **историко-документальной.**

Многочисленные отзывы на мою первую книгу **«Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина»** так или иначе относили ее к документальным произведениям. Я приведу только малую часть их.

Вот, например, что написал мне **Юрий Васильевич Бондарев**, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и

Государственных премий СССР, **признанный классик советской военной прозы**: *«Получил Вашу книгу, внимательно просмотрел ее. Материал интересный, скорее всего — не просто материал, а документ Великой Отечественной войны...»*

По представлению **Виктора Григорьевича Шевченко**, доктора юридических наук, члена Союза писателей России, **президента Российской Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка**, я награжден Почетным дипломом *«За большой личный вклад по восстановлению важных фактов из истории Вооруженных Сил периода Второй мировой войны»*, избран действительным членом этой Академии, награжден орденами «Петра Великого» III степени и «Святого князя Александра Невского» I степени. **Вице-президент** этой Академии, профессор **Залевская Ирина Федоровна**, написала мне: *«Вы автор профессиональной книги. И профессионализм ее, прежде всего, в высочайшей степени честности каждой ее строки. Ваш труд — уже история нашей страны»*.

А вот еще один документ, телеграмма от Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР, **генерал-полковника Смирнова Александра Тимофеевича**, долгие годы бывшего моим прямым начальником высокого ранга, которого все мы считали строгим, не очень щедрым на похвалы, но зато в высшей степени справедливым: *«Сердечное спасибо за книгу... Прочитал, не отрываясь. Суровая правда и высокий литературный стиль, глубокая преданность Родине делают книгу бесценным даром в воспитании людей, особенно молодежи. Восхищен, искренне благодарю»*.

Несколько строк из письма другого **генерал-полковника, Репина Ивана Петровича**, крупного политработника Советских Вооруженных Сил, с которым тоже пересекались мои военные дороги за долгие годы армейской службы: *«Выход в свет «Штрафного удара...» является достойным вкладом в освещение истории Великой Отечественной войны. Эта книга имеет большое значение для людей всех возрастов всего бывшего Советского Союза и особенно — для молодежи. Книга помо-*

жет больше узнать о прошлой войне, о том, как ковалась наша Великая Победа в ней».

Не могу удержаться от цитирования еще одного письма, полученного от доктора философии **Федора Васильевича Цанкайси**, профессора Владимирского Госуниверситета: *«Ваши «лейтенантские» мемуары отличаются честностью, правдивостью, которые обнаруживаются в деталях, в частности, а не в декларациях и общих рассуждениях... Получилась правдивая передача атмосферы драматизма жизни. Останется добрая память не только внукам и правнукам всех, о ком эта книга, но и всем, кто ее читает».*

И несколько фраз из выступлений на презентациях моей книги:

М.В. Ежов, доктор исторических наук, профессор, президент Санкт-Петербургского отделения Академии военно-исторических наук:

«Для историков и для интересующихся историей Великой Отечественной войны выход в свет такой книги — событие. Она помогает преодолеть неправильное представление о штрафных батальонах, увидеть их боевую службу в реальном и правдивом освещении».

М.И. Фролов, доктор исторических наук, профессор, вице-президент Академии военно-исторических наук: *«Автор «Штрафного удара» дает в книге истинную картину событий, без уклона в сторону какой-либо сиюминутной конъюнктуры, до сих пор довлеющей над многими фактами Великой Отечественной войны и порождающей небылицы».*

Г.И. Датчиков, доктор философских наук, председатель Комитета ленинградских ветеранов-однопольчан, капитан 1-го ранга: *«В книге А.В. Пыльцына четкий, всесторонний подход к историческим фактам с точки зрения истины. Впервые в мемуарной литературе появилась книга, которая по праву станет новым, честным откровением о незаслуженно забытых, но очень важных событиях прошедшей войны. Книга «Штраф-*

ной удар» — действительно **ШТРАФНОЙ УДАР** по тем, кто пытается фальсифицировать историю нашего общества...»

И.Ф. Ключков, Герой Советского Союза, генерал-майор, лауреат Государственной премии имени Г.К. Жукова, участник штурма рейхстага, автор книги «Знамя Победы над рейхстагом»: *«Своевременность появления такой книги трудно переоценить. Это еще один источник правдивого освещения малоизвестных фактов минувшей войны... И всем нам необходимо использовать эту книгу в воспитательной работе во всех странах СНГ».*

С.П. Летов, полковник, заместитель начальника Кадетского ракетно-артиллерийского корпуса по воспитательной работе: *«Молодой человек, прочитавший книгу А.В. Пыльцына, сердцем поймет, что такое честь и достоинство офицера, и захочет стать им. В результате постоянного спекулирования информацией некоторых современных идеологов знания многих из послевоенных поколений о штрафных батальонах сформировались как о подразделениях, созданных из преступных элементов, а не из офицеров, сохранивших честь и преданность Родине... Спасибо автору за то, что открыл нам, воспитателям военной молодежи, нужный пласт военной истории, без которого невозможно правильно решать вопросы воинского обучения и воспитания».*

К 60-летию Победы издательство ОЛМА-ПРЕСС выпустило две книги, посвященные этому юбилею: «Иллюстрированную энциклопедию» и «Книгу для чтения» в двух томах. Оба эти издания ссылаются на мой «Штрафной удар» как на единственный документальный мемориальный источник по штрафным батальонам, чему я рад и чем могу гордиться.

А Законодательное Собрание Санкт-Петербурга, **высоко оценив историческое значение этой книги**, присудило ее автору Литературную премию имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова (1-я премия).

Моя безмерная благодарность всем, так высоко оценив-

шим мой «Штрафной удар», и в первую очередь тем, кто помог мне восстановить в памяти многое из забытого. Это прежде всего мои боевые друзья, с которыми мне посчастливилось разделить судьбу офицеров, оказавшихся в штрафном батальоне, не будучи штрафниками, с кем хлебнул я вдоволь фронтовой жизни и кто смог своими воспоминаниями существенно обогатить материал, вошедший в эту книгу. Среди них — один из самых близких мне фронтовых товарищей — Валерий Захарович Семькин, почетный гражданин одного из районов Воронежской области, подполковник в отставке, жестоко страдавший от последствий инсульта. Однако, несмотря на это, он находил в себе силы присылать мне очень важные сведения о нашей жизни на фронте. К великой моей скорби, он скончался от терзавшего его многие годы недуга, не дожив менее года до 60-летнего юбилея Победы.

Это и Петр Иванович Загуменников, тоже подполковник, живший до последнего времени в Полтаве, но, к сожалению, закончивший свой земной путь за 2 дня до 60-летия начала Великой Отечественной. Он успел прислать мне незадолго до этого прискорбного дня десятки страниц собственных воспоминаний о формировании нашего штрафбата перед Курской битвой уже по полному штату (около 800 человек) и первых крупномасштабных боевых делах его на Курской дуге, когда меня еще в батальоне не было.

Огромную помощь оказал мне своими письмами (несмотря на постигшую его слепоту) и сохранившимися у него материалами того времени мой земляк, боевой товарищ, 85-летний Алексей Антонович Афонин, живущий ныне под Новосибирском, в Ордынске, на берегу рукотворного моря. С ним мы не один месяц фронтовых будней провели в штрафбате бок о бок, и к кому я рискнул съездить в 2005 году, несмотря на свои преклонные года и неблестящее здоровье, чтобы еще раз пообщаться с моим фронтовым другом и «подзарядиться» его живыми воспоминаниями.

Это и другие мои боевые друзья-побратимы, которым, к сожалению, не суждено уже (все-таки очень коротка жизнь

человеческая!) увидеть книгу, но чьи дела боевые и бесценные воспоминания тоже легли в ее основу.

А дорогие моей памяти имена, упоминаемые в описании боевых действий и фронтового быта, — эти имена по праву могли бы быть среди моих соавторов. Мне никогда не забыть уже ушедших из жизни Филиппа Андреевича Киселева, Василия Корнеевича Цигичко, Алексея Григорьевича Филатова, Моисея Иосифовича Гольдштейна и многих других, оставивших след в истории 8-го штрафбата, фамилии которых читатель найдет в конце двенадцатой главы этой книги.

Судьбе было угодно, чтобы именно в те дни, когда я работал над первой моей книгой «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина», мне встретился живущий ныне в Харькове подполковник в отставке Семен Емельянович Басов, попавший еще в 1943 году штрафником в наш 8-й ОШБ под Курск, ныне перешагнувший 90-летний рубеж, но еще очень подвижный, хотя и страдающий многими недугами. Угодил он туда военинженером 3-го ранга, чтобы искупить свою вину после побега из немецкого плена, хотя в плен он не сдавался, а попал по не зависящим от него обстоятельствам и, рискуя жизнью, бежал из плена, чтобы сражаться против фашистов.

На войне много несправедливостей вообще, но это одна из ряда вон выходящая. И совмещение приказа № 227 «Ни шагу назад!» с ранее изданным приказом Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года по отношению бежавших из плена мне кажется и сейчас несправедливым.

Говорят, английская королева наградила орденом каждого бежавшего из вражеского плена. Не знаю, соответствует ли это истине, но логика здесь неоспоримая.

В штрафбате Семен Басов был ранен, «искупил вину свою», восстановлен во всех офицерских правах, но шлейф «вины» его за плен еще долго волочился за ним. Он начал и закончил войну, не продвинувшись в воинском звании ни на одну ступень, хотя ратным трудом своим заслужил на войне

не один орден. Да и после войны и увольнения в запас этот шлейф долгие годы «перекрывал ему кислород». Только к 50-летию, а затем и к 60-летию Победы, уже будучи в отставке, он получил свои последние воинские звания. В этой своей книге я часто буду ссылаться на его воспоминания.

Не представляю себе, смог ли бы я восстановить даты событий, названия многих городов, рек, рубежей обороны и полос наступления, если бы, кроме свидетельств друзей-однополчан (вернее — «одноштрафбатовцев»), не воспользовался мемуарами таких известных личностей — военачальников, вошедших в историю Второй мировой войны, как маршалы Советского Союза Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, генералы А.В. Горбатов, П.И. Батов, С.М. Штеменко и многих других, а также официальной справочной военно-исторической литературой.

Серьезную помощь в поиске данных для моей первой книги «Штрафной удар...» о событиях тех лет, о полководцах, под чьими знаменами нам довелось сражаться, об оружии и военной технике времен Великой Отечественной оказал мне Харьковский исторический музей. Я сердечно благодарю также Рогачевский краеведческий музей, Мемориальный комплекс «Брестская Крепость-Герой» и руководство Гомельской области и Рогачевского района Беларуси, оказавшие сердечность и внимание участникам освобождения земли белорусской и предоставившие материалы, которыми я воспользовался, работая над книгой уже теперь.

Всем этим людям и организациям моя искренняя и безмерная благодарность.

Особую признательность выражаю вице-президенту «Общества «Знание» Российской Федерации», председателю Правления Межрегиональной общественной организации «Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области», академику Российской Академии гуманитарных наук, доктору экономических наук, профессору, ректору

Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права Сергею Михайловичу Климову и заслуженному экономисту Российской Федерации Антонине Васильевне Ружа. Именно они первыми дали путевку в жизнь рукописи с моими воспоминаниями о реально существовавшем и воевавшем штрафбате, на который совершенно не похожи выдуманные Володарскими, Даниловыми, Досталаями и другими сочинителями «киношно-детективные» штрафбаты.

Главное в своей работе над этой книгой я определил так: сложив свою память с памятью моих боевых друзей и доступными мне военно-историческими документами, создать более или менее цельный, зато истинно правдивый рассказ о реальном штрафбате. О том, что нам довелось увидеть, пережить и прочувствовать как в штрафбате, так и в ту, уже ушедшую, эпоху вообще.

И, конечно же, моя беспредельная благодарность нашей армейской «Звездочке», поместившей в июне 2006 года большую, основанную на строгом архивном материале и на ставшей уже известной моей первой книге «Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина» статью полковника юстиции Андрея Мороза «Искупление кровью» об истории именно нашего 8-го отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта.

На первое же мое обращение к редакции газеты другой Мороз, Виталий Иванович, заместитель главного редактора «Красной звезды», незамедлительно и любезно предоставил мне все имеющиеся в их распоряжении материалы, полученные из Центрального архива Министерства обороны России. А на мой запрос руководство Центрального архива МО РФ Чувашин Владимир Иванович, его помощник по комплектованию архивных документов И. Пермяков оперативно предоставили мне дополнительно необходимые документы по истории нашего штрафбата, использование которых позволяет мне с достаточным основанием считать всю

книгу по-настоящему **историко-документальной**. Сердечная моя благодарность всем им.

Теперь, сквозь призму лет и событий, мы иначе, чем тогда, воспринимаем и оцениваем многие явления, вырывая их из обстановки, характерной именно для того времени. Объективности ради я старался не корректировать во времени ни своих чувств, ни своих впечатлений, ни даже, по возможности, своих оценок. И если я иногда к этому прибегаю, то только со ссылками на авторитетные источники.

Конечно же, то время в штрафбате нельзя оторвать от всего, что ему предшествовало, и от того, как оно повлияло на мою последующую воинскую службу и жизнь вообще. Поэтому по ходу изложения мне пришлось совершать экскурсии и в «доштрафное» время воинской службы, и даже в детские годы, ибо все это формировало и взгляды, и сознание, и мировоззрение, которые тем или иным образом проявлялись в боевой обстановке.

Да и хотелось как-то оттенить те моменты, которые так или иначе способствовали возникновению того самого советского патриотизма (который многие современные грамотеи презрительно называют «совковым»), обеспечившего Победу нашего народа в священной войне против фашизма, ставшей уже историей прошлого века.

В последние десятилетия появилось много «искателей правды», которые во всей непростой военной истории нашей страны почему-то выискивают и беспардонно преувеличивают только негатив. Эти политические перевертыши, да и просто заблудившиеся в истории, искажают, а чаще стараются оболгать и опошлить историю поистине Великой войны и нашей Родины нечистыми приемами, подтасовками, ложью, сокрытием или искажением фактов. Однако ***истина, гласящая, что высшей формой преступления является предательство прошлого, никогда не перестанет быть истинной.***

А многие «лжеисторики», да и просто хулители нашего советского периода задались целью изуродовать правду про-

шлого, сеют в умах пришедших нам на смену поколений определенный нигилизм, своего рода «дегероизацию», «депатриотизацию», неверие в героизм советского народа и его высокий патриотизм, проявленные в годы смертельной опасности, нависшей над Отечеством.

Как прекрасно ответил им в свое время поэт Ярослав Смеляков:

Я не хочу молчать сейчас,
когда радетели иные
и так и сяк жалеют нас,
тогдашних жителей России.
Быть может, юность дней моих,
стянув ремень солдатский туже,
была не лучше всех других...
Но, уж конечно, и не хуже.
Мы грамотней успели стать,
терпимей стали и умней,
и не позволим причитать
над гордой юностью своей.

Для человека естественно ностальгировать по времени своей молодости. Моя работа над книгой — тоже ностальгия, но не столько по времени, выпавшему на нашу боевую юность, сколько по той высокой любви к Родине, которая помогла нам преодолеть невероятные трудности и которую пытаются выхолостить из душ молодежи. Именно по любви к тому Отечеству, за которое полегли в землю мои боевые друзья, те офицеры-штрафники, с кем довелось мне делить их непростую фронтовую судьбу, мои братья и миллионы советских людей, беззаветно любивших Родину и отдавших за нее самое дорогое — жизнь.

То непростое время ныне, к сожалению, широко муссируется в средствах массовой пропаганды и, как правило, рисуется исключительно черными красками. Предатели героического прошлого нашей истории искусно (надо отдать должное) возбуждают негодование потомков по поводу со-

циалистических ценностей и коммунистической идеологии, презрение к сталинскому режиму, будто тогда ничего положительного и не было. Не потому ли все чаще среди молодежи появляются всякого рода фашиствующие, а то и просто профашистские организованные группы. И это в стране, которая отдала разгрому международного фашизма столько сил и жизней.

Главной целью своей фальсификаторы и очернители нашей истории ставят внедрение в еще не окрепшие умы и души молодежи чувства безразличия, а подчас и ненависти к той великой Родине, которую мы, старшее поколение, защищали от фашистского нашествия, не жалея своей жизни. Эта преданность родной стране, которым был тогда для нас Советский Союз, останется с нами до самой кончины нашей. Так хочется передать высокое чувство патриотизма, преданности и любви к многострадальной Родине — России нашим потомкам, в будущее.

А завершить свое вступление я хочу тоже стихами, но написанными моим сыном Александром, как обращение уже к своим детям, к совсем юному поколению:

*Замрите, слушайте, смотрите, ребяташки, дыханье за-
тая, став чуткими тройне: ведь вы последние девчонки и
мальчишки, которым суждено услышать о войне.*

Да, именно услышать, а не прочесть где-то в учебниках, в мемуарах, а тем более не в каких-нибудь не совсем правдивых, а то и откровенно лживых книжонках. А именно услышать непосредственно от тех, кто сам все это видел, кто своим героизмом, своей преданностью Родине смог заслонить страну свою от злейшего врага и обеспечить тем самым жизнь и будущее многих поколений в России, и не только

Сознаю, что моя книга бессильна изменить что-либо в настоящем. Но надеюсь, она сможет хоть как-то выправить

искаженные злонамеренной ложью представления о прошлом. А если хоть немного будет выправлено прошлое, значит, это повлияет в определенной степени и на будущее.

Будь счастлив, дорогой читатель!

И пусть минет тебя чаша сия, о которой пишу с болью в сердце, испить которую ради жизни и счастья грядущих поколений довелось нам.

Автор.

ГЛАВА 1

Откуда мы родом. Репрессии. Военное обучение в школе. Начало войны. Первый командир-политрук. Военное училище, лейтенант. На Дальневосточной границе. Направление — фронт. Уфа, Алкино, маршевые роты для фронта. За что в штрафбат?

Начну со своей родословной. На первый взгляд это может представить мало интереса для современного читателя, но для характеристики той эпохи, в которой формировалось мировоззрение нашего поколения, и мое в частности, это, считаю, имеет определенное значение.

Родился я в конце 1923 года в семье железнодорожника на Дальнем Востоке, в одном из районов Хабаровского края.

Наш дом стоял так близко к железнодорожным путям, что когда проходил поезд, дом всегда дрожал, будто тоже собирался тронуться в дальний путь. И настолько мы привыкли к этой близости и грохоту железнодорожных вагонов, что когда перешли жить в новый, более отдаленный от рельсовых путей дом, то долго не могли привыкнуть к, казалось бы, неестественной тишине.

Отец мой, Василий Васильевич Пыльцын, родился в 1881 году. Он, костромич, по каким-то причинам (говорил об этом весьма неохотно и туманно), то ли от жандармского преследования, то ли от неудачной женитьбы, сбежал на

Дальний Восток и даже поменял свою фамилию, которая у него ранее была, кажется, Смирнов.

По тому времени отец был достаточно грамотным человеком, имевшим в доме обширную библиотеку классиков и многолетнюю подшивку дореволюционного журнала «Нива». На всей моей детской памяти он был бригадиром путейцев, а затем и дорожным мастером на железной дороге. Вообще он был не только железнодорожным мастером. Мастер он был и на все руки. Домашняя, довольно замысловатая мебель и многое из металлической кухонной утвари, всякого рода деревянные бочки и бочонки под разные соленья и моченья были сделаны его собственными руками. Все он мог, все умел, вплоть до лужения кастрюль, умел даже огромной «продольной» пилой с кем-нибудь распустить толстенное бревно на аккуратненькие тоненькие доски. Кажется, в жизни не было дела или ремесла, которого он бы не знал.

В семье он был строг, и мы, дети, боялись одного его взгляда, хотя он никогда не пускал в ход ремень и не поднимал на нас свою увесистую руку.

Несмотря на широкую общественную деятельность, особенно в области оборонных кружков типа «Осоавиахим» и пр., он всегда был беспартийным и любил называть себя «беспартийным большевиком». Однако в 1938 году за допущенную его подчиненным ошибку при ограждении участка работ по замене лопнувшего рельса, что едва не привело к крушению пассажирского поезда, отец был осужден на три года лишения свободы за халатность. Вышел он из заключения к самому началу Отечественной войны.

Между прочим, обладал он странной особенностью весьма громко разговаривать сам с собой. И где-то уже в конце 1941 года, вот так, без свидетелей, откровенно вслух негативно высказался по поводу того, что «Гитлер облапошил всех наших «гениальных» вождей», главный из которых (т.е. Сталин) попросту «прос Пал Россию». (Здесь я из этических соображений заменил одну букву в отцовской фразе.) Кто-то услышал это, донес куда нужно («стукачей» тогда было нема-

ло), и отец в соответствии с тогдашними порядками был репрессирован, выслан с Дальнего Востока куда-то на Север или в Сибирь, где его след и пропал. Не знаю, не мог или не хотел он о себе что-нибудь сообщать, но сведений о нем мы никаких так и не имели.

Однако перед этими событиями он совершил, казалось бы, необъяснимый поступок: приревновал нашу маму, скромнейшую женщину, все три года регулярно ездившую в колонию, где содержался отец. А «приревновал» он ее совершенно неожиданно для всех к человеку, который занимал его должность все эти три года, с которым много лет до этого состоял в очень близких, дружеских отношениях.

Таким образом, оставил он маму с малолетней дочерью, тогда как мы, все трое сыновей, служили в армии, причем старшие братья уже были на фронте. Это только значительно позже, уже после войны, я догадался об истинных мотивах его поступка. Зная, что я в военном училище готовлюсь стать лейтенантом, и чтобы «не помешать» мне, *сыну репрессированного*, окончить курс обучения, демонстративно бросил семью, женился на женщине, у которой было три дочери (и ни одного сына!), и публично отказался от своих детей.

Не знаю, как отреагировали на эту нашу семейную новость мои братья, к тому времени уже фронтовики. Я же, получив письмо сестренки о том, что отец якобы заявил, что мы все для него больше не семья, до глубины души оскорбленный его предательством, сгоряча ответил письмом, в котором были, помню, такие слова: «Если у тебя больше нет нас, детей, то у меня больше нет такого отца». А он, совершив это, как мне показалось, предательское дело по отношению к своей семье, спокойно отправился в ссылку. Да, отец мой, оказывается, и здесь был на высоте, приняв на себя проклятие родных ради их же благополучия. Его репрессирование, как я представляю, наверное, не раз как-то сказывалось и на моей судьбе, но об этом в свое время. Однако пишу я об этом не потому, что нынче стало «модным» хоть чуточку быть причастным к репрессированным, к «врагам

народа», а потому, что не все было так беспросветно тогда, как стремятся это непростое время размалевать черными красками современные толкователи нашей истории.

Мама моя, Мария Даниловна, была моложе отца на целых 20 лет и происходила из семьи простого рабочего путеяца, широкой кости, крепкого сибиряка (как тогда говорили, «чалдона»), истинно русского, Данилы Леонтьевича Карелина, заядлого охотника, страстного пчеловода, работавшего под началом моего отца.

Моя бабушка по материнской линии Екатерина Ивановна (девичья фамилия Смертина) происходила из Хакасии. (Дед рассказывал, что он ее выкрал из соседнего хакасского селения.) Оба родителя мамы были неграмотны (правда, бабушка Катя умела удивительно сноровисто, и чуть ли не на ощупь, считать деньги дедовской зарплаты). А маму мою, не знавшую грамоты, но откуда-то помнящую несметное количество метких народных пословиц и поговорок, учил грамоте я, став учеником первого класса, хотя бегло и уверенно читал давно, лет с четырех-пяти. По моему настоянию она стала посещать кружок ликбеза, и я ее «курировал». Мама довольно успешно освоила азы грамоты, стала не бойко, но уверенно читать и, правда с трудом, — писать. На большее у нее не было ни времени, ни терпения. Однако этой грамотности ей хватило, чтобы с началом войны, когда мужское население «подчистила» мобилизация, освоить должность оператора автоматизированного стрелочного блокпоста на станции Кимкан Дальневосточной железной дороги. Там она проработала еще не один год после окончания войны, заслужив правительственные медали «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и высшую профессиональную награду — знак «Почетный железнодорожник».

Семья наша до войны не относилась к разряду богатых. Тогда социальное неравенство не было так заметно и вообще ни о каких выдающихся богачах даже анекдотов не сочиняли. Но даже самый тяжелый, голодный 1933 год мы пережи-

ли без трагических потерь. В основном нас кормила тайга. Отец, тоже заядлый охотник, снабжал нас дичью. Помню, в особенно трудную зиму почти каждый выходной он уходил в тайгу с ружьем и приносил то одного-двух зайцев, то нескольких белок или глухарей, и мясом мы были, в общем, обеспечены. Да еще выделывал отец и сдавал беличьи и заячьи шкурки, приобретая на вырученные деньги муку и сахар. Кроме того, с осени он брал небольшой отпуск и уходил в ту же тайгу на заготовки кедрового ореха. Приносил его домой мешками. Приспособился собственноручно изготовленным прессом давить из его зерен отличное «постное» масло (которое ныне считается особо целебным). Оставшийся жмых мама использовала для изготовления «кедрового молока» и добавок в хлеб, который пекла лепешками из очень небольшого количества муки, перемешанной с имевшимся тогда в открытой продаже ячменным и желудевым «кофе» да овсяным толокном (булочки из этого теста не получались). И эти совершенно черные, особого вкуса лепешки как-то заменяли нам настоящий хлеб и хоть на время насыщали наши детские желудки.

Была у нас семейная традиция ежегодно делать различные заготовки плодов дикорастущих растений, грибов. Эти заготовки спасали нас не только от голода, но и от свирепствовавшей тогда на Дальнем Востоке цинги. Мы с детства были приучены к сбору ягод и грибов и хорошо их знали. Собирали и в большом количестве сушили грибы — маслята, моховики и главный гриб — белый! На соление брали большие белые грузди, рыжики и лисички, но особый грибной деликатес был у нас — беляночки и волнушечки. Мама всегда напутствовала нас, чтобы грибочки эти мы брали маленькими, не больше пуговицы от пальто или медного пятака.

Фруктами Дальний Восток небогат, но зато ягод!!! В ближайшей тайге мы находили земляничные поляны, кусты жимолости, целые заросли малины, которые кроме нас иногда посещал и медведь, о чем нас не уставали предупреждать взрослые. Особый восторг вызывали у нас, ребятни, терпкая,

продолговато-крупная, зелено-спелая ягода (по-местному — «кишмиш») да дикий виноград с его исчерна-синими, будто покрытыми легким инеем, продолговатыми ягодами. Собирали, конечно, еще рябину и черемуху — все шло «в дело». А подальше, с так называемых «ягодных марей», приносили полные туеса голубики, брусники, морошки. Так же далеко ходили по весне на сбор черемши, этого дикорастущего широколистного растения с острым запахом и вкусом чеснока, настоящего кладезя витамина С, главного «доктора» от цинги.

Отец и дед занимались и рыбной ловлей, но не на удочку, а при помощи так называемых «морд», или сплетенных для ловли рыбы вершей из ивовых прутьев. И почти каждый вечер ходил отец после работы на недалеко протекавшую бурную, студеную речку Кимкан забирать улов. Иногда приносил «мелочь», а в период нерестового хода лососевых — и красную рыбу: горбушу, кету или кижуча, некоторые экземпляры которых достигали 6—8 килограммов. В этом случае появлялась у нас и красная икра, хотя тогда, до войны, она не была особой редкостью и в магазинах. И все это и варилось, и жарилось, и засаливалось, и сушилось. А в общем — все шло к столу... Можно подумать: «Ну и царский стол!» Да, это таежное, дальневосточное разнообразие помогало не только выживать в трудные годы, но и просто укреплять здоровье наших растущих организмов, да и выносливость взрослых тоже.

Семья наша не была набожной. Отец, по-моему, всегда был откровенно неверующим, хотя поддерживал, скорее, не религиозные, а обрядовые праздники. Мама тоже к этим праздникам относилась с почтением, но тем не менее у нас никогда по-настоящему не соблюдали ни малых, ни «великих» постов. Зато на масленицу пекли огромное количество блинов, на пасху — красили яйца, хотя в то время это занятие, по известной моде на безбожие, широко не афишировалось. Тогда, в 30-е годы, почти в каждом более или менее

значительном населенном пункте открыли магазины со странным названием «Торгсин», которые скупали у населения золотые, серебряные изделия и всякого рода украшения из драгоценных камней. Там происходил своего рода обмен их на белую муку-крупчатку, сахар и прочий дефицит. Мама в первую очередь снесла туда золотые нательные кресты и только после этого — другие, неведь какие богатые украшения, оставив себе все-таки любимые золотые малюсенькие серьги. А в годы моей активной «атеистической» деятельности в так называемом СВБ (*Союз воинствующих безбожников*) мы, ребяташки, с особенным усердием и упоением ставили для взрослых массу «безбожных» спектаклей, которые с видимым удовольствием посещали взрослые и их одобрительные аплодисменты и угощения нас, конечно, поощряли. Да в каких только «союзах» и обществах мы тогда не состояли! Даже в МОПРе (Международная Организация Помощи Революционерам), Осоавиахиме и т.п.

В нашей семье всего родилось семь детей, но трое умерли еще в младенчестве (что по тому времени не являлось редкостью), и до начала войны нас дожило четверо: два моих старших брата, моя младшая сестра и я.

Пытался я несколько раз составить генеалогическое древо нашего рода, но отец мой никогда не посвящал нас в свою родословную, и дальше своего деда Данилы и бабушки Кати по материнской линии я так ничего и не узнал. Да в те годы как-то и не принято было искать свои корни. А вот по боковым ветвям мне хорошо были знакомы другие дети и внуки Карелиных, жившие недалеко от нас. Это брат мамы, Петр Данилович, тоже дорожный мастер, коммунист, угодивший в 1937 году совершенно неожиданно под репрессивный каток и бесследно исчезнувший где-то на бескрайних просторах Сибири или Крайнего Севера. Остались у него больная жена и пятеро детей, которым удалось выучиться, пережить войну; большинство из них живы и теперь.

Должен честно сказать, что тогдашние аресты и поиски

«врагов народа» заражали многих, в том числе и нас, младших школьников. Помню, например, как мы, ученики 2—3-го класса, по подсказке некоторых учителей искали на обложках своих школьных тетрадей в васнецовских стилизованных рисунках по былинной тематике якобы замаскированные надписи, например «Долой ВКП(б)». И если не находили, то значит, «плохо искали». А вот внезапные аресты наших близких, за кем никто из окружения никаких преступлений не видел, мы воспринимали как досадные ошибки при таком масштабном деле разоблачения вредителей и вообще всяческих врагов народа (тогда широко пропагандировалась известная пословица «лес рубят — щепки летят»).

Но что удивительно: наряду с этой широкой кампанией поиска «врагов» происходило мощное воздействие на умы (и не только молодежи), воспитывавшее любовь к нашему строю и идеалам коммунизма. Достаточно вспомнить только фильмы и патриотические песни того времени. И это необычайно обостряло и чувство любви к Родине, и сознание высокого патриотизма. С этими чувствами мы вступили в священную войну против гитлеровской, фашистской Германии. С ними и победили, пройдя почти через 4 года тяжелейших испытаний.

Репрессии тех лет, кроме упомянутого мною моего дяди, не затронули, к счастью, других его родственников, хотя после войны много писали и говорили о том, что и жен, и даже детей «врагов народа» и в лагеря ссылали, и в тюрьмах гноили. Может быть, только у нас, на Дальнем Востоке, по-другому было?

Так, мама младшая сестра Клавдия Даниловна (1915 года рождения), несмотря на репрессированного брата, работала телеграфисткой на узловой железнодорожной станции, по тому времени — на весьма ответственной должности. Замуж она вышла за инженера Баранова Василия Алексеевича, с первых дней войны ушедшего на фронт, а после войны ставшего офицером КГБ. Работал он в этой ипо-

стаси все послевоенные годы в Риге и умер в 1970 году. Их сын, мой двоюродный брат Станислав, 1938 года рождения, добровольно поступил в свое время в погранвойска, окончил Военное училище погранвойск и был перспективным офицером. А в начале 90-х годов XX века вся Прибалтика в результате развала Советского Союза вдруг обрела, как там говорили, *истинную свободу*. Тогда из-за преследований и угрозы репрессий уже со стороны постсоветских латышских властей, обезумевших, наверное, от «истинной свободы», включили его в черный список «красных ведьм». И Станислав был вынужден тайно бежать из Латвии в 1991 году, оставив там «неграми» (негражданами) своих детей и внуков. К великому сожалению, совсем недавно он нелепо погиб под колесами мчащегося самосвала.

Как я уже говорил, у меня было два брата. На старшего из них, Ивана (1918 года рождения), я, когда заметно вытянулся ростом, был так похож внешне, что нас часто путали даже знакомые. Так вот, Иван отличался разносторонними способностями: прекрасно играл на самых разных музыкальных инструментах, удивлял всех талантом рисовальщика, считался одаренным в математике (его учитель иногда за оригинальные решения задач выставлял ему вместо пятерки шестерку). Кстати, сразу же по окончании 10 классов он был приглашен на должность учителя математики в нашу поселковую школу-семилетку. В 1937 году он был призван на военную службу в береговую охрану Тихоокеанского флота, где успешно осваивал и специальность радиста, и исполнял роль учителя в группах ликвидации малограмотности и неграмотности среди красноармейцев и краснофлотцев одновременно. Где-то в начале 1942 года он был направлен в действующую армию и, находясь в составе 5-й Ударной армии Южного фронта, участвуя уже в освобождении Запорожья, *«гвардии сержант Пыльцын Иван Васильевич... в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив герой-*

ство и мужество, был убит 18 сентября 1943 года» — так было написано в «похоронке».

Второй брат, Виктор, старше меня на три года, особыми талантами не выделялся, разве только унаследовал от отца (да и похож был на него) манеру разговаривать сам с собой вслух, особенно во сне, да отличался особой аккуратностью и педантизмом. Пожалуй, аккуратность, присущая ему, тоже была своего рода талантом. После окончания средней школы он год поработал на железной дороге помощником дежурного по станции, хотя никаких курсов для этого не проходил. Просто мы, дети железнодорожного мастера, были «хорошо подкованы» в профессиональных познаниях. Я, например, учась в 4—5-м классе, назубок знал все правила, записанные в инструкциях по «путевому хозяйству», и даже на экзаменах, которые принимал отец у своих рабочих и путевых обходчиков, пытался подсказывать тем, кто затруднялся с ответом. А Виктора в 1939 году призвали в воздушно-десантные войска на Дальнем Востоке. Незадолго до начала войны бригаду, в которой он служил, перебросили на Украину, где ему довелось и встретить первые удары фашистской военной машины, и испытать горечь отступления. При обороне Северного Кавказа он был ранен, лечился в госпиталях и погиб (вернее — пропал без вести) в декабре 1942 года где-то под Сталинградом.

Сестра моя Антонина Васильевна (1927 года рождения) после 1945 года избиралась в наш поселковый Совет депутатов трудящихся. А после переезда на жительство в Ленинград работала с секретным деломпроизводством в одном из райвоенкоматов города. Доверяли ей, несмотря на репрессированного отца.

До 7-го класса я учился в нашей поселковой школе (там я вступил в комсомол), а с 8-го класса — в железнодорожной средней школе города Облучье, расположенного километрах в 40 по железной дороге от станции Кимкан, нашего постоянного места жительства.

Как я уже говорил, в 1938 году мой отец был осужден на 3 года за халатность, а старший брат служил в армии, и на большую зарплату другого брата, Виктора, маме было невозможно платить за мое обучение и проживание в интернате. Тогда я по собственной инициативе написал наркому путей сообщения Л.М. Кагановичу письмо, в котором рассказал о трудностях нашей семьи в обеспечении моего желания дальнейшей учебы, в том числе и то, что отец — железнодорожник и осужден за халатность. Вскоре я, школьник, получил **правительственное** письмо, в котором распоряжением наркома мне обеспечивались за счет железной дороги все виды платежей за обучение до получения среднего образования и проживание в интернате при школе, а также бесплатный проезд по железной дороге к месту учебы и обратно. Я хорошо запомнил характерную подпись на официальном бланке письма: «Л. Каганович». Особо запомнилась большая, несоотносительно высокая заглавная буква «Л» (Лазарь). Так что учеба в Облученской железнодорожной средней школе на все три года мне была обеспечена.

Позже я узнал, что муж моей тети Клавдии Даниловны в детстве совершил более смелый поступок. Когда его после 6-го класса не допустили к дальнейшей учебе (по крайней бедности), он, 14-летний паренек из глухой деревни под Ярославлем, сам поехал в Москву, добился там приема у Надежды Константиновны Крупской, которая тогда была заместителем наркома просвещения РСФСР. В результате — распоряжение Наркомпроса: «Принять Баранова Василия в школу-семилетку». А дальше — техникум и т.д.!

Так случилось, что и меня с сестрой, и моих двоюродных сестру и четырех братьев — детей репрессированного отца нашего и дяди моего, Петра Карелина, и вырастили, и воспитали, и поставили на ноги наши матери, оставшиеся без мужей. И слава им, обыкновенным русским женщинам, вечная добрая наша память.

В отличие от нашей поселковой школы здесь мы еже-

дневно после уроков занимались в разных оборонных кружках, и это фактически была хорошо организованная военная подготовка. Штатных военруков у нас не было, а в определенное время в школу или в интернат приходили к нам настоящие сержанты из воинских частей, располагавшихся в городе, и тренировали нас по всем оборонным, как тогда говорили, предметам. Некоторые мальчишки, кроме того, ходили на занятия в аэроклубы, где учились и самолетом управлять, и с парашютом прыгать, что давало им преимущество — уже после 9-го класса поступать в летные училища. Таким образом, еще до окончания средней школы в летном училище оказался мой лучший друг по 9-му классу Коля Федорцов. Уже после войны я пытался разыскать его и других моих школьных товарищей по нашему выпускному 10-му «А» классу, но безуспешно. Никого из ребят так и не нашел, наверное, всех подобрала под себя война. Нашлись только Броня Итенберг да Лида Пилипенко, с которой весь 10-й класс просидел за одной партой. С ними у нас не глохнет переписка и по сей день. Ведь это звенья единственной цепочки, связывающей нас с тем далеким прошлым, с нашим, не таким уж плохим детством.

Военная организация школы состояла из взводов (классов) и рот (всех одноуровневых классов). Так, например, три десятых класса составляли роту. В масштабе всех 8—10-х классов школы это был «юнармейский батальон». Старосты классов были командирами взводов, а наиболее старательный из них — назначался на должность командира роты. Самый старший по возрасту из учеников 10-х классов был комбатом, а когда меня избрали еще в 9-м классе комсоргом школы, то и должность определили — «батальонный комиссар». Естественно, комсорги классов были «политруками рот». И как серьезно относились мы к этим своим «юнармейским» обязанностям! Даже по «юнармейскому чину» нашивали на рубашки или пиджаки петлички со знаками различия, соответствующими армейским. Вырезали из жести квадратики («кубари») или прямоугольники («шпалы») и

весьма этим гордились. И величали нас соответственно. Меня, например: «товарищ юный батальонный комиссар». Вот так прививались и уважение к армии, и даже кое-какие командные навыки.

10-й класс мы закончили в 1941 году, за два дня до 22 июня, ставшей роковой для всей страны даты, и сразу после выпускного вечера на следующий день поехали в районный центр (тогда город Облучье входил в Бирский район с центром на станции Бира), чтобы определиться в военные училища. Тогда было повальное увлечение юношей военными училищами (летными, танковыми, артиллерийскими и т.д.), а я выбрал для себя (с учетом семейной традиции и из чувства благодарности за бесплатное обучение) Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта. Но все наши планы и мечты враз сломала заставшая нас в райцентре весть о начале войны. И сразу, как по команде, к райвоенкомату стеклась огромная очередь людей, стремящихся скорее влиться в ряды вооруженных защитников Родины.

Двое суток нас, выпускников школ, держали в неведении относительно наших заявлений (я тут же «отменил» свое прежнее решение о Новосибирском институте и написал заявление в танковое училище). Потом нам сообщили, что все военные училища уже полностью укомплектованы, и мы призываемся как красноармейцы. На сбор нам дали два дня. Быстро разъехались мы по домам, собрали вещи. Недолгие прощания были с родными, и вскоре эшелоны развезли нас по разным районам Дальнего Востока.

Я с несколькими своими школьными товарищами оказался в эшелоне, который вез нас на запад, и ликовали мы оттого, что едем туда, где вскоре будем беспощадно бить фашистов. Но радость наша была недолгой. Довез он нас через двое суток только до города Белогорска. Это всего километров за триста от места призыва, где мы все влились во вновь формируемый 5-й армейский запасной стрелковый полк 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного военного округ-

га, ставшего уже именоваться фронтом, хотя и не действующим.

Этот спешно развертывавшийся полк еще не имел достаточного количества командного состава, а эшелон за эшелон привозили сюда, казалось, несметное количество призванных и мобилизованных.

Ротой, в которую я попал, командовал младший политрук Тарасов Николай Васильевич. Я хорошо запомнил этого, первого в моей армейской жизни командира, высокого, стройного, уже успевшего устать от бессонных ночей, но не потерять при этом какого-то мудрого спокойствия. Всего-навсего с двумя «кубарями» в петлицах (а я еще в школе целых «две шпалы» носил!), он тем не менее успевал справляться с ротой более чем из пятисот человек, в основном необученных разновозрастных людей, большинство из которых были или малограмотными, или неграмотными вообще (такой контингент поступал тогда, особенно из таежных поселков).

Наш первый ротный командир сразу выделил тех, кто окончил средние школы, и буквально с первого взгляда определил, кто может временно исполнять обязанности командиров взводов, отделений (мне была определена должность командира взвода). И вся эта вчера еще неуправляемая масса людей стала, хотя и медленно, организовываться в воинские коллективы. На второй день повел он нас в баню (палатки с душевыми установками). Там нас постригли наголо, мы помылись и обмундировались, став на первый взгляд настолько одинаковыми, что даже своих друзей не узнавали. Не говоря уже о том, что на первых порах не могли определить, кто в чьем взводе. Однако постепенно рота обретала воинские очертания.

Разместили нас в палаточном лагере, который оказался более чем в 3 километрах от общеполковой столовой, и вот всю эту дорогу наш младший политрук Тарасов успевал и ободрять, и обучать строевому или походному шагу, а мы, «командиры взводов», старались помогать ему в меру своих сил и умения. Каким-то чудом сумел наш ротный организо-

вать и разнообразные занятия по подготовке к принятию воинской присяги, да еще успевал и личные беседы проводить со многими из нас. На всю мою жизнь Николай Васильевич Тарасов остался образцом настоящего командира и душевного политрука, и многие свои поступки я всю жизнь сверяю с ним.

На сон нам едва оставалось по 5—6 часов в сутки, а политруку нашему и того меньше. Но через несколько дней в роту прибыли мобилизованные из запаса лейтенант и младший лейтенант, которым ротный поручил по «полуроте». Вскоре нас повели на стрельбище. Я этому событию очень обрадовался, так как еще в школе успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок», да еще сразу второй ступени. Не знаю, то ли это мой сержант-учитель был такой талантливый, то ли сказалась наследственность (мой дед, сибиряк-охотник, бил белку, что называется, «в глаз»), но стрелком я оказался действительно метким. И здесь, на войсковом стрельбище, мои результаты оказались лучшими. А всех, кто хоть как-то выполнил упражнение по стрельбе из винтовки, привели к присяге. Мало было торжественности тогда в этом ритуале, но запомнилось все до деталей. Тогда мы присягнули на верность нашей Родине — СССР. То был единственный такой день в моей жизни — больше никогда я не присягал ни другому правительству, ни другой родине. Бог милывал. И все 40 лет армейской службы я прошел под этой единственной в моей жизни присягой.

Со временем мы втянулись в это состояние непрерывных, напряженных учебных будней, и примерно через месяц наша рота стала более или менее слаженным военным организмом, и, как нам казалось, наш командир-политрук гордился уже тем, как эта некогда аморфная масса людей четко «рубала» строевой шаг, проходя по улицам города. Наши «полуротные» лейтенанты грубовато, но умело поднимали наше настроение и подбадривали такими, например, шутками: «Выше голову, задрать носы и подбородки! А как на вас смотрят девушки! И чем выше у вас носы, тем интереснее

мысли у них в головах!» И действовали такие шутки беспроигрышно!

Пришло время, и нашу роту распределили по полкам и дивизиям «Дальневосточной, опоры прочной», как пели мы в своей первой строевой песне. А как жаль было расставаться с политруком Тарасовым, успевшим стать для нас поистине отцом-командиром. Спасибо Вам, Николай Васильевич, за науку!

Далее судьба забросила меня в разведвзвод 198-го стрелкового полка 12-й стрелковой дивизии 2-й Краснознаменной армии Дальневосточного фронта, где-то под Благовещенск. А здесь, уже не в запасном полку, и нагрузки физические были настоящими, и взаимоотношения устанавливались серьезнее, прочнее. Самым главным для меня командиром оказался помкомвзвода сержант Замятин. От него я схлопотал и свое первое дисциплинарное взыскание — «личный выговор». А получилось это так. Поскольку я был рослым, то на физзарядке, которая в основном заключалась в передвижении бегом, меня поставили впереди всех, даже старослужащих, то есть «направляющим». И вот когда сержант подавал команду «шире шаг», я своими длинными ногами этот шаг действительно делал шире и ускорял бег, а «старики» все одергивали меня, мол, еще успеешь, набегаешься, и я, конечно, снижал темп. После нескольких таких случаев сержант остановил взвод, вывел меня из строя и за невыполнение команд объявил тот самый выговор.

Домой об этом взыскании не стал писать, стыдно было. Долго я старался заслужить снятие выговора. Во время одного из марш-бросков километров на тридцать по дальневосточным сопкам и падам, да еще с полной выкладкой, не меньше пуда (16 килограммов), я помог отстававшему красноармейцу, взял себе его винтовку и буквально тащил за руку. Вот за проявленную взаимовыручку на марше сержант и похвалил меня, сняв «прилюдно» свой выговор. Как я был рад этому!

Своего командира взвода разведки полка, лейтенанта Золотова, видеть приходилось редко. Он целыми днями был на своих командирских занятиях. Тогда, наверное, всех офицеров серьезно «доучивали», чтобы они быстрее вращались в обстановку войны. Командира полка совсем не помню, а вот командира дивизии, полковника Чанчибадзе, невысокого плотного грузина, память хорошо сохранила. К концу войны он уже был прославленным генералом. Многому научили нас тогда, на Дальнем Востоке, его изобретательность и требовательность.

И вообще, «наука побеждать» давалась обильным потом, когда гимнастерки наши настолько просаливались, что, сняв их, можно было поставить (а не положить), — и стояли, не падали!

В детстве у меня случилось какое-то заболевание коленного сустава, и меня долго тогда лечили «от ревматизма» и больничными, и бабушкиными мазями. Здесь же под такими невероятными нагрузками он, этот «ревматизм», будто улетучился. И до сих пор не дает о себе знать. Других болячек уже полно, а эта где-то до сих пор прячется. Многие недуги излечивала армия. И не только физические...

В разведвзводе полка я прослужил до 1 января 1942 г. В ночь под Новый год меня срочно сменили с поста у полкового знамени (был в карауле) и этой же ночью, не дав мне возможности почистить винтовку, отправили по комсомольской путевке во 2-е Владивостокское военно-пехотное училище. Я долго еще сокрушался по поводу невычищенной винтовки (все-таки сумели за столь короткое время приучить к армейскому порядку и привить любовь к оружию). Обрадовался было, что увижу Владивосток — город моей детской мечты, который я еще не видел, но о котором так много слышал. Но оказалось, что это училище находится в Комсомольске-на-Амуре.

Проучился я в нем всего полгода. Но до сих пор с особой теплотой вспоминаю те студеные зимние месяцы учебы и с

чувством благодарности — всех моих преподавателей, командиров и воспитателей. И старшину роты Хамсутдинова, и командира нашего курсантского взвода, только что выпущенного из Хабаровского училища, совсем молодого лейтенанта Лиличкина, и командира роты, исключительно подтянутого и удивительно стойкого к почти арктическим амурским морозам старшего лейтенанта Литвинова. Он даже на полевых занятиях в самые ветреные зимние дни и ночи не опускал клапаны шлема-буденовки. С благоговением вспоминаю и друзей-курсантов, Колю Пахтусова, Андрея Лобкиса, нашего ротного запевалу, способного звонко петь даже в сильные морозы, вечно невысыпавшегося очкарика Сергея Ветчинкина. Эти и многие другие мои сослуживцы-курсанты были теми, кто подставлял свои надежные плечи в трудные для меня минуты, но с которыми, увы, так больше и не суждено было встретиться.

Не могу удержаться, чтобы не вспомнить некоторые подробности быта в училище и запомнившихся мне преподавателей.

Располагалось училище на одной из городских окраин, именуемой Мылки, недалеко от Амура. Распорядок дня был весьма напряженным. Зарядка начиналась за два часа до завтрака физической подготовкой или штыковым боем (был тогда такой предмет военного обучения). И это, как правило, ежедневно, за исключением случаев, когда нас ночью поднимали по тревоге и выводили в поле марш-бросками. Там вместо завтрака выдавали сухари и консервы (как правило, рыбные или «кашу гречневую с мясом» — одну банку на двоих).

В столовой же завтрак обычно состоял из гречневой, овсяной или перловой каши, кусочка масла, хлеба и сладкого чая. Физически мы выматывались сильно, и нам почему-то всегда не хватало (в принципе, достаточно калорийного) курсантского довольствия. Ведь до обеда, как правило, занятия были на воздухе, в поле, где температура в январе-феврале часто опускалась ниже 30 градусов мороза, а после обеда,

когда уже темнело, было 2—3 часа классных занятий (топография, теория стрелкового дела, изучение матчасти оружия, минно-саперная подготовка, средства связи и т.д.), а затем еще и самоподготовка.

Перед ужином каждый вечер по 1—2 часа мы занимались или строевой, или лыжной подготовкой. К счастью, лыжный маршрут проходил недалеко от какого-то магазинчика. В нем, правда, не было ничего, кроме баночек с крабовыми консервами, заполнившими все полочки и витрины, и мы довольно часто покупали этих крабов. Это был наш «доппак», который мы либо съедали сразу же по возвращении в казарму, либо сберегали до завтрака, чтобы сдобрить этим деликатесом, стоившим тогда 50 копеек, свою утреннюю порцию перловой или овсяной каши. Хорошее, скажу вам, сочетание. Здорово вкусно получалось! Обеды были достаточно калорийными. Кроме густого крупяного или макаронного супа либо шей с мясом, к которым регулярно подавалась, как приправа, какая-то витаминная добавка (вроде мелкоразмолотого шиповника, как средства против цинги), давали приличную порцию каши или макарон с мясной тушенкой или с соленой кетой, а чаще — с горбушей... Что и говорить, Дальневосточный край — рыбный край!

Однако, несмотря на довольно калорийный рацион, крепкие морозы и огромная физическая нагрузка делали свое дело, выматывая, выжимая, вымораживая из нас эти калории. Досыта удавалось наесться только тем, кому выпадало счастье идти в наряд по кухне. Может, именно поэтому тех, кто получал наказание в виде наряда вне очереди, на кухню не назначали (для этого были в основном солдатские нужники, мытье полов в казармах после отбоя да расчистка строевого плаца от снежных заносов). Ощущение постоянного недоедания вызывало (обычно на коротких перекурах) сладостные воспоминания о том, какими вкусными блюдами баловали нас в довоенное время наши мамы и бабушки. Мой самый близкий по училищу друг Коля Пахтусов (он из Николаевска-на-Амуре) любил смачно рассказывать, как его мама по

праздникам готовила замечательного фаршированного гуся. Ему даже попадало от товарищей, которые умоляли его фразой «Не трави душу!!!».

Большим дефицитом у нас были папиросы и даже обыкновенная махорка. По курсантской норме довольствия табачные изделия нам не полагались, но почти все курсанты были курящими.

Еще немного подробностей. Особенно запомнился нам, например, преподаватель топографии, младший лейтенант Эльман, призванный из запаса эстонец. Это он научил нас ориентироваться по звездам, определять фазы Луны и с точностью до дня вычислять, когда наступит новолуние или полнолуние. Вообще-то этой премудрости меня научил еще в детстве мой дед Данила, но с «теоретическим обоснованием» это сделал наш училищный топограф. Настолько он был интересным, знающим человеком, умеющим вкладывать в наши головы нужные знания, что все мы поголовно с нетерпением ждали его занятий.

Практическое хождение по азимуту он организовывал так, что при правильном и с меньшими затратами времени прохождении маршрута нас ждал какой-нибудь приз вроде пачки махорки или флакона одеколona. А это, надо сказать, по тому времени были весьма ценные призы. Ну, а на крайний уж случай, когда и такого приза не оказывалось, устраивал просто забавный сюрприз, вроде того, что нам приходилось разыскивать его самого, забравшегося на высоченное дерево и подающего оттуда звуки, удивительно похожие на рев какого-то животного или голос птицы.

Запомнился навсегда и преподаватель артиллерии и стрелкового вооружения майор Бабкин. Острослов и шутник, он никому не давал шансов вздремнуть на классных занятиях. Если кого-то после занятий на крепком морозе, в тепле клонило ко сну, он так умел встряхнуть взвод или роту, что общий хохот надолго прогонял дремоту у виновного. Устраивал он и занятия-состязания по разборке и сборке вслепую, с завязанными глазами, еще мало знакомой тогда

(по сравнению с классической трехлинейкой) самозарядной винтовки Токарева «СВТ», ручного пулемета Дегтярева «РПД», автоматической винтовки Симонова «АВС» и другого стрелкового оружия. И тоже с какими-нибудь призами.

В училище я пробыл с первых дней 1942 года до середины июля, когда окончил полугодовой курс обучения «по первому разряду» (то есть на «отлично») и получил, как и другие семнадцать «перворазрядников», свое первое офицерское звание «лейтенант». Остальных выпустили младшими лейтенантами, а тех, кто не выдержал выпускных экзаменов, — даже сержантами.

Выдали нам комсоставские (потом их стали называть офицерскими) удостоверения и снаряжение (ремень с портупеей), полевую сумку с планшеткой (для топографической карты) и кобуру для нагана, который полагалось получить уже в части назначения. Обмундировали нас в новые суконные гимнастерки, на которые были нацеплены новенькие петлицы с двумя красными эмалевыми квадратиками («кубарями») и пришиты на рукава шевроны. Выдали брюки с кантом, фуражки с малиновым околышем. И мы с непривычной гордостью ходили во всем этом, ужасно поскрипывая новым кожаным снаряжением и хромовыми сапогами.

Однако радость наша была омрачена тем, что почти всех младших лейтенантов и сержантов отправили на фронт, а нас, лейтенантов, — в войска на Дальнем Востоке. Небольшая группа выпускников, куда вошел и я, получила назначение командирами стрелковых взводов в 29-ю отдельную стрелковую бригаду, командиром которой был подполковник Суин.

Буквально с первых недель после того, как я принял взвод в одном из батальонов бригады, располагавшемся вблизи села Комиссарово у озера Ханка на границе с Маньчжурией, где тогда хозяйничали японцы, все мы стали подавать рапорта об отправке в действующую армию на западные фронты. Вскоре нас собрал комбриг и спокойно, но убедительно сумел нам доказать, что наш «недействующий» Дальневосточ-

ный фронт может совершенно неожиданно, в любое время превратиться в «очень даже действующий»!

Наступила зима. И хотя это была южная часть Советского Дальнего Востока, морозы были внушительными. А в сочетании с почти постоянными сильными ветрами в тех краях становились особенно неприятными. Так что на лыжные переходы, которым уделялось немало времени, нам выдавали надеваемые под шапки-ушанки трикотажные шерстяные подшлемники с отверстиями для глаз и рта, чтобы уберечь от обморожения щеки и носы. Да еще такие же специальные мешочки для других, не менее нежных частей тела.

И все-таки к концу 1942 года, когда, видимо, в связи с тем, что немецкие войска были остановлены под Сталинградом и угроза японского нападения на дальневосточных границах Советского Союза стала менее вероятной, по одной роте с каждого батальона нашей бригады в полном составе были переформированы в маршевые (для фронта). Не знаю, был ли дан ход моему рапорту или это просто было не более чем совпадение, но такой маршевой ротой нашего батальона оказалась именно рота, в которой одним из взводных командиров был я. Погрузили нас в эшелоны и в первые дни января 1943 года отправили на запад.

Как потом стало известно, направлялись мы для формирования Югославской армии по примеру уже создававшихся дивизий Войска Польского и Чехословацкой бригады Людвига Свободы. До Байкала, а точнее — до станции Зима, наш эшелон не шел, а летел так, что на многих узловых станциях паровозы меняли настолько стремительно, что мы не успевали не только получить горячую пищу из следовавшего в нашем эшелоне вагона с полевыми кухнями, но даже прихватить ведро кипятка.

Во время смены паровоза на станции Бира, где мне часто приходилось бывать и где в свое время завершали обучение в средней школе мои старшие братья, хорошо знакомый мне дежурный по станции передал по железнодорожной связи на мой родной полустанок, где жили родные, весть о том, что я

вскоре проеду эшелон. Все мои родные вышли к железнодорожным путям, но поезд промчался с такой скоростью, что я едва успел разглядеть своих, а дед Данила, пытавшийся бросить мне подарок — кисет с табаком, не попал в открытую дверь теплушки. Как потом мне рассказывала сестренка, дед, крепкий и не слезливый сибиряк, по этой причине расплакался.

На станции Зима наш эшелон вдруг остановили, и мы там простояли почти неделю. Что-то, видно, не заладилось с формированием югославских частей, и дальше нас везли так неспешно, что мы почти месяц добирались до столицы Башкирии Уфы. Миновав ее, на станции Алкино ясной, морозной, лунной ночью весь наш эшелон выгрузили, и мы влились в состав 59-го запасного стрелкового полка 12-й запасной стрелковой бригады Южно-Уральского военного округа.

Помню хорошо, что командиром полка был в то время фронтовик, майор Жидович с весьма приметным шрамом во всю левую щеку. Одним из его заместителей был подполковник, не побывавший еще на фронте, наверное, из-за своего явно немолодого возраста, а другим — красавец, внушительного роста и богатырского телосложения майор Родин. Командиром нашего батальона был тоже фронтовик, всегда какой-то нервный, взвинченный, всего-навсего младший лейтенант (вот фамилию его не помню), а командиром роты — удивительно спокойный, невозмутимый старший лейтенант Нургалиев. И я часто наблюдал, как наш ротный терпеливо и стойко переносил грубости и «разносы» своего комбата, на две ступени младшего по званию. Вообще там я заметил разницу в отношениях между фронтовиками и теми, кто еще «не нюхал пороху». Может, тогда еще острее стало проявляться желание скорее попасть на фронт.

Запомнилась и старший врач полка, тоже фронтовичка, капитан медслужбы с необычной фамилией Родина. Это была очень яркая, красивая брюнетка, на удивительно стройной фигуре которой так ладно сидела офицерская форма с еще непривычными погонами, недавно только введенная в

нашей армии. Особенно восхищали нас, молодых лейтенантов, ее классической формы ноги в аккуратненьких хромо-вых сапожках. Это всеобщее восхищение привело к тому, что почти вся офицерская молодежь стремилась научить свои подразделения петь в строю «Песню о Родине», в которой были слова **«Как невесту, Родину мы любим»**... Да еще то и дело находили причины посетить санчасть, чтобы испытать судьбу. И я сам как-то раз осмелился осуществить посещение санчасти, правда, не с амурной, а с другой целью: во-первых, убедиться в правоте восторженных баек о ней, а во-вторых, просто поближе рассмотреть этого медицинского капитана, о красоте которой в полку ходили легенды. Но она сразу распознавала эти мужские хитрости и умела так «отшивать» мнимых больных, что охота повторить подобный маневр пропадала надолго. Да все, наверное, догадывались, что майор Родин — не иначе, как ее муж, так что и это обстоятельство наверняка было хорошим сдерживающим началом от попыток амурных приключений особо жаждущих поволочиться за красивой женщиной. Мой визит был обставлен убедительной причиной, мне она дала хороший врачебный совет, но я убедился в том, что те легенды были чистой правдой.

Но самое магическое во всем этом то, что теперь, когда мне стали доступны некоторые архивные документы по истории нашего 8-го штрафбата, я узнал, что с первых дней существования его (еще под номером ОДИН), **начсанслужбы того штрафбата была военврач 3-го ранга Родин Юлиа Александровна!** Есть в документах несколько донесений, подписанных военврачом Родиной, например о полном обеспечении батальона теплыми зимними вещами или о недостатках в организации продовольственного снабжения и т. п.

А вот еще один любопытный документ:

Приказом по 1-му ОШБ Донского Фронта № 102 от 27 ноября 1942 года «Военврачу 3 ранга Родиной за проявленную смелость и решительность, оказание первой помощи под огнем

противника раненому начальнику финдовольствия, спасение и сохранение при этом ценностей, находившихся при нем, от лица службы объявляю благодарностью».

*Командир батальона Гв. майор БУРКОВ
Батальонный комиссар ЛАРЕНОК*

Так что наверняка наш доктор-капитан Родина из Алкино и военврач 3-го ранга из 1-го, а затем и 8-го штрафбата Донского фронта — *один и тот же человек!* Значит, она из штрафбата № 8 — в запасной полк ЮжУрВО, а я из этого полка — в тот же штрафбат № 8! Ну, разве не мистика? Да она, кажется, на этом не завершилась, о чем станет известно значительно позже.

А в этом запасном полку главным нашим делом была подготовка нового пополнения для действующей армии, в основном из немолодых уже людей (чаще всего из мусульманских республик), обучение этих новобранцев азам военного дела, формирование из них маршевых рот для фронта.

Долго, почти девять месяцев, я, как и многие другие офицеры, своими регулярными рапортами добивался отправки на фронт. И, помню, после каждого такого рапорта командир полка так же регулярно объявлял мне вначале по 5, а затем и по 10 суток домашнего ареста, а арест этот заключался в удержании из лейтенантского месячного оклада 50% за каждые сутки ареста.

Здесь, в этом полку, кроме того, что я вступил в партию, происходило много других событий. Одним из таких запомнившихся событий было то, что однажды меня вежливо пригласили в Особый отдел полка. Как и все солдатские казармы, штабные помещения, это заведение тоже располагалось в землянке. После небольшого, вроде бы ни к чему не обязывающего предисловия мне прямо предложили сотрудничество с этим одиозным отделом. А сотрудничество это могло заключаться лишь в том, чтобы информировать определенных офицеров отдела о негативных настроениях или выска-

званиях как солдат моего взвода, так и моих товарищей — офицеров. Ну, как прямо мне такую роль «стукача» предложили, так же прямо и категорично я отказался, еще, наверное, не понимая последствий этого отказа.

Судьбе было угодно и познакомить меня в это время с девушкой, которая более чем через год, на фронте стала мне женой. Но об этом речь пойдет попозже.

А тогда, в августе или начале сентября 1943 года, очередному из многих моих рапортов был дан ход, и нас, небольшую группу офицеров, направили вначале в ОПРОС (Отдельный полк резерва офицерского состава) округа, а затем в такой же полк, но уже Белорусского фронта. Находясь в этом 27-м ОПРОСе фронта, мы несли боевую службу по охране важных объектов от возможных диверсий противника, но это все-таки была не передовая, куда мы стремились.

И вот однажды, в начале декабря 1943 года, меня вызвали в штаб полка на очередную беседу. Беседовавший со мной майор был в полушубке и, несмотря на жарко натопленную комнату, затянут ремнями, будто каждую секунду был готов к любым действиям. Лицо его с заметно поврежденной сверху раковиной правого уха было почти до черноты обветренным. Просмотрев мое еще тощее личное дело и задав несколько вопросов о семье, об училище и о здоровье, он вдруг сказал: «Мне все ясно. Пойдешь, лейтенант, к нам в штрафбат!» Кажется, заикаясь от неожиданности, я спросил: «3-3 за что?» И в ответ услышал: «Неправильно задаешь вопрос, лейтенант. Не за что, а зачем. Будешь командовать штрафниками, помогать им искупать их вину перед Родиной. И твои знания, и хорошая сибирско-дальневосточная закалка для этого пригодятся. На сборы тебе полчаса».

Наверное, тогда впервые в моих мыслях появилась ниточка рассуждений, связывающих текущие события с совсем недавним прошлым. Я ничем не могу подтвердить верность тех предположений, но тогда как молния просверлила мозг идея: *а не за репрессированного ли отца это наказание?* Конечно-

но же, сразу и контрдовод появился: **так сын же за отца не отвечает!** Потом, когда я узнал, что из 18 офицеров, отобранных на командные должности в штрафбат, оказался я один, еще не имеющий боевого опыта, «необстрелянный», а остальные имеют не только боевые ранения, но часть даже наградами отмечены, эта мысль снова долго не давала мне успокоиться. Она не позволяла оправдать мое определение в штрафбат только моим «сибирским здоровьем». Эта крамольная мысль еще не раз за время службы в штрафбате, да и уже после войны, посещала меня, но каждый раз находился и «контрдовод» ей. Но об этом тоже в свое время. Однако одновременно с этими сомнениями и с определенной степенью недоумения возникала и гордость за то, что меня приравнивали к боевым офицерам. У меня, правда, может быть, меньше, чем у других, какое-то представление о штрафбатах уже имелось (хотя бы из приказа наркома обороны № 227), но как далеко оно оказалось от реального! В приложениях № 1 и № 2 я привожу полный текст приказа Сталина № 227 «Ни шагу назад!» и Положения о штрафбатах.

Как оказалось, майором, отбравшим нас для штрафбата, был помощник начальника штаба 8-го отдельного штрафного батальона Лозовой Василий Афанасьевич. С ним мне довелось и начать свою фронтовую жизнь в 1943 году, и совершенно неожиданно встретиться через четверть века после войны на оперативно-командных сборах руководящего состава Киевского военного округа. Тогда я был уже в чине полковника и его, тоже полковника, узнал по приметному правому уху.

А тогда, в декабре 1943 года, после тяжелых боев под Жлобином (Белоруссия) этот штрафбат понес большие потери, в том числе и в постоянном офицерском составе (об этих потерях я сообщу в следующей главе). Вот Лозовой и отобрал нас, восемнадцать офицеров, от лейтенанта до капитана, в основном уже бывалых фронтовиков, возвращавшихся из госпиталей на передовую.

Буквально через час мы уже мчались в тревожную ночь на открытом автомобиле с затемненными фарами в сторону передовой, хорошо определяющейся по всполохам от разрывов снарядов, по светящимся следам разноцветных трассирующих пуль, по висящим над горизонтом осветительным ракетам. Где-то там, под огнем противника, держал оборону пока неведомый нам, но вскоре ставший родным на долгое время, до самой Победы, наш 8-й отдельный (офицерский) штрафной батальон (*Полевая почта 07380*).

ГЛАВА 2

Штрафбат. История его создания. Первые командиры. «Переменики». Первые бои, первые потери, награды. Сталинградский, Донской, Центральный фронты. Искупление вины и восстановление в офицерских правах. Переход к штатному формированию. Курская дуга. Штрафник Басов. Из штрафников в командиры. По Украине, Белоруссии. 1-й Белорусский фронт.

У меня, правда, может быть меньше, чем у других, какое-то представление о штрафбатах уже имелось (хотя бы из приказа наркома обороны № 227), но как далеко оно оказалось от реального!

Как я уже упоминал во вступлении, появившиеся у меня архивные материалы ЦАМО РФ пролили свет на историю нашего штрафбата. Оказывается, это тот самый штрафбат, который формировался самым первым, еще на Сталинградском фронте в 1942 году, и ему предстоял особо длинный боевой путь, от Волги до Одера, от Сталинграда до Берлина. Вероятно, не следует вдаваться в подробности, почему именно на этом фронте началось формирование штрафбатов. Там, на Волге, тогда решалась судьба нашей Родины — Советского Союза. Имел тогда наш штрафбат номер ПЕРВЫЙ. На любом фронте, где потом формировались штрафбаты, их нумерация начиналась с № 1. Это потом их нумерацию упорядочили уже в масштабах всей Красной Армии. И так сло-

жилась военная судьба нашего штрафбата, что он оказался последним из дошедших до конца войны, до Берлина, до Победы и расформирован он там, под Берлином в августе 1945 года. Сформирован он был в соответствии с *Приказом войскам Сталинградского фронта № 073 от 13.08.1942 года*, всего только через полмесяца после объявления исторического документа, приказа НКО № 227 от 28 июля 1942 года, получившего в армейской среде название «**Приказ Сталина «Ни шагу назад»**».

Первым командиром батальона был назначен *гвардии майор Григорьев Яков Федорович*, а комиссаром — *батальонный комиссар Ларенок Павел Прохорович*, о чем в *приказе по батальону № 1 от 15 августа 1942 года* объявил только что назначенный комбат.

Таким образом, «днем рождения» первого в истории Великой Отечественной войны штрафного батальона, образованного на Сталинградском фронте, надо считать 15 августа 1942 года, хотя пополнение в батальон, располагавшийся тогда в селе Самофаловка Сталинградской области, стало поступать несколькими днями раньше.

Приказом № 2 в этот же день уже были назначены заместители комбата, начальник штаба (адъютант старший) *капитан Лобань Григорий Иванович*, а также помощник по снабжению, командиры рот и взводов, их заместители, комиссары рот и политруки взводов. Жизнь потом внесла коррективы в эту организацию комсостава. Но об этом в свое время. Уже тогда батальону предписывалось иметь в своем составе 3 стрелковые роты по 3 взвода в каждой, роту противотанковых ружей (ПТР) двухвзводного состава. Для управления и обеспечения боевых действий были сформированы штаб, тыловые службы, хозяйственный и санитарный взводы. А несколько позже, когда стала совершенно ясной необходимость надежной охраны штаба с огромным количеством персональных документов на каждого штрафника, было предусмотрено иметь и специальный комендантский взвод.

При этом все эти взводы обеспечения и охраны комплектовались рядовыми и сержантами постоянного состава. Даже в самих ротам предусматривалось иметь не только старшину роты и писаря-каптенармуса из постоянного сержантского состава, но даже еще и отделение (5—6 человек) санитаров-рядовых во главе с санинструктором-сержантом.

Насколько помню, когда я уже прибыл в штрафбат, командиром комендантского взвода был тот самый Филипп Киселев, который затем стал помначштаба, а затем и начальником штаба батальона. К тому времени в ротам перестали почему-то содержать и штатное санитарное отделение, поручая оказание помощи раненым самим штрафникам, выдавая на каждое отделение дополнительное количество ИПП (индивидуальных перевязочных пакетов) и равномерно распределяя по подразделениям медицинских специалистов из числа штрафников. Когда я уже командовал ротой, у меня в роте были из постоянного состава только старшина (почему-то память моя не сохранила его фамилию) да писарь-каптенармус ефрейтор Мамкин.

О том, насколько строго подбирался командный состав в боевые подразделения батальона, говорят следующие документы:

Приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.

...Находящиеся на должности командиров взводов Манский Владимир Васильевич и Соколов Евгений Леонидович показали себя неинициативными, слабо подготовленными, нетребовательными командирами, что не дает возможности справляться со взводами 1 Штрафного батальона. Лейтенантов Манского В.В. и Соколова Е.Л. от должности командиров взводов отстраняю с направлением в распоряжение Отдела кадров. Одновременно прошу Отдел кадров прислать замену.

*Командир 1 ШБ Гв. майор БУРКОВ
Батальонный Комиссар ЛАРЕНОК
Начштаба капитан ЛОБАНЬ*

Или вот выписка из другого приказа по штрафному батальону:

За попытку уклонения от командировки к передовой линии фронта командира стрелковой роты капитана Юхту Ивана Даниловича от занимаемой должности отстраняю, направляю в Отдел кадров Фронта и ходатайствую перед Военным Советом о снижении его в воинском звании до лейтенанта.

Первым погибшим из состава батальона от осколка авиабомбы был командир 1-й стрелковой роты капитан Черный Спиридон Григорьевич, тогда же появился и первый раненый штрафник (приказ по 1-му ОШБ № 8 от 21.08.1942 г.).

Первый бой батальона, вернее роты, сформированной из имеющегося в нем личного состава, произошел 9—10 октября 1942 года. Еще 2 октября 1942 года командир батальона получил боевое *Распоряжение Донского фронта № ОУ/0127 от 2.10.42 г* и в тот же день издал **приказ № 47, в котором определялось:**

1. Сформировать маршевую роту численностью 116 человек... с вооружением: станковых пулеметов — 2, ручных пулеметов — 12, ППШ — 36, винтовок — 60. В 16.00 отправить по маршруту... и к исходу 3.10.42 сосредоточиться в Садки.

2. Для сопровождения роты и передачи ее в распоряжение Командующего 24-й Армией выделяю своего заместителя — капитана Чернявского...

Я специально привожу текст этого приказа, чтобы опровергнуть домыслы досужих сочинителей о том, что штрафников гнали в бой даже без оружия. Обратите внимание на 116 человек — 110 единиц стрелкового вооружения, не считая наганов, полагававшихся первым номерам пулеметных расчетов. При этом автоматического оружия — 50%! Да, к слову, и никаких заградотрядов. А сопровождает роту штрафников всего-то один капитан, заместитель комбата.

Обратите внимание еще на один документ ЦАМО РФ:

Приказ по 1-му ОШБ № 70 от 26.10.1942 года.

Полагать убывшими в Действующую армию 1-ю стрелковую роту в составе:

Комсостава — 14 чел.; младшего начсостава и рядовых — 3 чел. Переменного состава — 37 чел.; Итого — 54 чел.

По всей вероятности, и другую, еще даже не полностью сформированную роту тоже потребовалось «пустить в дело», не говоря уже о том, чтобы батальон в полном составе сформировать. Не так уж много было тогда «проштрафившихся» офицеров. Зато на 37 штрафников — 14 офицеров постоянного состава! Все-таки «активные штыки»!

Первые серьезные боевые потери 1-й штрафбат понес в полосе действий 24-й армии генерала Галанина И.В. на высоте 108,4 в районе села Котлубань.

Кто же направлялся тогда в штрафбаты? Офицера мог направить без приговора Военного трибунала командир дивизии, равный ему или более высокий начальник ***только за трусость или неустойчивость на поле боя***. При всех других преступлениях судьбу виновного определял Военный трибунал. При этом командиры, направлявшие провинившихся в штрафбат, определяли своим решением срок пребывания их там от одного до трех месяцев. Трибуналы при этом руководствовались, как правило, такой «нормой»: лишение свободы до ***10 лет*** — 3 месяца штрафбата, до ***8 лет*** — 2 месяца «штрафа», а ***5 лет и менее*** — приравнивалось к одному месяцу. При этом все они лишались офицерского звания и имевшихся к тому времени у них наград на время пребывания в штрафbate. Так сказать, становились «временными солдатами».

Из целого ряда донесений, имеющих в Центральном архиве МО в Подольске, можно представить тогдашний штрафной контингент. Так, например, ***за период со 2 октября 1942 года по 1 января 1943 года в батальон поступило 154 осуж-***

денных военными трибуналами и 177 — по приказам командиров дивизий и выше — за трусость и другие преступления на поле боя. Всего — 331 человек. За это же время потери составили 71 убитых и 138 раненых. (209 человек!)

Эти, как говорят, искупили свою вину, кто кровью, а кто и жизнью. Но вот еще несколько цифр из тех же донесений: **Освобождено досрочно за боевые отличия 54 человека, по окончании срока — 15.** Значит, **без пролития крови 69 штрафников заслужили прощения Родины!** При этом **награждено орденами 3, медалями — 5 (итого — 8).** А для тех, кто считал (или считает), что командный состав за спинами штрафников получал несметное количество наград, привожу несколько цифр из того же донесения, **касающихся офицеров постоянного состава: убито — 10, ранено — 8, награждено орденами — 2.** Правда, наград-то не густо, не так ли? А потери весьма ощутимы, тем более если бои вел не трех-четырёхротный батальон, а всего только одна или полторы роты, где офицеров постоянного состава было, наверное, едва ли больше выбитых в этих боях! Кстати, из моих собственных наблюдений, на фронте существовало неписаное правило: подлежали награждению в первую очередь те командиры подразделений, у кого больше подчиненных представлено к правительственным наградам. Ну, а в штрафных взводах и ротах таких всегда было не густо, так как высокой наградой за подвиг было досрочное освобождение. А это, как видите, совсем другой вид поощрения.

Вот еще один документ из Архива — донесение начштаба 8-го ОШБ Начальнику Отдела укомплектования Донского фронта № ОУ/027:

Доношу, что рота, сформированная в количестве: Старший и средний начсостав — 16, младший начсостав — 2, рядовых — 1, переменников — 111.

12 января 1943 года в 5.00 отправлена в распоряжение 252 сд 65 А для выполнения боевых задач.

НШ 8-го ОШБ майор Лобань.

Как видно, батальон едва успевал формировать полнокровные роты, а их уже ждали боевые задачи. И еще одна немаловажная деталь: рота шла для выполнения задач в интересах 65-й армии. Неисповедимы не только пути Господни, но и фронтовые судьбы — тоже. Более чем через полтора года, в октябре 1944-го, на Наревском плацдарме в Польше, уже роте под моим командованием довелось выполнять боевую задачу с неожиданно большими потерями. Но об этом в свое время.

Читателю, безусловно, интересно, какая категория офицеров попадала в штрафники. Вот несколько цифр из другого донесения за период с первых дней существования 1-го ОШБ Донского фронта по 30 декабря 1942 года, составленного помощником начальника штаба батальона, интендантом 3-го ранга Сизовым:

Начальники штабов дивизий, бригад	
и им равных	6
Командиры полков и им равных	14
Командиров батальонов, дивизионов	13
Командиров рот, батарей	41
Командиров взводов, зам. ком. рот	100
Командиров танков	11
Штабных офицеров полка, батальона	12
Политработников полка, батальона	11
Политруков рот, батарей и им равных	26
Офицеров военно-воздушных сил	24
Начальников служб, складов,	
арт. и автотехников	17
Работников райвоенкоматов, военторга	2
Секретарь Военного трибунала	1
Оперуполномоченный Особого отдела НКВД	1
По воинским званиям:	
Полковник и равные ему	1
Подполковник и равные	4

Майор и равные	5
Капитан и равные.....	26
Старший лейтенант и равные.....	44
Лейтенант, младший лейтенант и равные	199
Лейтенант госбезопасности	1

Как видно из приведенных списков, «неприкасаемыми» не были ни политработники, ни сотрудники Военных трибуналов, ни даже уполномоченные особых отделов НКВД при воинских частях. А вот бывших военнопленных тогда еще в штрафбате не было. Они в значительном количестве появятся позже, когда наши войска станут освобождать временно оккупированные фашистами территории и кому-то придет в голову распространить действие приказа «Ни шагу назад» даже на бежавших из немецкого плена воинов.

Еще один документ ЦАМО РФ:

*Во исполнение Приказа войскам Донского фронта № 09/125 от 30.09.1942 года, 1-й ОШБ переведен с временного на **постоянный штат** № 04/393. Этим же приказом личный состав сформированного 2-го ОШБ в количестве 36 человек передавался 1-му ОШБ.*

Было, значит, вначале в составе Донского фронта два штрафных батальона, как и предписывалось приказом № 227, но недоставало подходящего числа трусов и паникеров, чтобы заполнить всю предусмотренную емкость штрафбатов по 800 человек! И свели эти два штрафбата в единый, причем переведенных из **второго** оказалось всего 36 человек вместе с командным составом!

А вскоре была произведена смена комбатов. **3 ноября 1942 года в должность командира 1-го штрафбата на основании приказа войскам Донского фронта № ОКФ/3010 вступил майор Бурков Дмитрий Ермолович.**

Надо заметить, что первая замена командира штрафбата произошла менее чем через 3 месяца. Сейчас трудно установить, почему это произошло. То ли потому, что комбат, от-

правляя воевать роты, сам не получал боевого опыта, то ли сам комбат по той же причине запросился в «горячее» дело, то ли чем-то не пришелся начальству, данных об этом нет. Но гвардии майор Бурков, в свою очередь, был заменен только более чем через 7 месяцев, хотя тоже батальон в полном составе в бои не водил. Видимо, твердых норм здесь не существовало. Все диктовалось обстановкой.

Теперь еще раз о том, как штрафные офицеры освобождались от наказания и смывали с себя вину перед Родиной. Ходили слухи, а многие современные СМИ и теперь продолжают муссировать всякого рода «факты» о штрафниках, как о «париях» войны, то есть «отверженных, бесправных, жалких», как трактуется это слово в Толковом словаре русского языка Д. И. Ушакова.

Но вот пока один из многих документов: *донесение командира 1-го ОШБ* за ноябрь 1942 года, где «переменниками» называются штрафные офицеры, ставшие на время пребывания в штрафбате «временными» солдатами (об истории этого «звания» будет сказано ниже):

21 ноября 1942 года пали в бою 3 замкомвзвода¹ и 5 переменников

ранены 1 комроты, 2 комвзвода и 11 переменников

22 ноября погибло 3, ранено 10 переменников

27 ноября ранено 17 переменников

29 ноября из батальона по результатам предыдущих боев отчислено:

Получивших ранения — 18 чел.;

Досрочно, как проявивших себя в боях — 5 чел.;

Отбывших срок — 9 чел.

Этот документ ЦАМО РФ опровергает слухи о том, что штрафникам тогда было лишь два выхода: ранение или смерть. Как видно из этого донесения, были еще и третий, и даже четвертый выходы — проявить себя (как надо!) в бою и, наконец, по истечении срока.

¹ Замкомвзводами тогда назначались офицеры постоянного состава.

Вскоре, когда стихийное формирование штрафбатов по фронтам было приведено в порядок в масштабе всей Красной Армии, и нумерация штрафбатов внутри фронтов была заменена общеармейской, 1-й штрафбат Донского фронта, как и все другие на различных фронтах, получили единую нумерацию.

14 декабря 1942 года приказом по батальону № 120 было объявлено, что на основании Распоряжения Начальника Оргштатного Управления Главного Управления Формирования Красной Армии № ОРГ/2/789500 от 25.11.1942 года Отдельному штрафному батальону Донского фронта присвоен № 8.

Мой фронтовой друг Филипп Андреевич Киселев, бывший начальник штаба нашего 8-го штрафбата, стал к концу своей армейской службы генерал-майором. Наша дружба длилась до самой его кончины в Москве, уже в середине 90-х годов прошлого века от тяжелой болезни. Он, служивший в нашем штрафбате чуть ли не с первых дней его создания до расформирования после Победы, в одной из своих послевоенных публикаций в общесоюзной тогда газете «Ветеран» № 3 (55) за 1984 год отмечал также, что **«батальон состоял из постоянного и переменного состава. К переменному составу относились те, которые прибывали в батальон для отбывтия наказания за совершенные проступки»** (то есть штрафники-офицеры).

Кстати, я много раз слышал, что в некоторых аналогичных батальонах при обращении к штрафникам и даже в документах к бывшему их воинскому званию добавлялось слово «штрафной» (например, «штрафной майор»), или вообще все именовались «штрафными рядовыми». Не знаю, чье это было решение, может быть, как говорили ветераны штрафбата, самого командующего фронтом генерала Рокоссовского К.К., в ведении которого находился батальон, будь то Сталинградский, Донской или Белорусский фронт. Но в нашем штрафбате, видимо, чтобы лишний раз не подчеркивать их положение, что едва ли способствовало бы их «перевоспита-

нию», было принято всех, относящихся к переменному составу батальона, то есть «временных солдат», называть **«бойцами-переменниками»**, а не «штрафниками». А к своим командирам они обращались, как обычно принято в армии, например «товарищ капитан», а не «гражданин начальник» или «гражданин капитан», как утверждают многие писатели, не знающие истинной правды о штрафбатах. Они полагают, что штрафные формирования — это не что иное, как военная тюрьма на фронте, со всеми тюремными или лагерными ма-нерами. Бедная же у них фантазия!

Далее генерал Киселев писал: **«К числу постоянного состава относились офицеры штаба, командиры рот, взводов, их заместители по политчасти, старшины рот, начальники связи, артиллерийского, вещевого, продовольственного снабжения, финансового довольствия и другие, а также сержанты и рядовые — красноармейцы подразделений охраны и обеспечения. Батальон состоял из штаба, трех стрелковых рот, роты автоматчиков, пулеметной, минометной рот и роты противотанковых ружей, взводов комендантского, хозяйственного, связи».**

Был в батальоне и медико-санитарный взвод с батальонным медпунктом. И, конечно же, представитель Особого отдела «Смерш» (Смерть шпионам). В мою бытность этим уполномоченным был старший лейтенант Глухов. Каково было его воинское звание «по линии госбезопасности», не знаю.

Оклады денежного содержания офицерам постоянного состава установлены были штатным расписанием и составляли:

Командир батальона и его заместитель	
по политчасти.	1900 рублей
Заместители командира батальона	
по строевой части	1300 рублей
Начальник штаба батальона	1200 рублей
Помощники начальника штаба ПНШ-1	
и ПНШ-2.	1000 рублей

Командиры рот, их заместители по политчасти.	1000 рублей
Заместители командиров рот.	900 рублей
Командиры взводов в ротах, санвзвода (врач), другие ПНШ.	800 рублей
Фельдшер медпункта батальона.	750 рублей

Не знаю, какие оклады были установлены в обычных частях действующей армии, но нам было известно, что оклады наших ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть как в гвардейских. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон — «почти гвардейский!».

О штатной структуре батальона написал мне в своих памятных записках и мой фронтовой друг по штрафбату Петр Загуменников, привлеченный к формированию батальона перед Курской битвой. Тогда, писал он, в каждой роте и каждом взводе, кроме их командиров, предусматривались офицерские должности заместителей по строевой и по политической части (комиссары рот и политруки взводов). Даже самому Петру Загуменникову, тогда еще лейтенанту, прибывшему в батальон с должности командира стрелковой роты после излечения по ранению, вначале, наверное, как еще очень молодому (неполных 19 лет), предложили именно должность заместителя командира взвода. Он, фронтовик, бывший ротный командир, заупрямился, и его назначили командиром взвода роты противотанковых ружей, а вскоре офицерские должности заместителей командиров и политруков взводов, комиссаров рот упразднили.

Видимо, такое значительное насыщение командного звена и политсостава штатными офицерами предполагалось исходя из того, что иначе управляться со штрафниками в бывших офицерских званиях до полковника будет невозможно. Однако, как оказалось, эта проблема была надуманной, и в ротах оставили по одному «строевому» заместителю, во взводах же их вообще заменили двумя замкомвзводами из числа самих штрафников. Правда, подобное сокращение такого

количества намечавшихся ранее политработников позволяло, оказывается, содержать сравнительно большой политаппарат при заместителе комбата по политчасти. За все время моей службы в штрафбате я так и не понял, чем же эта масса политработников занимается, кроме составления политдонесений, если в атаки они с нами, за редким исключением, не ходили, в окопах тоже были гостями нечастыми.

Вот в таком, уже «причесанном» по опыту боев, штрафном (офицерском) батальоне я и оказался. **Еще раз утверждаю, что не офицерских штрафбатов в те годы на фронте просто не могло быть, если только местное командование не шло на какое-нибудь упрощение, выгодное на данный момент!** И попытки некоторых, с позволения сказать, «историков» навязать мысль о том, что из штрафных рот формировались штрафбаты, из них штрафные полки, а из последних даже штрафные дивизии и чуть ли не целые штрафные армии, не более чем бред психически нездоровых людей. А этими «откровениями», например, пытались убедить телезрителей авторы «документального» фильма «Воры в законе», кажется еще в 2003 году.

Поскольку я находился в штрафбате только с конца 1943 года, то боевые действия батальона до этого времени вкратце опишу по документам Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО РФ). Помогут мне в этом и воспоминания моих «одноштрафбатовцев», в том числе того же Петра Загуменникова, а также бывшего штрафника, подполковника в отставке Семена Басова, угодившего в «переменники» нашего штрафбата под Курском.

Восьмой отдельный штрафной (офицерский) батальон, как я уже говорил, начал свою «биографию», как 1-й ОШБ Сталинградского, а затем Донского фронтов. На Центральном фронте ему предстояло принять участие в Курской битве уже не поротно, как прежде, а в составе батальона по полному штату, до 800 человек, как это было определено приказом № 227. Стал он доформировываться в конце марта 1943 года в селе Змиевка, недалеко от города Орла. Постоянный

состав управления батальона и его подразделений пополнялся в основном за счет офицеров, получивших боевой опыт в Сталинградской битве.

У комбата (штатная категория «полковник») было два общих заместителя, начальник штаба и замполит (подполковники), а также помощник по снабжению. У начальника штаба — четыре помощника (ПНШ-1, -2, -3, -4) — майоры. В каждой роте могло быть до 200 бойцов, и роты эти по численному составу фактически приближались к обычному стрелковому батальону. Таким образом, штрафбат в полном составе скорее приближался к стрелковому полку, тем более что полки-то почти никогда не бывали полностью укомплектованными. Штатная должность командира роты — «майор», командира взвода — «капитан», что на одну ступень выше, чем в обычных частях.

И дисциплинарная власть всех командиров подразделений по отношению к штрафникам, которые на время пребывания в штрафбате приравнивались к рядовым, была также соответственно выше. Командир же батальона по отношению к штрафникам пользовался властью командира дивизии, то есть мог за какие-нибудь провинности назначать новые или дополнительные сроки пребывания в штрафбате, предавать суду Военного трибунала и т.д.

Батальон по полному штату под Курском начал формировать еще майор Бурков, но когда штрафбат стал приобретать вид самостоятельной боевой единицы, способной выполнять автономно боевые тактические задачи, командование фронтом решило передать его в руки более опытного командира. *Приказом войскам Центрального фронта № 0272 от 11 мая 1943 года командиром 8-го Отдельного штрафного батальона назначается подполковник Осипов Аркадий Александрович.*

К тому времени батальон был в основном сформирован и занял оборону (по свидетельству Ф.А. Киселева) в составе 7-й Литовской стрелковой дивизии на участке Малоархангельское (Орловской области) — Поныри (Курской области), где

и принял боевое крещение в начале Курской битвы уже как полнокровная, самостоятельная боевая единица. Ранее, как уже говорилось выше, в бой отправлялись не только отдельные роты численностью 100 и более человек, как это было в первом бою в начале ноября 1942 года, но и малокомплектные роты, численностью едва более 50 человек. Иногда вводились в бой и усиленные роты, в состав которых, кроме стрелковых взводов, входили, в зависимости от обстановки, пулеметный взвод, взвод ПТР и даже взвод от роты 82-мм минометов.

Тогда из штатных 100 офицеров постоянного состава в батальоне недоставало 31. А из положенных по штату 769 штрафников числилось 698, то есть недоставало всего чуть больше 9%. В числе «бойцов-переменников» находились только 39 по приказам командиров, зато 207 по приговорам военных трибуналов и **452 бывших в плену и окружении (почти 65%!)**, или, как мы их потом привыкли называть, «окруженцы». Вот они, оказывается, и были тогда основной силой штрафбата! Среди бойцов-переменников к тому времени находилось 8 женщин. Это потом, говорят, было личное указание командующего фронтом генерала Рокоссовского о запрете направлять в штрафные формирования женщин.

Вот некоторые данные о составе штрафников батальона по родам войск и служб, воевавших на Курской дуге:

Пехотных командиров	270
Артиллеристов и минометчиков	131
Офицеров инженерных подразделений	17
Офицеров бронетанковых войск	22
Офицеров военно-воздушных войск	8
Связистов	38
Кавалеристов	9
Офицеров остальных родов войск и служб	79
Офицеров политсостава, юристов	59
Административной и интендантской сл.	65

А вот данные о штрафниках того времени по возрасту (полных лет):

18—21	65
22—26	188
27—31	234
32—36	117
37—41	66
42—46	20
47 и старше	8

Таким образом в то время самый «популярный» возраст штрафников — от 22 до 36 лет, что составляло 77% от всего переменного состава. Да, наверное, тогда эта цифра соответствовала и всему офицерскому корпусу Красной Армии.

Теперь некоторые данные о вооружении батальона. Если по штату ему полагалось 435 винтовок, то в наличии было на 100 больше, правда, автоматов вместо 139 имелось на 44 меньше. Ручных пулеметов было 27, что полностью покрывало потребность 9 стрелковых взводов, противотанковых ружей — 16, ротных 50-мм минометов — по одному на каждый взвод и т.д. Даже один легкий танк был! А противогазы были в излишке. Эти данные для тех, кто пытается убедить, что штрафников гнали в атаку даже вовсе безоружными. Ну и еще в дополнение к этим цифрам: лошадей в батальоне был тогда некомплект: вместо положенных по штату 49 имелось только 29. Зато было 2 грузовых автомобиля. Это потом, с ходом боевых действий, парк автомобилей прирастал неуклонно.

Надо, однако, уточнить, что эти данные взяты из донесения штаба батальона по состоянию на 30 июня 1943 года, когда штрафбат уже стоял в обороне полтора месяца. А потери бывают и в обороне.

Здесь, на Курской дуге, впервые штрафной батальон был введен в бой почти в полном составе по штату № 04/393 и в упорных, жестоких боях в течение почти двух месяцев надежно держал оборону. Под командованием подполковника

Осипова А.А. 8-й ОШБ отстоял доверенные ему позиции, и 15 июля, прорвав вражескую оборону, перешел в наступление на Тросну. Уже в первые дни наступления батальон понес существенные потери: *погибло 88, пропало без вести 23, ранено 159. Отчислено из батальона искупивших свою вину, кроме 159 раненых, также 68 досрочно освобожденных, как особо проявивших себя в бою.* Конечно же, искупившими вину свою были и все погибшие.

Приказы о восстановлении в правах офицерского состава и воинских званиях составлялись раздельно по погибшим, раненым, освобожденным досрочно за подвиги, проявленные на поле боя, и по тем, кто отбыл определенный за преступление срок пребывания в штрафном батальоне.

Нужно, наверное, сказать и о том, что некоторых штрафников, особо проявивших себя в боях, командование батальона рассматривало, с учетом их желания и согласия, на замещение вакантных должностей офицеров постоянного состава.

Вот, к примеру, выписка из приказа по 8-му ОШБ № 167 от 2.08.1943 года, изданного сразу же, по горячим следам боев на Курской дуге и подписанного комбатом, подполковником Осиповым:

Восстановленных во всех правах офицерского состава допустить к исполнению обязанностей:

командира взвода: — младшего лейтенанта Ляхова Василия Николаевича,

— лейтенанта Соклакова Алексея Иосифовича,

— лейтенанта Краснова Александра Васильевича,

фельдшера батальона — военфельдшера Деменкова Ивана Климовича.

Знакомый уже читателю военинженер 3-го ранга, Басов, бывший тогда штрафником 8-го ОШБ, в этих боях был ранен. Как он рассказывал, рану перевязал ему его командир взвода. А по возвращении в батальон после госпиталя Басову зачитали приказ командующего Центральным фронтом за подписями генерала армии Рокоссовского и члена Военного совета фронта генерала Телегина и вручили ему выписку из этого приказа. Вот она:

**ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
ВОЙСКАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА**

25 августа 1943 г. № 0601 Действующая Армия

В соответствии со статьей 18 Приказа Наркома Оборона СССР № 298 от 28.09.42 г. переменный состав 8 Отдельного Штрафного батальона Центрального Фронта, проявивший в боях на фронте мужество, отвагу и получивший ранение в бою, отчисляется из Штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность:

3. Бывший инженер технической роты 409 Отдельного Строительного батальона Киевского Укрепрайона военинженер 3 ранга тов. Басов Семен Емельянович, 1915 года рождения г. Фатеж Курской области, русский, служащий, образование высшее общее, Ленинградский автомобильно-дорожный институт в 1938 году, военного не имеет, в Красной Армии с 1941 года, в батальон поступил 11.05.43 г. на 2 месяца по решению Комиссии в соответствии с Директивой Военного Совета Центрального Фронта № 00553 от 11.03.43 г., в боях действовал смело и решительно, будучи наблюдателем, смело выдвигался за траншеи переднего края, своим наблюдением добывал ценные сведения. В бою проявлял решительность, мужество и стойкость, выдвигался за передовые траншеи переднего края, доставлял ценные сведения о противнике. 15 июля 1943 года ранен и госпитализирован.

*п.п. Командующий войсками
Член Военного Совета
Центрального Фронта
Генерал Армии Генерал-Майор
РОКОССОВСКИЙ ТЕЛЕГИН*

Верно: Зав. Делопроизводством 8 ОШБ Ц. Ф.
Лейтенант а/с Хмелев И.Г.

Прибыв в часть, которая была определена ему в Инженерном управлении Центрального фронта, Басов С.Е. был восстановлен уже в новом звании — «инженер-капитан».

Бои на Курской дуге, как и ранее, показали беспримерную стойкость штрафного батальона, его способность вести решительное наступление и, несмотря на значительные потери, упорно пробиваться вперед.

А после первых дней Курской битвы батальон потерял только в день начала наступления погибшими 55 и ранеными 84 штрафника, да еще за неделю боевых действий в списке погибших оказалось 53 и пропавших без вести — 23 «переменика». Уже к 2 августа 1943 года *приказом по батальону № 167 от 2.08.1943 года на основании приказов по фронту были отчислены из штрафбата и восстановлены в офицерских правах 159 раненых и 68 досрочно освобожденных за боевые заслуги.*

Чтобы читатель представил себе сравнительные цифры потерь, приведу данные о потерях противника из донесения штаба 8-го ОШБ за 19 сентября 1943 года: *убито обер-офицеров—12, унтер-офицеров—41, солдат—450, взято в плен — 1 солдат.* Как видите, в плен, как правило, штрафники немцев не брали, а уничтожали их.

25.08.1943 года штаб батальона, личный состав, обоз и имущество передислоцируется в с. Богуславка Дмитриевского района Курской области (приказ по батальону № 189,) а на второй день *приказом № 190 от 26 августа командир батальона подполковник Осипов объявляет, что*

«В период наступательных боев в районе деревни Соковники бывший боец переменного состава Лукьянчикова Пелагея Ивановна, исполняя должность санитаря роты, самопожертвенно, презирая смерть, оказывала помощь раненым непосредственно на поле боя. В период боев с 15 по 24 июля ею вынесено 47 раненых бойцов с их оружием. Отмечая героизм, изъятый товарищем Лукьянчиковой, объявляю ей благодарность и представляю к правительственной награде.

Командир 8-го ОШБ подполковник Осипов».

Тогда еще в штрафбат направлялись и женщины. Как правило, им вместо оружия вручались санитарные сумки и определяли им задачи, связанные с оказанием помощи раненым. Это позже, как говорили, лично командующий фронтом запретил направлять женщин в штрафные формирования.

Начавшись еще на Сталинградском фронте, боевой путь 8-го ОШБ проходил далее в жесточайших сражениях на Донском и Центральном фронтах, а начиная с Курской битвы — по землям Курской области, Северной Украины, включая бои за Путивль, и далее — до Днепра в районе Чернигова, получая пополнение в ходе боев. И только там, впервые после боев на Курской дуге, батальон был выведен на отдых и доформирование в район села Добрянка.

Надо сказать, что большие потери вынудили командира батальона Осипова прибегнуть к прежнему способу поротного формирования. Так, приказом № 200 от 6.09.1943 года была сформирована и передана в распоряжение командира 24-го стрелкового корпуса усиленная рота, состоящая из 3 стрелковых взводов, а также взводов автоматчиков, пулеметного, противотанковых ружей и даже взвода 82-мм минометов! Численность такой роты составляла 306 штрафников, 11 офицеров. Ей было передано 4 пароконные повозки и (важная деталь!) 1 пехотная кухня. Таким образом, батальон, получая пополнение на ходу, непрерывно вел бои то в полном составе, то частями. Не прекращались в это время и операции по реабилитации искупивших свою вину офицеров, какой бы она ни была.

Получив непродолжительный отдых недалеко от Чернигова, в с. Добрянка и пополнившись бойцами-переменниками, вооружением и боеприпасами, батальон был переброшен на Лоевский плацдарм на реке Сож (Белоруссия) для расширения и углубления этого плацдарма. Успешно справившийся с новой задачей, в результате чего был освобожден

город Лоев, штрафбат перешел в наступление по направлению к Гомелю.

В этот период Центральный фронт был переименован в Белорусский и батальон вошел в состав 48-й армии генерала П.Л. Романенко. С боями штрафбат дошел до города Речица и в составе 132-й стрелковой дивизии участвовал в завершении окружения гомельской группировки немцев, но с боями в Гомель не входил, а был выведен из боя буквально у самых его окраин. Ну, конечно, нельзя было разрешить штрафбату участвовать в освобождении областного центра Белоруссии!

После освобождения Гомеля войсками армии (26.11.1943) батальон, по воспоминаниям Петра Загуменникова, маршем прошел через этот город, вышел в район села Майское Жлобинского района и занял там оборону на левом берегу Днепра. Вскоре после двухчасовой артподготовки войска перешли в наступление, и батальон продвинулся на четыре-пять километров. Но случилось так, что соседи справа и слева продвинуться не смогли, и штрафбат остался с открытыми флангами. Этим сразу же воспользовался противник, начав отрезать и окружать штрафбат.

Пробившись с тяжелыми боями из окружения, после больших потерь, батальон снова был поставлен в оборону. Вот туда, в этот штрафбат, я с группой офицеров из резерва фронта и прибыл где-то в последней декаде декабря 1943 года.

А 60 лет спустя, в книге «Памяць» («Память»), подаренной мне руководством Жлобинского района Гомельской области, нашли подтверждение обрывочные сведения, ходившие среди офицеров о том, что там, кроме нашего батальона, действовал еще и срочно сформированный 33-й ОШБ, тогда мне не известный. Предполагалось, что он потом, с разделением Белорусского фронта на Первый и Второй Белорусские, был то ли расформирован, то ли передан в состав 2-го Белорусского. А наш, 8-й, остался на 1-м Белорусском, у генерала Рокоссовского Константина Константиновича.

В весьма сокращенном собственном переводе с белорусского я приведу здесь статью из «Книги Памяти» Жлобинского района об этом 33-м штрафбате, о котором многие мои товарищи по фронту, служившие в 8-м ОШБ, слышали, но подробностей не знали. Вот что было в этой статье:

«33-й Отдельный фронтовой штрафной батальон на Жлобинщине»

33-й ошб скрытно провел ускоренный ночной марш и вышел в район 20—25 км восточнее Жлобина с задачей освободить деревни Майское, Малые Козловичи, Антоновка, оседлать дорогу на Жлобин. Перед батальоном немецкая оборона представляла три сплошных траншеи, 30 пулеметных гнезд, 6 дзотов с тяжельми перекрытиями и множество блиндажей. Перед траншеями были проволочные заграждения в 3 ряда. Противопехотные и противотанковые минные поля. На рассвете 22 декабря 1943 года после мощной артподготовки и залпа «катюш» батальон пошел в атаку, пустив в ход «карманную артиллерию». Первая рота В.И. Козырева смело и напористо ворвалась в траншею и, прокладывая путь гранатами, штурмом овладела селом Майское, создав условия для продвижения всего батальона. Комбат майор Мурза умелым маневром захватил Малые Козловичи. Восточнее Антоновки батальон встретился с танками противника. В этом бою особо отличился боец Прохоров. Он, вооруженный бутылками с горючей смесью, пополз навстречу танкам. Но одна бутылка, разбитая вражеской пулей или осколком, воспламенилась. Прохоров вспыхнул, как факел, но не повернул назад, а, встав во весь рост, рванулся к танку и упал на него, разбив о броню вторую бутылку. Танк загорелся. Задача батальона была выполнена. Военный Совет Белорусского Фронта отметил героизм и мужество 33-го ОШБ и снял судимость со штрафников, которые были восстановлены в офицерских званиях, назначены на командные должности.

33-й ОШБ обеспечил успех 348-й стрелковой дивизии.

Б.К. Андрушкевич»

К сожалению, я не располагаю точными документальными данными о 33-м штрафбате, почему он имел такой большой номер, когда он сформирован и какова его дальнейшая судьба.

Однако, по имеющимся у меня архивным документам, известно:

Первое: 8 декабря 1943 года распоряжением штаба фронта из нашего 8-го ОШБ на должность командира 33-го штрафного батальона был направлен заместитель Осипова майор Мурза Илья Митрофанович, грек по происхождению, прибывший в наш штрафбат вместе с Осиповым с должности зам. командира полка.

Вместе с ним убыл туда капитан Калитвинцев Михаил Афанасьевич, командир 1-й роты, а также еще несколько офицеров с разных командных должностей.

Второе: 2 марта 1944 года в наш батальон были переведены из 33-го штрафбата большая группа штрафников, не успевших отвоеваться по прежнему месту пребывания, как это произошло в свое время с расформированием штрафбата № 2, передавшего свой оставшийся личный состав штрафбату № 1, который вскоре стал 8-м ОШБ. Из этой группы мне известны фамилии 5 бойцов, часть из которых попали в мой взвод, например Петров С.И., старше меня по возрасту на 9 лет, бывший старший лейтенант, имеющий большой боевой опыт и ставший у меня заместителем. Или бывший заместитель командира мотострелкового батальона Чадов, ставший замкомвзводом у Феди Усманова.

Отсюда я делаю вывод: 33-й штрафбат был срочно сформирован в первой половине декабря 1943 года из «избыточного» контингента штрафников, не вмещавшихся в штатные рамки 8-го ОШБ, и уже 22 декабря принял боевое крещение, о котором писал цитируемый выше Б.К. Андрушкевич.

А к 1 марта 1944 года он был расформирован за ненужностью, просуществовав всего менее 3 месяцев. Конечно, это только мои предположения, прямых документальных

подтверждений этому у меня пока нет. Кроме всего, мне непонятно, почему ему был присвоен такой большой (33-й!) порядковый номер. Может быть, когда-нибудь и эта тайна раскроется.

Вот и все, что я могу сегодня сказать о 33-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта.

А все, что происходило при мне в 8-м отдельном штрафном батальоне 1-го Белорусского фронта, чего я был участником или свидетелем, расскажу в последующих главах этой книги.

ГЛАВА 3

В составе 48-й армии. Бои под Жлобином. В составе 3-й армии. Легендарный генерал Горбатов. Штрафники в тылу врага. Освобождение г. Рогачева

К рассвету 26 (или 27?) декабря 1943 года наш грузовичок остановился на окраине какого-то небольшого, всего из нескольких хаток, населенного пункта. Вернее, населенным он не был, так как населения в нем не было, только то там, то здесь возникали куда-то спешащие силуэты военных в шинелях или полушубках. По команде майора, доставившего нас сюда, мы повыскакивали из машины, захватив с собой свой нехитрый скарб, уместившийся в не очень объемных вещмешках. Изрядно продрогнув в открытой машине на декабрьском ночном морозном ветру, мы стали энергично двигаться, толкать друг друга, чтобы хоть немного согреться. Майор Лозовой быстро вбежал в домик с едва светящимся, словно прищурившимся окошком, и так же стремительно вскоре из него выскочил. Подойдя к нам, он бросил короткое: «За мной!» и широким шагом пошел, не оглядываясь, к другому домику. Мы, еще не размяв как следует свои ноги, едва успевали за ним.

Войдя через сенцы в большую комнату, сразу почувствовали, что помещение хорошо натоплено. Вдоль глухой стены

на длинной лавке лежат кучей полушубки, от которых знакомо пахнет овчиной; рядом большая стопка новых валенок, тоже издающих приятный, знакомый с детства аромат. Подумалось, что это для нас. Как-то теплее стало на душе, ведь это проявление заботы о тех, кто станет теперь членом этой большой и очень необычной фронтовой семьи, о которой у меня, в частности, было еще весьма приблизительное представление.

Посреди комнаты стоял длинный, грубо сколоченный стол с рядом коротких скамеек. И не успел я подумать о том, что пора бы и пожевать чего-нибудь, как вошел молодой солдатик, принес стопку алюминиевых то ли мисок, то ли глубоких тарелок и поставил их на стол. Еще одно приятное ощущение заботы. Через несколько минут к нам вошел какой-то щупленький старшина в несвежем, местами засаленном полушубке и предложил позавтракать. Вслед за ним тот же солдатик внес кастрюлю с гречневой кашей, сдобренной поджаренной с луком американской тушенкой, к запаху которой я успел уже привыкнуть, находясь в резервном офицерском полку, откуда мы и прибыли сюда. В Алкино, в запасном полку, наша офицерская столовая такими запахами, за все 9 месяцев моего пребывания там, не баловала!

Довольно плотно позавтракав и попив крепкого горячего чая, вконец отогревшись, захотелось после бессонной ночи хоть немного вздремнуть, но вошедший к нам еще один офицер, поздоровавшись и представившись, как командир коммандантского взвода, старший лейтенант Киселев, сообщил, что нас приглашает на личную беседу командир батальона, подполковник Осипов Аркадий Александрович. Потом Киселев положил на стол список, по которому мы должны были идти к комбату. Я в нем оказался четвертым. А первым пошел капитан Матвиенко, самый старший из нас и по званию, и по возрасту. Минут через 10 капитан вернулся, какой-то возбужденный, раскрасневшийся и стал выбирать себе полушубок и валенки. На наши красноречиво вопросительные

взгляды Иван (так звали капитана) многозначительно отмалчивался.

Я с каким-то трепетным волнением дожидался своей очереди. И когда третий по очереди, старший лейтенант Муська Гольдштейн (так он себя назвал при знакомстве, и это имя так на все время и прилипло к нему), ушел к комбату, я не стал ожидать его возвращения и пошел вслед за ним, чтобы не заставлять комбата ожидать моего прихода. Это потом мы узнали, что по документам Гольдштейн значился как Муся или Мусь, а полное его настоящее имя Моисей. Многие через какое-то время стали называть его просто Мишей, таким он был компанейским, или, как бы теперь сказали, — коммуникабельным. Вскоре Муська вышел из домика комбата, я набрался духу, поправил на себе снаряжение, как можно тверже вошел к комбату и постарался точно по уставу доложить о прибытии в его распоряжение для прохождения дальнейшей службы. Комбат встал, вышел из-за стола, стоявшего напротив входа, подошел ко мне и молча протянул руку. Пожимая его ладонь, я вначале остерегался сильно пожать ее своей, вовсе не маленькой ладонью потомственного сибиряка, но оказалось, что рука у комбата крепкая, жилистая, и мне самому довелось почувствовать ее твердость. Как нас учили еще в разведзвезде на Дальнем Востоке, начальство нужно «есть глазами». Мой взгляд встретился с не менее внимательным и твердым взглядом подполковника.

Какое-то время, может, секунду, а может, значительно больше, мы молча разглядывали друг друга. Мне показалось, будто он изучает каждую черточку лица моего, чтобы навсегда его запомнить. А я успел заметить, насколько усталыми кажутся его глаза, с едва заметным прищуром и покрасневшими от бессонных ночей белками. На этом фоне очень выделялся ослепительно белый, свежешитый подворотничок у видавшего виды его кителя с несколькими орденами. Да и возраст его произвел на меня впечатление довольно пожилого, по нашим тогдашним, почти юношеским меркам, человека лет так более 45. Только когда я стал работать над

рукописью моего «Штрафного удара», мне Рогачевский райвоенкомат сообщил, что Аркадий Александрович Осипов родился в 1908 году. Значит, в 1943 году ему было всего-то тридцать пять лет! ***Верно говорят, война не красит и не молодит человека!***

Потом комбат пригласил меня сесть к столу, взял мое личное дело, пролистал его несколько страниц, останавливая взгляд на интересующей его информации. Затем медленно встал (я тоже вскочил со своего места) и неспешными широкими шагами стал ходить по комнате, задавая мне время от времени вопросы и внимательно выслушивая мои ответы. Как мне показалось, его больше заинтересовала моя служба рядовым разведчиком еще до училища, хотя потом он подробно расспрашивал, чему нас учили в нем, что мне больше нравилось и на какие детали практической подготовки обращалось внимание в училище. Беседа эта, как мне показалось, была более продолжительной, чем с моими предшественниками.

А завершилась она снова крепким рукопожатием, добрыми напутственными словами и запомнившейся мне фразой: «Ну что же, товарищ лейтенант, привела судьба нас повоевать вместе. Будем надеяться, доведется нам успешно встретить Победу. А пока побудьте в моем резерве у подполковника Кудряшова Александра Ивановича» и сделал едва заметный кивок в сторону.

Только тут я заметил, что у стены слева сидели подполковник и старший лейтенант, который быстро то ли записывал, то ли просто помечал что-то в толстой тетради или конторской книге. Подполковником оказался тот самый Кудряшов, а старшим лейтенантом, как я узнал позже, — уполномоченный особого отдела «Смерш» Глухов. Кудряшов сказал мне, чтобы я шел в расположение (значит, понял я, в отведенный нам домик) и ждал команды. Четко повернувшись кругом, я вышел. Только спускаясь с невысокого крылечка, я заметил, что под шапкой моей густая шевелюра изрядно

взмокла. Так закончилась наша первая встреча. С комбатом Осиповым мне довелось и обрести боевое крещение, чуть не утонув в ледяной купели, и даже чуть не перейти из офицера-командира в разряд офицера-штрафника, и дважды самому перенести серьезные ранения, и даже получить очередное воинское звание. Этот первый мой фронтовой комбат, как когда-то первый мой командир роты — политрук Тарасов, стал образцом боевого командира на всю мою воинскую службу, оказавшуюся довольно долгой.

В этот первый день нас знакомили с организацией и штатной структурой батальона, его вооружением, с категориями переменного состава. Так мы узнали, что на 20 декабря состояло штрафников 918 человек (это же почти полк!). А после ожесточенных боев 23 декабря потери составили: убитых — 144, раненых — 288, пропавших без вести — 59. В боевом донесении «*Штабат 8 отд. с-з. Майское 7.00 24.12.43*» записаны эти же цифры, только есть еще одна фраза: «*Налицо людей 349*». Элементарный подсчет обнаруживает разницу в 78 человек, которые, вероятно составили боевые потери (убитых и раненых) за период 20—22 декабря. Значит, и эти 3 дня не были спокойными. При соотношении потерь аналогично тому, какими они оказались 23 декабря (1:2), можно предположить, что эти потери составили: убитых — 26, раненых — 52. Так что возможные потери за весь период могли составить убитых — 170, раненых — 340. По предварительным, далеко не точным подсчетам (не было времени для точных подсчетов трупов противника!), на поле боя осталось более 300 трупов фашистов, в том числе 1 генерал, 22 офицера, 250 солдат. Надо сказать, что штрафники, как правило, пленных не берут без специальной на то команды, но здесь в плен было взято 2 унтер-офицера и 24 солдата. Наверное, так сложились обстоятельства. (*Эти цифры также подтверждаются архивными документами ЦАМО РФ.*) Может, я утомил читателя обилием цифр, но этим примером мне хотелось по-

казать, **какова общая картина жестокости и напряженности боев, которые приходится вести штрафбату!!!**

В этот же день мы познакомились с командованием и штабом батальона, некоторыми его тыловыми службами и частью политаппарата. Мне почему-то сразу запомнился высокий, богатырского телосложения старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, который представился мне, лейтенанту, как парторг батальона и сразу же, как-то быстро, без каких-либо формальностей, поставил меня, кандидата в члены ВКП(б), и многих других на партийный учет. Наверное, только парторга Желтова, Филиппа Киселева да еще начальника службы вооружения, старшего лейтенанта Бабича, из рук которого я получил свое личное оружие — пистолет системы «Наган», и помощника начпрода, старшину Червинского, накормившего нас с дороги по прибытии в батальон, я запомнил сразу. Это потом, постепенно круг знакомств расширялся.

На второй день нашего пребывания в батальоне нас развели по окопам переднего края, и я здесь впервые увидел ту главную силу штрафбата, тех бойцов, которых как-то непривычно заочно называли штрафниками. Я говорю «заочно», потому что уже в первый день нам разъяснили, что всех их принято здесь называть и обращаться к ним по-особому: «боец-переменник», так как, в отличие от нас, они относились к *переменному* составу, а мы — к *постоянному*.

Несколько дней мы прожили в окопах вместе с этими бойцами. Я увидел, что большинство моих бойцов во взводе разведки, который мне подчинили, старше меня по возрасту. Да и по их временно отнятому званию — тоже. Обмундированы бойцы батальона, как я успел обратить внимание, были как-то разношерстно: большинство — в солдатских шинелях и шапках-ушанках солдатского образца, на ногах — ботинки с обмотками, некоторые — в офицерских шинелях и сапогах, но все без погон. Оказывается, первые — как правило, бывшие военнопленные и вышедшие из окружения или из осво-

божденных от оккупации территорий (потом всех их стали называть «окруженцами»), а вторые — бывшие офицеры фронтовых или тыловых подразделений, осужденные Военными трибуналами или направленные в штрафбат решением командиров дивизий и выше. В разведвзводе оказались все из боевых офицеров, «окруженцев» там не было. Это было понятно, взвод комплектовался из имеющих боевой опыт, обстрелянных бойцов. Только я, их командир, оказался в этом отношении «салагой», которому еще предстояло набираться боевого опыта...

Мои опасения относительно могущих возникнуть сложностей во взаимоотношениях были напрасными: и между собой все они общались привычно, как равные, может быть, только подчеркнуто уважительно с теми, кто в прошлом носил высокие воинские звания. Я даже слышал иногда обращения штрафников друг к другу по их действительному в прошлом воинскому званию «товарищ подполковник». К своим сегодняшним командирам штрафники обращались строго по-уставному, и чувствовалось в этом стандартном обращении совершенно нестандартное уважение, даже ко мне, еще необстрелянному лейтенанту. Со временем и эта особенность мне стала понятна: ведь от сегодняшнего командира зависит во многом и сама жизнь штрафника. Ведь, в конце концов, он, командир, поведет их в бой, и то, как умело будет управлять своим подразделением, от этого может зависеть и возвращение в офицерский строй.

Личные отношения у меня с подчиненными складывались, вопреки опасениям, неожиданно хорошо. Я как-то сразу почувствовал заботу о себе в том, что командиры отделений, более степенные и солидные бойцы, как-то старались оградить меня на первых порах от принятия самостоятельных решений, да и от любопытствующих подчиненных тоже, то есть помогали мне на первых порах «держаться дистанцию». А поскольку наступил период, когда мы стояли в обороне и активных боевых действий пока ни мы, ни противник не вели, мне было удобно постепенно «врастать» в обстановку,

понимать непростую ситуацию, складывающуюся в таком необычном батальоне.

Между тем и я сам стал привыкать к боевой обстановке. Научился ходить вдоль окопов, не провоцируя своим ростом вызова огня противника на расположение взвода. Научился различать чириканье и свист летящих мимо пуль, вой или шорох снарядов и мин противника, летящих куда-то или могущих разорваться в опасной близости.

Как-то раз, по вызову того самого подполковника Кудряшова, мне нужно было вечером покинуть окопы и прибыть в штаб. По ходу сообщения я прошел какое-то расстояние, а затем мне предстояло пройти метров 300 по открытому месту. А приближалось время, обычное для немецкого артналета, и я, честно говоря, подумал, не попаду ли под него. И надо же, попал! Буквально не пробежал и нескольких десятков шагов, как загрохотало и эту поляну накрыло несколько разрывов, вздыбивших заснеженную землю серией фонтанов, больше похожих на извержение каких-то мини-вулканов.

Наверное, нет людей, не ощущавших страха на войне. Ощущая, может быть, впервые в жизни, этот всепоглощающий, наверное, даже животный страх оттого, что я один, никого нет рядом и, в случае чего, мне никто не поможет, я бросился на землю, укрытую плотным, утоптаным снегом. А разрывы снарядов или мин немецких не становились реже, и мой страх, казалось, куда-то постепенно забирался внутрь. Единственным моим желанием стало: «Ну, пусть, раз уж суждено, только сразу в меня, а не рядом. Пусть огромная, все раздирающая боль ворвется в меня, но ведь это только на мгновение». Однако именно эта мысль неожиданно успокоила меня, а чувство страха куда-то вовсе девалось, и я решил больше не дожидаться лежачего своего конца. Да и, думаю, меня же ждет замкомбата и не подумает ли он, что я где-то прячусь от артналета, как трусливый кролик. Как будто какая-то внутренняя пружина подбросила меня, я вскочил и, не обращая внимания на вздымавшиеся то тут, то там фонтаны взрывов, побежал вперед.

И будто по мановению волшебной палочки, вдруг прекратились разрывы. От неожиданности я даже остановился, не веря, что весь этот кошмар закончился. Придя в себя, побежал дальше. И пока бежал, периодически переходя на ускоренный шаг, чувствовал, что все еще дрожащие мои нервы постепенно перестают вибрировать, и я смогу спокойно доложить подполковнику о своем прибытии. Так и произошло: показавшийся мне вначале не очень приветливым, Кудряшов довольно тепло принял мой доклад, не преминул заметить, что мог бы и не спешить, а переждать эту вражескую канонаду. Ну а дальше пошел разговор о том, не хотел бы я перейти на штабную работу, хотя бы пока временно. То ли оттого, что я вот сейчас преодолел в себе неведомый мне ранее барьер страха, то ли от простого нежелания менять живое общение с такими необычными бойцами на бумажно-канцелярское, как мне подумалось, дело, я ответил, что если имею право отказаться, то не согласен. Совершенно неожиданно и даже вроде бы радуясь, подполковник одобрил мое решение, и я вернулся в свой окоп.

Понемногу знакомился и с командным составом батальона. Не переставал меня удивлять каким-то отеческим отношением к нам, командному составу и к штрафникам, наш комбат Осипов. Видимо, не зря и те, и другие между собой называли его «отец родной», а чаще просто «Батя».

На одном примере, ставшем нам известным, я сделал вывод и об удивительной сдержанности, и о высоком моральном духе, о советском патриотизме большинства воинов, не очень обласканных той же советской властью и оказавшихся в штрафбате. А вероятнее всего, это была закономерная реакция бойцов на атмосферу доверия и уважения к ним, считающимся преступниками, со стороны офицерского состава батальона.

Однажды, уже близко к Новому, 1944 году, из окопов на полевую кухню был направлен с термосом за горячим обедом один боец-переменник. Случилось так, что ему встретился другой штрафник, направлявшийся из штаба батальо-

на в окопы с каким-то поручением. Так вот, «кухонный» (так назовем первого) говорит посыльному (так назовем второго): «Не хотел бы ты иметь хорошие трофейные золотые часы?» Тот подумал, что ему предлагают практиковавшийся на фронте обмен типа «махнем, не глядя», когда обмениваются вещами, не видя их, и кто из менял окажется в выгоде, покажет итог такого обмена. Поэтому он заявил инициатору, что у него нет ничего равноценного. Тогда «кухонный» предложил посыльному в обмен подарить ему пулю и разъяснил: «Я тебе часы, а ты мне прострели руку, и будем квиты». «Посыльный» снял с плеча автомат, а «кухонный», истолковав это движение как согласие на «обмен», поднял вверх руку. Тогда его визави, направив свой автомат в грудь желающему получить вожаделенное ранение, сказал примерно следующее: «А теперь, сволочь продажная, такую твою мать... (и т. д., и т. п...) поднимай и вторую руку! Я тебе покажу, что таких б..., как ты, не так много среди нашего брата, как тебе кажется!»

И привел его прямо в штаб батальона к комбату Осипову. Тот, хотя практически и имел право даже расстрелять такого негодяя, отобрал у него те самые часы, хотя и не золотые. Тут же комбат вручил их «конвоиру», объявив ему благодарность. А этого, не состоявшегося членовредителя (так называли в армии «самострелов» и им подобных), под конвоем и в сопровождении уполномоченного Особого отдела (в просторечии — «особиста») отправил куда-то, то ли в трибунал, то ли в Особый отдел старшей инстанции. Какова дальнейшая судьба этого «менялы», я не знаю, но сомнений в этом ни у кого не возникало. Да и не в этом суть, а в том, на каких основах строились взаимоотношения между штрафниками, и неважно, в каких воинских званиях они были до того, как попали в штрафбат, из «окруженцев» или боевых офицеров.

Несколько непохожим на осиповское было отношение к нам начальника штаба майора Носач. Только теперь, работая над этой книгой, я получил от «краснозвездовца» Мороза Виталия Ивановича, заместителя главного редактора этой популярной газеты, ряд ценных архивных документов, про-

ливающих свет и на причину такой странности в отношении к нам начальника штаба. Оказывается, в нашем штрафбате произошел беспрецедентный случай, когда организованная группа из 7 «окруженцев», не бежавших из немецкого плена, а долгое время находившихся на оккупированной территории и не пытавшихся даже связаться с партизанами или перейти линию фронта (а может, и тайно сотрудничавших с немцами?), воспользовавшись суматохой боя, перешла на сторону противника. Майор Носач, не проверив дошедших до него сведений об их мнимой гибели или ранениях, донес в Отдел кадров фронта о том, что трое из них погибли, один пропал без вести, а трое ранены и госпитализированы. Как оказалось на самом деле, эти предатели решили перейти на службу к фашистам. Вот майор Носач за плохую постановку учета штрафников, за представление непроверенных сведений и обман и был, уже по завершении нами рейда в тыл противника, смещен с должности начштаба и приказом командующего фронтом назначен не с повышением, как мы думали тогда, а адъютантом старшим в обычный стрелковый батальон. (Ксерокопию этого приказа я публикую в книге.) И после войны, когда я разыскивал своих сослуживцев по штрафбату, нашел и Носача, в том же звании майора запаса в Киевской области, но он не пожелал с нами поддерживать связь. Видимо, стыдился своего тогдашнего проступка, из-за которого всеми любимый комбат Осипов получил тогда предупреждение (это, правда, еще даже не взыскание) от генерала Рокоссовского, но все-таки... Правда, вскоре тот же Рокоссовский присвоил Осипову звание «полковник».

Спустя несколько дней наступил 1944 год, который ничем особым не отмечался, разве только немцы особенно много навешали над нашими позициями осветительных ракет на парашютиках да продолжительнее и как-то гуще вели артиллерийско-минометный обстрел траншей, занятых нашими войсками, и не только на участке штрафбата. А еще через неделю остатки нашего батальона сняли с оборонительных позиций, вывели во второй эшелон, разместили

штаб в селе Майское, а боевые подразделения и хозяйственные структуры — в близлежащих деревеньках. Батальон наш стал принимать новое пополнение, основная часть которого состояла из того контингента, который назывался у нас одним словом «окруженцы», хотя это слово произносилось без тени презрительности или унижительность, как это может показаться поначалу. И главным делом нашим стало обучение их владению оружием, элементарным приемам переползания, окапывания и всему, что ими было забыто за годы плена или оккупации, или даже было неведомо вовсе, если они ранее не служили в пехоте.

Видимо, по распоряжению комбата, его заместитель подполковник Кудряшов постоянно курировал мой разведвзвод (а может, меня, его командира, еще не имеющего боевого опыта?) и из прибывающего пополнения отбирал кандидатов в разведчики, направлял их ко мне, предоставляя право окончательного решения самому взводному.

В общем, моя главная командирская задача состояла в том, чтобы разведвзвод был укомплектован бойцами, способными выполнять любые боевые задачи, вплоть до вождения мотоциклов, автомобилей и даже танков. Естественно, что первыми кандидатами в мой взвод были бойцы, имевшие боевой опыт, связанный именно с разведывательной работой. Отбирались крепкие здоровьем пехотинцы, а также танкисты, автомобилисты, саперы, связисты и бойцы, владеющие немецким языком хотя бы немного лучше, чем я сам, знающий его в пределах программы средней школы. Конечно, подходящих бойцов оказывалось немного, но взвод мой, значительно поредевший после тяжелых боев и после освобождения от пребывания в штрафбате отличившихся ранее в боях, пополнялся медленно, но подходящим составом.

Пришло время начинать с ними практические занятия, которые на первых порах заключались в проверке умения бойцов и стрелять, и метать гранаты, и делать многое другое, что может понадобиться разведчику. Некоторых бойцов-пе-

ременников, предварительно зачисленных во взвод, если кто-то из них боялся гранаты, оказавшейся в руках, недостаточно метко стрелял, не умел обезвредить противопехотную немецкую мину и т.д., пришлось вернуть на приемо-распределительный пункт. Оттуда их с удовольствием забирали в другие подразделения. Это было похоже на порядок, памятный еще по 1941 году, когда нашу роту запасного полка 2-й Дальневосточной армии разбирали по полкам дивизии генерала Чанчибадзе. Но только здесь все это делалось уже для непосредственно боевых действий в соприкосновении с реальным противником. Оставшиеся до получения боевой задачи дни и ночи были заполнены тем, что называлось в армии боевой и даже по 1—2 часа — политической подготовкой.

И вот наступило это время.

Как мы считали тогда и как кажется теперь, наш 8-й отдельный штрафной батальон сыграл довольно важную роль в освобождении районного центра Белоруссии, г. Рогачева Гомельской области. Дело в том, что неоднократные попытки наших войск в начале 1944 года перейти в наступление в этом районе, преодолеть сильно укрепленные рубежи противника на реках Днепр и Друть, ликвидировать Рогачевский плацдарм немцев на Днепре успеха не имели.

Как сказано в одном из изданий по истории Отечественной войны, *«...противник, учитывая, что потеря оккупированной им Белоруссии, прикрывавшей путь в Прибалтику, чревата для него серьезными последствиями, продолжал держать здесь крупные силы и укреплять оборонительные рубежи. Тогда только в составе немецкой группы армий «Центр» было 70 дивизий»*¹.

От себя добавлю: через Белоруссию пролегал путь в первую очередь в Польшу и Восточную Пруссию. И это тоже имело огромное значение.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. Издание 3-е. — Москва. Воениздат. 1984. С. 245.

Вот тогда к участию в ликвидации Рогачевского плацдарма немцев и взятию г. Рогачева и был привлечен наш батальон. Пополнение батальона, пока мы находились в Майском, шло довольно интенсивно. И не только за счет проштрафившихся боевых офицеров. Поступал по-прежнему и значительный контингент бывших офицеров, оказавшихся в окружении в первые годы войны, находившихся на оккупированной территории и не участвовавших в партизанском движении, бывших военнопленных офицеров. Полицаев и других пособников врага в батальон не направляли. Им была уготована другая судьба.

В последнее время некоторые наши историки заявляли, что **всех** бывших военнопленных и «окруженцев» в соответствии с приказом Сталина № 270 1941 года загоняли уже в советские концлагеря, **всех** военнопленных объявляли врагами народа. Тот факт, что наш штрафбат пополнялся и этой категорией штрафников, а «врагов народа», то есть осужденных или арестованных по политическим статьям в нашем штрафбате за все время войны не было, говорит о том, что такие утверждения не соответствуют истине.

Известно, что бывшие военнопленные — офицеры, не запятнавшие себя сотрудничеством с врагом, действительно направлялись в штрафбаты. Правда, как правило, не по приговорам военных трибуналов, а по решениям армейских или фронтовых комиссий, которые руководствовались приказом Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 1 августа 1941 года, квалифицировавшим **сдачу** в плен как измену Родине. Беда была только в том, что комиссии эти редко различали, кто **сдался в плен, то есть добровольно перешел** на сторону врага, пусть даже в критической обстановке, а кто **попал в плен** либо будучи раненым, либо контуженым, или **по трагическому стечению не зависящих от него обстоятельств**.

И если к первым правомерно было применить наказание за их вину перед Родиной за нарушение присяги, то вторые фактически не имели перед своим народом никакой вины.

Вот здесь мне кажутся несправедливыми факты приравнивания одних к другим. Но что было, то было. Некогда, наверное, было этим комиссиям докапываться до истины, нужно было пополнять штрафбаты.

Кстати, направление боевых офицеров в штрафбаты просто по приказам командиров соединений, то есть такое расширение власти командиров крупных воинских формирований, может, и можно считать оправданным, но только в отдельных случаях, когда для судопроизводства не было времени. А фактически почти всегда количество направленных по приказам командиров превышало количество осужденных военными трибуналами. Конечно, процесс судопроизводства требовал больше времени, поэтому нетерпеливые начальники часто прибегали к более оперативному решению виновности или невиновности офицера. Причем не исключались и случаи несправедливости. Например, я помню случай, когда уже в 1945 году к нам прибыл командир разведроты полка, направленный в штрафбат на 3 месяца «за трусость и невыполнение боевого приказа», хотя этот офицер имел медаль «За отвагу», орден Красной Звезды, два ордена Красного Знамени! Трудно поверить в «трусость» такого опытного разведчика.

И в нашем батальоне в тот период все пополнение из «окруженцев» было «делегировано» именно фронтовыми, а иногда и армейскими комиссиями. Наверное, это было продиктовано все-таки необходимостью срочного и более полного укомплектования штрафбата.

Тогда батальон принял столько пополнения, что по численности приближался к составу стрелкового полка. Во взводах было до 40 человек, роты иногда насчитывали до 200 бойцов, а батальон — около 800 «активных штыков», как говорили тогда, то есть в 3 раза больше обычного пехотного батальона. Были сформированы все предусмотренные по штату роты, в том числе пулеметная, противотанковых ружей и 82-мм минометов, в которой взводным оказался наш Муся-Миша Гольдштейн. Командиром этой роты был тогда

еще старший лейтенант Пекур Федос Ильич, огромного роста белорус, немного медлительный, и, казалось, его было трудно вывести из состояния спокойного равновесия. Вскоре он был произведен в капитаны, а затем и в майоры. Для штрафбата это было нормально. Я сам к концу войны на должности ротного получил звание майора. Да и многие наши офицеры успевали дослужиться до своих штатных званий на ступень выше, чем в обычных войсках.

Числу к 15 февраля показалось, что по какой-то неофициальной команде стали сокращать, казалось, безразмерные по времени часы занятий, стали больше времени отводить на отдых. Появились даже часы личного времени, в которые рекомендовали и письма родным написать, и обмундирование и обувь подремонтировать. Даже мастерские из умельцев были организованы.

Бывалые штатные офицеры и бойцы стали поговаривать о том, что через день-два получим боевую задачу. Так и получилось. Вскоре комбат объявил срок готовности к выступлению, как оказалось потом, для участия в освобождении его родного города Рогачева.

Хотя Рогачевско-Жлобинская наступательная операция Белорусского фронта длилась, как указано в справочных изданиях о Великой Отечественной войне, с 20 по 24 февраля 1944 года, для нас она началась раньше. В ночь на 19 февраля батальон был поднят по тревоге и в срочном порядке, оставив все свои тыловые подразделения и соответствующую охрану в селе Майское, совершил ускоренный пеший марш, преодолев за ночь километров 25, минуя хорошие дороги, чтобы не дать противнику, ведущему постоянное авианаблюдение, разгадать наши приготовления. Были введены строжайшие меры маскировки.

Сосредоточились мы в лесу недалеко от села Гадиловичи ближе к линии фронта уже утром. Там нам немедленно стали выдавать боеприпасы, белые маскхалаты, сухие пайки, придали батальону взвод огнеметчиков и подчинили на время

группу саперов. К середине дня мы уже были в боевой готовности, еще не зная, какую задачу будем выполнять.

И вскоре нас построили. Оказалось, что кроме нашего батальона рядом была еще одна большая группа, правда, раза в 4 меньше нашей, но тоже в маскхалатах да еще полностью «вооруженные» лыжами. Потом мы узнали, что это лыжный батальон. Оказывается, батальон батальону рознь. Только здесь я понял, каким большим оказался в то время наш штрафбат.

Через какое-то совсем непродолжительное время к нашему общему строю подъехала на «виллисах» группа больших начальников — генералов и офицеров. Оказывается, к нам прибыл командующий 3-й армией генерал-лейтенант Александр Васильевич Горбатов. Правда, потом многие бойцы, особенно из «окруженцев», приняли его за командующего фронтом генерала Рокоссовского. Но мне стоящий рядом подполковник Кудряшов сказал, что это именно Горбатов, которого он знал в лицо. А это значило, что мы перешли из состава 48-й армии генерала П.Л. Романенко в армию А.В. Горбатова. Рослый, статный, этот генерал довольно четко, но как-то не по-генеральски мягко, почти по-отечески рассказал о сути той боевой задачи, которую предстояло нам выполнить. Я обратил внимание на то, что командующий почему-то опирался на большую, крепкого дерева суковатую палку. Подумал, что он, наверное, еще не оправился от ранения. Это уже потом я слышал не то легенду, не то быль о том, как «учил дураков» этой палкой прославленный генерал.

В своем кратком, весьма эмоциональном выступлении генерал сказал, что перед нами ставится необычайная по сложности и ответственности боевая задача проникновения в тыл противника и активных действий там. И он надеется, что эту задачу наш штрафбат, бойцам и командирам которого доверяют и командование армии, и сам командующий Первым Белорусским фронтом (так со вчерашнего дня стал именоваться наш фронт) генерал армии Рокоссовский, вы-

полнит с честью. А характер задачи, повторил он, свидетельствует о том большом доверии, которое оказывает такому батальону, как наш, командование фронта и армии. Одновременно он пообещал, что если поставленная задача будет выполнена образцово, то всех штрафников, проявивших себя стойкими бойцами, независимо от того, будут ли они ранены, «прольют ли кровь», генерал Рокоссовский освободит от дальнейшего пребывания в штрафном батальоне. Всех их восстановят в прежних воинских званиях, а особо отличившиеся, кроме того, будут награждены орденами или медалями.

Надо только представить, какой общебатальонный, будто усиленный молчащим лесом, вздох надежды раздался после этих слов!

Детали этой задачи объяснил нам наш комбат подполковник Осипов Аркадий Александрович. Это был с заметной сединой, как всегда, со спокойным лицом и мудрым взглядом офицер, казавшийся всем нам весьма пожилым, хотя было ему, как оказалось потом, едва за 35. Задача состояла в том, чтобы в ночь на 19 февраля, как нам, командирам штрафников сообщили, мы, незаметно для противника, должны перейти линию фронта и, избегая боевого соприкосновения с ним, смелым броском выйти ему в тыл, дойти до западной окраины Рогачева. А там, во взаимодействии с лыжным батальоном, захватить город и удерживать его до подхода основных сил армии. На время этой операции наш штрафбат передавался в оперативное подчинение 41-го стрелкового корпуса, и на все это нам отводилось трое суток, из расчета чего и были выданы боеприпасы и сухой, далеко не богатый паек (консервы, сухари и сахар). Взводу разведки, который фактически сформировал уже я, была поставлена задача исполнять роль авангарда, то есть подразделения, идущего первым и прокладывающего путь всему батальону. За своих подчиненных я был спокоен, но больше волновался за себя,

смогу ли владеть собой, не растеряюсь ли в сложных ситуациях, смогу ли управлять подчиненными.

Лыжному батальону, подумали тогда мы, наверное, будет легче на лыжах-то! Мне лично глубокие снега не казались особенно отягчающим обстоятельством. Еще свежи были в памяти впечатления от зимних лагерей в военном училище на Дальнем Востоке.

Тогда, в начале февраля 1942 года, нам, курсантам пехотного училища в Комсомольске-на-Амуре, предстояло выйти в зимние лагеря на 18 суток. К этому времени снег, особенно в тайге, был, как говаривал майор Бабкин, наш училищный преподаватель-балагур, «по самые я... извиняюсь», то есть чуть ли не до пояса. А морозы в феврале там зашкаливали за 35 градусов!

На расстояние 50—60 километров в глубь тайги мы совершали марш в ботинках с обмотками, имея с собой в ранце, кроме всего прочего, еще и пару валенок. По прибытии на место устроили лагерь из высоких то ли кедровых, то ли еловых шалашей (один на взвод). В этом шалаше разрешалось жечь небольшой костер, чтобы при возможности, особенно ночью, можно было по очереди согреться. Ботинки уложили в ранцы, обули валенки. Беда только в том, что вокруг этого костерка могло более или менее эффективно обогреться одновременно не более 5—7 человек, остальным тепла не доставалось.

С молчаливого согласия командира взвода, лейтенанта Лиличкина, недавнего выпускника Хабаровского пехотного училища, мы постепенно добавляли в костер заготовленные за день дрова, пока подсохшие хвойные ветки вдруг не вспыхнули наверху все разом. Через несколько минут от шалаша остались только угли и растаявший вокруг снег. Комвзвода получил серьезное взыскание, а мы лишились права строить другой шалаш. Вот и приговорены мы были греться все ночи в чужих шалашах, если удавалось.

Правда, потом сообразили: днем очень небольшие кост-

ры разрешалось жечь практически без ограничений, так как по условиям военной игры «противник» мог заметить открытый огонь только ночью. Ну, а это уже был выход из положения. Расчистили до грунта снег и на этом месте целый день остававшиеся в лагере дневальные жгли групповые костры, разоженные на каждое отделение. Вечером головешки убирали, а земля от костров так прогревалась, что, положив на нее слой хвойного лапника, мы в своих солдатских шинелях и валенках по отделениям плотно укладывались на эту теплую «постель» и довольно «комфортно» несколько часов «блаженствовали». Днем мерзнуть было некогда: то отражение атак «противника», то длительные лыжные переходы, то взятие высот и сопков, то марш-броски в снегу по пояс.

А когда кончились эти долгие 18 суток, приказали нам снова переобуться в ботинки. А они, мокрые после перехода в лагерь, смерзлись. Пришлось оттаивать их у костра. И тут я переборщил: близко к костру придвинул один ботинок, и он от огня весь съезжился. Однако идти в валенках мне не разрешил ни командир роты старший лейтенант Литвинов, сам даже не надевавший валенки за все эти 18 суток, ни комбат майор Панов. Более высокого начальника в этом зимнем лагере не было, так что «приговор» комбата был окончательным, и пришлось надевать скукожившийся ботинок. Большой палец ноги в нем оказался настолько сжатым, что за время обратного похода он обморозился, и его подушечка даже лопнула, хотя, как оказалось при возвращении в казармы, кровь даже не выступила. В санчасти училища мне оказали нужную помощь и на две недели освободили от ношения обуви, а значит, и от наружных занятий. Подобное в то строгое время могли расценить и как членовредительство, но меня даже не наказали! Наверное, потому, что комбат почувствовал в этом «ЧП» и свою вину тоже.

Но все это было там, в училище. А здесь, в Белоруссии, в нашем батальоне на лыжах-то были только волокуши для транспортировки раненых и даже убитых, если они будут. Не оставлять же их во вражеском тылу.

В случае неудачи с захватом Рогачева или отмены этого задания нам предстояло в тактической глубине противника (до 20 километров), в его войсковом тылу активно нарушать вражеские коммуникации, их связь, взрывать мосты, по которым могут проходить гитлеровские войска, громить штабы. Всеми этими действиями мы должны были дезорганизовать управление, воспретить подход резервов из глубины, при возможности их рассеивать или уничтожать. Главное было — посеять панику и отвлечь внимание немецкого командования от передовой линии фронта, где должно было, наконец, начаться более успешное наступление наших войск с задачей ликвидировать плацдарм противника на Днестре и освободить город Рогачев. Как тогда было принято, это событие приурочивалось к 23 февраля, Дню Красной Армии, как подарок Родине к этому празднику. А так как в разведку, а тем более в тыл врага нельзя было брать с собой награды, партбилеты и другие документы, была организована сдача их в штаб и аппарат замполита, остающиеся на этой стороне.

Наград у меня не было, но свое офицерское удостоверение и кандидатскую карточку я тоже сдал. Была возможность написать короткие письма родным. Вся эта процедура в батальоне заняла несколько часов оставшегося дня. Потом был обильный обед, совмещенный с ужином, и отдых, о чем мы все время, пока были в немецком тылу, вспоминали с особым чувством.

В своих воспоминаниях «Годы и войны» генерал Горбатов писал об этой операции, называя всех нас «лыжниками» в силу существовавших долгие годы цензурных ограничений. Вот только одна цитата оттуда:

«В 18 часов они сытно поужинали и легли отдыхать. Лишь у двух батальонов отдых был коротким. В 23 часа их подняли, и они пошли на запад. Этому сводному отряду лыжников выпала ответственная задача: перейти линию фронта и той же ночью ворваться в город Рогачев».

На выполнение этой нелегкой, да и необычной, задачи и

повел наш батальон его смелый и опытный командир, подполковник Осипов. А был он местным уроженцем, рогачевцем, да к тому же в прошлом заядлым охотником и рыболовом, исходившим вдоль и поперек всю местность, примыкавшую к Днепру. Поэтому он прекрасно знал места, где можно было незаметно приблизиться к позициям фрицев, преодолеть их заграждения и перейти линию фронта.

До сих пор я не перестаю удивляться, как нашему комбату удалось почти весь огромный по тому времени батальон провести так искусно, хотя и по хорошо знакомой ему, но занятой врагом местности. Армейским саперам, обеспечивавшим наш переход, комбат точно указал место, где они ножами незаметно для немцев вырезали звено колючей проволоки между двумя колами. И это место недалеко от деревни Кистени оказалось столь удачно выбранным!

Безлунная ночь очень хорошо прикрывала нас. Думается, командование армии специально выбрало время действий наших батальонов в период наступления новолуния.

Хотя немцы периодически подвешивали на парашютах «фонари», как называли на фронте их осветительные ракеты, но жесткий предварительный инструктаж, армейская смекалка, да и желание выжить заставляли всех замирать, не двигаться во время свечения этих «фонарей». Ну и наши белые маскхалаты делали нас практически незаметными. Конечно же, этому способствовала и уверенность немцев в надежности своей обороны, притупившая их бдительность. Тем более что по всей длине проволочного заграждения они навешали большое количество пустых консервных банок, гремевших, если хорошо задеть проволоку.

Иногда немцы простреливали некоторые особо опасные места своими дежурными пулеметами. И я помню, например, что при преодолении прохода в проволочном заграждении почувствовал какой-то удар. Только уже днем я обнаружил, что пуля пробила мне солдатский котелок, притороченный к вещмешку («сидору», как их называли тогда). Правда, зачем мы брали с собой эти котелки, если по роду нашей бое-

вой задачи мы не могли ими воспользоваться, мне было непонятно — на всякий случай, наверное. Но впоследствии я понял, что котелок нужен солдату всегда.

И вот в узенький проход наш умелый комбат протащил почти весь батальон, основную часть которого фактически не заметили немцы! По меткому выражению генерала Горбатова, «как канат сквозь игольное ушко».

Это было для меня, по существу, первым настоящим боевым крещением, хотя в обороне я уже кое к чему присмотрелся. Наверное, поэтому многие детали этого перехода и тем более действий в немецком тылу мне запомнились довольно прочно.

Замыкала колонну батальона рота капитана Матвиенко, который прибыл в батальон вместе со всей нашей группой офицеров в 18 человек и уже имевшего значительный боевой опыт, о чем свидетельствовали два ордена Красной Звезды. И вот кто-то из его бойцов, наверное, задел проволоку немецкого заграждения, зацепился за ее колючки и, пытаясь вырваться из их цепкой хватки, «оживил» этот консервно-баночный телеграф, что всполошило фрицев. Они открыли все нараставший по плотности ружейно-пулеметный огонь по этому участку. Теперь нужно было обнаруживать себя и нам, чтобы отвлечь внимание выскакивавших из землянок фрицев и вызвать их огонь на себя, и тем самым помочь попавшим в беду своим. Все, кто был близко, практически без чьей-либо команды открыли огонь по немцам, а взвод огнеметчиков выпустил несколько мощных огненных струй по скоплениям немцев и по выходам из блиндажей. Впервые в моей жизни я видел горящих и безумно орущих людей! Жутковатое зрелище...

А генерал Горбатов, оказывается, все это время переживал за нас. Вот как он об этом пишет:

«Я долго прислушивался к малейшим звукам с запада, пока на том берегу не послышалась беспорядочная стрельба, взрывы гранат. В небо взлетело множество ракет. В два часа ночи мы

получили по радио условный сигнал: сводный отряд находится в тылу противника и выполняет задачу».

Рота Матвиенко понесла ощутимые потери, но все-таки тоже прорвалась к основным силам батальона. В подразделениях же, преодолевших линию фронта раньше, потерь вовсе не было. Здесь комбат поставил моему взводу другую задачу — замыкать колонну батальона. Ведь поскольку противник обнаружил наше проникновение в свой тыл, не исключена возможность попытки преследования нас. Таким образом, взвод превращался из авангарда в арьергард. Это мне показалось более ответственным, так как теперь взводу пришлось действовать уже вдаль от командования батальона, и мои решения должны стать более самостоятельными, хотя подполковника Кудряшова, моего прежнего опекуна, комбат Осипов тоже назначил старшим начальником в тыловую часть батальонной колонны. У меня возникла мысль: не поручил ли всесильный «особист» тщательное наблюдение за мной, сыном репрессированного? Мелькнувшая было мысль о каком-нибудь недоверии мне тут же была опровергнута тем, что в замыкании батальона, кроме моего взвода, был взвод ПТР под командованием Петра Загуменникова, пулеметный взвод и отделение ранцевых огнеметов. Конечно, в случае осложнения обстановки нужно было единое командование этими, хотя и не такими уж большими силами, но ни Петр Загуменников, ни тем более я не могли квалифицированно обеспечить это. Так что моя мысль о каком-то недоверии тут же погасла, хотя иногда возникала и в других схожих ситуациях.

Немцы так и не поняли, какими силами русские прошли через участок их обороны, и, может, именно поэтому в дальнейшем, столкнувшись с каким-либо нашим подразделением, фрицы в панике кричали «Рус партизанен!». И, как потом мы узнали, эта паника у них была небезосновательной: в партизанских отрядах и бригадах на территории Белоруссии действовало более 350 000 партизан, целая партизанская республика!

А в боевых документах штаба 3-й армии по этому поводу записано следующее:

«В 23.00 20.02.44 года сводный отряд в составе 8-го офицерского штрафбата и лыжного батальона 120-й гв сд переправился на западный берег р. Днепр против Гадюловичи, преодолел после сопротивления противника передний край и стал продвигаться на Рогачев».

На каком участке преодолевал линию фронта наш сосед, лыжный батальон, я не знал, и во время боевых действий в тылу противника соприкосновения с лыжниками у нас не ощущалось. Видимо, или характер их задачи, или сложившаяся обстановка заставили этот батальон действовать самостоятельно.

Уже потом, когда наш необычный поход в тыл противника был завершен, в армейской газете была публикация о том, что *«этот беспримерный рейд дерзко и смело осуществили отряд Осипова и лыжный батальон Камирного».* Стало понятно, что и лыжники тоже успешно выполнили свою задачу. Наш же батальон действовал совершенно самостоятельно. После разгрома какого-то крупного немецкого штаба в дер. Мадоры (нынешнее название «Мадора»), а здесь и еще в Старом Селе бои были горячими, и подрыва нескольких рельсов на железной дороге только к рассвету 20 февраля батальон стал приближаться к Рогачеву с северо-запада, перерезав развилку шоссе на Бобруйск и Жлобин.

И только многие годы спустя из «Советской военной энциклопедии» я узнал, что лыжники были из дивизии полковника Фогеля Я.Я. Был еще и другой лыжный батальон, от 5-й стрелковой дивизии, который линию фронта перешел сутками позже и в другом месте — севернее Нового Быхова. А еще через сутки туда же в результате смелого маневра вышел один полк этой же дивизии. Соединившись, они перерезали железную дорогу Рогачев—Могилев и перехватили шоссе Рогачев—Новый Быхов. Группировка противника оказалась изолированной с севера.

Даже после этого рейда мы узнали о лыжном батальоне, действовавшем с нами, только из короткой корреспонденции в армейской газете. Кстати, это на моей памяти была первая и последняя известная мне публикация о штрафбате, хотя и замаскированная под «отряд» (может, какой-то партизанский?). Ни перед этим, ни после и до самого конца войны штрафбат никогда и нигде не упоминался. У нас ни разу не появлялись ни кинооператоры, ни фотокорреспонденты, ни представители журналистской братии, даже из дивизионных газет. Наверное, сверху было наложено «табу» на освещение действий штрафников. И, как оказалось, не только на военное время.

Так что и после войны мы не искали, как другие, себя в хроникально-документальных фильмах о войне. А ведь наши дети, которых мы брали на просмотр таких фильмов, спрашивали, увидят ли они там нас. Мы как-то отвечали на эти вопросы. Выкручивались, не раскрывая не только им нашу «военную тайну» о службе в штрафбате.

А тогда, в феврале 1944 года, как только наш батальон вышел в район, близкий к северо-западной окраине Рогачева, комбат связался по радио со штабом армии. Вот как это событие отражено в воспоминаниях генерала Горбатова:

«Получили весть от сводного отряда лыжников. Он дошел до Рогачева, но перед самым городом высланная вперед разведка встретила с противником, засевшим в траншеях. Командир отряда поступил правильно: поняв, что внезапность утрачена, он не стал ввязываться в неравный бой, а отвел отряд в лес и начал действовать по тылам противника».

Да если бы мы и попытались овладеть городом, тем более — удержать его, нам бы это не удалось. Ведь основные силы немцев не были разгромлены, а у нас ни артиллерии, ни бронетанковой техники, ни даже минометов не было! Наша минометная рота под командованием Пекура действовала в этом рейде как стрелковая. А рот пулеметной и противотанковых ружей да взвода ранцевых огнеметов в этих условиях было явно недостаточно! Ведь и в самом Рогачеве, и вблизи

него у немцев было сосредоточено большое количество войск и техники.

Вскоре поступила команда «действовать», как и было предусмотрено заранее, — громить тылы, чем мы активно и занялись. Панику в стане врага нам удалось посеять большую. Батальон действовал и группами и собираясь в один довольно мощный кулак. Мелкие наши группы уничтожали технику противника. Захваченные орудия, предварительно перебив их прислугу, поворачивали в сторону заметных скоплений вражеских войск, складов и пр. Среди штрафников были артиллеристы, танкисты, даже летчики, поэтому произвести несколько выстрелов из орудий не составляло труда. Затем эти орудия и минометы взрывали или приводили в негодность другим способом. Поджигали захваченные продовольственные склады и склады боеприпасов, брали под контроль перекрестки дорог, уничтожали подходящие войсковые резервы противника и перерезали линии связи. Временно взятые в плен («временно», потому что после допросов их, естественно, не отпускали, а уничтожали) немцы говорили, что их командование считает, будто в тылу действуют откуда-то взявшаяся дивизия, а то и две, да много партизан. Так начались наши оперативные действия в тылу. Генерал Горбатов в своих мемуарах отмечал, называя и наш штрафбат лыжниками:

«Лыжники перекрыли все дороги, идущие от Рогачева на Мадору и Быхов, в том числе и железную дорогу, тем самым лишив фашистов путей отхода и подтягивания резервов».

Так оценил наши общие (с батальоном Камирного) действия командарм Горбатов.

Одним из эпизодов наших боевых действий было и освобождение угоняемых в рабство жителей Белоруссии. Кажется, на вторые сутки, ближе к полудню, наши передовые подразделения заметили, что по дороге на запад немцы конвоируют большую группу мужчин и женщин с целью угона в Германию (мы уже знали о массовых угонах трудоспособного населения в рабство). Комбат принял решение отбить у

немцев своих земляков (наш командир, как уже упоминалось ранее, был родом из этих мест). Немецкий конвой был сравнительно малочисленным — человек 15, и буквально в минуты с ним было покончено. Мы освободили также около 300 советских граждан, которых гитлеровцы под дулами автоматов заставляли рыть в промерзшей земле траншеи. По нашей команде все освобожденные бросились врассыпную, чтобы скрыться в лесу или уйти по своим деревням.

Однако как командир взвода, находящегося в арьергарде, то есть в тыловом охранении нашей большой колонны, я заметил, что группа из пяти-шести женщин неотступно следует за нами. Конечно же, по своей одежде эта группа уж очень заметно отличалась от нас, одетых в белые маскхалаты, и, безусловно, могла нас демаскировать. Мне пришлось не раз им это растолковывать, но, увы, всегда безуспешно. До самых сумерек они так и шли за нами. Боялись, видно, снова попасть в лапы к немцам. С наступлением темноты я снова им разъяснил, что теперь они могут под покровом ночи отстать от нас и незаметно возвратиться в свои села. Показалось, что, наконец, моя «разъяснительная работа» подействовала на них.

Едва забрезжил рассвет, мне доложили, что за нами движется какая-то странная группа людей. Подумалось, не сели ли «на хвост» немцы? Присмотревшись, мы с удивлением узнали своих «старых знакомых», но, странное дело, одетых в какое-то подобие маскхалатов. Оказалось, что, воспользовавшись темнотой, они в мороз, раздевшись донага, сняли свое нижнее белье, а затем, одевшись в свои немудреные зипуны и шубейки, поверх них натянули свое исподнее, а часть полушубков, имеющих внутри белый или просто светлый мех, вывернули наизнанку и вот в таком «замаскированном» виде предстали перед нами. И жалко было их, и нельзя было удержаться от смеха! Пришлось смириться с их находчивостью и позволить следовать за нами еще какое-то время. Вскоре было обнаружено движение в сторону Рогачева боль-

шой автоколонны немцев. Завязался бой, и это женское «отделение» как ветром сдуло!

Надо сказать, что колонна нашего батальона была построена так, что и в ее голове, и в основном составе, и в хвосте следовали и пулеметчики, и подразделения противотанковых ружей (ПТР), и огнеметчики. Последние были вооружены малознакомыми нам «РОКСами» — ранцевыми огнеметами с жидкостью «КС», самовоспламеняющейся в соприкосновении с воздухом. Почему-то теперь, через много лет, эту жидкость, самовоспламеняющуюся на воздухе, называют «коктейль Молотова», тогда мы и понятия не имели о таком названии.

Когда была замечена немецкая автоколонна, батальон замер и, как только передние машины поравнялись с нашими замыкающими подразделениями, по фашистам был открыт шквальный огонь из всех видов имевшегося у нас оружия.

В хвосте нашей колонны, как я уже говорил, находился взвод ПТР под командованием 19-летнего, но уже имевшего солидный боевой опыт и ранение старшего лейтенанта Петра Загуменникова, с которым я успел подружиться. Его бойцы сумели подбить два передних автомобиля, возглавлявших немецкую автоколонну. И вся эта немалая вереница машин оказалась запертой с обеих сторон на узкой дороге, ограниченной с обочин глубоким, рыхлым снегом, так как и замыкающие автоколонну машины тоже уже были подбиты бронебойщиками, находившимися в голове колонны батальона. Попав под плотный огонь, успевшие выпрыгнуть из кузовов автомашин фрицы в панике бросились в разные стороны. Кто-то из них, обезумев, кинулся даже в нашу сторону, навстречу свинцовому вихрю, извергающемуся пулеметчиками и автоматчиками батальона. Однако один из немецких солдат, бросив оружие и подняв руки, вдруг закричал по-русски: «Не стреляйте, я свой, русский, из Калуги!».

Я дал команду подпустить его, хотелось узнать, как это русский оказался у немцев с оружием в руках. Но едва он по-

равнялся со мной и успел сказать, что год назад попал в плен и добровольно пошел в гитлеровскую армию, чтобы при первом удобном случае перейти к своим, как один из ближних ко мне штрафников резко выругался в его адрес и разрядил в него, наверное, полдиска автомата. Не состоялась моя беседа. Да и жалеть об этом было некогда. Не до того было. А одного из убежавших немцев, ловко метавшегося от дерева к дереву, я никак не мог достать огнем из автомата. Наверное, потому, что в запале стрелял «с бедра», не целясь. И тогда, выхватив из кобуры свой наган, тщательно прицелился и с первого выстрела на расстоянии уже около ста метров все-таки уложил его! Это был мой первый личный «трофей» и усилившаяся надолго вера в действенность своего верного «нагана» не только в ближнем бою, как считалось по всем инструкциям и наставлениям.

И вот этот мой первый «трофей», которого я, кажется, наконец, уложил из личного оружия, вызвал во мне какое-то необъяснимое, скорее, даже радостное удовлетворение. А ведь я убил человека сам, собственноручно! Впервые в своей жизни, сознательно, умышленно.

Тут вспомнилось мне событие, которое произошло еще во время моего командования взводом в запасном полку под Уфой всего каких-нибудь полгода тому назад. Там мы готовили для фронта так называемые маршевые роты. Пополнение для них тогда приходило, в частности, из Чувашии, Мордовии, Татарии, Башкирии и некоторых союзных мусульманских республик. Случались и дезертирства. И вот однажды я был свидетелем, когда пойманного дезертира, приговоренного к высшей мере наказания, расстреляли перед строем полка.

На краю поля, где мы обычно проводили занятия с пополнением, к свежевырытой яме подвели человека в легкой гражданской одежде (было лето, июль). Видимо, увидев свою могилу, он как-то безвольно сам опустился на колени, опустил голову и как-то тихо, мелко дрожал. Запомнилось

все это мне, потому что я со своим взводом оказался напротив места экзекуции. И прежде всего бросились в глаза и его наголо стриженная голова, и большие, оттопыренные уши, красно просвечивающие на склоняющемся уже к заходу солнце.

Офицер, наверное, из Военного трибунала, зачитал приговор о смертной казни за повторное дезертирство и предложил выйти из строя добровольцам для приведения приговора в исполнение. Ответом была жуткая тишина... Добровольцев не нашлось. Тогда от группы, стоявшей несколько в стороне, отделились два человека с погонами сержантов с наганами в руках и подошли к приговоренному, который стал трястись, то ли тихо рыдать, то ли так крупно дрожать.

Будто по неслышимой команде эти двое одновременно выстрелили ему почти в упор в голову. Тот будто клюнул и свалился в яму. Полк замер. Где-то из строя прорывались не то стоны, не то сдавленные рыдания. И пока солдаты не зарыли яму и не укрыли образовавшийся холмик заранее заготовленным дерном, полк стоял в каком-то страшном оцепенении. Наверное, многих посетила в это время мысль, что лучше погибнуть на поле боя, пусть и не как герой, то как защитник своей Родины, чем вот так, как бешеный пес, бесславно окончить жизнь, опозорив не одно колено своих потомков или родных.

Мне бросился в глаза невдалеке еще один такой же, только пониже, холмик, уже хорошо поросший травой, видимо, здесь, на этом своеобразном «лобном месте», свершилась не первая смертная казнь. Стало как-то мерзко на душе. Ведь только что убили просто малодушного, трусившего человека. Своего, советского.

А здесь, на войне, я сам убил человека, но это был враг, посягнувший на жизнь и свободу советских людей, враг, несущий смерть советским людям, включая даже стариков и грудных детей. И здесь уже действует правило: «лучший враг — мертвый враг». Немцев, пытавшихся сдаться в плен и

кричавших «Гитлер капут!», штрафники, конечно, в плен не брали, стреляли в них, приговаривая: «И тебе.., такую-растакую, тоже!» Да и что бы мы с ними делали, проявив к ним гуманность в этих специфических условиях?

Вместо запланированных двух-трех суток наш рейд продолжался целых пять. За это время были разбиты еще несколько вражеских пеших и гужевых колонн, двигавшихся к линии фронта, подорваны несколько мостов на дороге, подходящей к Рогачеву с запада, а в одну из ночей разгромили штаб какой-то немецкой дивизии, возглавляемый генералом. Два охранявшихся склада с боеприпасами были подожжены «РОКСами», и еще долго эхо взрывов доносилось до нас.

В общем, батальон действовал настолько активно, что практически уже к концу третьего дня были израсходованы почти все боеприпасы к пулеметам и автоматам. Поступил приказ: на каждый автомат оставить НЗ (неприкосновенный запас) по 10—20 патронов, но у многих этого количества уже не было!

О ходе наших действий комбат докладывал в штаб армии по радио. Доложил он и о почти полном расходовании боеприпасов к стрелковому оружию. Там, видимо, решили сбросить нам на парашютах какое-то количество патронов. И когда во второй половине дня два «кукурузника», как называли тогда маленькие двукрылые «У-2» («ПО-2»), подлетали к указанному квадрату, вдруг заговорили немецкие зенитные установки. К нашему удивлению, оказалось, что ночью ни мы, ни немцы не заметили того, что батальон наш очутился в том участке леса, который был избран фашистами для размещения одной из их зенитных батарей. Летчики, правильно оценив ситуацию, быстро развернулись и улетели. А нашим огнеметчикам удалось выйти на звуки выстрелов и буквально испепелить и пушки, и обслугу. Кстати, выручили они нас еще раз, когда уже в конце четвертого дня была замечена большая пешая колонна противника. Огнеметы практиче-

ски уничтожили и эту колонну даже почти без наших пулеметов и автоматов.

Технику, которую бросали фрицы, мы, конечно, не могли тащить с собой. Брели только автоматы-«шмайссеры» да ручные пулеметы «МГ». Ну и, конечно, пистолеты, в большинстве «вальтеры» и «парабеллумы». Так что у многих уже было по два автомата — свой и трофейный, хотя и тот и другой с весьма малым запасом патронов. Остальные трофеи, как могли, приводили в негодность, а захваченным продовольствием пополняли свой скудный сухой паек, которого почти не осталось. Особенно удивил нас трофейный хлеб, запечатанный в прозрачную пленку с обозначенным годом изготовления: 1937—1938. Сколько лет хранился, а можно было даже мороженый резать и есть! Не сравнить с нашими сухарями, хотя и сегодня, спустя более 60 лет, их вкус вспоминается с определенной степенью ностальгии. Такое же удивление вызывал у нас какой-то гибрид эрзац-меда с таким же сливочным маслом в больших брикетах. Бутерброды из этого «хлеба» с таким «маслом» были как нельзя кстати и оказались довольно сытными.

Много было непредвиденного и неожиданного, но потерь у нас после Мадоры и Старого Села почти не было. На волокушах везли тяжело раненных да несколько убитых, среди которых был командир взвода 3-й роты лейтенант Бадрий и парторг батальона старший лейтенант Желтов Александр Матвеевич, погибший во время преследования убегавшей группы немцев из той большой автоколонны.

Это был отличный мужик и редкой душевности политраб-ботник и просто человек. Такие, к сожалению, в моей длинной армейской службе и в войну, и в послевоенное время встречались не так уж часто. Когда я потом пытался описать в стихах эту часть боевого пути нашего штрафбата, ему, этому храброму парторгу, были посвящены такие немудреные строки:

Вспомним мы Днепр, Рогачев и Мадоры,
Смертью героя погиб здесь Желтов.
Дорого подлая, мерзкая свора
Нам заплатила за смерть и за кровь.

Всего теперь и не вспомнить, но достаточно сказать, что за все эти 5 дней и ночей мы не могли нигде обогреться, разве только кое-кому это удавалось накоротке у горящих штабов и складов, подорванных или подожженных. Но какой это был «обогрев», если нужно было немедленно уходить, чтобы не навлечь на себя ответной реакции фрицев. Спать приходилось тоже урывками и только тогда, когда ночью на какое-то время батальон приостанавливал движение. Многие умудрялись спать на ходу, что мне было знакомо еще по службе красноармейцем-разведчиком и по военному училищу в Комсомольске-на-Амуре. О горячей пище даже и не мечталось.

На пятые сутки комбат передал приказ без крайней необходимости бои не завязывать, беречь патроны.

А мы еще не знали, что войска нашей 3-й армии давно перешли в наступление и стали продвигаться вперед. В этих условиях нам приходилось маскироваться, чтобы отступающие в массовом порядке немецкие части не обнаружили нас, почти безоружных.

В один из таких моментов невдалеке затрещали пулеметы, стали слышны выстрелы из пушек. Один из штрафников, наверное, в прошлом артиллерист, закричал оказавшемуся в это время поблизости заместителю комбата подполковнику Александру Ивановичу Кудряшову: «Товарищ подполковник! Это же сорокапятка бьет! Наверное, уже наши наступают!»

Подполковник решил проверить предположение штрафника, послал его и еще одного бойца моего взвода в качестве то ли разведчиков, то ли парламентаров. Они очень осторожно стали продвигаться в сторону стрельбы. Время, казалось, остановилось. Тогда нам уже было известно и о власовцах, и о бульбовцах (бульбовцы в Белоруссии — это почти то же,

что бандеровцы на Украине, только в значительно меньших масштабах). Были опасения, что вдруг напоремся на них, а патронов-то у нас нет! И вот мы видим вскоре, что наших парламентариев ведут по направлению к нам не власовцы или бульбовцы, а несколько советских офицеров и красноармейцев! Вероятно, они тоже было заподозрили нас в причастности к тем же предательским войскам. Но все вскоре прояснилось, и радости нашей не было предела! Все вскочили и бросились к ним, к нашим, к своим.

Горячие объятия закончились. Командование батальона поговорило с офицерами встретившихся нам подразделений. Вскоре и нас ввели в курс боевой обстановки. Наша 3-я армия и сосед ее, 50-я армия, все-таки прорвали оборону немцев (правда, несколько позже намеченного срока) и в ночь с 23 на 24 февраля штурмом овладели Рогачевом. Как стало потом известно, 3-я армия очистила тогда от противника плацдарм на левом берегу Днепра шириной по фронту 45 километров и в глубину до 12. При этом, как указано в книге генерала Горбатова, армия потеряла всего несколько человек ранеными, которые подорвались на минах. Вот как о своей позиции пишет сам генерал:

«Я всегда предпочитал активные действия, но избегал безрезультатных потерь людей. Вот почему при каждом захвате плацдарма мы старались полностью использовать внезапность; я всегда лично следил за ходом боя и когда видел, что наступление не сулит успеха, не кричал «Давай, давай!», а приказывал переходить к обороне».

Так случилось, что только из мемуаров Горбатова я узнал эти подробности. А нам еще не было известно, что 24 февраля 1944 года Москва салютовала войскам армии в честь освобождения Рогачева из-под ига оккупантов. Не знали мы тогда и о том, что был образован 2-й Белорусский фронт. В него вошла часть войск 1-го Белорусского. А 33-й ОШБ, организованный в конце 1943 года под Жлобином, как оказалось, не был передан вновь образованному 2-му БФ, а расформирован, так как оставшаяся часть его была передана 2 марта в

наш ОШБ. Мы были очень рады тому, что наш штрафбат остался у прославленного генерала Рокоссовского, вскоре ставшего маршалом Советского Союза.

Тем более что еще свежо было в памяти многих следующее событие. Сразу же после тяжелых боев под Жлобином, когда батальон понес большие потери и в переменном и в командном составе, буквально за день до моего появления в штрафбате, в окопах батальона побывал сам Рокоссовский, командующий фронтом. Сколько было впечатлений у тех, кому посчастливилось поговорить с ним! Буквально все восторгались его манерой разговаривать спокойно и доброжелательно и со штрафниками, и с их командирами. Мне осталось только сожалеть, что я не был свидетелем этого.

Закончился этот действительно беспрецедентный рейд батальона штрафников в тыл противника. И никаких заградотрядов, о чем многие хулители нашей военной истории говорят и пишут, не было. Интересно, как они представляли бы заградотряд, понуждающий штрафников действовать там, за линией фронта? Зато была вера в то, что эти бывшие офицеры, хотя и провинившиеся в чем-то перед Родиной, остались честными советскими людьми и готовы своей отвагой и героизмом искупить свою вину, которую, надо сказать, в большинстве своем они сознавали или против которой, скрепя сердце, не возражали. Особенно те, которые бежали из вражеского плена. Правда, один бывший штрафник нашего батальона, тоже побывавший в фашистском плену, Лев Бродский, после войны эмигрировавший в США, в интервью нью-йоркской газете «Еврейское Слово», сделал «открытие». Он заявил, что во время того самого рейда нашего штрафбата во вражеский тыл, в котором довелось участвовать и ему самому в качестве ординарца начштаба батальона майора Носача, *«штрафниками командовали сами штрафники, а не штатные офицеры»*. Ну, это или большое воображение, или чей-то злобный политзаказ. А где тогда могли

быть, по его мнению, те самые штатные командиры штрафников?

Кстати, в документе штаба 3-й армии «**Описание боевых действий 3-й армии в Рогачевской операции в период с 21 по 25 февраля 1944 г.**» говорится:

«Опыт применения специально выделенных отрядов для действия в тылу противника во время наступления, чрезвычайно поучителен... Отряд в составе 8 офицерского штрафного батальона и лыжбата 120 Гв. сд имел задачу проникнуть через передний край противника и совершить налет на Рогачев, где взорвать мост через р. Днепр и удерживать этот пункт до подхода своих частей. Хотя задача по захвату Рогачев и не была выполнена, однако наличие в тылу у противника наших боевых подразделений, до некоторой степени сковало работу по подвозу, эвакуации и подброске резервов, и в общем, содействовало успеху операции» (орфография подлинника)

Там же в разделе 4 «Выводы по действиям родов войск» сказано следующее:

а) Пехота: В штурме неприступного Днепровского берега русская пехота лишний раз показала присущие ей блестящие качества. Упорство, смелость и ярость, с какой она штурмовала отвесные обрывы под огнем противника, воскрешают в памяти героические примеры Измаила и Плевны. Лишний раз подтвердилось, что при ясном понимании своей задачи и хорошем руководстве со стороны офицерского состава наша пехота способна творить чудеса».

Вскоре после завершения боевых действий по освобождению Рогачева нам пришлось участвовать и в выполнении других задач, полученных от командарма-3 генерала Горбатова, где в полной мере подтвердились слова этого документа о чудесах, которые творит пехота, особенно офицерская, да еще и штрафная.

Но об этом в следующей главе.

ГЛАВА 4

Реабилитация искупивших вину. Награды. План по захвату плацдарма на реке Друть. Ледяная купель. «Диетическая по-года». Знаменитая палка Горбатова. Обучение пехотному бою. Белорусские вечера.

По окончании боевых действий во вражеском тылу под Рогачевом нас сразу же разместили в хатах нескольких близлежащих деревень. Измученные, смертельно уставшие, многие, не дождавшись подхода ротных кухонь с горячей пищей, засыпали на ходу прямо перед хатами.

К великому огорчению, нас уже здесь настигла потеря нескольких человек. На теплой печи в одной хате разместились 3 штрафника, заснули, не успев снять с себя все боевое вооружение. У одного из них, видимо, на ремне была зацеплена граната «Ф-1» — «лимонка» или «РГ-42», и потому, наверное, что он, повернувшись во сне, сорвал с ремня гранату, она взорвалась. Только одного из этих троих удалось отправить в медпункт, а двое погибли. Вынести такую нагрузку, такие испытания и погибнуть уже после боя, накануне полного своего освобождения...

За успешное выполнение боевой задачи, как и обещал командующий армией, весь переменный состав (штрафники) был, как сказали бы теперь, реабилитирован и отчислен из батальона. По документам ЦАМО РФ:

«...только до 1 марта было досрочно, за боевые заслуги освобождено от дальнейшего пребывания в штрафбате и отчислено из него с восстановлением во всех правах 260 человек, по отбытии срока наказания 3 человека. К тому времени уже были оформлены все документы еще на 147 досрочно освобождаемых, на 48 полностью отбывших сроки наказания и на 27 по ранению».

Все они находились в ожидании приказа командующего фронтом, которым и приводилось в действие само освобождение. Многим уже были вручены боевые награды: ордена Славы III степени, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Это были герои, из подвигов которых «вычитали» числящуюся за ними вину, но и после этого хватало этих подвигов еще и на награды. Надо сказать, что штрафники не очень радовались ордену Славы. Дело в том, что это был по статуту солдатский орден, и офицерам он вообще не полагался (кроме младших лейтенантов авиации). И, конечно, многим хотелось скрыть свое пребывание в ШБ в качестве рядовых, так как это считалось пятном на офицерской репутации, а такой орден был свидетельством этого.

Командный состав батальона в основе своей был награжден орденами. Мой друг Петя Загуменников получил орден Отечественной войны II степени. Бывший тогда командиром комендантского взвода, охранявшего штаб батальона, Филипп Киселев (к концу войны он уже стал подполковником, начальником штаба батальона) был награжден второй медалью «За отвагу». Кстати сказать, в командирской среде батальона медаль «За отвагу» расценивалась как высокая награда, не менее весомая, чем солдатский орден Славы. Командиры рот Матвиенко и Пекур получили ордена Красного Знамени, а этот орден считался одним из главных боевых орденов. Сам комбат получил орден Кутузова 3-й степени. В приказе Верховного Главнокомандующего в честь освобождения Рогачева была объявлена благодарность большому числу частей и соединений, принимавших участие в этих боях. А наш штрафбат, конечно, даже не был упомянут среди них, хотя, например, 141-я рота огнеметчиков, один взвод которой, всего 20 бойцов, действовал с нами, в приказ вошла. Конечно же, она не штрафная! А наш штрафбат, 800 офицеров, будто и не присутствовал при этом. Такое действовало незыблемое правило всю войну.

А я и еще несколько офицеров в этот раз были обойдены наградами. Наверное, мы еще недостаточно проявили себя. Хотя мне на какое-то время вновь пришла мысль о несуществующей моей вине за репрессированного отца. Надо сказать, что к тому времени стало известно, что брат мой Виктор

пропал без вести где-то под Сталинградом в конце 1942 года. И не попал ли он в плен, не числится ли он в «предателях», как многие бывшие военнопленные, оказавшиеся в нашем штрафбате? Это были тяжелые раздумья. Да и что я мог поставить себе в заслугу, достойную правительственной награды? Вот Петя Загуменников: его подчиненные столько немецких автомобилей сожгли! Да и не я один оказался без награды. Муська Гольдштейн, например — тоже. Зато вскоре приказом командующего фронтом генерала Рокоссовского мне было присвоено звание «старший лейтенант». Это я и воспринял как награду.

В деле награждения многое, если не все, зависело от командования. Вот генерал Горбатов освободил всех штрафников, участвовавших в боевой операции во вражеском тылу, независимо от того, искупили кровью они свою вину или не были ранены, а просто честно и смело воевали.

Я об этом говорю здесь потому, что были другие командующие армиями, в составе которых батальону приходилось выполнять разные по сложности и опасности боевые задачи. Однако реакция многих из них на награждение весьма отличалась от горбатовской. Так, командующий 65-й армией генерал Батов Павел Иванович, как оказалось в дальнейшем, при любом успешном действии батальона или его подразделений принимал решение об освобождении от вины только тех штрафников, которые погибали или по ранению выходили из строя.

Пришел уже в Польше к нам комбатом вместо Аркадия Александровича Осипова подполковник Батулин. Имени его моя память почему-то не смогла восстановить все послевоенные годы. И только по материалам ЦАМО РФ я узнал, что его имя Николай Никитич. Вот он уж очень скупно представлял к наградам командиров рот и взводов и при этом, казалось, выжидал, каким орденом наградят его лично, чтобы, не дай бог, кого-нибудь не представить к более высокой награде. Надо, однако, уточнить, что при Батулине в бой ухо-

дили отдельными ротами, передаваемыми в оперативное или тактическое подчинение войсковым соединениям, и комбат боем не руководил, зато по праву комбата «издалека» оценивал действия тех, кто непосредственно участвовал в боях.

Возвращаясь ко времени написания нами боевых характеристик на штрафников, скажу, что эти документы после подписи командиров рот сдавались в штаб батальона. Там уже составляли списки подлежащих освобождению. Путь этих бумаг лежал дальше на осужденных — через штаб армии в армейский или фронтовой трибунал, а на направленных в штрафбат по приказам начальников или на «окруженцев» — непосредственно в штаб фронта. Приказы о восстановлении в офицерском звании и отчислении из штрафбата подписывались, как уже говорилось ранее, лично командующим фронтом и членом Военного совета. Отдельно составлялись в штабе батальона наградные листы и на штрафников, и на штатных офицеров. Эти наградные документы направлялись, как правило, командующим армиями, в составе которых на этом этапе боевых действий находился батальон. Так что и награждение тех и других зависело тоже от командармов, которым было предоставлено такое право на время боевых действий.

Пока этот бюрократический процесс шел (едва ли его можно было ускорить!), батальон снова передислоцировался в село Майское Жлобинского района и близлежащие села, из которых он уходил в тыл врага. Население встречало нас очень тепло. Главным угощением в белорусских хатах была бульба (картошка) с разного рода соленьями и самогон из той же бульбы.

С радостью встречали местные девчата и одинокие женщины вернувшихся живыми и здоровыми штрафников и их командиров. Ведь наши бойцы-переменники, как официально они у нас назывались, были хоть и временно разжалованными, но все-таки офицерами, грамотными и с достаточ-

но высоким уровнем культуры. Кстати, их и не стригли наголо, а сохраняли нормальные офицерские прически, а некоторые, особенно из боевых или тыловых офицеров, даже продолжали «шеголять» офицерским обмундированием, только без погон. Погоны не надевали даже те штрафники, которые назначались на должности командиров отделений или замкомвзводов, и им, согласно положению, приказом по батальону присваивались сержантские звания. В основе своей наши бойцы оставляли по себе добрые впечатления у всех слоев населения. Надо еще помнить, что в народе испокон веку жалеют обиженных властью. А именно такими они были в глазах женщин и девиц, этой основы населения прифронтовых деревень. Ну а командный состав батальона, в большинстве своем офицеры в возрасте 20—25 лет, конечно, тоже пользовался большим успехом.

В этом селе оставались наши тылы, вооружение и боеприпасы, склады, штабные документы, а также отправленные сюда партбилеты и награды офицеров, командовавших штрафниками. Оставалось там и некоторое число штрафников для охраны всего этого. А к ним, за время нашей «командировки» в немецкий тыл, добавилось немало новых приговоренных к пребыванию в штрафном батальоне или направленных сюда по приказам командиров дивизий и выше. И, конечно, приходили и не совсем честные тыловые офицеры — за другие прегрешения. Так как шло освобождение ранее оккупированной территории, рос и контингент штрафников из числа «окруженцев», оказавшихся в свое время там, или бежавших из фашистского плена. Ну и боевая обстановка на фронте, некоторые неудачи, предшествовавшие наступлению, увеличили, наверное, число направленных за невыполнение задач боевых командиров. Это, в частности, косвенно подтверждается и материалами справочников по истории войны. Например:

«Войска Белорусского фронта к концу февраля 1944 г. овладели Мозырем, Калинковичами, Рогачевом, форсировали Днепр

и захватили плацдарм на его противоположном берегу. Занять Бобруйск и развернуть наступление на Минск, как это от них требовалось, они оказались не в состоянии»¹.

Во всяком случае, на место подлежащих освобождению от наказания уже прибыло пополнение для формирования новых подразделений штрафбата. И даже еще не началась длившаяся затем несколько дней реабилитация отвоевавшихся штрафников, а уже были сформированы две новые роты.

Процедура такой массовой реабилитации, впервые проводимой в нашем ОШБ, заключалась в том, что в батальон прибыли несколько групп представителей и от армейских (фронтовых) трибуналов, и от штаба фронта. Они рассматривали в присутствии командиров взводов или рот наши же характеристики, принимали решения о снятии судимости с осужденных, восстановлении в воинских званиях. Затем, буквально через несколько дней, поступал приказ командующего фронтом, по которому эти предварительные решения, отдельно по каждому бойцу, вступали в законную силу. Мы просто не переставали удивляться, как это удавалось так оперативно штабу фронта решать эту огромного объема и не менее значимой морально-политической важности задачу. Наверное, командующий фронтом понимал, как ждут его решения бывшие штрафники, считающие не дни даже, а минуты, когда смогут снова надеть офицерские погоны и вернуться в офицерский строй.

Наряду с этим представители старших штабов выносили постановления о возвращении наград и выдавали соответствующие документы. После всего этого восстановленных во всех правах офицеров направляли, как правило, в их же части, а бывших «окруженцев» — в полк резерва офицерского

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. Краткая история. — Москва. Воениздат. 1967. С. 334.

состава, из которого, кстати, недавно прибыл и я со своими, теперь уже боевыми товарищами.

Часть штрафников-«окруженцев» имела еще старые воинские звания, например «военинженер» или «техник-интендант» разного ранга. Тогда им присваивались новые офицерские звания, правда, в основном на ступень или две ниже. Такое же правило применялось часто и в войсках при переаттестации на новые звания.

К сожалению, в процедуре «очищения» их от вины перед Родиной мне в этот раз довелось участвовать недолго, так как во вновь сформированных двух ротах места командиров взводов пришлось срочно занять мне и другим офицерам, только что вернувшимся из Рогачевского рейда. Наверное, я оказался здесь, скорее, как имеющий фактически только одно настоящее боевое крещение и не получивший еще достаточно боевого опыта. Были у меня и другие мысли, но я их гнал, как не имеющие достаточных оснований.

Вот этим двум ротам дали задание уже 25 февраля захватить у немцев плацдарм на реке Друть, впадающей в Днепр непосредственно у Рогачева. Для этого нужно было ночью скрытно преодолеть по льду эту реку, без артподготовки и криков «ура!» совершенно внезапно атаковать противника в направлении деревни (не помню ее названия), выбить немцев из первой траншеи и, развивая наступление, обеспечить ввод в бой других армейских частей с захваченного плацдарма.

«На реке Друть, — как отмечал генерал Горбатов, — особенно сильной была первая полоса обороны немцев глубиной 6—7 км, с тремя позициями... Ширина реки кое-где до 60 метров, глубина 3,5 метра. Заболоченная, слабопромерзающая долина до полутора километров».

Ночь была почти безлунной и пасмурной. Но немцы, видимо, не ожидая нашего наступления или по какой-то другой причине, вовсе не применяли здесь своих осветительных «фонарей». В отличие от днепровского льда на этой реке лед был изрядно продырявлен, и потому приходилось, почти в

кромешной темноте, нащупывать его ногами, чтобы не угодить в полыньи, пробитые снарядами и минами. Может, это состояние льда так успокоило немцев, что они и не освещали ближайшие подступы к своим траншеям. Хотя минометный огонь по льду они изредка вели и теперь.

Однако, как назло, мне довелось именно здесь принять ледяную купель. Ведь угораздило же меня провалиться на побитом, но успевшем слегка спаяться на морозе льду. Ухнул туда я сразу, и мои попытки выбраться из этой «проруби» были долго безуспешными, потому что тот лед, за который я хватался, состоял из мелких, едва схваченных ночным морозом ледяных осколков и легко крошился в моих руках. А течение все больше тянуло набухшие водой ватные брюки и телогрейку, отчего моя естественная плавучесть с каждой секундой катастрофически уменьшалась.

Тут надо бы вспомнить русскую поговорку «все, что ни делается, — к лучшему». Когда мы в срочном порядке готовились к выполнению этой задачи, была команда выдать всем валенки. Незнакомый мне старшина, занимавшийся этой процедурой, когда всему взводу валенки были выданы, вдруг заявил, что они кончились. Ну, мне всегда «везет», на мне всю жизнь что-нибудь кончается, даже дефицитные сигареты после войны или билеты на поезд. Вот и валенки на мне закончились. Ладно, хоть бойцам всем досталось. Ждать, когда старшина принесет со склада, не было времени, и я увел свой взвод на назначенное место.

Здесь же, в этой полынье, я поблагодарил судьбу, что на мне не валенки, а сапоги. Валенки бы быстро набухли водой, и еще сильнее тянули бы ко дну или вовсе могли сползти, и я бы остался босоногим. А если прибавить к этому, что плавать я вовсе не умел, то, переиначивая слова славного русского поэта Сергея Есенина, можно было сказать: «Стыдно мне, что я раньше не плавал, горько мне — не умею теперь!» Понятно, что неизбежным следствием всех этих драматических обстоятельств могло быть только полное окончание моей фронтовой, и не только фронтовой, жизни.

Этот мой недостаток часто отражался и в моих послевоенных аттестациях, где указывалось на мое «недостаточное физическое развитие», хотя я неплохо ходил на лыжах, бегал кроссы, прыгал в длину, в высоту, отлично стрелял.

Спасло тогда меня то, что поблизости постоянно шел штрафник-ординарец, которого я выбрал в срочном порядке во время получения валенок. Срочность, с которой мне подчинили взвод, не дала возможности тогда узнать, а тем более запомнить фамилию или даже имя этого бойца. Уже потом я узнал это, но запомнил только имя его — Женя. Наверное, потому, что из-за его молодости все именно так к нему обращались. Увидев, а скорее, услышав мое барахтанье в воде и безуспешные попытки выбраться из ледяного крошева, он, оставаясь на твердом льду, догадался лечь и как можно ближе подползти на край этой злосчастной полыньи. За мушку протянутого им автомата, к которой мне с трудом удалось дотянуться, я и уцепился. Он медленно потянул меня к краю проруби, которая едва не стала моей могилой. Наконец, обламывая непрочные ее края, мне с помощью моего спасителя удалось выбраться на твердый лед. Всю остальную часть пути по реке мы преодолевали уже ползком, чтобы не повторить случившегося. Да, оказывается, и не мы одни.

Командир роты капитан Сыроватский тем временем ждал, когда рота подтянется. И когда мы с ординарцем еще не выбрались на твердый грунт, немцы открыли огонь. Видимо, сосредоточение роты у крутого, как оказалось, многометровой высоты берега Друти не прошло незамеченным для противника. А может, наши уже начали атаковать его передний край.

Перестрелка все более усиливалась, и вот уже вместе с разрывами гранат стали слышны крики, среди которых заметно выделялись весьма крепкие русские выражения. Это наши, нагрянув на противника как снег на голову, завязали бой, и, наверное, только достигнутая внезапность избавила их от больших боевых потерь. Мы с ординарцем и еще человек 5—6 таких же неудачников, испробовавших неласковую

воду Друти, добрались до этого крутого и, как оказалось, обледеневшего ската перед передней фрицевской траншеей. Удивились, как это нашим удалось так быстро без специальной обуви, а в обычных валенках преодолеть его, так как немцы специально поливали его водой и превратили в почти недоступную ледяную горку. Мы преодолели ее с помощью штыков и саперных лопаток, временами съезжая с нее вниз, почти как суворовские солдаты при переходе через Альпы. И нам уже не удалось участвовать в захвате первой траншеи немцев, мы добрались до нее, когда бой шел за вторую.

Как отмечал генерал Горбатов, немецкая оборона на реке Друть была мощной. Были там и доты с металлическими колпаками, и плотные минные поля, и проволока в три кола. Но на нашем участке минного поля не оказалось, а проволочные заграждения были слабыми. Может быть, это потому, что противник понадеялся на казавшуюся ему недоступность этого крутого склона, превращенного в ледяную горку. Но то, что для нашей атаки было выбрано одно из слабых звеньев обороны немцев, было еще одним свидетельством того, что командарм Горбатов в любой ситуации стремился избежать неоправданных потерь. Да и разведка у него хорошо поработала, сумела обнаружить наименее укрепленный участок немецкой обороны.

Мы с ординарцем и несколько других бойцов, разделивших с нами зимнее «купание», достигли траншеи, когда она уже была очищена от живых фрицев (трупов было много и в самой траншее, и за ней). Штрафники преследовали убегающих немецких солдат и в результате захватили плацдарм на участке Маньки—Коноплицы. Я, промокший до нитки и продрогший, как говорится, до самых костей, пытался догнать свой взвод и согреться хотя бы энергичными движениями, но тщетно. Добравшись до второй, тоже уже захваченной траншеи, я увидел командира роты, который приказал мне остаться здесь и собирать всех «утопленников» и ждать его распоряжений. А я не на шутку начинал понемногу замерзать. Почему-то вспомнилась песня о ямщике, который за-

мерзал в степи. Конечно, я не в такой степени окоченел, меня немного выручала трубка, которую я курил уже довольно давно, еще до фронта. Она была массивной, солидной вместительности, с классически изогнутым чубуком и долго хранила тепло. Мой табак размок, и мне доброжелательно предлагали свой соседи по окопу, оставленные во втором эшелоне. Трубка эта хорошо грела руки, но остальные части тела от довольно крепкого, державшегося всю ночь и целый день мороза стали терять подвижность. Мои пропитавшиеся водой ватные брюки и такая же телогрейка постепенно превращались в ледяной панцирь. Ноги и руки мои кроме пальцев, гревшихся от трубки, уже практически потеряли подвижность, только голова еще вертелась на шее довольно свободно. Сапоги мои скоро стали ледяными колодками, и я опасался, как бы ноги не обморозились похуже, чем палец во время долгого зимнего похода в училище. Командир роты Михаил Сыроватский, видя, что толку от меня немного, приказал двоим легко раненым штрафникам доставить меня в медпункт батальона. Они и поволокли меня, как ледяную колоду, снова через Друть, назад. В батальонном медпункте, который размещался в палатке с печкой, орудовал наш доктор — Степан Петрович Бузун, небольшого роста, со старомодной бородкой. Его, наверное, никто, даже штрафники, не называл по воинскому званию. Он и его помощник, лейтенант Ваня Деменков, разрезали саперными ножницами на мне обледеневшую одежду и сапоги, стащили с меня этот панцирь, тут же энергично растерли всего от головы до пят смесью, кажется, спирта со скипидаром. Конечно, еще после кружки горячего чая влили внутрь меня и солидную дозу спиртного, одели меня во все сухое и даже обули в теплые валенки (наконец-то и мне доставшиеся). Так как в палатке было полно раненых, рядом в глубоком снегу мне отрыли яму, дно которой устелили хвойным лапником и прикрыли его частью плащ-палатки. Уложив меня туда, закрыли второй половиной плащ-палатки, «утеплили» ее сверху тоже еловыми ветками и... засыпали толстым слоем снега, оставив

отверстие для доступа воздуха. Хорошо разогретый растиранием, да и внутренним «компрессом», я почти мгновенно заснул мертвецким сном.

Утром выбрался я из своей «берлоги» с чувством хорошо отдохнувшего и снова полного сил и энергии человека. Я не получил даже банального насморка, обычного для таких переохлаждений, не говоря уже о воспалении легких или каком-либо бронхите. А последствием этой купели и заметного переохлаждения была выступившая у меня через несколько дней на шее и некоторых других частях тела так называемая пиодермия или, по-другому, какой-то локальный, мелкий фурункулез. Как мне объяснил потом всезнающий Степан Петрович, это был результат мобилизации внутренних сил организма, возникающий именно в условиях лишений и сверхнапряжений. И даже, как я узнал позже, инфекционными болезнями во время войны люди болели реже и легче, не говоря о том, что вовсе не возникали какие-либо масштабные эпидемии. В моем случае, наверное, сыграла свою роль, кроме того, и моя дальневосточная закалка, как с детства, так и полученная в период воинской службы там. Между прочим, как я узнал позднее, Степан Петрович — бывший штрафник, оставшийся в офицерских кадрах штрафбата после реабилитации. Да и его помощник, лейтенант Ваня Деменков, оказывается, тоже из бывших штрафников, так что наша штрафбатовская медслужба была, образно говоря, «дважды штрафной». О таких случаях почему-то в батальоне не принято было распространяться, хотя я знал и несколько других таких случаев и с большим уважением относился к этим офицерам.

Пока я отсыпался в своей снежной берлоге, наши подразделения выполнили свою задачу и даже сумели продвинуться к деревне Озеряны, где и был введен в прорыв стрелковый полк. Как мне потом рассказали, этот ввод был обеспечен мощным залпом гвардейских минометов, именуемых «катюшами». И вот, то ли одно подразделение штрафников успешнее других продвинулось вперед и расчетам «катюш» не ус-

пели об этом сообщить, то ли в батарее гвардейских минометов кто-то ошибся в расчетах при подготовке данных для стрельбы, но несколько реактивных снарядов взорвалось в непосредственной близости от штрафников. Правда, кое-кому показалось, что это наши летчики обронили случайно несколько бомб. Но бывший рядом с тем событием лейтенант Янин Иван, с которым мы потом служили в одной роте у капитана Матвиенко и который, как мы все потом узнали, отличался исключительной честностью, утверждал, что это был именно неудачный залп «катюш». К сожалению, при этом не обошлось без потерь среди наших бойцов, но, как говорили многие очевидцы этого инцидента, всем стало понятно, почему немцы так панически боялись залпов «катюш».

Здесь я несколько нарушу хронологию своего повествования.

К 50-летию Победы в 1995 году Российское телевидение подготовило большую серию передач под общим названием «Моя война». Я тоже был избран участником этих передач. Наверное, потому, что авторы этой серии были знакомы с военной судьбой нашей семьи по очерку Инны Руденко «Военно-полевой роман», напечатанному в «Комсомолке» еще к 40-летию Победы.

По итогам бесед с некоторыми участниками этих передач, от маршала Язова Дмитрия Тимофеевича до рядовых, газета «Комсомольская правда» печатала обширные материалы об их боевых буднях. Потрясающая правда о войне!

Но одна публикация поразила меня откровенным лукавством. Это помещенный в «Комсомолке» за 14.12.1994 г. рассказ бывшего начальника разведки дивизиона «катюш» Георгия Арбатова, «готовившего иногда» данные для стрельбы. Ну хотя бы потому, что он «видел, как летят куски человеческих тел» от взрывов реактивных снарядов. Каким же сверхъестественным зрением обладал рассказчик, если с закрытых позиций, что для «катюш» было незыблемым правилом, он «видел» это. А мы в непосредственной близости от

немецких траншей видели в этих случаях только сплошную полосу огня и вздыбленной земли. И никаких «кусков». Или как он, Арбатов, «пару раз из личного оружия попадал в немцев». Что, из пистолета? И тоже с закрытых позиций? Пусть эти утверждения Георгия Арбатова останутся на его совести, но если среди готовивших данные для стрельбы «катюшам» попадались не совсем честные люди, то результатами этих стрельб могли быть и такие, как у нас за Друтью. Кстати, о неправде из уст академика Арбатова упоминает в своей книге «Записки командира штрафбата» Михаил Сукнев, где автор недоволен утверждениями Арбатова о том, что штрафников «караулили сзади заградотряды», и говорит прямо: «Неправда! У нас их не было».

Однако вернемся в февраль 1944 года. После ввода в бой стрелкового полка наши подразделения были отведены в расположение батальона. К сожалению, дальнейшего значительного развития это наступление не получило.

А пока мы, вернувшиеся из-за Друти, практически не получившие ни часа отдыха, но с новым пополнением, срочно погрузились на поданные автомобили и убыли в район восточнее города Быхов.

Был уже конец февраля, но природа разразилась таким мощным «снеговалом» (снег не падал, а валил несколько дней!), что едва мы прибыли в назначенный район, как все дороги и подъездные пути стали просто непроходимыми, а не только непроезжими. Как говаривали наши остряки, погода тогда была «диетической», потому что почти неделю из-за невозможности подвезти продовольствие наш суточный рацион горячего питания состоял из растопленного в походных кухнях снега (вот в чем недостатка не было!) и приготовленного из него «бульона». А он, кроме кипятка талой воды (говорят, очень полезной для здоровья), содержал довольно редко попадающиеся жиринки и какие-то вкрапления от американской свиной тушенки (1 баночка на роту!), называемой нами тогда «второй фронт». К этому добавлялось по

сахарю. И никакой возможности чем-то сдобрить это «диетическое» блюдо.

После прекращения многодневного снегопада и расчистки дорог намечавшееся было наступление, видимо, отменили, и нас снова отвезли, но уже не в Майское, а в соседнее село Городец, хорошо знакомое многим еще по пребыванию нашему в Майском, ибо расстояние между ними большим не назовешь. Так что многим восстановить старые связи с жителями не составляло трудностей.

Ну а в общем-то, шел к концу период нашего пребывания в составе 3-й армии генерала Горбатова. До самого конца войны у нас прочно держалось впечатление от того, каким душевным генералом он был. Даже когда я после войны учился в Военно-транспортной академии в Ленинграде, то планировал по ее окончании, при удобном распределении, попасть в воздушно-десантные войска, потому что ими тогда командовал этот легендарный генерал. За год до окончания академии на посту командующего ВДВ Горбатова сменил генерал Маргелов, но моему желанию было суждено сбыться, и мне посчастливилось послужить и с этим, таким же легендарным военачальником.

Наверное, здесь уместно привести одну то ли быль, то ли легенду о генерале Горбатове. После взятия Рогачева через уже разбитый и непрочный лед Днепра саперы навели временный деревянный мост. По своей ширине он допускал движение техники только в одну сторону. Поэтому коменданту переправы был передан приказ командующего пропускать в первую очередь автомобили с боеприпасами, артиллерию и другую легкую технику в сторону фронта. Когда у переправы скопилось много машин, идущих к передовой, на другом берегу собралось несколько «виллисов». Комендант переправы, крепкий и рослый майор, выполняя приказ, не пускал их на мост. Ведь для этого нужно было остановить поток машин к фронту.

Из одного «виллиса» вышел генерал Горбатов и потребовал срочно пропустить его машину. Майор, ссылаясь на при-

каз, отказался сделать это. Разозлившись на непослушного коменданта, генерал вдруг огрел его своей всем известной палкой. Реакция майора была мгновенной и неординарной: он резко повернулся и, то ли не признав Горбатова, то ли просто не раздумывая, наотмашь ударил генерала, который, скорее от неожиданности, потерял равновесие и, проломив невысокие перильца моста, упал в снег. Что тут началось! Из машины командующего и сопровождающих его «виллисов» выскочило несколько офицеров. Одни бросились поднимать генерала, другие схватили майора и скрутили ему руки. Генерал, отряхиваясь от снега, подошел к майору, приказал отпустить его и велел принести свою флягу.

Вся армия знала, что их командующий вообще ни при каких обстоятельствах не пьет спиртного и даже не курит. Об этой своей особенности Александр Васильевич не один раз упоминает в своих мемуарах. Прочитав их, я узнал, что это еще в юности он дал слово никогда не пить, не курить и не сквернословить. Вот еще слова о куреве из его книги: *«Сам я никогда не курил, но для особо симпатичных посетителей у меня всегда имела пачка хороших папирос»*. Если мне здесь будет позволена некоторая нескромность напомнить о себе рядом с таким общеизвестным командармом, то скажу, что я вот курил всю войну (и даже трубку!) и долгие послевоенные годы. Несколько раз бросал эту вредную привычку, но всегда почти по Марку Твену: «Бросить курить очень легко, по себе знаю. Сто раз бросал». И только более чем через сорок лет по настоятельному требованию медиков бросил навсегда. И помогло мне преодолеть эту многолетнюю тягу к табаку то, что, решившись на этот шаг серьезно, я всем своим сослуживцам и знакомым заявил, что на этот раз бросил *окончательно*. А не сдержать свое слово я не мог, в моем характере с детства укоренилось правило не сорить словами и, уж если дал слово, держать его!

Свои слова генерал Горбатов всегда твердо держал. Во время войны, когда его упрекали в некомпанействе, он говорил, что выпьет только в День Победы. И только тогда дейст-

вительно, как утверждалось в мемуарной литературе, он позволил себе выпить рюмку красного вина. Поэтому распоряжение принести «его флягу» вызвало у наблюдавших эту сцену не меньшее удивление, чем все, что этому предшествовало. Горбатов лично отвинтил с не совсем обыкновенной фляги крышку-стаканчик, наполнил его водкой, поднес ошеломленному майору со словами: **«Молодец, майор! Выпей, считай это за мое извинение и личную награду. Скольких дураков учил и воспитывал этой палкой, первого умного встретил. Продолжай службу, а за настоящей наградой дело не станет»**.

Необычна это легенда о генерале Горбатове, но так хотелось верить в ее реальность. А может, и не легенда вовсе, может, все так и было! Ведь у человека с доброй душой и поступки добрые.

Что же касается его профессиональных качеств и полководческих способностей, не мне судить. Но вот что пишет о нем маршал Рокоссовский:

«Александр Васильевич Горбатов — человек интересный. Смелый, вдумчивый военачальник, страстный последователь Суворова, он выше всего в боевых действиях ставил стремительность, внезапность, броски на большие расстояния с выходом во фланг и тыл противнику. Горбатов и в быту вел себя по-суворовски — отказывался от всяких удобств, питался из солдатского котла».

Мне кажется, что рейд наших батальонов в тыл немецких войск и наши боевые действия там подтверждают сказанное. Жаль, нам больше не приходилось воевать под его началом.

... По прибытии в Городец мы еще долгое время занимались приемом пополнения, формированием, вооружением и сколачиванием подразделений. Была налажена боевая подготовка, основной целью которой было обучить бывших летчиков, интендантов, артиллеристов и других военных специалистов воевать по-пехотному, а это значит — совершать напряженные марши, переползать по-пластунски, окапы-

ваться, преодолевать окопы и рвы, а также вести меткий огонь из автоматов, пулеметов, противотанковых ружей и даже из трофейных фаустпатронов. Но, пожалуй, самым трудным, особенно в психологическом плане, было преодоление страха у некоторых обучаемых перед метанием боевых гранат, особенно гранат «Ф-1». Убойная сила ее осколков сохранялась до 200 метров, а бросить этот ручной снаряд даже тренированному человеку под силу лишь метров на 50—60. Обучение проходило на боевых (не учебных!) гранатах, которые взрываются по-настоящему! Естественно, метать их нужно было из окопа, но перебороть боязнь все-таки удавалось не каждому и не сразу.

Этот период формирования и обучения несколько затянулся. Естественно, за это время завязались более тесные отношения и связи с местным населением. Да и не только с местным. Оказалось, что невдалеке был расположен аэродром, а около него базировался БАО (батальон аэродромного обслуживания), основным солдатским составом которого были девчата.

Помню, в один теплый весенний день вдруг на дороге, почти в центре села, прогремел взрыв. Как оказалось, это оттаявшая земля обнажила давно установленную немецкую противотанковую мину. И на нее наступила копытом лошадь, везущая «не хворосту воз», а целую повозку артиллерийских снарядов. Удивительно, как они не сдетонировали, а то солдат-возничий не отделался бы простым ранением. Конечно, этот взрыв вызвал переполох, но в результате наши походные кухни за счет погибшей лошади получили возможность увеличить калорийность солдатских блюд. А мой ординарец Женя (никак не вспомню его фамилию) тоже успел отхватить солидный кусок жирной конины. Будучи неплохим кулинаром, он сумел с активным участием хозяйки нашего жилища, щедро снабдившей его бульбой, цибулей и какими-то сухими пряностями, приготовить вместительный казан вкуснейшего по тому времени жаркого.

К импровизированному ужину, конечно, пригласили со-

автора этого блюда, хозяйку с ее малышкой, а Женя, с моего разрешения — еще и знакомых ему солдаток из расположенного недалеко БАО — батальона аэродромного обслуживания. Все были довольны, хвалили кулинара, особенно аэродромщицы. Видимо, паек у них был не как у летчиков, а поскромнее. Зато как их, бедных, тошнило и «выворачивало», когда они узнали, что это конина, да еще от той подорвавшейся лошади! Непривычны еще были к фронтовой экзотике.

Вообще за столь продолжительное время нашего пребывания в Городце были и свидания, и танцы вечерами. Частенько, когда надвигались сумерки и боевая подготовка прекращалась, по чьей-нибудь инициативе в большой хате, а то и во дворе устраивали хоровое пение. Песня на фронте, если ей находится место и время, да еще не по команде, как-то особенно проникает в души. Она очищает их от многого негативного, что скапливается за ох какие нелегкие дни боевые, когда жизнь человеческая висит на таком тоненьком волоске, а душа исковеркана видением множества смертей твоих друзей...

А как самозабвенно пели в такие минуты! Ведь не было ни дирижеров, ни хормейстеров, но откуда-то появлялись и тенора, и басы, первые и вторые голоса, и так слаженно они звучали, так мощно и многоголосно, даже почти профессионально, что внутри хаты и около нее собирались местные жители и слушали эти импровизированные концерты со слезами благодарности.

Белорусских песен не пели, знали только плясовые «Лявониху» да «Бульбу буйну, бульбу дробну». Зато украинские про Дорошенко и Сагайдачного с их «вийськом Запоризьским», да про «Зеленый гай, густесенький», где «вода як скло блищити», да еще «Ой ты, Галю» — в репертуаре были всегда. Но больше всего любили раздумчивые русские песни, например про Ермака («Ревела буря»), в которой с каким-то особенным чувством произносились слова: **«и пала грозная в боях, не обнажив мечей, дружина...»** Чаше других запевали

любимую чапаевскую, из известного всем фильма: «Ты добычи не добыешься, черный ворон, я не твой», а особенно — «Бежал бродяга с Сахалина» и «Славное море, священный Байкал». Наверное, эти песни как-то отвечали тому состоянию души, которое было у штрафников...

Во время формирования в Городце столько песен перепели, а местные девицы своими чистыми, звонкими, высокими голосами так их украшали! Все это настолько сближало, что и танцевальные вечера, и свидания, чего греха таить, заканчивались иногда почти свадьбами. Пусть и не настоящими, но уж что было, то было. Жалостливые были женщины, и сами натерпевшиеся, и мужчин, которым один Бог знал, сколько жизни оставалось, жалели...

Поэтому, когда поступила команда срочно грузиться в железнодорожный эшелон, можно себе представить, сколько слез было пролито, и не только девчатами. Плакали и старушки, привыкшие к физической помощи молодых, здоровых мужчин и сожалевшие об утрате той сердечности, которая сложилась в общении с нашими непростыми бойцами.

...Погрузка шла слаженно и довольно быстро, так что к вечеру эшелон уже отправился в путь по восстановленной железной дороге. Оказалось, почти с правого фланга нашего фронта мы должны были переместиться на его левый фланг, то есть на самый юго-запад освобожденной части Белоруссии. Ехали сравнительно быстро, как позволяли только недавно восстановленные рельсовые пути. Я заметил два оригинальных приема, какими немцы разрушали железнодорожные пути.

Один — когда каким-то устройством, вроде гигантского плуга, смонтированного на прицепленной к паровозу платформе и опущенного на полном ходу между рельсами, каждая деревянная шпала ломалась этим «шпалоломом» пополам, как спичка. И так на протяжении сотен метров.

Другой — когда тоже на ходу, каким-то приспособлением, закрепленным свободно на головке одного рельса, вся колея

поднималась вертикально, «на попа» и становилась похожей на огромный штакетник, длиною в несколько километров.

Вначале мы следовали через Гомель, Речицу, Калинковичи. Затем уже наш путь лежал по Украине, через Овруч, Сарны и до Маневичей. Дальше железнодорожное движение еще не было восстановлено, и нам пришлось уже в пешем строю в течение двух суток пройти более 100 километров по тем территориям Белоруссии, которые называли Пинскими болотами, в район украинского городка Ратно, еще находившегося за линией фронта. Оказывается, 1-й Белорусский фронт своим левым флангом упирался в северо-западную, Полесскую часть Украины.

Там нас поставили в оборону на реке Выжевка, где мы сменили какой-то гвардейский стрелковый полк. Сама река была невелика, но ее низменные болотистые берега образовали почти километровой ширины заболоченную нейтральную полосу. Окопы, где нам предстояло держать оборону, нашими предшественниками были отрыты, наверное, еще зимой, но были добротными, полного профиля и с достаточно хорошо укрепленными стенами. На некоторых участках даже были устроены крепкие, «в три наката», землянки...

Так мы оказались в составе 38-й гвардейской Лозовской стрелковой дивизии 70-й армии. Теперь нашим командующим армией стал уже не Горбатов, а генерал-лейтенант, вскоре ставший генерал-полковником, Попов Василий Степанович.

ГЛАВА 5

Оборона севернее Ковеля. Разминирование и минирование. Как подрываются на минах. Первое ранение, медсанбат. Разоблачение «хитрецов». Начало операции «Багратион». «Языки». Подготовка к наступлению

Итак, во второй половине мая 1944 года наш батальон передислоцировался в район, близкий к еще занятому немцами г. Ратно (Северная Украина), что севернее тоже укра-

инского, более крупного и тоже еще не освобожденного города Ковель. Как писал маршал Рокоссовский в своих мемуарах «Солдатский долг», *«левое крыло Первого Белорусского фронта уперлось в огромные Полесские болота»*.

Там мы сменили в обороне на реке Выжевке какую-то часть, переброшенную на другой участок фронта. Наша 1-я рота, в которую был включен и я, встала на правом фланге батальона. Командовал ротой капитан Матвиенко Иван Владимирович, а его заместителем был энергичный, еще совсем молодой (всем нам, взводным, было тогда едва за 20 лет) старший лейтенант Янин Иван Егорович, хотя всем он представлялся Георгиевичем. Мой взвод именовался третьим и потому расположился на левом фланге роты. Справа от нас занял оборону второй взвод во главе с лейтенантом Усмановым Фуадом Бакировичем, «башкирином», как упорно он себя называл, и которого мы звали просто Федей. Первый взвод возглавлял лейтенант Дмитрий Иванович Булгаков. Оба они были старше на 2—3 года нас с Иваном Яниным.

Несмотря на сравнительно долгий перед этим период формирования, наши подразделения были укомплектованы не полностью. Например, по документам, полученным из ЦАМО РФ, *за май 1944 года поступило пополнения всего 172 человека, а за это же время отчислено вернувшихся из госпиталей 56 искупивших свою вину кровью, да по отбытии срока еще 20 человек.*

Отчасти небольшой приток штрафников объяснялся отсутствием в то время активных боевых действий в войсках фронта и, конечно же, в связи с этим — определенным затишьем в деятельности военных трибуналов. А в связи с тем, что наступательные операции на территории Белоруссии в конце весны и начале лета не проводились, новые территории не освобождались, то «окруженцев», главной составляющей пополнения штрафбата в то время, стало несколько меньше. А участок обороны батальону был выделен довольно большой, и вместо уставных 8—10 шагов, бойцы в окопах находились не ближе 30—40 метров друг от друга. Как тогда

выразился один из моих бойцов-кавказцев, «на кыломэтэр фронта адын савэцкий гражданин». По мере прибытия пополнения эти цифры, конечно, изменялись.

У нас по штатному расписанию было положено по два заместителя командира взвода. Они назначались приказом по батальону из числа штрафников, которых мы с командиром роты предлагали. По положению им присваивались на это время сержантские звания, хотя сержантские погоны с нашивками они не носили, как вообще не было погон на плечах у всех штрафников. Те бойцы-переменники, которые попали в штрафбат из кадрового офицерского состава Красной Армии, как правило, где-то в дальних карманах или среди личных вещей хранили оставшиеся от прежних времен свои офицерские погоны, в надежде когда-то снова водрузить их на свои плечи. Жаль, не всем им удавалось это осуществить.

Одним из моих заместителей был назначен опытный боевой офицер, правда, всего лишь старший лейтенант, но на 6 лет старше меня. В последнее время, перед определением в штрафбат, с учетом более чем двухлетнего его боевого опыта, он был переведен с должности командира отдельной разведроты на должность командира учебной роты дивизии, но в чем-то проштрафился. Попал он вначале в 33-й штрафбат нашего же фронта, но тот вскоре расформировался и группа штрафников, не успевших там «отвоеваться», была переведена в наш, 8-й. Это бывший старший лейтенант Петров Семен Иванович, хотя все «переменники» взвода, видимо из особого уважения, называли его «подполковником». В дальнейшем я постараюсь не употреблять слово «бывший». Это, наверное, читателю и так понятно. Ведь у всех нас было какое-то прошлое, но какое будущее ждало каждого из нас, этого никто не знал. А на стыке прошлого и будущего тогда были все мы и каждый день, и каждый час войны. Это уже потом, после войны, из фильма «Земля Санникова» в нашу жизнь вошли, впаялись намертво такие, созвучные тому опасному времени, просто гениальные слова:

Есть только миг между прошлым и будущим.
Именно он называется жизнь!

Да, тогда жизнь каждого слагалась именно из прожитых мгновений, каждый жил только тем мигом, который дарила военная судьба. Другим моим заместителем был осужденный военным трибуналом снабженец тыла дивизии. Истинного его звания, фамилии, а тем более имени точно не помню. Кажется, это был подполковник с украинской, короткой фамилией, вроде бы Шульга. Он и у меня отвечал за снабжение взвода боеприпасами, продпитанием и вообще всем, что было необходимо для боевых действий. И действовал умно, инициативно, со знанием тонкостей этого дела.

Честно признаться, мне льстило, что у меня, еще малоопытного 20-летнего лейтенанта, всего-навсего командира взвода, в заместителях ходят боевые офицеры, старше меня по воинскому званию. Но главным было то, что я надеялся использовать боевой и житейский опыт этих, уже немолодых по моим тогдашним меркам, людей. Одним командиром отделения был назначен, точно уже не помню, кажется, автомобилист артиллерийский, красивый, рослый богатырь с запоминающейся, несколько необычной фамилией — Пузырей. Поскольку он был на целых 10 лет старше меня, я называл его по имени-отчеству — Владимир Михайлович. Другим отделением командовал капитан-пограничник Омельченко, худощавый, с тонкими чертами лица классического интеллигента, быстрым взглядом и постоянной, едва уловимой улыбкой. Третьим отделением командовал (архивные документы поправили мою несовершенную память!) бывший майор по фамилии Чельшев Михаил Георгиевич, служивший до ШБ начальником связи бригады. Он тоже, естественно, был старше меня лет на 7—8. Обладал он гренадерскими усами, хотя сам далеко не гренадерского роста, зато скорый на ногу.

Посыльным к командиру роты, а заодно и ординарцем моим, в обязанности которого входила забота о своем ко-

мандире, стал еще со времен Друти и Городца разжалованный лейтенант, которого за его молодость (по сравнению с другими штрафниками) и ярко выраженную «детскость» все называли просто Женей. Это был тот самый Женя, который спас меня из ледяного плена злосчастной речки Друти под Рогачевом в конце февраля. Расторопный, везде и всюду успевающий боец, он оказался в штрафбате из-за лихачества на трофейном мотоцикле. В одном селе, где находилось их ремонтное подразделение, он сбил и серьезно травмировал 7-летнюю девочку. Получилось так, что его срок никак не убавлялся. Ведь этот коварный срок начинал исчисляться только с дней активных боевых действий, а у Жени пошли в зачет только те три дня на Друти, потом оказалась неучтенная неделя «диетической» погоды. А потом и вовсе почти два месяца на формировании в Городце. И только теперь, в окопах Белорусского Полесья, пошли ему, как и многим другим, зачетные дни, хотя у некоторых затянувшийся период нахождения в штрафбате насчитывал более трех месяцев. Многие тогда оказались в таком «отсроченном» положении.

Нештатным «начальником штаба» (проще говоря — взводным писарем) был у меня капитан-лейтенант Северного флота Виноградов. Он хорошо владел немецким языком, но, как ни странно, именно это знание языка противника и привело его к нам в ШБ. Будучи начальником какого-то подразделения флотской мастерской по ремонту корабельных радиостанций, он во время проверки отремонтированной рации на прием на разных диапазонах и частотах наткнулся на речь Геббельса. И по простоте душевной стал ее переводить на русский в присутствии подчиненных. Кто-то рассказал об этом товарищам, а слух дошел то ли до Особого отдела, то ли до слишком усердного политработника, и в результате получил Виноградов свои два месяца штрафбата «за пособничество вражеской пропаганде». А взял я его к себе в качестве писаря потому, что он обладал почти каллиграфическим почерком. К тому же он мог сгодиться и как переводчик, хотя я

сам немецкий знал сравнительно неплохо, естественно, по школьному уровню.

Конечно, законы военного времени были очень строги, и это естественно. Но в случае с Виноградовым сыграла роль, скорее, не строгость закона, а господствовавшие в то время «стукачество» и гипертрофированная подозрительность некоторых начальников. Тогда от этого больше страдало людей случайных, допустивших самые обыкновенные ошибки, просчеты, без которых не бывает ни одного серьезного дела. У нас тогда почему-то было правилом, да и осталось, наверное, и сейчас, обязательно найти (а в крайнем случае, «придумать»?) конкретного виновника, ответчика. И это, невзирая на то, что нередко бывают повинны не люди, а обстоятельства.

Отведенный нам участок обороны до нас занимал, видимо долгое время, какой-то полк, после которого остались хорошо оборудованные, даже с аккуратно обшитыми жердями стенками окопы (это на военном языке называлось «одежда крутостей»). А на моем участке — еще и просторная, как в популярной послевоенной песне, «землянка наша в три наката», которая уже при мне выдержала прямые попадания нескольких снарядов и мин. В ней разместился я с одним из своих заместителей, писарем и ординарцем. Ротный КП располагался на участке второго взвода в такой же землянке.

Как сразу нам объявили, перед нашими окопами не было минных заграждений. Зато непосредственно за нами, на всем протяжении занятых ротой траншей, — заминированный лесной завал, который мы нанесли сразу же на свои карты и довели эту информацию до каждого подчиненного. Это был частично поваленный молодой хвойный лесок, усеянный замаскированными противопехотными минами. Как оказалось потом, часть мин составляли «ПМД-6» (противопехотная мина деревянная) с 200-граммовыми толовыми шашками, а часть — с 75-граммовыми.

Мне пришла в голову авантюрная идея — переставить мины на передний край обороны роты, на полосу между на-

шими окопами и берегом реки Выжевки. Тем более что оборона казалась не только мне «жидковатой» из-за малочисленности бойцов в наших подразделениях и отсутствия минных полей и даже проволочных заграждений перед нашим передним краем

Один участок этого завала, видимо, минировался еще зимой. Мины, установленные здесь, были окрашены в белый цвет, и теперь, уже летом, под пожелтевшими хвойными веточками их обнаруживать было совсем не трудно. А вторая часть завала, отделенная от первой хорошо протоптанной тропинкой, минировалась, наверное, когда уже сошел снег, минами, окрашенными в цвет хаки. В траве и хвое их обнаруживать было значительно труднее.

Во взводе у меня специалистов-саперов не оказалось, а я еще в военном училище досконально изучал и свои, и немецкие мины (я всегда следовал и следую сейчас правилу: «лишние знания никогда лишними не бывают»). И поэтому решил сам заняться этим небезопасным делом. Подвергать опасности кого-то из штрафников, не владеющих этим, не хотелось, да и морального права, строго говоря, не имел. Тогда я как-то и не подумал, что этот минированный завал обозначен не только на наших картах, картах комбата и командира дивизии, но даже на картах штаба армии, как важный элемент обороны на особо опасном направлении в армейском масштабе.

Конечно же, минированный участок за нашими позициями не создавался специально, как заграждение за штрафниками. К слову сказать, за нашим батальоном ни при каких обстоятельствах никогда не было заградотрядов, не применялись и другие устрашающие меры. Просто это и не предусматривалось никакими приказами, и в этом никогда не возникало нужды. Смею утверждать, что офицерские штрафные батальоны были образцом стойкости в любой боевой обстановке.

Свою «саперную» деятельность я, естественно, начал с участка с белыми, «зимними» минами. Днем я их снимал,

обезвреживал, а ночью выставлял, хорошо маскируя дерном, в 30—50 метрах перед своими окопами и всегда помнил при этом золотое правило, которому наставлял нас в военном училище командир роты старший лейтенант Литвинов: «Боишься — не делай, делаешь — не бойся». Некоторые мины оказались для меня необычными. В деревянные ящички обыкновенной конструкции вместо толовых или тротиловых шашек с отверстием под детонатор были вложены плоские стеклянные толстостенные бутылочки, заполненные порошкообразным тротилмеленитом, в горлышко которых и вставлялись взрыватели-детонаторы. Бутылочки эти были обернуты в хорошую пергаментную бумагу. Эта бумага оказалась очень ценной находкой — на ней можно было писать письма родным, да и под стихи, которые иногда рождались там, она тоже годилась.

К тому времени на фронте было весьма популярным стихотворение Константина Симонова «Открытое письмо. Женщине из г. Вичуга», в котором он от имени однополчан погибшего на фронте лейтенанта проклинал неверную жену фронтовика, написавшую бесстыдное письмо этому офицеру, в котором сообщала, что отказывается ждать мужа, найдя себе более благополучного поклонника. Но пошлое это письмо не успело дойти до адресата. Зато стихи Симонова дошли до каждого фронтовика. А незадолго до этого ко мне во взвод прибыл бывший лейтенант, рассчитавшийся «пофронтовому» за измену со своей женой и ее соблазнителем. Надо сказать, что во время войны у людей, не обремененных высокой моралью, главным оправданием своих низменных поступков были расхожие фразы типа «война все спишет» или «все равно — война». Тогда у меня и родились немудреные стишки на тему верности и измены. Вот несколько строф из них:

Тяжелая война. Пожары, пепелища. Кровь.
На фронте многих беспокоят неизменно
Шекспир и Шиллер. «Быть или не быть»,
«Коварство ИЛЬ любовь».

Гадают иногда: в тылу — там верность иль измена?

.....
Увы, мораль бывает нетверда,
Иль сил нехватка одолеть крутые беды...
Сдаются женщины, теряя стыд. Тогда
Простор для сволочей и дармоедов.

Стихотворение получилось тоже длинное, как и у Симонова, потому что рассказ того штрафника взволновал тогда не только мою душу. Но завершили его строки, вполне оптимистические:

Окончится война. Уйдут Шекспировы намеки,
Надежда светлых чувств и мыслей вспыхнет вновь.
И как подсказывали классики нам издалека,
ПОБЕДЕ быть!!! И победит — ЛЮБОВЬ!!!

Мой командир отделения Омельченко, которого я привлек себе в помощники, хотя и из пограничников, но с нашими противопехотными минами был знаком и быстро освоил дело постановки их. У нас вскоре определилось своеобразное разделение труда: я искал, разряжал и снимал мины на одном месте, а он устанавливал их на другом!

Обследуя местность в районе обороны, мы обнаружили в маленьком полуразрушенном сарайчике забытый нашими окопными предшественниками склад из нескольких десятков неиспользованных мин натяжного действия. Официальное название их было «ПОМЗ-2» — «противопехотная осколочная мина заградительная». Эти мины напоминали насечкой наши ручные гранаты «Ф-1» («лимонки»). Устанавливались они на вбитые в землю колышки на высоте 20—30 см над землей. От детонаторов-взрывателей отводились проводочные растяжки, при достаточно осязательном прикосновении к которым мина срабатывала.

Установка таких мин требовала особой осторожности, тщательности и аккуратности. Они представляли более реальную опасность, чем обычные противопехотные мины. И все-таки я решил: «чем добру пропадать...», пусть с большим риском, но и эти мины буду устанавливать! Но только

сам! Никому, даже уже набравшему опыта минирования Омельченко этого дела не доверю. Подорвусь — так сам!

Конечно, со временем, и не без помощи нашего командира роты капитана Матвиенко, более опытного и старшего возрастом офицера, мы стали понимать, что не имеем права снимать мины с участка, заминированного по распоряжению старших начальников. И поэтому я уговорил ротного доложить в штаб батальона, что мы минируем участок перед своими окопами только минами-растяжками «ПОМЗ». Неожиданно командир роты согласился, но на всякий случай решил составлять подробную схему минного поля перед нашими окопами с учетом постановки всех мин.

Все шло хорошо, пока я работал на участке завала с «зимними» минами. Нам удалось без происшествий переставить и хорошо замаскировать около двухсот «белых» мин. И, плюс к тому, я успел установить добрую половину из найденных нами мин-растяжек. Так что перед нашими окопами образовалось довольно плотное минное поле.

Прошло уже около месяца, как мы встали на этом участке в оборону. Осмотрелись, освоились. Невдалеке, сразу за лесным завалом, оказались заросли кустарника черники, к тому времени вполне созревшей. И многие из нас при удобном случае совершали набеги на эти «плантации», пополняя витаминами свои организмы после нелегкой зимы. А наши тыловики разведали и грибные места. Так что даже грибные супы были для нас приятной редкостью. Меню просто изысканное для фронтовых условий!

Здесь в моей памяти вставали блюда в офицерской военоторговской столовой в запасном полку под Уфой, где мне пришлось послужить в 1943 году. Меню наших блюд там состояло в основном из щей, сваренных из квашеной капусты, наверное, позапрошлого засола, а на второе или на ужин — как правило, та же капуста, но уже тушенная... на воде. Мясных блюд почти не было, не считая котлет, в которых основным содержимым был хлеб, но чаще всего «мясным блюдом» была ржавая селедка, тоже наверняка очень давнего улова.

Тогда, видимо, и родился анекдот о том, что работники военторга купили на свои деньги для фронта самолет, как прогремевший тогда на всю страну колхозник Ферапонт Головатый, комсомольцы Хабаровского края, мои земляки, да и многие другие коллективы. Но летчики будто бы наотрез отказывались вылетать в нем на боевые задания, так как, глядя на бортовую надпись «Военторг», свои же собьют. Такой «любовью» пользовался этот «Ванькинторг», как его чаще величали.

У нас бродили слухи, что скупое офицерское питание в запасных полках было «запрограммировано» на «подъем патриотизма», и именно оно всколыхивало волны рапортов офицеров, рвущихся на фронт. Я лично с этим не был согласен, рвались мы на фронт вовсе не поэтому, а хотелось как можно быстрее принять участие в разгроме фашистов, в чем сомнений уже ни у кого не было. В то же время офицеры, как праздника, ждали очередного наряда дежурным по солдатскому пищеблоку. Там готовилась совсем другая пища, и мясные супы с белыми, толстыми, уж очень аппетитными макаронами, и гречневая или перловая каша с мясом(!)... Хоть раз в две недели наедались вдоволь и вкусно. Правда, некоторым везло и по-другому. Невдалеке был молокозавод, контингент работниц которого, в основном девицы на выданье, были завсегдаятами наших танцевальных вечеров. Ну, естественно, возникавшие на этой почве романы тоже были определенным подспорьем и в «усиленном питании».

Возвращаясь в Белорусское Полесье того времени, еще раз подчеркну, что именно здесь наши тыловики развернулись по-настоящему и показали, на что они способны. А может быть, и тылы дивизии, и армейские снабженцы действовали так умело, что нигде ни раньше, ни позднее не было так здорово организовано питание (включая офицерские «допайки», иногда даже с американским консервированным, непривычно остро пахнущим плавленым сыром и с рыбными консервами), не говоря уже о табачном довольствии. Нам, офицерам, привозили папиросы «Беломорканал». А мне, ку-

рящему весьма вместительную трубку, иногда доставались даже пачки «легкого», трубочного табака. Штрафникам, как рядовым, выдавали моршанскую махорку, а некурящим — дополнительный сахар.

Все это заставляло меня вспоминать, какая проблема была с куревом в училище на Дальнем Востоке. По курсантской норме нам табака не полагалось, а курили почти все. Рядом с училищем, за дощатым забором, находилась колония заключенных. Им регулярно выдавалась махорка. Так они нам ее продавали, по 60 рублей спичечный коробок. А 60 рублей — это было месячное денежное довольствие курсанта. И вот в щели забора мы пихали деньги, а они нам — эти спичечные коробки. Но дурили они нас, мальчишек, страшное дело. Фактически в этих коробках махорки-то было не более щепоточки, а остальное — мелкие древесные опилки, измельченный сухой дубовый лист, а иногда и сушеный конский навоз! Праздником были случаи, когда кто-то из курсантов получал от домашних посылки с папиросами. Тогда каждую папиросу курили по очереди 10—12 человек! А самым ценным подарком за усердие в службе была пачка махорки.

...С погодой нам в Белоруссии повезло. Дни стояли жаркие, сухие, воздух был густо напоен хвойным ароматом. Если бы не ежевечерние артналеты противника и другие события, связанные с выполнением боевых задач, можно было бы сравнить наше пребывание здесь с неожиданно доставшимся нам отдыхом. Батальонные интенданты с нашим эскуплом Бузуном даже раза два или три устраивали невдалеке от окопов помывку в полевой бане и смену белья, о чем мы с благодарностью вспоминали в других, менее благоприятных ситуациях.

Правда, и сосновые леса, в каких мне приходилось бывать через многие годы после войны, и хвойный аромат их всегда вызывали во мне какие-то безотчетные опасения и оживляли в памяти пережитое тогда, в июне 1944 года, на минном завале в молодом, наполовину поваленном сосновом лесочке. Так случалось даже во время «грибной охоты» в

самых различных местах Советского Союза, от Белоруссии и Прикарпатской Украины до костромских лесов и Дальнего Востока, куда забрасывала меня долгая военная служба после войны.

Однако там, на юге Белоруссии, порой жара была, как говаривали многие, почти африканской. У одного из моих штрафников даже случился то ли солнечный, то ли тепловой удар (я, честно говоря, и сейчас не вижу между ними разницы). Мы быстро привели его в чувство, а я вспомнил случай, который произошел со мной еще в августе 1941 года во время строевых занятий в разведзвезде на Дальнем Востоке.

Тогда был тоже жаркий солнечный день, и я, стараясь поднимать выше ногу, вдруг заметил, что все у меня в глазах стало двоиться, я потерял равновесие и «выпал» из строя. Меня подхватили, занесли в тень, окатили грудь холодной водой и заставили выпить круто подсоленную воду. Я тут же вспомнил, что утром не стал глотать соль, которую наш помкомзвода сержант Замятин принуждал употреблять во время завтрака перед чаем. Делали мы это так: из папиросной гильзы выдували табак и вместо него насыпали соль. Получалась внушительной длины своеобразная ампула, которую мы наловчились глотать, не ощущая самой соли и не давая папиросной бумаге раскиснуть еще во рту. Нужна была для этого определенная сноровка. Оказалось, что это было простым, но надежным способом предупреждения тепловых ударов перед тяжелой работой или походом в жару. Труднее было тем, у кого не оказывалось папирос: приходилось заворачивать эту порцию в обычную, даже газетную бумагу или просто глотать «голую» соль. Как нам разъяснил тогда наш сержант, соль удерживала воду в организме, и он не обезвоживался вследствие обильного потоотделения, а это и было тогда основой армейского способа профилактики тепловых ударов.

И вот здесь, на Белорусском фронте, мой личный опыт пригодился. Я приказал всем командирам отделений строго следить за неукоснительным выполнением этого утреннего

«солевого» ритуала, так сказать, «солевой инъекции». Случаев тепловых ударов в дальнейшем ни в обороне, ни в изнурительном наступлении больше не было. Помогло!

А в то время, в июне 1944 года, я перешел (аппетит приходит во время еды!) на «зеленые» мины. Их обнаруживать стало значительно труднее. Где-то на втором или третьем десятке этих «неудобных» мин мне не повезло, и я... подорвался на одной из них!

Произошло это 26 июня. Как сейчас помню, часам к 12 дня, обойдя свои окопы, убедившись в том, что на моем участке обороны все в порядке, я доложил об этом командиру роты. В очередной раз хорошо подкрепился вкуснейшей белорусской черникой, вкус которой кажется и сейчас неповторимым, и, получив разрешение ротного, пошел продолжать уже почти привычную работу по разминированию. В этот раз я успел снять несколько мин, положил их на пенек, сделал шаг в сторону и, как мне показалось, высоко взлетел в воздух от взрыва, прогремевшего подо мной.

«Полет» мой был краток — почти мгновенно я оказался лежащим на земле плашмя, лицом вниз. Первое ощущение — очень болезненно печет левую ногу. Значит, думаю, ноги этой уже нет, а ощущение это — просто фантомная боль. Решил повернуться, посмотреть, что от нее осталось. Но когда поднял голову — обомлел! Сантиметрах в 10—15 прямо перед глазами — мина! Как я не угодил на нее головой?! Это просто чудо! (Вот тогда и появились в моей черной густой шевелюре первые седые волосы.) Овладев собой, я уже привычно, почти автоматически (все-таки опыт — великое дело: ведь я разрядил более двух сотен мин!) осторожно вынул детонатор-взрыватель, разогнул в сторону усики чеки и стал внимательно осматриваться вокруг. Сбоку справа увидел еще одну мину, тоже совсем близко. Только после того как разрядил и ее, повернулся и обнаружил, что моя нога на месте, только носок сапога неестественно повернут внутрь. Попробовал пошевелить пальцами, чувствую — удалось. Значит, нога не

оторвана! Видимо, наступил на «маленькую», 75-граммовую мину. Потом, анализируя тот факт, что нога не отделена от моего брэнного тела, я понял, что, к счастью, наступил, видимо, не на саму мину. Мой сапог пришелся, очевидно, на какую-то толстую ветку, лежавшую одним своим концом на mine, и взрыв произошел сбоку, наверное, сантиметрах в 20—30 от ноги.

Услышав взрыв, командир отделения Пузырей с криком: «Лейтенант, живой?» — бросился напролом ко мне. Я понял, что он может сейчас тоже напороться на мину, и заорал что было мочи: «Стоять! Не двигаться! Я выберусь сам!» Кое-как встал и, еще не чувствуя острой боли, волоча поврежденную ногу, стал выбираться по уже разминированной части завала к тропе. Почувствовал, что в сапоге что-то хлюпает. Понял: кровь. Вот и первое ранение!

С трудом выбрался. Меня подхватили Пузырей и ординарец Женька, уволокли к землянке, разрезали и сняли сапог. Индивидуальным пакетом перевязали ногу и на какой-то тачке, неведь откуда взявшейся, отвезли на батальонный медпункт, который располагался километрах в полутора от окопов в селе с запомнившимся названием — Выдраница, недалеко от штаба батальона, находившегося в селе Замшаны. Оттуда в тот же день к вечеру меня, перевязав уже профессионально, доставили в медсанбат.

Вывих, если можно так назвать выскочившую из своего нормального положения ступню, мне там вправили (вот когда ощущение боли пришло ко мне в полной мере!), противостолбнячный укол сделали, рану обработали и ногу забинтовали основательно, с шиной, как при переломе. Однако коварство этих мин из стеклянных бутылочек мне довелось узнать не сразу. Если крупные стеклянные осколки, обнаруженные на ощупь при обработке раны, удалили тут же, то те, что помельче, остались в ноге. Они даже не обнаруживались после и под рентгеном. И эти оставшиеся в ноге стекляшки

выходили из нее еще много лет после войны, через долго незаживающие свищи, напоминая мне этот лесной завал...

Уже спустя несколько дней, в медсанбате я стал, опираясь на костыль, с трудом ходить. Вскоре заменил костыль палкой, с которой расстался только недели через две после выписки, уже у себя в штрафбате. Через неделю лечения мне кое-как удалось уговорить медсанбатовское начальство отпустить меня в мой батальон. Тем более что надо мной стали сгущаться тучи. Наш особист, старший лейтенант Глухов, почти ежедневно посещавший меня в медсанбате, подробно выпрашивал у меня, кто принял решение снимать мины с лесного завала. Нужно было отвечать за несанкционированную ликвидацию этого элемента обороны, не бросая никакой тени на ротного, согласившегося на это.

А тут еще за время моего лечения случилось непредвиденное. Уже набравший опыта мой помощник по минному делу Омельченко решил самостоятельно, без меня, да и самовольно продолжить установку «ПОМЗов». И погиб, когда по неосторожности в темноте задел проволоку только что взведенной им мины. А она, как назло, сработала. Да, к сожалению, так эффективно! Поистине, минер и сапер ошибается один раз. Вот и ошибка Омельченко для него была последней. Очень жаль было этого почти всегда улыбающегося человека.

Когда я вернулся из медсанбата, Семен Петров, командовавший взводом без меня, порекомендовал взять командиром отделения вместо погибшего Омельченко бывшего начальника инженерной службы полка, Шеостунова Федора, лейтенанта, которого он знает еще по 33-му ОШБ и который неплохо знает минное дело. Хотя я твердо решил, что этой самодеятельностью заниматься без приказа свыше не буду, совету Семена Ивановича последовал

Как потом рассказал мне начальник штаба Лозовой Василий Афанасьевич, наш комбат, тогда уже полковник Осипов, предварительно побеседовав со мной в медсанбате, лич-

но ездил к командующему 70-й армией генералу В.С. Попову хлопотать за меня. Мол, молодо-зелено. Ясно, что в молодости человек загорается как сухие дрова. Наберется, мол, вскоре этот юный лейтенант опыта, остепенится и больше не будет делать необдуманных, опрометчивых шагов...

Выписали меня. А в справке написали: «Выписывается по настоятельной просьбе больного с амбулаторным лечением при части». Друзья в штабе батальона мне рассказали, что там всерьез обсуждали, как уберечь меня от трибунала за это, хотя и с благими намерениями, но умышленное «вредительство» и не дать свершиться моему переходу из категории командира штрафников просто в штрафники. И, говорят, визит комбата к командарму снял этот вопрос с «повестки дня». Да еще мне помогло то, что на установленных нами минах однажды ночью подорвались несколько немцев. Они, видимо, пытались проникнуть в наше расположение за «языком». Наверное, и для фрицев наличие минного поля здесь тоже оказалось неожиданностью.

Уже говорилось, что немцы не раз пытались как-то установить, какая воинская часть теперь противостоит им на этом оборонительном рубеже. Но все-таки им удалось определить, что это был штрафбат. Несколько позднее через свои громкоговорители немцы в начале каждой агитпередачи на русском языке обязательно включали нашу знаменитую песню «Катюша» и даже исполняемую по-немецки «Вольга-Вольга, Мутти Вольга», а затем уже призывали штрафников повернуть оружие против своих «командиров-притеснителей» и вместе с тем называли нас «бандой Рокоссовского». Как нам было и раньше известно, это прозвище дали немцы именно нашему батальону еще в 1943 году, когда батальон впервые вступил в бои на Курском выступе в полном составе тогда еще на Центральном фронте, которым командовал генерал Рокоссовский Константин Константинович.

В свободное время (а оно в обороне иногда все-таки бывало) офицеры вели со штрафниками беседы о боевом опы-

те — и своим, и самих штрафников. Это было, если хотите, что-то вроде обмена опытом или «курсов повышения квалификации». Находилось в этих беседах место и анекдотам, нередко скабрёзным и даже плоским, пошлым. Иногда переиначивались на такой же пошлый лад наиболее популярные лирические песни. Вот, например, самый безобидный вариант некоторых строк из песни «Темная ночь» из фильма «Два бойца» звучал так:

И у детской кровати тайком
Сульфидин принимаешь...

Такое было жесткое время. А сульфидин в то время был новейшим и эффективнейшим средством не только от всякого рода воспалительных заболеваний, но и от некоторых венерических болезней.

Из рассказов бывалых воинов о боевых действиях я почерпнул многое и, в частности, узнал, что мой случай подрыва на mine не такой уж исключительный, что-то аналогичное со счастливыми исходами случалось и с другими. А мне запомнился рассказ командира роты капитана Матвиенко о том, как его однажды подкараулил в засаде здоровенный фриц, схватил, зажал под мышку и потащил. Кое-как ухитрился Иван свою болтающуюся где-то внизу ногу вставить между ног фрицу. Он просто не ожидал такой подножки, упал и на мгновение выпустил пленника, а Иван успел за этот миг сапогом ему «врезать меж глаз» и убежать.

Один из штрафников, майор по фамилии, кажется, Авдеев, сам был в недалеком прошлом командиром отдельной штрафной роты (армейской). Она состояла не из провинившихся офицеров, как роты в нашем ШБ, а из рядовых и сержантов, покинувших поле боя или отступивших без приказа. Были там и просто дезертиры или мародеры, а также бывшие заключенные-лагерники, которым была предоставлена возможность искупить свою вину на фронте. Наверное, не многие знают, что такую возможность они буквально завоевывали примерным поведением и даже своеобразным сорев-

нованием за это право. Не всем желающим такое право предоставлялось.

Авдеев рассказал, как его самого угораздило в штрафбат. Рота, как обычно, наступала в тяжелых условиях. В течение трех дней ожесточенных боев за крупный населенный пункт рота почти из пятисот бойцов потеряла больше половины убитыми и ранеными. А старшина и писарь роты, получая продовольствие после того, как оставшуюся часть роты вывели из боя, «забыли» сообщить о потерях и получили продовольствие на весь списочный состав роты. Образовался хороший запас и американской свиной тушенки, и кое-чего другого, а главное — солидное количество спиртного! Ну, не сдавать же обратно все это добро! И решил ротный, коль уж так случилось, устроить поминки погибшим. Да заодно и обмыть награды, которых были удостоены и сам командир роты, получивший третий орден Красного Знамени, и оставшиеся в живых штатные офицеры и кое-кто из отличившихся особо штрафников. Пригласил командир этой роты и армейское начальство, с которым имел хорошие контакты, в том числе из разведотдела штаба армии, даже некоторых офицеров армейского трибунала и прокуратуры, с кем имел дело по осужденным.

А вскоре «за злостный обман, повлекший за собой умышленный перерасход продовольствия» (это вам не «колоски» на хлебном поле!), оказался на скамье подсудимых и получил 5 лет лишения свободы с заменой двумя месяцами штрафбата. Не помогли ни только что полученная награда, ни присутствие на «поминках» представителей армейских карательных органов.

Много поучительного было в этих беседах и рассказах.

А между тем немцы постепенно активизировали свою информационную войну против нас. Они постоянно забрасывали к нам и с самолетов, и специальными агитснарядами большое количество разных листовок. В них содержались призывы сдаваться (листочки-пропуска в плен, так называемые ШВЗ — «штык в землю»). Масса листовок была о том,

будто сыновья Сталина и Молотова уже сдались в плен и проклинают своих отцов. Ну и всякое другое, чему мы, конечно, не верили.

Надо сказать, что наш особист Глухов, да и некоторые политработники поначалу очень ревностно следили за тем, чтобы штрафники не подбирали и не прятали листовок (тем более — пропусков ШВЗ). Видимо, был у них такой приказ. Но вскоре убедились, что эти листовки штрафники брезговали пускать даже на махорочные самокрутки, а использовали только по известной «нужде», и тогда поостыли в своем рвении.

Поскольку меня за рогачевский рейд ничем не отметили, мне не раз приходила мысль, что меня «обошли» наградой, может быть, потому, что мой отец в 1942 году, как я уже говорил, был репрессирован за нелестное высказывание в адрес руководства страны о неудачах на фронте в первое время. А может, думалось, и потому, что один из моих старших братьев, Виктор, пропал без вести в конце 1942 года под Сталинградом. Не попал ли он в плен и не смалодушничал ли? Хотя, зная его твердый характер, я в корне отвергал такую возможность. Но какие только мысли не приходили тогда на ум. Время было такое. Да и мировоззрение, определенным образом воспитанное в духе абсолютного неприятия плена, как альтернативы смерти. А если говорить дальше о немецких листовках, то были и такие, которые утверждали, будто есть приказ Сталина не награждать тех, кто еще не получил ранения. Чуть это, думал я. Ведь живым примером обратного был наш Ваня Янин, имевший уже несколько орденов и медалей, хотя и ни разу не был ранен.

Однако после того как я подорвался на mine и получил ранение, вместо ожидаемого наказания за несанкционированное разминирование завала, в начале июля приказом командующего 70-й армией генерала Попова В.С. я был награжден орденом Красной Звезды. Как сказал мне при вручении ордена наш «Батя» — комбат Осипов, «за решительность, инициативу и смелость по укреплению обороны и за умелые

боевые действия в боях за город Рогачев». Так сказать — «по совокупности». У нас чаще всего награды были не за отдельные бои и боевые достижения, а именно «по совокупности».

К слову сказать, в нашем комбате удивительно совмещались немногословие, твердость и строгость, с одной стороны, и доброта, отцовская забота — с другой. Недаром все его иначе не называли между собой, как «Батя», «Отец».

Так счастливо для меня закончилась эта минная история. Хотя с минами вообще мое «взаимодействие» случалось не раз, но всегда удивительно удачно. По ходу описания боевых действий я еще об этом расскажу.

Этот оборонительный период на левом фланге 1-го Белорусского фронта был насыщен и другими боевыми эпизодами. Были и события, которые прошли как-то мимо моей памяти, не задержавшись в ней. Но почти все, что происходило здесь и в ходе наступления, отпечаталось в ней прочно.

Впечатление «нечаянного отдыха» было, конечно, далеким от истинного смысла этих слов. Постоянные артоналеты, интенсивные обстрелы приводили и тогда к серьезным потерям. Так, однажды во время артиллерийско-минометного налета тяжелая мина угодила в легкое перекрытие подбрустверного блиндажа, где размещался мой друг Петя Загуменников, командир взвода противотанковых ружей. Результат: трое убитых, двое раненых, а друг мой тоже чуть не погиб, отделавшись контузией, после которой он долго почти не слышал. Видимо, распознав по губам мой вопрос «Почему не в медсанбате?» — ответил: «Так пройдет!» И прошло же! И такое случалось довольно часто, так что потери были и в обороне.

Как я уже говорил, немцы всяческими методами, в том числе и авиаразведкой, пытались раскрыть систему нашей обороны и определить изменения в ней, происшедшие за последнее время. Над нами повадилась нахально летать «рама». Так на фронте прозвали фашистский двухфюзеляжный разведывательный самолет-корректировщик «фокке-вульф».

Один штрафник-пулеметчик приспособил колесо перевернутой крестьянской телеги под вращающуюся турель ручного пулемета Дегтярева и в очередной пролет на низкой высоте этой «рамы» так удачно запустил в нее длинную очередь трассирующих и бронебойных пуль, что самолет «клюнул», резко стал снижаться и, едва перелетев через речку, упал и взорвался. Летчик даже не смог воспользоваться парашютом.

Сколько было радости у нас! И не только потому, что «наша взяла»! Радостно было в первую очередь штрафникам! Знали, что за сбитый самолет или подбитый танк надлежало награждение орденом Отечественной войны! Причем без тех условий, когда за боевые отличия награждали медалями или орденами, если подвиг бойца был выше по своему значению, чем основания для снятия с него вины. А для штрафника награждение орденом — это и освобождение от штрафбата без пролитой крови, без ранения.

К сожалению, были и другого рода «подвиги» штрафников. Ежедневно, как уже упоминалось, фашисты совершали на нас мощные артоналеты. Наша артиллерия на них, как правило, не отвечала. Была жесткая установка на максимальную экономию артбоеприпасов, да и патронов. Мы и раньше замечали странную, на наш взгляд, особенность пресловутой немецкой аккуратности — совершать эти налеты в определенное время суток, почти каждый раз после 9 часов вечера. И хотя к этому времени все старались находиться, как правило, в окопах, вдруг стали появляться среди штрафников легко раненые осколками в мягкие ткани, как правило, в ягодицы. Ну, а коль скоро штрафник ранен, пролил кровь — значит, искупил свою вину со всеми вытекающими отсюда последствиями. Число таких случаев здесь, в обороне, где время пребывания в штрафбате текло как-то медленнее, стало подозрительным. Тогда нашему особисту через других штрафников, презрительно относившихся к таким

«хитрецам», удалось узнать истинные причины и технологию этих ранений.

Оказывается, во время артналета, под грохот разрывов снарядов, «изобретатели» этого способа бросали в какой-нибудь деревянный сарайчик, а то и в глухой окоп ручную гранату, а затем из стен сарайчика или обшивки окопа выковыривали ее осколки. После этого из автоматного патрона вынимали и выбрасывали пулю, высыпали половину пороха, и вместо пули вставляли подходящего размера осколок. А дальше — дело техники. В очередной артналет из этого автомата выстреливали заряженный осколок в мягкое место — и получали «легкое ранение», а значит, вожделенную свободу.

Правда, когда эту хитрость раскусили, почти всех «хитрецов» выловили в войсках и вновь судили, теперь уже за умышленное членовредительство и фактическое дезертирство из штрафбата. Не все «умники» возвращались в ШБ. Некоторых, с учетом их прежних «заслуг», приговаривали к высшей мере и расстреливали. Основная масса свидетелей этих расстрелов одобрительно встречала приговоры. Вообще к трусам и подобным «изобретателям» в офицерском штрафном батальоне относились, мягко говоря, негативно.

Вспоминаю мои первые дни в батальоне. После наступления в районе города Жлобина он понес большие потери, в том числе и в командном составе, и стоял в обороне. Естественно, требовалось срочное пополнение. Именно тогда была отобрана в 27-м ОПРОСе (Отдельном полку резерва офицерского состава) наша группа из 18 офицеров на командные должности. А к концу войны из этой группы остались в батальоне только трое: я, Миша Гольдштейн и Иван Матвиенко. Прямо как в послевоенной песне «На безымянной высоте», где *«нас оставалось только трое, из восемнадцати ребят...»*

Тогда, в конце декабря, в мои первые дни командования взводом в обороне под Жлобином, я еще не вжился в особенности структуры штрафбата, не понял тонкостей взаимоот-

ношения штрафников с комсоставом и между собой. Лишь обратил внимание на обращение начальников к подчиненным, в том числе и к штрафникам, на «ты». И это, оказывается, нисколько людей не задевало. Наоборот, они чувствовали в этом «ты» определенную близость: значит, считают их своими. Ведь большинство штрафников, прибывших в ШБ, были в званиях, да и возрастом старше многих из нас. Контингент штрафников был от младшего лейтенанта до подполковника. За время моего пребывания в штрафбате ни одного полковника не видел. Редко, но иногда и к нам, молодым лейтенантам, некоторые штрафники, особенно из заметно старших по возрасту, обращались на «ты», например: «Лейтенант, ты не жалеешь сильно нас...», и это вовсе не мешало каждому из них правильно чувствовать именно свое место. И не это главное. А суть в том, на каких основах строились взаимоотношения штрафников между собой и с командирами, и неважно, в каких воинских званиях они были до того, как попали в штрафбат, — из «окруженцев» или из боевых офицеров. Важно было, как относились сами штрафники к «хитрецам», вроде того, что просил прострелить ему руку, или тех, «легко раненых» здесь, в обороне. Редко они встречались у нас, такие «хитрецы», но все-таки бывали. О некоторых из них я и расскажу по ходу воспоминаний.

Не могу не рассказать об одном «выдающемся» штрафнике, прибывшем во взвод в начале июля 1944 года, когда мы стояли в обороне. Запомнил о нем многое, такой он был «особенный». Это бывший инженер-майор Гефт Семен Давидович. Когда я познакомился с копией приговора, чувство брезгливости овладело мною. Осужден он был, как теперь сказали бы, за сексуальное домогательство и половое насилие в особо извращенном виде. Это сегодня, когда одним из «достижений» демократии в нашей стране стала так называемая «сексуальная революция», она привела к тому, что даже для младших школьников *все обо всем* стало понятным в подробностях. Известны неединичные случаи детской проституции и беременности, а валютная проституция кажется

некоторым девочкам лучшей профессией в мире, а наши законодатели нет-нет да и заговаривают о легализации «древней профессии». А тогда мы, уже не школьники, не знали еще того, что знают теперь еще не достигшие подросткового возраста мальчики и девочки. Тем не менее понимали глубину падения таких любителей «острых ощущений». Наверное, я был не прав, но рассказал об этом насильнике своим заместителям.

А дело состояло в том, что, будучи инженер-майором, начальником автобронетанковой службы гвардейской кавалерийской механизированной дивизии и создав себе возможность питаться отдельно от всех, он не только заставлял девушек-солдаток, выполнявших обязанности официанток, приносить ему пищу, но и принуждал их во время завтраков и ужинов удовлетворять свои сексуальные прихоти. Что это такое, мы, несмотря на свою тогдашнюю сексуальную необразованность, понимали. При этом он угрожал бедным солдаткам, что если они откажутся выполнять его требования или, тем более, пожалуются кому-нибудь, то у него хватит власти загнать их в штрафную роту (девушки не знали, что женщин в штрафные части уже не направляют). А это было по всем меркам насилием и шантажом с использованием служебного положения. Приговор был суров: десять лет лишения свободы с заменой тремя месяцами штрафного батальона. И нам казалось это очень даже справедливым. Тогда не только армейские законы, но и законы морали были значительно строже, чем сейчас, когда у нас стало модным подражать «цивилизованным» странам. Особенно после того, как современные идеологи ухватились за горбачевские «общечеловеческие ценности», вроде «сексуальной революции», которая привела к невиданному падению морали среди не только молодежи. Боюсь, что в наше время этот половой извращенец и насильник отделался бы в лучшем случае выговором.

Представляясь мне о прибытии во взвод, он, видя мои «старлейтские», по выражению моряков, звездочки на пого-

нах, подчеркнуто, даже нагло называл себя «инженер-майор Гефт». Пришлось ему напомнить, что он лишен своего прежнего звания и, чтобы вернуть его, нужно очень постараться. А пока его воинское звание здесь, как и у всех, кто попал в ШБ, — «боец-переменник».

На своем «военном совете» с заместителями и командирами отделений мы решили направить Гефта в отделение Пузыря, на отдаленный участок. Предупредили его о том, чтобы всегда, но прежде всего во время вечерних немецких артналетов, он внимательно наблюдал за противником в своем секторе, чтобы не допустить его приближения к линии нашей обороны или его проникновения в окопы под прикрытием артогня. Особо отметили, что фрицы уже давно на нашем участке охотятся за «языком».

Однако в первый же вечер Владимир Михайлович доложил мне, что Гефт во время артналета ложился на дно окопа, закрывался с головой плащ-палаткой, за что был бит замечившим это другим штрафником. Я приказал командиру отделения постараться убедительнее проучить этого «е..рь-майора», как по аналогии с «обер-майором» ему успели дать кличку штрафники. И как только они успели узнать о его похождениях? Видно, «солдатский телеграф» здесь тоже работал исправно!

Я еще не успел забыть об этом, как через день-два, под вечер, почти сразу после немецкого артналета, в землянку влетел командир отделения Пузырей и выпалил: «Ничему не удивляйтесь и пока молчите!» Я не успел отреагировать на это неожиданное появление взволнованного командира отделения, как буквально вслед за ним по ступенькам скатился большой клубок связанного таким образом человека, что голова его и руки закутаны плащ-палаткой и обвязаны вместе какой-то веревкой. Вслед за ним, неестественно что-то крича по-немецки, быстро перебирая ногами ступени, ввалился мой «переводчик» Виноградов. Ну, думаю, «языка» приволокли! И как же это удалось им, да еще почти засветло! А эта мысль пришла мне потому, что я все-таки понял смысл не-

скольких фраз Виноградова, обращенных к плененному, да и его торопливых ответов «Я...Я...Я...», означающих полное и безоговорочное согласие на что-то. Потом Виноградов четко по-немецки, обращаясь к несуществующему какому-то «обер-лейтенанту», что-то доложил и с помощью другого штрафника стал развязывать стоящего на коленях плененного. Я понял, что этот доклад обращен ко мне, и ожидал увидеть пленного фрица, но почти обомлел, увидев... Гефта! Оказывается, в очередной раз его, струсившего и снова не ведущего наблюдения за противником, командир отделения и несколько штрафников связали, а теперь приволокли ко мне в землянку. Наверное, как и современные преступники не терпят в своей среде насильников, так и тогда это было похоже на месть насильнику с их стороны.

Тут «развязал» язык Пузырей. И пока он рассказывал, как Гефт, снова закрыв голову плащ-палаткой, прятался в окопе, у них, наблюдавших за ним, родился план имитировать захват языка немцами, по дороге снова надавав ему изрядное количество крепких тумаков. Сам Гефт, до которого стала доходить ситуация, где он при мне давал согласие сотрудничать с фашистами, будто не по-человечески стал вначале завывать, потом просто выть и, наконец, упал на пол землянки и зарыдал в голос. Дошло, наверное, до него, что будет, если я о случившемся доложу комбату или хотя бы особисту Глухову.

Я понимал, что мой приказ «проучить убедительнее» был выполнен с лихвой. Поэтому я приказал отобрать у Гефта оружие (как бы чего он сдуру или со страха не наделал!), а его самого посадить в отдельный окоп и приставить охрану. Получилось что-то вроде гауптвахты.

До утра его, дрожащего от страха и пережитого, продержали там, а назавтра я имел с ним продолжительную беседу, от которой, честно говоря, не получил никакого удовлетворения (хотя от наглости Гефта не осталось и следа). Просто мне никогда еще не приходилось иметь дело с таким патологическим трусом. Командиру отделения я приказал вернуть

ему оружие, но на все время пребывания в батальоне установить за ним наблюдение.

После этого случая Гефт перестал прятаться во время арт-обстрелов, и мне показалось, что он переборол свою трусость. Тогда я вспомнил кого-то из классиков, говоривших, что первая, даже ничтожная победа над собой — это уже хотя и маленький, но все-таки залог будущей стойкости. И я надеялся, что уж после этого события он, если не будет ранен, отбудет все свои три штрафных месяца полностью. Правда, этому моему предположению не суждено было сбыться.

Надо отметить, что в этом сравнительно длительном оборонительном периоде боевых действий было хорошо налажено и снабжение, и работа полевой почты, и всякого рода информация. Нам регулярно доставлялись, хоть и в небольшом количестве, даже центральные газеты «Правда», «Звездочка» (как называли «Красную звезду»), «Комсомолка» и другие, а письма даже из далекого тыла приходили (мне, например, от матери и сестрички с Дальнего Востока), хотя иногда и со значительной задержкой, но всегда надежно. Кстати, здесь я получил от родных письмо, надолго поселившее в моей душе горечь потери, о том, что мой самый старший брат Иван, на которого я был очень похож и который был во всем примером для меня, погиб на фронте еще в 1943 году...

Со смешанным чувством, в котором все-таки было больше радости, чем досады, мы встретили известие об открытии союзниками, наконец, давно обещанного второго фронта. Три года ждали — наконец дождались. Если бы не двухлетние отговорки и проволочки, сколько бы жизней наших воинов и советских людей, погибших на оккупированных территориях и в концлагерях, могло бы быть сохранено! А теперь всем было ясно, что наше продвижение на запад стало уверенным и необратимым, и для Советского Союза такой острой необходимости во втором фронте, как год-два назад, уже не было. Но... «дареному коню в зубы не смотрят». И на том

спасибо! Произошло это, как всем известно, 6 июня 1944 года. Тогда и на фронте мы не забыли, что это совпало с днем рождения нашего великого Пушкина.

Полевая почта в те военной поры годы работала четче, чем, например, сейчас. Письма от мамы с сестренкой с моего родного Дальнего Востока успевали доходить до наших окопов дней за 15. А сегодня, например, письмо из Санкт-Петербурга до Харькова может добираться более месяца, а то и вовсе где-то затеряться. Фронтные треугольнички от моей знакомой девушки приходили вообще быстро, дня за 3—4, значит, была она где-то недалеко. Да мы еще условились обманывать военную цензуру и сообщали друг другу места, откуда отправляли письма. Делали мы это так: в письме сообщали, с кем встречались или кому передаем приветы и из первых букв их имен или фамилий составляли название пункта дислокации. Например, если я получаю приветы от «Сони, Лены, Ульяны Царевой и Коли», значит, госпиталь находится в **Слуцке**. И цензура ни разу не разгадала нашей хитрости.

Интенсивно в основе своей работал тогда и политаппарат батальона, особенно в деле информирования нас о событиях в стране и на фронте. С большим интересом читали мы газеты и передаваемые нам рукописные сводки «От Советского информбюро». До нас, хотя и с большой задержкой, дошло известие о гибели генерала Ватутина, смертельно раненного под городом Сарны. По этим сведениям, ранен он был группой бандеровцев, действующей по эту сторону линии фронта. Тогда в этих районах бродили в лесах их банды и группы других фашистских наймитов. Совершенно неожиданным, но от этого не менее впечатляющим, было сообщение о том, что по улицам Москвы провели под конвоем огромную массу немецких военнопленных генералов, офицеров и солдат.

Приятно и радостно было узнать, что белорусские партизаны активизировали свои действия на территории всей республики и наносили врагу ощутимые удары. *Только за одну*

ночь на 20 июня в ходе «рельсовой войны» партизаны подорвали 40 тысяч рельсов. Как признавал позже начальник транспортного управления немецкой группы армий «Центр», «молниеносно проведенные крупные операции белорусских партизан вызвали в отдельных местах полную остановку железнодорожного движения на всех важных коммуникациях». (Великая Отечественная война Советского Союза. 1941—1945 гг. Краткая история. 1984).

Примерно в это же время мы узнали о героической гибели гвардии рядового 3-го Белорусского фронта Юрия Смирнова, зверски замученного и распятого на двери блиндажа фашистами, так и не добившимися от него никаких сведений. Это всколыхнуло нашу ненависть к гитлеровцам и вызвало стихийные митинги с обещаниями отомстить за Юру. В наших глазах и сердцах он был таким же героем, как и Зоя Космодемьянская.

Центральные газеты сообщали о начале наступательной операции всех трех Белорусских фронтов, получившей название «Багратион». Особенно приятным было известие об освобождении Жлобина, в районе которого наш батальон воевал еще в декабре 1943-го. Тем более что его освобождение произошло в памятный для меня день — 26 июня, когда я подорвался на mine.

Маршал Победы, как его вполне заслуженно именуют теперь, Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» констатирует:

«Для обеспечения операции «Багратион» в войска надлежало направить до 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горюче-смазочных материалов, до 500 тысяч тонн продовольствия и фуража... Все это следовало перевезти с большими предосторожностями, чтобы не раскрыть подготовку к наступлению... Несмотря на большие трудности, все было сделано в срок».

А маршал Рокоссовский, говоря о подготовке этой беспримерной стратегической наступательной операции, в своих мемуарах «Солдатский долг» писал:

«Наше счастье, что в управлении тыла фронта у нас подобрались опытные, знающие свое дело работники... С чувством восхищения и благодарности вспоминаю генералов... Н.К. Жилина — интенданта фронта, А.Г. Чернякова — начальника Военных сообщений... Они и сотни, тысячи их подчиненных трудились неутомимо».

Привожу эту цитату еще и в связи с тем, что когда через 5 лет после войны я поступил на учебу в Военно-транспортную академию в Ленинграде, носившую тогда имя Л.М. Кагановича, начальником этой академии был генерал-лейтенант Черняков Александр Георгиевич, тот самый, что был начальником Военных сообщений у Рокоссовского. И там я узнал, что для решения проблем срочного и бесперебойного пополнения войск фронта всем необходимым для этой операции Александр Георгиевич, в ведении которого находились и все железные дороги в полосе фронта, принял решительные меры к их восстановлению. А к тому времени была подготовлена только одна колея. А чтобы увеличить ее пропускную способность в одном направлении — к фронту и избежать встречного обратного возвращения порожняка в тыл, генерал Черняков принимает решение: освободившийся подвижной состав на станциях выгрузки загонять в срочно сооружаемые временные рельсовые тупики. И даже сбрасывать уже пустые вагоны с рельсов, чтобы освободить пути для поездов, идущих на фронт с грузами для предстоящего наступления! Ведь надо же было взять на себя ответственность за такое решение во имя единой цели! И я был горд тем, что учусь в академии под началом одного из легендарных генералов плеяды прославленного маршала.

Мы только теперь, изучая те события, понимаем весомость того, что наш Первый Белорусский фронт тогда имел протяженность с севера на юг около 900 километров. А против него, как известно, стояли 63 немецкие дивизии и другие войска общей численностью 1 млн. 200 тыс. человек, 9500 орудий, 900 танков, 1350 самолетов. И, конечно, нас радова-

ло, что на нашем фронте в районе Бобруйска в конце июня были окружены 5 пехотных и одна танковая дивизии немцев и пленены более 20 тысяч фашистских вояк. А вскоре примерно столько же солдат вермахта было взято в плен при освобождении Минска. Тогда же войска нашего фронта освободили и украинский город Ковель, севернее которого все еще в обороне стоял наш батальон. Маршал Рокоссовский об этих событиях пишет так:

«Враг, развязавший войну, в полной мере ощутил на себе силу наших ударов. Ему теперь пришлось испытать поражение за поражением, и без всякой надежды на более или менее благоприятный исход войны... Не помогли немецко-фашистскому командованию и замены одного генерала другим. Из данных разведки нам стало известно, что неудачливого фельдмаршала Буша, командовавшего группой армий «Центр», заменил Модель. Среди офицеров штаба ходила поговорка: «Модель? Что ж, давай Моделя!» Видимо, кто-то из товарищей переиначил крылатую фразу Чапаева из знаменитого кинофильма: «Психическая, говоришь? Давай психическую!»

По всем признакам было видно, что и наш оборонительный этап боевых действий вскоре тоже должен перейти в наступательный. Да и судя по интенсивному поступлению все новых задач по выявлению огневых точек противника, по захвату «языков», чувствовалось приближение наступления и на нашем участке фронта. Уже после войны я узнал, какую роль сыграл наш командующий фронтом, тогда еще генерал армии Рокоссовский, отстояв перед Ставкой и Сталиным свой замысел операции «Багратион». А она вошла в историю как битва за Белоруссию.

Эта операция, начавшаяся 24 июня 1944 года, почти день в день через три года после нападения фашистов на нашу Родину, стала еще одним сокрушительным ударом по фашистской военной машине. Ведь здесь, оказывается, были окружены 100 тысяч отборных войск вермахта, а в целом немцы потеряли тут более 350 тысяч своих головорезов. Эту битву

по своему военно-стратегическому значению уже после ее завершения приравняли к победе под Сталинградом. Если там была пленена армия Паулюса, то здесь была разгромлена и перестала существовать целая группа армий «Центр». И это было убедительное свидетельство силы, стойкости, мужества и решительности не только Красной Армии, но и всего советского народа.

...Наша активность по выявлению данных о противнике была самой разнообразной. Например, был у нас в роте, как я уже говорил, 20-летний старший лейтенант Иван Янин, кстати, трижды отмеченный правительственными наградами, но не имевший ни одного ранения. Это был человек безграничной, просто безумной храбрости. Например, для того, чтобы выявить размещение огневых средств противника, наш Ванюша цеплял начищенные до блеска награды и имевшиеся у него в запасе золотые погоны (где удалось ему их достать? У нас были только полевые, защитного цвета), поднимался на бруствер окопа. И в яркий, солнечный день, не спеша, прогуливался по нему на виду у немцев, фактически вызывая огонь на себя. Не думаю, что в эти минуты Ванюша не боялся пули. Просто он умел преодолеть страх ради важных данных о противнике.

Фрицы, думая, что это какой-то большой чин (погоны на солнце блестели, как генеральские), открывали огонь, часто даже минометный или артиллерийский, а наши наблюдатели засекали места, откуда велся огонь, определяли виды оружия и таким образом собирали материал для составления подробной схемы огневых точек вражеской обороны. И, как ни странно, ни одна пуля не трогала этого храбреца. Он был как заговоренный! Получил он за всю войну лишь одно легкое ранение во время отражения атак немцев, прорывавшихся из окруженной брестской группировки. А погиб он значительно позднее и вовсе не от пули или осколка. Но об этом в свое время. Иногда удавалось вызвать огонь немцев и намеренным поддразниванием их пулеметчиков. Наши виртуозы

наловчились на пулеметах «выбивать» дробь, деля пулеметную очередь на серии «та...та..та-та-та». И на 5—6-й серии какой-нибудь разозлившийся фриц не выдерживал и запускал в нашу сторону длиннющую очередь. Как говорится, что и требовалось доказать!

Чаще, чем обычно, в эти дни наши окопы стали посещать комбат Осипов и начштаба Лозовой со своими помощниками, а также политработники. Кстати, за мою фронтową жизнь и долгую армейскую службу я встретил немало смелых, умных, ответственных и добросовестных работников партполитаппарата. В описываемый мною период чаще всех, почти не вылезая из окопов, бывал у нас майор Семен Тарасович Оленин, который сменил погибшего под Рогачевом старшего лейтенанта Александра Матвеевича Желтова. И, надо сказать, это была достойная замена. Звания тут не имели значения. Был он таким же смелым, не отрывался от нас, агитировал своим личным примером. На его примере и на подобных ему политработниках мы видели, что хорошо поставленная и умело проводимая в войсках политработа всегда имела огромное значение и поднимала дух. Я далек от мысли, высказанной тем же Г. Арбатовым в телепередаче «Моя война», будто «все политработники — это политбездельники». Неправда это, как и многое другое, высказанное им о войне, в частности. За мою фронтową жизнь и долгую армейскую службу я встречал немало умных, деловых и нужных, просто необходимых в то сложное время политработников. И не стоит их всех стричь под одну гребенку

И мы, офицеры командного звена, тоже вели свою политработу всеми доступными нам воспитательными средствами: и беседами, и личным примером, как коммунисты.

В это время несколько попыток разведроты дивизии захватить немецкого «языка» оказались неудачными. Тогда задача добыть пленного была поставлена нашему батальону. Вначале была идея командира 38-й дивизии генерала Г.М. Соловьева провести силами штрафбата или хотя бы од-

ной его роты разведку боем. Однако комбат, всегда имевший собственное мнение, нашел другое решение

Огневые средства противника в основном уже были выявлены ранее, а «языков» добыть решено было по-другому, так как разведка боем могла привести к ненужным потерям, особенно нежелательным перед наступлением (жалел штрафников наш «Батя»!). А вот что я прочел уже потом в книге генерала Горбатова:

«Такой способ разведки я ненавижу всеми фибрами души — и не только потому, что батальоны несут при этом большие потери, но и потому, что подобные вылазки настораживают противника, побуждают его заранее принять меры против нашего возможного наступления».

Генерал упоминает и об указаниях маршала Рокоссовского, который требовал: *«для сохранения внезапности и экономии боеприпасов, разведки боем накануне наступления не предпринимать».*

Видимо, наш комбат, к тому времени уже полковник Осипов, хорошо усвоил суворовскую «науку побеждать», которой так уверенно владели и маршал Рокоссовский, и генерал Горбатов.

По замыслу комбата, наша 1-я рота и подразделения роты ПТР, которой тогда командовал капитан Василий Цигичко, отличавшийся удивительно пухлыми губами и обладавший негромким, но сочным басом, на участке, где оборонялся мой взвод, мы должны были создать шумовую «видимость» (если можно так определить задуманное) строительства моста или переправы через реку.

Болотистая местность и эти гиблые места, которые нашим войскам предстояло пройти с боями стремительно, почти безостановочно, предполагали, как естественно могли думать и немцы, необходимость строить хотя бы настилы или укладывать гати из жердей и бревен даже для легких орудий и нетяжелых автомобилей.

С этой целью на берег мы притащили несколько бревен

(благо часть лесного завала уже была неопасна, мины там я снимал!) и малыми саперными лопатками стали по ним стучать, имитируя то ли обтесывание бревен, то ли их сколачивание. А на противоположном берегу в прибрежных кустах, прямо напротив этого места, организовали мощную, хорошо замаскированную засаду из 8 человек моего взвода. Прикрывать наши действия было поручено соседней 2-й роте капитана Павла Тавлуя.

В первую ночь «улова» не было. Зато во вторую, выдавшуюся светлой от почти полной луны, наши наблюдатели заметили группу немцев, ползком пробиравшихся по болотистому берегу к месту «строительства». Тихо, без шума, накрыла их наша засада. Закололи штык-ножами от «СВТ» (самозарядные винтовки Токарева) гитлеровцев, сопротивлявшихся и пытавшихся подать сигнал своим. А троих с кляпами во рту, связанными доставили на этот берег, а потом отправили дальше — в штаб батальона.

Сразу три языка, и один из них офицер! И пошел на 8 штрафников, участвовавших в засаде, материал на полную досрочную реабилитацию (и тоже без «искупления кровью») и на награждение, пусть не орденами, а только медалями некоторых из них.

К тому времени, фактически перед началом наступления, в батальоне насчитывалось 630 бойцов-переменников, в том числе:

Командиров полков	1
Замкомполка и им равных	5
Начштабов дивизий, полков	43
Комбатов и им равных	20
Их заместителей	9
Комрот, батарей, эскадрилий	103
Их заместителей	28
Комвзводов и им равных	202
С других должностей	219

После участия в удачном захвате вражеских «языков», чувствуя какой то необычайный душевный подъем перед нашим переходом в наступление, я написал заявление о приеме в члены партии. Одну рекомендацию дал мне мой командир роты капитан Матвиенко Иван Владимирович, а вторую — начальник штаба майор Лозовой Василий Афанасьевич. В партию тогда принимали прежде всего воинов, отличившихся в боях. Быть коммунистом считалось не столько почетным, сколько ответственным. И не только за себя, но и за порученное тебе дело, за доверенных тебе людей и за выполнение боевых задач.

Одна привилегия была у тех, кто по-настоящему дорожил этим званием, — **первым** вставать в атаку, **первым** идти под пули врага. А заявления писали немногословные: «Хочу быть в **первых рядах** защитников Родины...»

Это уже потом, значительно позднее, я стал отличать коммунистов реальных, истинных, от тех, кто вступал в ВКП(б), а потом и в КПСС ради карьеры или чтобы пролезть хоть и в небольшие (батальонные, полковые, а на гражданке — в районные), но руководящие партийные органы, на более или менее высокие должности. Особенно они стали наглеть, эти *псевдокоммунисты*, во времена Брежнева—Горбачева. Но и там, на фронте, они выделялись своей неискренностью и лицемерием.

Примеры этого многим из нас были видны уже тогда. Разгадывали мы их без особого труда. Были они, эти люди, откровенно чужеродными в среде боевых офицеров, над ними открыто подтрунивали, их сторонились, но с них — как с гуся вода. Хотя кандидатом в члены ВКП(б) я был с осени 1943 года, но только теперь, когда мне присвоили очередное воинское звание, а на моей груди красовался боевой орден, я решил, что мне не стыдно вступать в члены большевистской партии. Я и теперь, в начале XXI века, горжусь тем, что именно тогда, перед решительными боями, за один день до перехода в наступление, в политотделе 38-й гвардейской ди-

визии мне вручили новенький партбилет. Это было для меня равноценно самой высокой правительственной награде.

Интересно, что несколькими днями раньше, находясь в волнительном ожидании этого события, я увидел во сне Ленина и Сталина, в своей землянке. Как я тогда был окрылен этим сновидением! И еще долгое время этот сон как-то придавал мне силы и уверенность в себе. Партия тогда для всех нас была партией Ленина—Сталина, и мы твердо верили, что Сталин — это Ленин сегодня. Такова тогда была вера и в эти имена, и в партию. Эта вера поднимала нас, умножала наши силы и, в конечном счете, ускоряла приближение Победы. Как теперь известно, 3 миллиона коммунистов отдали свои жизни за Родину.

И я считаю: те, кто теперь говорит о том, что тогда, вставая в атаку, не кричали «За Родину», «За Сталина!», а если эти слова и произносились, то только политруками, — лукавят. Просто им самим никогда не приходилось личным примером поднимать взводы или роты в атаку. Не часто звучали эти слова и у нас, не всегда для них были подходящие обстоятельства, но я, например, не раз произносил их, хотя и не был политработником по должности. Наверное, каждый боевой офицер-коммунист считал себя немного комиссаром в лучшем смысле этого слова. Так было.

И не стоит теперь отрешиваться от этого. Не стоит и корректировать свои тогдашние чувства во времени, как делают и делают, ставя себе такую мимикрию в заслугу, многие наши политики и историки. Как это делал один из главных в прошлом коммунистических идеологов академик Александр Яковлев. Да и не менее главный (тоже в прошлом) политработник Советской Армии генерал Дмитрий Волкогонов. Не будем о покойниках говорить плохо. Хотя хороших слов для них у меня просто нет.

Вот и закончился мой, будем считать, начальный период фронтовой жизни. Теперь она пойдет под другими ощущениями, под другими собственными оценками. Ведь теперь я коммунист, и на мне лежит гораздо больше ответственности

за успехи, а еще больше — за неудачи или промахи. Теперь я во сто крат больше должен служить личным примером в бою. Да и не только в бою, во всем остальном — тоже. И я был горд этой возросшей моей ответственностью...

ГЛАВА 6

Операция «Багратион». Наступление. Немецкие «сюрпризы». «Шпринг-мина». Форсирование Буга. Брестская эпопея. Яростные контратаки врага. Коварная пуля. Знакомый медсанбат

Так случилось, что вместе с моим переходом из кандидатов в члены ВКП(б) произошел переход нашего батальона вместе с левофланговыми частями 1-го Белорусского фронта от длительной и, прямо скажем, относительно пассивной обороны к наступлению. Это во многих публикациях о штрафбатах сквозила мысль, что их предназначением были лишь разведка боем да атаки без артподготовки. Предыдущая глава, надеюсь, убедительное опровержение таких домыслов. Надо сказать, что за несколько дней до наступления, вернее, сразу после операции по захвату «языков», Смирнов сменил на этом посту своего тезку Загуменникова. А тот, в свою очередь, был назначен командиром роты ПТР, сменив капитана Цигичко, перешедшего на должность помначштаба батальона.

А теперь мы переходили в наступление. И, как оказалось, в наступление тоже длительное, успешное, но по нагрузке на человеческий организм — довольно изнурительное, так как местность перед нами — в основном болотистая. Одним словом, Полесье белорусское, Пинские болота!

Невольно вспоминались марш-броски во время службы на Дальнем Востоке, хотя местность там была совсем другая, сопки и тайга. Но все-таки большая закалка организма, полученная там, очень пригодилась на фронте, хотя и физические, и нервные нагрузки были несравнимы. Оборону в пре-

дыдущей главе я назвал относительно пассивной, если, конечно, не считать минирования переднего края, вылазок за «языками» на участке нашей роты и в других ротах, да иных разведывательных действий.

Наконец настал черед и нашего фланга фронта подключиться к уже набравшей силу операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, которая на нашем 1-м Белорусском фронте началась из района известного нам города Рогачева.

За последние две недели нас хорошо пополнили боеприпасами. На каждый автомат «ППШ» мы получили по 200—250 патронов в «цинках», как называли металлические упаковки из тонкого оцинкованного железа или в картонных просмоленных пачках. Ко многим автоматам имелось по два магазина, каждый емкостью 71 патрон. Бойцам, вооруженным винтовками, выдали в дополнение к табельным подсумкам еще по два этих брезентовых чехла, надеваемых на солдатский ремень. Кстати, слово «подсумок», по-моему, произошло от сокращения названия патронной сумки в «пат. сумка», со временем превратившейся в «подсумок». Видимо, не зря нас призывали в обороне экономить патроны. Выдали нам и наборы сухих продовольственных пайков. Они мало чем отличались от тех, что выдавали нам в феврале, перед рейдом в тыл к немцам за Рогачев. Разве что теперь туда входили небольшие консервные баночки с американским, непривычно остро пахнущим сыром (все американское и английское по-прежнему называли у нас «вторым фронтом»), да соленое, немного пожелтевшее, но не потерявшее от этого своей прелести украинское сало (наверное, потому что стояли в обороне мы вблизи Северной Украины).

Все это было выдано нам из расчета 3—5 суток активных боевых действий. Правда, предусматривалось хотя бы раз в сутки горячее питание из наших походных кухонь, к регулярности и полновесности порций которых мы так привыкли за время нахождения в обороне. Конечно, это предполагалось, если только будет позволять боевая обстановка.

Тыловые службы хорошо позаботились даже о ремонте и замене износившейся обуви. Ведь впереди нас ожидали длительные, боевые походы по болотистой и песчаной земле Белоруссии. Только до границы с Польшей предстояло пройти с боями более сотни километров.

Поскольку переменный состав из боевых офицеров был обут в основном в сапоги, а «окруженцы», как правило, в ботинки с обмотками, то изношенное, как правило, заменялось равнозначной обувью, если не считать, что многим пришлось поменять свои вконец истрепанные «хромачи» на «кирзу». А замена случалась и в виде новеньких английских ботинок (тоже «второй фронт!»). Ботинки эти были не черными, как это было у нас, а коричневыми и даже оранжевыми, парадно блестящими, но зато какими-то грубыми, неэластичными, с непривычно толстой, негнущейся подошвой. Как потом оказалось, подошвы эти были сделаны из прессованного и чем-то проклеенного картона, который буквально через 2—3 дня передвижения по белорусским болотам разбухал, а сами ботинки совершенно теряли и былой лоск, и прочность. А вот обмотки, прилагавшиеся к этим ботинкам, были тоже не черные, как наши, советские, а цвета хаки. Они оказались достойными похвалы — прочными, долговечными. И годились на многое другое, даже на женские чулки, так как были двойными. При случае были они ценным подарком солдаткам.

Ремонт обуви, наверное, везде в армейских условиях отличался определенной изобретательностью в экономии починочного материала. Помню себя еще неопытным красноармейцем в 1941 году на Дальнем Востоке. Командиром дивизии у нас был полковник Чанчибадзе, который вскоре стал генералом и к концу войны был уже прославленным командармом 2-й гвардейской армии. То время вспоминается очень напряженной боевой учебой, одной из главных составляющих которой была маршевая подготовка. Ей были подчинены и физзарядка, и всякие передвижения в строю,

не говоря уже о марш-бросках по пересеченной местности. А что это такое на Дальнем Востоке — знает каждый, кто там бывал: сопки, тайга, заболоченность даже на вершинах сопкок! Да нужно еще учесть, что марши эти совершались с «полной боевой выкладкой», то есть кроме винтовки или пулемета вещмешок или ранец с грузом не менее 30 кило!

В одном из таких тяжелых марш-бросков, где соревновались все разведывательные подразделения дивизии, нашему взводу удалось прийти первым. И хотя к финишу мы, особенно новобранцы, пришли, еле передвигая ноги, зато строевой песней! Изнемогающие от усталости, почти обессилевшие вконец после последнего, почти километрового броска бегом, не попадая в такт нестройного шага, хрипылыми голосами, пересохшими ртами, но пели! Пели через все свои, казалось, последние силы. Правда, вначале песня звучала так себе, но с каждым шагом ее сила крепчала, она становилась громче, стройнее, бодрее, а колонна взвода — ровнее и шаг ее четче. И как она сама поднимала дух и силы! А пели мы почти всегда про особую Дальневосточную армию, в которой служили («Дальневосточная, опора прочная...»).

Командир дивизии, встречая на финише разведчиков, был, наверное, тронут тем, что пели мы его любимую песню, да и шагали уже в ногу, с поднятыми головами и приличным равнением. Остановил он взвод, объявил всему взводу благодарность и добавил своим знаменитым кавказским акцентом: «...и награждаю взвод адным пара новый батынок!».

Надо сказать, что обувь, особенно у «стариков», которым уйти в запас помешала война, порядком изнасилась, так что все сроки носки их сапог давно уже истекли. И вот этой «пара батынок» взвод вышел из положения. Наш взводный лейтенант вручил эти ботинки красноармейцу, самые потрепанные сапоги которого были затем распороты и пущены на починку тех, которые еще можно было починить. И не одну пару починили!

Вот таким же методом делался ремонт «ходовой части», обуви, и здесь, на Первом Белорусском. Но что примечательно: тыловики привезли несколько пар новеньких трофейных немецких сапог. Пусть, мол, не желающие брать ботинки с обмотками поменяют их на добротную обувь. Путь-то предстоит неблизкий! В это время у нас, в том числе и на фронте, появился красочный плакат, на котором изображен советский солдат, надевающий новый сапог. И подпись: «Дойдем до Берлина!», и ведь не нашлось ни одного, кто бы захотел совершить этот обмен. Уж очень свежи, наверное, были в памяти другие плакаты, на которых изображены эти кованые фашистские сапоги, топчущие священную землю нашей Родины.

Умельцам из числа штрафников каким-то образом для некоторых молодых, особенно «франтоватых» взводных офицеров (а многие из нас хоть в чем-нибудь пытались следовать тогдашней молодежной моде), удалось пошить модные сапоги — «джимми» с тонкими и узкими носами, но... из солдатских брезентовых плащ-палаток! А чтобы они были похожи на хромовые, владельцы густо и часто смазывали их какой-то невероятной смесью свиного сала, сажи, сахара и еще чего-то. Блеска добивались, но прочности от этого не прибавлялось. И в первые же дни наступления они, как и английские ботинки, быстро разваливались. Ведь не по асфальту же, а по болотистой да песчаной белорусской земле приходилось в них топтать. «Вносил» свою лепту в подготовку к наступлению и военторг, изредка навещавший нас. И, как говорили тогда, чего только в этом военторге не было: папирос не было, одеколona и лезвий к безопасным бритвам не было, даже зубного порошка не было! Единственное, что нам доставалось, — это маленькие кусочки бумаги, нарезанной специально под размер махорочных самокруток, да армейские жестяные пуговицы и петлицы к шинелям защитного цвета. Поговаривали, что все, более нужное, они распродавали до того, как добирались до ближайших к окопам мест.

Подготовка к наступлению заканчивалась. В ночь на 19 июля 1944 года мне, как главному «минеру», устройителю сооруженного нами минного поля, было приказано в определенных местах сделать несколько проходов, так как была уже объявлена готовность к наступлению. Хотя я сам минировал этот участок, снять и обезвредить мины оказалось не просто. Наверное, тогда я впервые услышал выражение «Инициатива наказуема!». Наступало очередное новолуние, и ночь в июле, и так не очень длинная, была еще и темной. Фонариком не воспользуешься, приходилось все делать на ощупь. Привлечь к этому делу кого-либо из взвода я не хотел, чтобы не повторилась трагедия, как с Омельченко. Пока я благополучно сделал эти проходы и обозначил их вешками с белыми тряпочками, мою гимнастерку, совершенно промокшую от пота, впору было выжимать. Вот это было напряжение! Но успел-таки к рассвету!

И как только стало светать, разразился мощный грохот канонады. Это была долгожданная артподготовка. Пока она шла, наши подразделения успешно преодолели наше же минное поле и почти вплотную приблизились к берегу реки. Завершающий залп «катюш» был условным сигналом «В атаку!».

Уже светало, и как на киноэкране, в зареве взрывов были видны дружно поднявшиеся по всей передовой бойцы и их стремительный рывок к немецким окопам. Преднаступательное возбуждение было сильным. «Засиделись», видно, в окопах! Но очень уж удивительным было то, что немец не вел встречного огня. Ну, думаем, здорово поработала наша артиллерия! Абсолютно все огневые точки подавила! И какая-то гордость за то, что мы за время окопного «бездействия» так точно разведали и определили эти огневые точки. С трудом преодолели болотистые берега и саму реку Выжевка, которая оказалась совсем неглубокой. И когда с громогласным «ура!» в ожидании рукопашной схватки вскочили в немецкие траншеи, удивились еще больше: они были пусты!!!

А ведь мы знали, что перед нами вместе с венгерскими войсками, или, как просто у нас их называли, мадьярами, оборонялась и отборная дивизия фашистов «Мертвая голова». Куда же они все подевались? Все-таки им, видимо, каким-то образом удалось пронюхать о времени нашего наступления. Так что наше «ура!», когда мы ворвались в окопы, как-то сразу заглохло. Вроде бы и хорошо, что так случилось, но настрой-то был на рукопашную!

А наступление, как нам было ясно из приказа, началось по всему левому флангу нашего фронта. Это было продолжением начавшейся еще в июне операции «Багратион». Направление наступления нашего батальона, вернее 38-й гвардейской Лозовской стрелковой дивизии, в оперативное подчинение которой мы тогда входили, было на Домачево, что южнее Бреста, с целью замкнуть кольцо окружения мощной Брестской группировки немцев.

Вскоре из самой обстановки и из сообщений командования батальона нам стало понятно, что противник, оставив отряды прикрытия, в эту ночь кое-где начал отход, минирруя дороги, разрушая мосты и переправы. Но как далеко увели они свои отряды прикрытия? После того как мы достигли второй траншеи, посыльный от командира 110-го гвардейского стрелкового полка, на фланге которого мы действовали, передал двум нашим ротам приказ резко изменить направление наступления с задачей овладеть частью городка Ратно. В нем противник еще сильно сопротивлялся, нужно было захватить пока еще целый мост через реку Припять и не дать немцам взорвать его.

И не успели мы пройти метров 200—300 по более или менее сухому месту к берегу Припяти, как вдруг по нашим колоннам ударили несколько длинных и плотных пулеметных очередей. Наша 1-я рота и следующая с нами 2-я рота капитана Павла Тавлуя залегли и сразу же принялись готовить к предстоящему ближнему бою и оружие, и ручные гранаты.

По условленному ранее сигналу — серии красных ракет роты мощным рывком бросились вдоль берега реки, при-

крывая себя шквальным огнем собственных автоматов и пулеметов и, не останавливаясь, ворвались в Ратно. Гранатами забрасывали места, откуда фрицы вели огонь, в том числе и несколько дотов и дзотов. И, буквально не отрываясь от убегающих гитлеровцев, сравнительно большая группа нашей роты, в основном взвод Усманова и мой, влетела на мост. Нам удалось быстро перебить и его охрану, и тех, кто пытался то ли заложить взрывчатку в опоры моста, то ли уже подрывать его. Захватив мост, мы сосредоточились на западной окраине городка.

Потери у нас, конечно, были. Но, как оказалось уже на другом берегу, среди наступающих штрафников было несколько человек, получивших ранения еще до штурма моста, но не покинувших поля боя. А ведь все права на это они уже имели: вину «кровью искупили». Но могли еще воевать — и воевали! Такие случаи были не единичными, и свидетельствовали они о высокой сознательности бойцов-штрафников. Конечно, бывали и такие, которые малейшую царапину выдавали за «обильно пролитую кровь». Но это уже было дело офицерской совести, у кого она не успела выветриться, и боевой солидарности.

Как только мы вышли на западную окраину Ратно, вслед за нами по мосту уже мчались танки. Даже как-то непонятно было, почему они раньше нас не влетели на мост? Ведь он же был цел! Но не анализом ситуации была тогда занята голова. Требовалось собрать свои подразделения и, пользуясь тем, что противник своими уцелевшими силами снова успел оторваться от нас, уточнить потери и уяснить дальнейшую задачу. По шоссе на Брест уже подтягивались войска и техника, а до границы с Польшей нам было еще далеко.

Взвод мой, к сожалению, заметно поредел. Погибли 3 человека, раненых тоже было трое, но среди них всех не оказалось нашего Гефта. И никто не видел его ни среди убитых, ни среди раненых. Командир отделения Пузырей Владимир Михайлович в недоумении пожимал плечами. Включили Гефта пока в список «без вести пропавших». Значительно

позже причина его исчезновения выяснилась. У одних в трудных условиях, а тем более в опасных, проявляются стойкость и мужество, а у других — прогрессирует стремление уйти от психологических перегрузок и опасностей, переложив их на других. В крайних обстоятельствах это перерастает в банальную трусость. Но об этом исчезновении значительно ниже.

Пока, в течение примерно получаса, мы собирали свои взводы, рассыпавшиеся и перемешавшиеся в ходе атаки окраины Ратно и штурма моста, отправляли в тыл раненых, поступила команда соединиться вновь с полком, форсировавшим реку Припять южнее, и вместе с ним продолжать наступление в направлении села Жиричи и далее к озеру Турское.

На подступах к Жиричам полк снова встретил упорное сопротивление. Наши подразделения были срочно переброшены на самое опасное направление, усилив собой боевые порядки полка. Перемешавшись с его солдатами, мы заметили, что в их рядах возникло какое-то оживление. Ведь понимали они, что рядом с ними в роли рядовых бойцов находились недавние офицеры в самых разных званиях, и в атаку они пойдут вместе. И в этих солдат будто влилась какая-то свежая, необоримая сила. Все-таки мудрым было это решение — слить воедино такие разные контингенты воинов. Находившийся рядом со мной (жаль, не помню его фамилии) штрафник-пулеметчик заметил, что в нашем направлении особенно интенсивно ведут огонь несколько пулеметов фрицев, засевших на чердаке большой хаты.

Ответный винтовочный огонь полковых солдат должного эффекта не давал. А так как место было открытое и только немногие успели кое-где отрыть даже не окопы, а только ячейки «для стрельбы лежа», то потерь от этих пулеметов еще до атаки можно было ожидать немалых. Ну а во время атаки они еще бы положили многих. И вот этот штрафник-пулеметчик говорит: «Сейчас я их оттуда выкурю», подбирает и заряжает магазин патронами с зажигательными и трассирующими пулями. Я понял, что он хочет поджечь крышу

этой злополучной хаты. Вроде и жалко, ведь добротная хата сгорит, но... война есть война. И так четко, при свете еще не совсем угасшего дня, были видны впивающиеся в эту крышу огненные трассы, посланные славным моим пулеметчиком! Буквально через несколько минут крыша задымилась, а затем и запылала.

Огонь немецких пулеметов прекратился (жарко же им там стало!), и тут взвились зеленые ракеты, означавшие начало атаки. Вначале штрафники, а за ними и солдаты полка поднялись и, подбадривая себя автоматными очередями и винтовочными выстрелами, устремились к селу. Бой был опять скоротечным, и, может быть, через каких-нибудь 15—20 минут село было полностью нашим. Уже в начинавших сгущаться сумерках ярко горела зажженная пулеметными очередями хата. Немецких трупов было много, но и удрало фрицев тоже немало. Отступили они как-то сразу, как по команде и, пользуясь наступающей темнотой и густым лесом, близко примыкавшим к Жиричам с запада, исчезли из вида.

Поступила команда остановиться на кратковременный отдых. Снова подсчет потерь, сбор подразделений. Каково же было мое огорчение, когда я узнал от Пузыря, что среди убитых оказался и мой пулеметчик, сумевший «выкурить» немцев, засевших с пулеметами на крыше догоравшей теперь хаты и фактически спасший во время атаки многих наступающих, и солдат полка, и наших бойцов. Уже совсем стемнело, когда вдруг нашли нас походные кухни и подвода с боеприпасами. И как кстати подоспели они! Ведь за целые сутки фактически не было возможности даже погрызть сухарей. Да и боеприпасы уже неплохо было бы пополнить. А тут не только полкотелка какого-то наваристого супа и приличная порция гречневой каши с мясом, но еще и боевые сто граммов!

Я долго не мог выудить из памяти фамилию замкомбата по тылу, вернее помощника по снабжению. А это был майор Измайлов — высокий, плотный, несколько медлительный в движениях и речи, но довольно скорый в решениях. Даже в

самых сложных условиях он умел сделать все возможное, чтобы накормить бойцов, подвезти боеприпасы.

Едва успели основательно подкрепиться добротным ужином, который заменил нам весь суточный рацион, разобрать патроны и гранаты, как прибывший от командира полка посыльный принес новую задачу: не дать противнику оторваться далеко и не позволить ему за предстоящую ночь закрепиться на каком-нибудь рубеже.

Наши роты опять выводились из состава полка на его правый фланг, и фактически батальону нашему предстояло теперь снова действовать самостоятельно. Понятно было, что немец будет не просто отступать, но, оставляя по-прежнему отряды прикрытия, стараться сбивать темп нашего наступления, с тем чтобы успеть укрепиться на выгодных рубежах. Конечно же, предполагалось, что главным из этих рубежей может стать крупная водная преграда — река Буг, или как ее в отличие от Южного Буга, протекающего через Винницу, Николаев и впадающего в Черное море, чаще называли Западный Буг.

Была темная, хотя и звездная ночь на 20 июля (как раз наступил период новолуния). Казалось, звезд было неисчислимое множество. Так бывает вдаль от городов, когда звездный свет ничем не забивается. Ближе других казались солидные, будто спелые, ровно, почти без мерцания светящиеся звезды. А за ними мерцали, словно перемигиваясь, неисчислимые мириады звезд помельче. И на фоне этой звездной бесконечности как-то понятнее становилась безграничность мироздания и то, какая песчинка в нем — судьба одного человека...

Почти ощупью, ориентируясь по звездам и осторожно подсвечиваемому компасу, да по редкой и приглушенной голосовой связи, мы медленно, опасаясь напороться на вражескую засаду, продвигались вперед, пока не уткнулись в озеро Турское.

К тому времени как-то получилось, что, осторожно двигаясь в темноте, мы потеряли непосредственный контакт не

только с полком, который теперь должен был действовать слева от нас, но и со штабом и остальными ротами батальона.

После небольшой заминки наш ротный принял решение самостоятельно обойти озеро и двигаться на село Тур, где, вероятнее всего, можно было встретить очередной заслон немцев. Правее нас где-то действовала соседняя дивизия, связи с которой у нас вообще не было. Получилось, что у нашей группы из двух рот оба фланга оказались открытыми. Это вообще считалось очень опасным. А вдруг немцы ударят во фланг? Но, как говорится, и на этот раз пронесло!

И когда к рассвету (уже 20 июля) колонна из двух рот приблизилась к селу Тур, противник встретил наше походное охранение весьма интенсивными пулеметными очередями. Основные силы наших двух рот, а также действовавших с нами минометного взвода Миши Гольдштейна и взвода «ПТР» Пети Смирнова вступили в бой. Где была третья рота и остальные силы батальона, мы тогда еще не установили.

И вдруг услышали завязавшийся бой на другой окраине села. Это была именно та боевая часть батальона со штабом, с которой у нас было утрачено соприкосновение. Они обошли озеро слева и подоспели как раз вовремя. И теперь, уже силами всего, правда, несколько поредевшего, нашего штрафбата, противник был выбит из села.

Результатом столь напряженных, почти непрерывных, выматывающих силы попыток догнать убегающего врага, не дать ему опомниться и хорошо закрепиться стала заметная физическая усталость воинов. И если физические силы стали заметно ослабевать, то боевой дух сохранился и именно он взбадривал нас. Понятно было и то, что если мы на какое-то время замедлим преследование, то потом это может обернуться большими нашими потерями при преодолении хорошо укрепленных рубежей противника.

После того как фашисты были выбиты из села Тур, наши подразделения, преодолев довольно широкую полосу густого леса, вышли на совершенно сухой, с твердой почвой уча-

сток местности, на несколько километров открытый со всех сторон. Так как гитлеровцы опять от нас оторвались и их заслону здесь спрятаться было негде, наши взводы снова свернулись в колонны. Колоннами, конечно, идти по дорогам легче и быстрее. И вот тут нас поджидал сюрприз, подготовленный отступающими фрицами. По одной из дорог, ведущей из села Тур на Хотислав (наше новое направление), двигался первый взвод нашей роты в качестве передового охранения. И вдруг в этой группе прогремел взрыв. Это подорвался один боец на mine, установленной отступающими.

Командир роты вызвал меня на место взрыва (в роте я уже считался «специалистом» по минам), и мы обнаружили еще несколько плохо замаскированных мин. Видимо, устанавливали их впопыхах. Наверное, передовое охранение от взвода Димы Булгакова, занятое наблюдением за возможным появлением противника, не обращало должного внимания на саму дорогу, что и привело к этому трагическому случаю. Срочно об этом доложили в штаб батальона, из винтовочных шомполов соорудили щупы, и движение возобновилось. Теперь уже наблюдение велось и вперед, и под ноги. Правда, больше минированных участков не встречалось, но урок был усвоен и, конечно же, темп движения еще более снизился.

Однако это был не единственный сюрприз на этом открытом участке местности. Неожиданно в небе возникла довольно значительная группа немецких истребителей — «мессершмиттов» с крестами на крыльях и фюзеляжах. Они на малых высотах, на бреющем полете обстреляли нас. Быстро рассредоточившись, мы практически избежали серьезных потерь. Конечно, бойцы вели хаотический огонь по «мессерам», но, к сожалению, безрезультатный.

Не успела скрыться эта группа фашистских стервятников, как мы услышали надсадный гул моторов, и заметно выше в небе появилась вторая волна самолетов, более крупных, наверное, бомбардировщиков. Как подсказывали бывшие авиаторы, то были «хейнкели» и «юнкерсы». Вскоре стало

отчетливо видно, как с них вниз посыпались какие-то разной конфигурации предметы, стремительно увеличивающиеся в размерах по мере приближения к земле. Я впервые попал под бомбежку, однако опытные офицеры и штрафники сразу определили, что это бомбы, но вместе с ними к земле приближались и какие-то длинные предметы, делая круги в воздухе и издавая леденящие душу звуки. Оказалось, что для устрашения немцы сбрасывали обрезки рельсов, швеллеров и всякое другое железо, даже продырявленные металлические бочки. Все это, приближаясь к земле, порождало какие-то невообразимые вой и свист, от которых становилось, может быть, даже страшнее, чем от самой бомбежки.

Бомбы были и осколочные, и фугасные, вздымающие высокие султаны разрывов. Среди них падали и «бомбы-лягушки» — кассетные бомбы, содержащие в себе много мелких то ли бомбочек, то ли гранат, разлетающихся при взрыве по большой площади и взрывающихся при этом. Почему их называли «лягушками», не знаю, может, из-за странного звука их разрыва, то ли «крякающего», то ли «квакающего». А может, и по другой причине? Такие же «лягушки», как рассказывал Семен Иванович Петров, мой заместитель, и как действительно оказалось позже, обычно наспигованы всякого рода привлекательными предметами, в виде детских игрушек и даже макетов обыкновенных пистолетов, начиненных взрывчаткой и взрывающихся при прикосновении к ним. Это нас просветили бойцы, бывшие боевые офицеры, уже сталкивавшиеся с такими «сюрпризами».

Задержали нас эти налеты, но тем не менее мы приближались к селу Хотислав, на пути к которому пришлось преодолеть две реки, оказавшиеся сравнительно маловодными (больше месяца стояла сильная жара и без дождей!), и гитлеровцы, видимо, не успели укрепиться на них. Поэтому они опять ограничились заслонами, которые, открыв огонь и заставив нас развернуться в цепь, вскоре покинули свои позиции. На этом рубеже снова попробовали налететь на нас

«мессеры», но их отогнали наши краснозвездные «ястребки», встреченные дружными криками «ура!».

Мне здесь впервые довелось увидеть воздушный бой так близко. Правда, он оказался коротким, так как хваленые немецкие «асы» сразу ретировались, как только один из стервятников загорелся, упал и взорвался.

Форсирование этих рек прошло без особых трудностей, вброд, и уже к вечеру село Хотислав мы прошли с ходу, не встретив в нем немцев. Нужно сказать, что многие села, поселки, деревни были как-то неправдоподобно похожи друг на друга: у всех одна и та же участь — либо разбомблены, либо сожжены фашистскими «факельщиками», сжигавшими хаты вместе с людьми. Таким оказался и Хотислав. Это уже более 60 лет спустя, когда нам довелось с санкт-петербургской делегацией общества «Знание» посетить печально знаменитую белорусскую Хатынь, то там, на мемориале, увидели стелу, на которой написано, что **фашисты сожгли в Белоруссии вместе с жителями 186 деревень!**

Развивая успех, батальон продолжал движение, в котором нашей роте было определено направление на шоссе севернее села Олтуш. Когда наша рота за ночь приблизилась к шоссе, ведущему на Малориту и Кобрин, немцы оказали нам сильное сопротивление. Во всяком случае, рано утром, перед атакой, довелось здесь и минометчикам нашим показать свое мастерство стрельбы. Их мины ложились точно на вражеские позиции за дорожной насыпью. Это было похоже на артподготовку перед атакой, хоть по интенсивности не такую, к каким мы привыкли.

Команда, поднявшая роты в атаку, и мощный бросок к шоссе фактически не дали убежать большинству оборонявшихся, и их добивали в рукопашной. Не буду описывать детали этой схватки, скажу только, что она была острой, жестокой. Фашисты были, казалось, ошеломлены яростью, с какой бросались на них наши бойцы. Мог бы попытаться описать впечатление от этой рукопашной схватки, но едва ли сделаю

это так образно, как сделала замечательная поэтесса-фронтовичка Юлия Друнина, обидно рано ушедшая из жизни, не выдержав трагедии ликвидации Советского Союза кучкой предателей-политиканов.

Кто говорит, что на войне не страшно,
тот ничего не знает о войне.
Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву... И сотни раз во сне!

А нам приходилось вступать в рукопашные бои за время войны не один раз. И снились они нам еще долгие-долгие годы...

Итак, немецкий заслон на этот раз был, кажется, разгромлен. Но сразу же после того, как бой затих, мы услышали шум моторов. Подумалось, что сейчас из-за леса, что был невдалеке от шоссе, выскочат танки и нам придется туговато. Однако шум этот постепенно угасал, удаляясь, и вскоре совсем стих. Тут и пришла разгадка, почему этим заслонам удается так быстро уходить от преследования. Они же отрывались от нас на машинах! Вот бы танков нам! Но танки, естественно, избегали болотистых мест и теснили врага на других участках и направлениях.

А темпы нашего наступления стали с каждым часом, с каждым километром заметно снижаться. Ведь позади уже была третья бессонная ночь (если считать, что в ночь перед наступлением тоже было не до сна), вконец вымотавшая и штрафников, и нас, их командиров. Мы ведь не просто шли, а наступали, вели бои, часто ожесточенные, и у бойцов нет крыльев, да и ходят они не напрямик. Это в геометрии есть аксиома о том, что кратчайшее расстояние между двумя точками — прямая. А здесь, на войне, все дороги кривые, а то их и вовсе нет, сплошные болота. А сколько других препятствий и обходов их. Ох, какими длинными порой бывают солдатские километры!

Комбат наш, все понимающий и чувствующий «Батя», хотя сам большую часть времени продвигался на своем «вил-

лисе», точно оценил, что совсем немного отделяет нас всех от той последней черты, когда люди вообще теряют способность выполнять уже любую задачу, ведь сон может просто сморить и свалить их! Он приказал приостановить движение и, пока нет опасности столкновения с противником, дать короткий, хотя бы часа на три, отдых.

К тому времени (а это уже было близко к полудню) наши роты преодолели довольно широкую полосу леса и вышли на сухое, возвышенное поле, с которого далеко просматривалась местность и наше дальнейшее направление наступления — на село Радеж. Здесь и было выбрано место для отдыха. Выбрано удачно еще и потому, что немецкому заслону тут негде было притаиться, и практически исключалась внезапность его нападения.

Все были измучены почти безостановочным передвижением, часто под огнем противника, по Пинским болотам и другим заболоченным местам, коими изобиловало украинско-белорусское Полесье. Лица бойцов были осунувшимися от физического переутомления и нервного перенапряжения, глаза — покрасневшими от бессонных ночей. Одна мысль владела всеми: упасть, заснуть хотя бы на час, на минуту... Ведь за эти трое суток, прошедшие с начала наступления, не было фактически ни минуты, когда можно было бы, пусть на самое короткое время, сомкнуть глаза, вздремнуть и хоть чуть-чуть тем самым восстановить свои силы. Тем более что от того обеда, что был доставлен нашими походными кухнями после взятия села Жиричи, остались лишь приятные, но уже давние воспоминания.

Как же трудно оказалось установить хоть какую-то очередность отдыха, организовать охранение спящих силами тех, кто не меньше нуждается в отдыхе и сне. Мой заместитель, сильный физически и не менее сильный духом, Петров Семен Иванович понимал, как мне нелегко было шагать, успевать со всеми, когда боль в раненой и еще не долеченной ноге все сильнее давала знать о себе. И, заботясь о своем командире, предложил мне отдыхать первым, пока он будет

бодрствовать и организовывать охранение на неожиданно возникшем биваке.

Понятно, что рядовые наши штрафники, да вскоре и мы, офицеры, как только осознали смысл команды «отдыхать», тут же попадали на землю, и буквально через мгновение всех сморил долгожданный, но тревожный сон. И я тут же, как и многие бойцы наши, почти мгновенно провалился в глубокий сон, хотя ускользящим сознанием еще успел услышать нарастающий мощный, многоголосый солдатский храп. Теперь мне, много лет спустя, кажутся такими подходящими к тому времени известные слова знаменитой песни:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат!
Пусть солдаты немного поспят...

Только время было уже не соловьиное, конец июля.

Через те полтора часа, которые мне достались на отдых, Петрову едва удалось меня разбудить. Наверное, еще несколько минут я не мог стряхнуть остатки сна, но, окончательно проснувшись, я сообразил, что нужно срочно менять охранение, чтобы и ему дать отдохнуть, поспать! Оказалось, мой заместитель и это предусмотрел, произведя уже эту замену, тем самым дав мне несколько лишних минут отдыха. Спасибо тебе, Семен Иванович, за заботу! Таковую вот, почти незаметную заботу о себе я чувствовал не раз и со стороны других штрафников.

Наши тыловики к этому времени подросли с кухнями и боеприпасами. Несмотря на опустевшие желудки, многие в первую очередь бросились пополнять свой боезапас, а уж потом навещали кухню. Пожалуй, все «временные» солдаты хорошо усвоили истину, что жизнь в бою зависит в первую очередь не от того, полон ли твой желудок, а от того, хорошо ли набит диск твоего автомата или магазин пулемета. На этот раз всему командному составу было передано распоряжение комбата разъяснить бойцам, почему не выдавалась наркомовская «сотка» водки перед обедом. Дело в том, что даже эти 100 граммов алкоголя могли усугубить физическое со-

стояние, если эту «сотку» принять на пустой желудок и при такой степени усталости. Поэтому водку всем нам выдали только перед тем, как снова поступила команда «Вперед!» и уже не на пустой желудок.

Дальнейшее наше наступление шло через село Радеж, оказавшееся небольшой, но очень привлекательной, удивительным образом сохранившейся от разрушений и пожаров, почти целой деревенькой, или, по-белорусски, *веской*, каждый дом которой был густо обсажен фруктовыми деревьями и цветущими кустарниками. Редкие жители, выползавшие из подвалов и погребов, успевали угощать нас на ходу уже поспевшими ароматными плодами. Что-то, видать, помешало фрицам сжечь эту красоту. Наверное, так торопились удирать, что не до этого им было.

Мы, однако, снова спешили вперед, чтобы не дать фашистам укрепиться на реке Буг (Западный Буг), этом крупном водном рубеже. По ширине, глубине и скорости течения он, казалось, был гораздо серьезнее и тем более не шел ни в какое сравнение с оставшимися позади Припятью и другими многочисленными реками и речушками, с заболоченными поймами, а также каналами и канальцами, сделанными, по-видимому, для превращения этой заболоченной земли в пригодную для земледелия ниву.

Уже к вечеру нас снова обстрелял противник, засевавший между шоссе и железной дорогами. Нам удалось перерезать эти дороги южнее Домачево. А вскоре, наконец, мы подошли довольно близко к той самой реке Буг, на которой стояла тогда еще не легендарная Брестская крепость. Звание «Крепость-Герой» ей было присвоено лишь почти через 20 лет после тех героических дней и ночей. А Буг на том месте, куда мы подошли к нему, вопреки нашим ожиданиям, оказался сравнительно нешироким, с ленивым течением. Эту реку нам и предстояло форсировать.

Над водной гладью стояла какая-то необычная и, как показалось, зловещая тишина. На этом берегу противника не обнаружили. И, поскольку форсирование предполагалось

начать с рассветом, мы располагали каким-то резервом времени, чтобы дать дополнительный отдых бойцам, хотя определенная часть ночи ушла на подготовку к форсированию вброд и к предстоящему бою.

В нашей роте, вооруженной в большинстве автоматами ППШ (на солдатском жаргоне — «папашами»), дозарядка оружия, особенно ночью, было сопряжено с некоторыми неудобствами. Дело вот в чем. Чтобы дозарядить дисковый магазин автомата, нужно разобрать его, то есть снять крышку, завести пружину выталкивающего устройства, ухитриться при этом не рассыпать патроны, оставшиеся в улитке магазина, на ощупь дополнить ее до предела. А предел у него — 71 патрон. Не каждому это удавалось сделать сразу. Как говорили бывалые, это похоже на неудачи солдата, которому впервые выдали ботинки с обмотками. Прежде чем их намотать, ему, еще не имеющему в этом сноровки, приходилось не раз убеждаться в том, что они, коварные, имели свойство выскальзываться из рук и разматываться во всю длину в самый неподходящий момент. И тогда начинай все сначала!

В течение ночи нужно было незаметно для противника разведать и обозначить броды, не только дозарядить оружие, но вместе со снаряжением подготовить его к преодолению сравнительно крупной водной преграды, тем более что никаких плавсредств поблизости не оказалось. Сооружать плоты или что-нибудь подобное тоже было не из чего.

Мы были удивлены и обрадованы, когда к нам, видимо из соседнего полка дивизии, прибыл офицер с двумя солдатами и сказал, что ему приказано подорвать тротиловыми шашками несколько крупных деревьев, стоящих прямо на берегу, чтобы облегчить нам переход реки вброд. Причем, сказал офицер, подрыв они постараются сделать так, чтобы комли деревьев остались на берегу, а кроны упали в воду. А сам подрыв в целях маскировки будет сделан во время артподготовки.

Засомневались мы в такой точности подрыва. А я лихорадочно искал способа преодолеть прилегающую к нашему бе-

регу, наиболее глубокую часть спокойно текущей реки. После рогачевской Друти меня не оставляла мысль, суждено ли мне здесь почувствовать ногами твердь дна у другого берега.

С рассветом заговорила артиллерия. К ней присоединились и наши минометчики, которых у нас давно перестали называть «мимометчиками». На противоположном берегу, среди уже заметно пожелтевших полей, змейкой вилась грунтовая дорога, уходящая в синеющий на недалеком предутреннем горизонте лесок. Вроде бы знакомый, родной, русский пейзаж. Однако там, за Бугом, уже «заграница», Польша. И мы помнили это.

Подорвали гости-саперы и деревья, но так, как задумывалось, удалось только на участке моего взвода. Дерево действительно легло в точном соответствии с обещанием — поперек прибрежной части русла реки, комлем на берегу. Крона его упала в воду, но почему-то, к нашей радости, ее не сносило течением. Оказывается, своими ветвями дерево легло на мелкую часть дна реки. Я подумал, что судьба опять мне благоволит. Ведь мои «успехи» в плавании после февральской купели в белорусской реке Друть несколько не улучшились и мои тревоги о предстоящем преодолении мною лично этой водной преграды уступили заботам о возглавляемом мною взводе.

Немцы отстреливались как-то вяло и в основном из стрелкового оружия. И когда началось форсирование, подорванное на нашем участке дерево значительно облегчило нам выполнение задачи. Для неумеющих плавать это был почти мост. Кроме того, имевшиеся во взводе обмотки связали в одну длинную веревку, за которую держались и умеющие плавать, и «топоры». Да и предыдущий месяц без дождей сделал эту реку сравнительно маловодной, что также было подарком судьбы всем нам, и мне в частности.

И уже в который раз, даже несмотря на все-таки значительную водную преграду, которую мы все сравнительно успешно, почти без потерь, преодолели, фашисты, практически серьезно не сопротивляясь, оставили свои оборонитель-

ные позиции. Они снова отступили, испугавшись, наверное, того напора и той быстроты, с которыми наступали наши пешие войска, успевавшие догонять их моторизованные заслоны.

Сосредоточившись на западном берегу и заняв прибрежную полосу, наши подразделения стали приводить себя в состояние, нужное для действий на суше. Снова была дана команда свернуться в ротные колонны и параллельными маршрутами, используя дороги и просеки, продолжать преследование противника. Особое внимание было приказано уделять разведке, в том числе и на предмет обнаружения мин на пути движения.

Но теперь мы были уже на территории Польши. Западная граница СССР была позади! Ровно три года прошло с долгих тридцати дней обороны Брестской крепости. И вот нам досталась почетная и вместе с тем нелегкая миссия вернуть Советскому Союзу его Западную границу, а многострадальной Белоруссии — ее славный город Брест, героизм защитников которого был, к сожалению, по достоинству оценен лишь через много лет после войны.

Еще в окопах, в ожидании времени, когда окажемся «за границей», на территории другой страны (ведь абсолютное большинство нас никогда раньше и не помышляли побывать за рубежами Родины), мы много говорили об этом. Среди штрафников были участники освобождения Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году. Живые свидетели и участники тех походов, они рассказывали о самых разных происшествиях, в том числе и о недоброжелательных действиях части враждебно настроенных жителей. Говорили, например, о том, будто в колонны красноармейцев из толп населения, встречавшего их, бросали букеты цветов, в которые иногда были упрятаны... гранаты! Не очень верилось в это, но настораживало...

А сейчас ротная колонна наша была построена так, чтобы при необходимости можно было бы быстро развернуться в цепь. Вперед высылалось усиленное походное охранение, в

состав которого включались и несколько человек, вооруженных самодельными щупами для обнаружения мин.

Всего через какой-нибудь километр-полтора на дороге мы встретили пожилого поляка, сносно говорившего по-русски. Его доброжелательность была ярко выражена и в улыбках, которыми он сопровождал свои слова, и в радостных интонациях при разговоре. От него мы узнали, что немцы уехали на машинах, как только на реке загремела канонада. Значит, прошло уже около двух часов. Никаких признаков засад или заслонов не было.

Пройдя от берега километра 3—4 на запад, мы должны были повернуть строго на север и от заболоченных мест, выйти восточнее польского города Бяла-Подляска на автостраду Брест—Варшава. Главной задачей этого маневра было оседлать там автостраду, которая оставалась главным и единственным коридором возможного отхода окруженной в Бресте немецкой группировки из четырех дивизий. Нашему батальону и полкам 38-й дивизии как раз и ставилась задача завершить окружение этой группировки немцев и отрезать им путь отхода на запад. Полные решимости поскорее достичь этого шоссе, мы безостановочно двигались по какой-то проселочной дороге сквозь все более сгущавшийся лес.

И вдруг в середине колонны второго взвода раздался сильный взрыв! Похоже было, что разорвался крупный артиллерийский снаряд. Сразу пришла мысль, что заслон на этот раз нам поставили мощный. Прямо у меня на глазах люди из взвода моего друга Феди Усманова падали, как снопы, ногами к эпицентру взрыва. Упало несколько человек и в моем взводе. Я сам почувствовал такой сильный удар в грудь, что еле устоял на ногах. Почти одновременно с этим взрывом стали раздаваться менее мощные хлопки по обе стороны дороги, куда бросились оставшиеся на ногах бойцы. Будто немцы по хорошо пристрелянному месту били из минометов небольшого калибра. Падали теперь люди и там, в стороне от дороги, сраженные этими минами. Падали и те, кто бросился на помощь им. Творилось что-то невероятное.

Как оказалось, тогда просто сработал стереотип мышления. И вовсе это не был артиллерийско-минометный обстрел — взвод подорвался на так называемой «шпринг-мине», то есть «прыгающей» мине, знакомой мне еще по занятиям в училище. Тогда я знал ее под названием «SMI-35». Мина эта зарывается в грунт, а над его поверхностью остаются торчать два совсем незаметных проволочных «усика», прикосновение к которым и ведет к взрыву. Но вначале срабатывает вышибной заряд, основная мина «выпрыгивает» из металлического стакана и уже на высоте одного-полутора метров взрывается. Эта часть мины напичкана не одной сотней металлических шариков и поражает, как шрапнель. А на такой высоте ее картечь поражает больше всего область живота.

Эти ранения часто смертельные, если, конечно, в течение короткого времени не сделана радикальная хирургическая операция, что в боевых условиях практически невозможно. Недаром же не в столь далеком прошлом на Руси слово «живот» означало «жизнь». И только так понималась фраза «Не жалеть живота своего», именно жизни своей, а не брюха, не пуза! Вот такая коварная мина покосила почти весь второй и частично другие взводы.

Страшная картина открылась! К этому даже на войне привыкнуть нельзя. Это было и первым моим огромным потрясением, сделавшим сердце все-таки несколько менее чувствительным к последующим смертям на войне. Расхожие мнения о том, что смерть — тоже жизнь, только в другом измерении и что после земной смерти душа человека переселяется куда-то в царство небесное и даже реинкарнируется в последующие индивидуумы, были нам чужды. И если шли в бой, рискуя жизнью, то не ради этого эфемерного представления о загробной жизни, а ради своей Родины, ради своего долга перед народом ее. По крайней мере, тогда так думал не только я.

А около дороги с обеих сторон фашисты установили больше двух десятков обычных противопехотных мин. Точно, га-

ды, рассчитали, что уцелевшие сразу бросятся с дороги в лес, примыкающий к ней, а там... Вот уже эти взрывы мы и приняли за минометный обстрел. Из всего здесь случившегося странным было то, что по дороге вначале прошло походное охранение со щупами, затем — командир роты с ячейкой управления (5—6 человек), за ними прошел весь первый взвод. И никто из этих людей не задел коварных «усиков». А вот второму взводу не повезло. А если бы и он не задел эту мину, то моему взводу уж точно не удалось бы избежать этой участи.

Не знаю, какая сверхъестественная сила уберегла меня на этот раз от мины. Никаких талисманов я не носил, никаких молитв или заговоров не знал, был глубоко неверующим с детства и даже состоял в «Союзе воинствующих безбожников» (в каких только «союзах» и «обществах» мы, ребяташки, тогда не состояли!).

А дело сложилось так. Буквально за несколько минут до взрыва я почувствовал неловкость оттого, что висевший у меня на груди автомат своим магазином как-то неудобно набивал на ходу одно и то же место в нижней части груди. Заметив, что я то и дело поправляю автомат, мой ординарец Женя посоветовал мне подтянуть ремень и поднять автомат повыше, что я и сделал. И почти сразу же прогремел взрыв. И вот тогда один из стальных шариков этой мины угораздил прямо в мой автомат, сделав в его металлической части солидное углубление. Так вот отчего я чуть не был сбит с ног! Такова была сила его удара. И вся убойная сила этого кусочка металла распределилась по стальной массе моего «ППШ». Понятно, что если бы автомат оставался на прежнем месте, то не углубление в его стальном теле, а солидная дырка в моем брэнном теле (и прямо напротив сердца!) была бы обеспечена. А так отделался я большим синяком поперек всей груди.

Что ж, на войне как на войне. Кому-то везет, а другим — нет. Феде Усманову здесь не повезло, пробило грудную клетку навывлет. Ранение тяжелое. Как считать, повезло ему или нет? Могло и убить, как других. Лечился он долго, но после

госпиталей вернулся в батальон. Многие в таких случаях не возвращались, кому не хотелось делить судьбу со штрафниками. И понять их можно, никаких осуждений они у нас не вызывали.

Везение на войне вещь важная. Ведь это счастье, ничем и никем не планируемое и не обеспечиваемое ни знаниями, ни умением, ни опытом. Скорее, это то, что мы называем судьбой. Вот везет или не везет — и все тут. И ничего больше. А с минами мне и моим подчиненным пришлось очень близко столкнуться в еще более драматической ситуации. Но об этом в своё время.

Потеряли мы здесь многих. Большинство — убитыми и умершими вскоре от полученных ранений. Многое я повидал на войне. И многое, естественно, впервые. Теперь вот впервые видел сразу столько убитых и раненых от одного взрыва даже не многотонной бомбы, а только одной коварной мины. Это страшно. К этому даже на войне привыкнуть нельзя. Оставили мы тогда с ранеными небольшую группу бойцов, в основном легко раненых. Командир роты по радио доложил в штаб батальона о потерях и о месте, куда нужно прислать медицинскую помощь и средства для транспортировки раненых. Наспех захоронили убитых и так же наспех обозначили, кто зарыт в братской могиле. Нам нужно было двигаться дальше.

Здесь я отступлю немного от хронологии тех событий и отмечу, насколько важно определиться по карте, сориентировав ее верно на местности, чтобы место захоронения было правильно указано в извещении родственникам.

И вот почему я останавливаюсь на этом.

Лет через 25 после Победы военная служба занесла меня на левобережную Украину, в Харьков. И я решил найти могилу моего старшего брата, погибшего в 1943 году на территории Запорожской области. В «похоронке», полученной тогда нашей мамой, было сказано, что захоронен он «на северной окраине хутора Шевченко Шевченковского района Запорожской области».

Казалось, что проще: бери карту и вперед! Но не тут-то было. Такого района в этой области не оказалось. По справкам, наведенным в облвоенкомате, такого района в Запорожской области вообще никогда не было. А хуторов Шевченко в области насчитывается не то 9, не то 11, а сколько их было до войны, еще нужно уточнять.

Сколько трудов и времени мне и облвоенкомату понадобилось, чтобы с помощью архива Министерства обороны СССР по датам прохождения с боями той воинской части, которая прислала «похоронку», выяснить, в каком из хуторов с этим названием она вела бои в день гибели брата. Потом следовало установить, в какую братскую могилу и откуда уже после войны сносили останки погибших воинов. Только спустя многие месяцы напряженной переписки мне удалось, наконец, положить цветы и припасть к земле, укрывшей навечно моего старшего брата, служившего мне идеалом честного и доброго человека. А ведь и сейчас, спустя уже более 60 лет после войны, многие потомки погибших не могут найти могилы героев, чтобы поклониться их праху.

Ну а тогда рота, теперь практически уже в двухзвонном составе, двинулась дальше выполнять поставленную задачу. На закате нас неожиданно обстрелял противник. Огонь велся со стороны березовой роши, получившей у нас из-за ее очертаний на карте название «Квадратная».

Мы находились на западной окраине какого-то села. Расстояние до роши было приличным, и многие надеялись, что пули нас не достанут, и не очень-то беспокоились об укрытии или маскировке.

Однако вдруг в роше заговорил немецкий крупнокалиберный пулемет, и стоявший у стены деревянного сарая рядом со мной высокого роста штрафник вдруг медленно стал оседать вниз, сраженный этой очередью, едва не задевшей также меня и тех, кто стоял рядом. Пуля пробила насквозь ему грудь. Замечу, что в штрафбате во время моего пребывания там не было женского медперсонала, а санинструкторы назначались в каждом отделении из числа штрафников. Как

правило, они подбирались из медицинских или даже ветеринарных специалистов, которым выдавались дополнительно несколько перевязочных пакетов. Перевязали мы раненого и оттащили за сарай, а потом дальше на сборный пункт раненых.

Роща «Квадратная», оказывается, была тем последним рубежом, с которого противник перестал уходить со своих позиций. Они, эти рубежи, уже не были временными заслонами, и каждый из них мы вынуждены были брать с боем. Приходилось и отбивать контратаки, по 3—4 за день, но наступательный порыв, несмотря на ощутимые потери, не угасал. И не было в этом особой заслуги довольно большого для батальона политаппарата. Редко кого из них можно было увидеть в ротах и взводах, разве только заметная фигура майора Семена Оленина появлялась то тут, то там в боевых порядках.

Теперь наше наступление стало идти труднее и значительно медленнее. Достаточно сказать, что иногда за день продвигались с тяжелыми изнурительными боями и ощутимыми потерями всего на 10—12 километров, а то и меньше.

В ночное время и наш комбат, и командир снова действовавшего рядом 110-го полка 38-й гвардейской дивизии приостанавливали движение, давали возможность бойцам хоть немного отдохнуть и принять пищу, а иногда и подбодрить «наркомовскими» водочными дозами (100 граммов часто так и называли по-медицински, «дозами»). Кстати, водка для воина в бою, при таком физическом и эмоциональном перенапряжении, фактически и была лекарством от сильнейших стрессов. От таких доз не пьянели, но дух они все-таки поднимали, силы хоть немного, но прибавляли.

...Только к полудню 25 июля мы выбили немцев с их последнего оборонительного рубежа между железной дорогой и автострадой Брест—Варшава в районе села Залесье, что в 25 километрах западнее Бреста. Здесь нам было приказано закрепиться и стоять насмерть, лишить противника возможности вырваться из клещей, в которые была зажата его брест-

ская группировка. Вот теперь, уже оседланная нами автострада, показалась лезвием ножа, врезавшегося в наши боевые порядки. Противник стремился всей своей силой пролезть по этому узкому клинку и давил неимоверно на подразделения батальона, причиняя бойцам боль, страдания и смерть.

Уже в этот день мы почувствовали на себе отчаянное стремление гитлеровцев вырваться из замкнувшегося кольца окружения. Они предпринимали атаку за атакой. Бои здесь сразу стали жестокими, упорными. Срочно окопаться — вот главное, что было необходимо, учитывая особенности местности, тем более что никаких траншей, никаких окопчиков, которые можно было использовать нам, здесь не оказалось. А местность эта прежде всего характерна была тем, что кругом был сравнительно густой, хотя и не старый лес и из-за этой густоты видимость была плохой, а грунт сухой, плотный, трудно поддающийся нашим малым лопаткам, особенно если пытаться окапываться только лежа. Ситуация складывалась острая, опасная.

Немец вел интенсивный, почти сплошной огонь, в том числе и разрывными пулями. А это воспринималось неприятно. Попадая в деревья, в густые их ветви и кроны, эти пули взрывались, создавая впечатление, что выстрелы звучат совсем близко, рядом. Жуткое состояние, когда не знаешь, откуда стреляют: спереди, сзади, с боков или сверху. Вспоминались сразу «кукушки» времен финской войны, о которых нам много говорили еще в училище.

Пришлось мне помотаться под огнем по своему взводу, от бойца к бойцу, контролируя состояние своей так спешно организуемой обороны, чтобы убедиться, что каждый занял наиболее удобную позицию. А в таком контроле нуждались прежде всего бывшие летчики, интенданты и даже танкисты, то есть те, кто не принадлежал ранее к царице полей — пехоте.

Враг лез напролом. И войску нашему пришлось еще до наступления вечера отразить почти непрерывных пять вражеских атак! Это же почти каждые полчаса сплошные огне-

вые вихри, несметные толпы орущих и безостановочно стреляющих, подчас до одури пьяных фрицев, которым, казалось, не будет конца! И все они рвутся на наши позиции. Жуткая ситуация, когда вроде бы и головы не поднять под автоматно-пулеметной круговертью, а нужно в этом аду вести ответный огонь, да еще более результативный, чтобы уложить врага, не дать ему шанса проскочить, проскользнуть. То тут, то там у нас появлялись убитые. А многие, даже сравнительно легко раненные оставались сражаться дальше. Могли законно уйти, но не уходили...

При отражении третьей или четвертой фашистской атаки во время моей очередной перебежки меня сбросило на землю сильным ударом по левой ноге, еще не успевшей окрепнуть после памятного ранения на минном завале в обороне. Ну вот, подумал я, опять этой ноге досталось! Но, упав, не почувствовал боли. Осмотрел ногу, увидел отверстие в голенище сапога. Странно, дырка есть, а нога вроде цела. Полез в сапог рукой проверить, нет ли крови, но наткнулся на непривычно изогнутую ложку из нержавеющей стали, которую всегда носил за левым голенищем. Вынул ее — и удивился: она была причудливо изогнута, просто изуродована. Оказывается, немецкая пуля то ли была на излете, то ли предварительно прошла ствол нетолстого дерева, но, уже не имея убойной силы, только пробил сапог и, попав в ложку, всю свою оставшуюся кинетическую энергию превратила в удар, сбивший меня с ног. Опять повезло! Поистине эта ложка, как тогда автомат, и были, наверное, моими талисманами. Жаль, ложку эту мне не удалось сохранить до конца войны. Не до сувениров тогда было.

К вечеру наши тыловики подвезли много боеприпасов, и каждый получил хороший их запас. Большинство бойцов даже набивали гранатами и патронами противогазные сумки, безжалостно выбрасывая противогазы, которые, по мнению многих, были лишним грузом

Наступавшая ночь была очень беспокойной. По автостраде под покровом темноты пытались прорваться броне-

машины, с которыми наши пэтээровцы и противотанковые пушки-сорокапятки полка справились даже в темноте.

Не могу не отметить, что минометному взводу Гольдштейна здесь крупно повезло. Отступая, немцы бросили целый склад своих 81-миллиметровых мин. Их конструкция и размеры удачно подходили к нашим 82-мм минометам, состоявшим на вооружении у нас. Нужна была только коррекция дальности стрельбы из-за несоответствия калибра. Этими трофейными минами «Муськин взвод» всю ночь вел, по существу, заградительный огонь по шоссе, чем помог нашим противотанковым силам громить фрицев, пытавшихся проскочить по шоссе на бронемашинах и автомобилях.

К рассвету на автостраде со стороны немцев показалась большая группа верховых на лошадях, а также пароконных повозок на резиновых колесах и даже орудий на конной тяге. Но встреченные сильным огнем артиллерии и наших минометчиков те из них, кто уцелел, быстро повернули назад.

С утра 26 июля гитлеровские атаки следовали с неослабевающим ожесточением одна за другой. В одну из них немцы бросили более 20 танков и до двух батальонов пехоты. Их поддерживала авиация. Вздымалась земля, разрывы бомб и снарядов сливались в сплошной грохот. На этот раз двум или трем танкам удалось прорваться. Но и только. Вся остальная армада уперлась в стойкость наших бойцов и гвардейцев дивизии. Сражались они самоотверженно, и моральный дух их оставался высоким. Военные психологи отмечали, что в остром, напряженном бою возникает состояние какого-то опьянения боем, когда уже нет ни страха, ни даже опасения за себя, а только радость битвы! Да, как ни странно, но именно радость, безотчетная, но весьма осязаемая. В таком боевом экстазе часто боец даже не замечает ранений. Знаю это и по себе, и по моим боевым товарищам, офицерам постоянного, командного состава, и по многим бойцам-переменникам.

Приведу несколько строк из военных мемуаров Н.В. Куприянова «С верой в Победу» о боевом пути 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии. Конечно, о нашем

штрафбате, действовавшем вместе с полками дивизии, здесь нет ни слова из-за строжайшего табу в то время на информацию о штрафбатах.

«...Основной удар пришелся по 110-му полку. Вражеские самолеты непрерывно висели над боевыми порядками. Казалось, в этом крошечном аду никто из бойцов и головы поднять не сможет. Так, вероятно, думали и вражеские танкисты, которые перешли в атаку. Но стоило танкам и пехоте противника приблизиться, как они были встречены плотным огнем гвардейцев. По танкам наиболее эффективно вели огонь 45-мм орудия батареи полка... и взвод противотанковых ружей. Гвардейцами было отражено шесть вражеских контратак. Противник понес большие потери».

Читатель, вероятно, догадывается, что вместе с гвардейцами здесь насмерть стояли и офицеры-штрафники, а взвод противотанковых ружей был из нашей роты «ПТР».

Да, потеря у противника было очень много. Но и наши потери были большими. Как будто нам была дана своего рода «компенсация» за сравнительно более слабое сопротивление немцев в предыдущие дни и за менее ощутимые потери, которые мы несли на прежних этапах наступления.

Я уже упоминал, что во время войны в нашем штрафбате никогда не появлялись никакие корреспонденты. И после войны во множестве прочитанных мною военных мемуаров, даже в книге бескомпромиссного и прямодушного генерала А.В. Горбатова не упоминалось о действиях штрафников ни на нашем Белорусском фронте, ни на других. Когда мне попала в руки цитируемая книга Н.В. Куприянова, я надеялся найти в ней упоминание о нашем ШБ. Ведь столько времени бок о бок в очень нелегких условиях действовали мы со 110-м полком этой дивизии! Но нигде ни слова! Пожалуй, этот факт тоже стал причиной того, что я взялся за перо, чтобы осветить незаслуженно забытые страницы боевой истории Великой Отечественной.

Ко дню 40-летия Победы, в 1985 году, мне удалось разыскать и организовать встречу фронтовых друзей по нашему

штрафбату. Встреча через сорок лет открыла нам одну истину: ох, как меркнут в памяти многие детали тех штурмовых, огненных ночей и дней, как время меняет прошлые впечатления, оценки событий. Но самое трудное, самое опасное, как правило, помнится до мельчайших подробностей.

Прошедшие годы всех нас без исключения меняют, часто переделывают по-иному, но все-таки, как правило, оставляют основательное, полученное в юности воспитание и сформированное в пору зрелости мировоззрение. А прожитые годы и условия, в которых они пройдены, да и собственные усилия приводят либо к совершенствованию, либо к деградации и падению, и не только к нравственному. В нашей офицерской семье, к счастью, падения оказались лишь единичными исключениями. Говорю об этом не для того, чтобы «перемывать косточки», а лишь для того, чтобы читатель не заподозрил меня в создании нимба святости над всем нашим штрафбатовским коллективом

Среди немногочисленных моих друзей-фронтовиков, доживших до 40-летия Победы, на встречу разысканных мною штрафбатовцев приехал и генерал-майор Филипп Киселев, который тогда, под Брестом, был капитаном, первым помощником начальника штаба батальона, или ПНШ-1, как тогда эту должность именовали. По роду своих, уже генеральских, должностных обязанностей он не раз бывал на месте тех боев под Бяла-Подляской. Там тогда была, рассказывал он, большая, ухоженная братская могила советских воинов. Трудно предположить, сохранилась ли она теперь, в натовской Польше.

Пожалуй, не было больше нигде могил, на камнях которых было бы столько имен офицеров. А это были в основном имена погибших там штрафников. Судя только по этой могиле, можно было догадаться, какие жестокие бои разгорелись там, за Брестом, и какой большой кровью досталась нам Победа вообще. Да и имеющиеся документы свидетельствуют, что только за 26 июля из числа офицерского состава погибли: старшие лейтенанты Г.А. Пильников и И.А. Остапен-

ко, лейтенант Н.В. Грачев и младший лейтенант В.Г. Анисимов. В тот же день получили ранения 10 офицеров, в том числе автор этой книги, а также близкие мне друзья, заместитель командира роты, старший лейтенант Иван Янин и командир пулеметного взвода лейтенант Сергей Сисенков.

Вот тут в нашей общей памяти не было разночтений. Все помнили детали тех жестоких боев. Воевали там все решительно и мужественно. Никто не оставлял своих позиций. Помню, мне тогда пришло в голову сравнить задачу не пропустить врага с примерами стойкости наших воинов в Брестской крепости в первые дни войны (хотя тогда об этом мало было известно), в битвах под Москвой и Сталинградом. Пусть, говорил я тогда своим штрафным офицерам, этот рубеж будет таким же неприступным для фашистов. Может, многим могут показаться высокопарно звучащими эти слова, но видел я — они действовали! Ведь до дня, когда окруженная группировка немцев была пленена войсками Первого Белорусского фронта, еще двое суток гитлеровцы отчаянно пытались прорваться на запад. Но и гвардейцы, и штрафники стояли насмерть. Как в Брестской крепости. Как под Москвой, как в Сталинграде. Только теперь я начинаю полностью осознавать, до какого же предела напряжения дошли мы и наши бойцы в те дни, если у нас под конец исчезло само чувство страха быть убитым!

Здесь я хочу сделать отступление от хронологии боя под Брестом.

Дело в том, что тогда мы только слышали невнятные разговоры давно воюющих офицеров о беспримерном сопротивлении гарнизона Брестской крепости гитлеровцам. Широко о массовом героизме ее защитников страна узнала лишь через много лет, когда этой легендарной крепости было присвоено звание «Крепость-Герой».

Помню, когда я проходил службу в десантных войсках заместителем командира воздушно-десантной дивизии в Костроме, к нам в военный городок приехал первый секретарь обкома КПСС Лещев, сын которого служил в нашей дивизи-

зии. Он был довольно частым гостем у нас и оказывал заметную помощь дивизии. Но на этот раз с ним приехал Герой Советского Союза, отрекомендовавшийся просто: «Гаврилов Петр Михайлович. Хочу посмотреть, как служит мой племянник». Оказывается, этот племянник служил в автошколе дивизии, находившейся непосредственно в моем подчинении. А сам Петр Михайлович оказался тем майором Гавриловым, который все 32 дня, будучи командиром 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии, руководил героическим сопротивлением бессмертного гарнизона.

Как стало потом известно, даже фашисты вынуждены были признать мужество и стойкость защитников крепости. Из доклада командующего 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге: *«Враг защищается упорно и ожесточенно. Русские отвергли все предложения о капитуляции... Сражались до последней минуты и до последнего человека»*. Вот этим последним человеком и был майор Гаврилов Петр Михайлович. И его, уже последнего из живых защитников крепости, израненного, обессиленного, немцам удалось, наконец, взять в плен. Рассказал он нам тогда и о пережитом в фашистском плену, и о непросто складывавшейся судьбе его после плена...

Но тогда, в июле 1944 года, мы об этом еще ничего не знали. Естественно, ни в городе, ни в крепости тогда, после освобождения Бреста, нам не довелось побывать. Да и вообще все подробности мне удалось узнать и увидеть только, когда я был приглашен на юбилейное празднование 60-летия освобождения Бреста в 2004 году. Обошел тогда всю территорию крепости, поклонился памятным монументам и братской могиле. Перечитал на ее камнях фамилии 270 увековеченных из более 900 похороненных там павших героев.

Увидел потрясшие меня экспонаты всех залов Музея обороны цитадели. Детально знающая всю историю крепости милая девушка-гид Юлия Александровна Ярошик-Скворцова в течение нескольких часов показывала все экспозиции, подробно рассказывала о тех, кто героически больше

месяца не сдавал крепость врагу, и о том, как и какие воинские части сражались, чтобы изгнать фашистов со священной земли. Но ни слова, ни намека на то, что в уничтожении многотысячного войска гитлеровцев, окруженных в Бресте, принимал участие и немало голов сложил за это наш 8-й штрафбат. Я подарил музею свою книгу «Штрафной удар», и теперь, вероятно, хоть какой-нибудь «намеком» об участии офицерского штрафбата в освобождении Бреста там есть.

А в тот день, 26 июля, немцы шли плотной массой в очередную из атак, предпринятых с самого утра, пытаюсь прорваться через наш участок. Теперь, уже без прежней спеси, шли они не в полный рост, а ползли, прижимаясь к земле, то ли под угрозой расстрела своими же офицерами (а их грозные голоса доносились до нас), то ли в отчаянии. Им удалось приблизиться к нашим позициям на расстояние броска гранаты, однако, несмотря на их шквальный огонь, гранатами забросали фашистов мы.

И когда я поднялся из окопа и швырнул в эту ползущую массу очередную гранату, рядом со мной был убит пулеметчик. Бросился я к замолкшему «дегтяреву» и в этот момент почувствовал сильный удар, будто мощным электротоком, в правое бедро и, падая, как-то странно полностью перестал ощущать правую ногу, и она потеряла способность двигаться. Я не мог сдвинуть ее с места, не то чтобы сделать хоть один шаг. Это было «слепое пулевое ранение в верхнюю треть правого бедра с повреждением нерва», как потом было записано в справке о ранении. А если проще — то практически в правый пах, причем, оказывается, был перебит какой-то нерв, и нога поэтому мне уже не повиновалась, я вообще перестал ее чувствовать.

Атака была отбита. Фрицы, оставшиеся в живых, поползли назад. В образовавшемся затишье мой верный ординарец Женя оттащил меня с обильным кровотечением в какое-то углубление вроде воронки и побежал искать полковую санитарку. Тут я обнаружил и обильное кровотечение, значит, поврежден еще и какой-то крупный кровеносный сосуд.

Моих скромных медицинских познаний хватило догадаться, что для того, чтобы хоть немного уменьшить кровотечение, нужно как можно сильнее большими пальцами обеих рук давить на место ранения. Вскоре Женя тащил за руку совсем юную, почти девочку в военной форме, санитарку с огромной сумкой, на которой от руки намалеван большой красный крест.

Здесь мне хочется высказать одно очень важное наблюдение о том, как штрафники заботились о своих командирах. И не только ординарцы, коим по должности вменялось это в обязанности. Даже когда у походных кухонь выстраивалась очередь за пищей, то сами штрафники разыскивали ординарцев, чтобы им первым наполнили котелки для командиров. Да и примеры моего зама Петрова, командира отделения Пузыряя, как и многих других, говорят сами за себя.

Моего индивидуального перевязочного пакета (ИПП) и перевязочного материала, который был у санитарки, явно не хватало для тугой, давящей повязки, так как жгут на это место никак нельзя было наложить, хотя миловидная и, видимо, еще совсем малоопытная сестричка милосердия безуспешно пыталась это сделать. Место для наложения повязки было весьма неудобным, тем более что эта юная девушка заметно стеснялась моего оголенного тела в этом пикантном месте. От предложенного мне Женей его перевязочного пакета я отказался. Ведь никто не застрахован, что он ему самому не понадобится! Пришлось использовать мою пропотевшую, просоленную нательную рубашу. Закончив перевязку, поволокли они меня на полковой пункт сбора раненых, который был метрах в двухстах от линии огня. Бросив прощальный взгляд на столь памятное мне поле боя, я понял, что это вовсе не поле, а лес, но какой-то изломанный, изуродованный этим кошмарным боем. Разрывные пули и осколки мин и снарядов, прилетавших от противника, как жуткий смерч расщепили не только ветки, но и стволы деревьев, опустивших в смертельной печали свои перебитые верхушки и повисшие ветви.

По данным архивных материалов ЦАМО РФ, после завершения боев по окружению брестской группировки противника в батальоне из числа переменного состава (630 человек), вступивших в операцию «Багратион», осталось всего 376 человек, в том числе:

Замкомполков и им равных	3
Начштабов и им равных	20, а было 43
Комбатов и им равных	11, а было 20
Замкомбатов и равных	7
Комрот, батарей, эскадрилий	65, а было 103
Замкомрот и им равных	13
Комвзводов и равных	116, а было 202
С других должностей	141, а было 219

Получается, что 245 человек — боевые потери, но сколько из них ранено, а сколько погибли, такими данными я пока не располагаю, но если принять соотношение 2:1, то получится: раненых 163, погибших 82. Вполне правдоподобно

После того как я осознал, что выведен из строя серьезно и надолго, ординарца я отослал к своему заместителю Семену Петрову, который, кажется, еще был цел, чтобы передать ему: теперь он полностью отвечает за взвод. Наверное, через час подъехала повозка, на которую и погрузили нас, человек 15. Лошадь была трофейная, эдакий здоровенный битюг-тяжеловоз. Он бы, конечно, увез не одну такую телегу. Рядом со мной сидел боец моего взвода со страшным ранением лица. Разрывная пуля попала ему сбоку в переносицу и превратила его левый глаз в зияющую кровоточащую дыру. Сколько мужества и терпения было в его до меловой бледности сжатых кулаках. И молчал он как-то неестественно, отрешенно, преодолевая, видимо, невероятную боль и боясь разжать плотно стиснутые зубы, чтобы не дать вырваться стону или крику.

Доставили нас на ПМП (полковой медпункт), а там заполнили на каждого первичный документ о ранении, так на-

зываемую «Карточку передового района», которая подтверждала, что ранение получено в бою. Оттуда, уже на грузовичке, забитом до предела лежащими и сидящими ранеными, отвезли нас в ближайший медсанбат.

Разместили всех в почти «под завязку» заполненном, очень длинном сарае на толстом слое расстеленной на земляном полу свежей, ароматной соломы и сена, строго-на-строго предупредив, чтобы никто не вздумал курить. Сгорим ведь все! Ощупав свои карманы, я понял, что трубку свою где-то в этом бою потерял. А жаль, она мне долго и верно служила.

Какой родной, почти забытый, мирный запах шел от этой нашей общей постели. Он так отличался от пропитавшего всех нас запаха пороховой гари, пота и крови... Не дождав-шись прихода врачей или кого-нибудь из медперсонала, чтобы показать свой документ о ранении, в котором было указано на необходимость первоочередной врачебной помощи, я, так и не почувствовав боли, сладко заснул.

Спал, по-видимому, недолго. Разбудила меня медсестра. Увидев ее, я понял, что снова попал в тот же медсанбат, где меня ставили на ноги после моего злополучного подрыва на mine ровно месяц тому назад, день в день — 26 июня. Вот такое совпадение и по времени и по месту. Будила меня уже знакомая сестричка Таня (помню, она была из Калинина), с которой во время моего первого пребывания в этом медсанбате мы развлекали раненых исполнением под гитару русских романсов. Помню, больше других нашим слушателям нравился тот, в котором пелось про каких-то чаек над озером... Все забылось, даже песня! Не забылись только бои, страшные, кровавые!

...Радостно было сознавать, что попал в руки уже знакомых врачей, и сразу же родилась надежда, что с моим нынешним ранением они справятся так же успешно, и я скоро смогу вернуться на фронт.

На носилках меня отнесли на операцию в здание, которое мне показалось небольшой школой. Операцию пришлось

ждать в предоперационной, видимо, в одном из классов этой школы. Из другой комнаты доносились стоны, крики. Как оказалось, там была операционная. Из нее, перекрывая стоны раненых и голос врача «Наркоз! Глубже наркоз!», гремел отборный русский мат. Вскоре все стихло, и оттуда на носилках вынесли укрытого с головой человека. Таня мне объяснила, что у него было очень тяжелое ранение, но его почему-то не брал наркоз. И то ли от передозировки его, то ли от тяжести ранения он скончался на операционном столе.

Как я узнал потом, это был мой штрафник Петухов, летчик из дивизии, которой командовал Василий Сталин. В свое время этот Петухов много интересного рассказывал о своем комдиве, полковнике Василии. И я тогда не мог даже представить, что судьба когда-либо сведет меня с сыном нашего Верховного Главнокомандующего, уже генерал-майором Василием Иосифовичем Сталиным. А случилось это уже после войны, когда я служил в Лейпциге, в военной комендатуре города. Встреча эта запомнилась в деталях, о ней я расскажу в главе 13. А здесь, в медсанбате, следующим на операционный стол «доставляли» меня. Вспоминаю, как какой-то липкий страх овладел мною. Так не хотелось, чтобы и со мной произошло на этом столе то же, что и с моим предшественником. Именно здесь, а не на поле боя. Одно дело, если в похоронке напишут: «погиб смертью храбрых в бою», а другое дело — «умер от ран»...

Примерно такое же ощущение страха я испытал в обороне под Жлобином, когда впервые на какой-то лесной поляне, где не было никаких окопов, попал под артиллерийский налет немцев. Тогда мне казалось, что свист каждого подлетающего снаряда — это свист «моего» снаряда, который летит прямо в меня. И уже через несколько минут, казавшихся мне чуть ли не вечностью, единственным моим желанием тогда было: пусть уж скорее прилетит именно «мой» снаряд и все будет кончено. Ну, пусть всеохватывающая, раздирающая боль, но ведь это только на мгновение! Сознаю, что это был страх сильный, почти животный. Но ведь вся «хит-

рость» на войне — не отсутствие боязни, а умение преодолеть ее, подавлять в себе страх. Да и научился я со временем различать свист или шорох мимо летящих снарядов, которым вовсе и необязательно было кланяться. Ну а здесь, в медсанбате, проявился страх совсем другого свойства.

Итак, после того, как из операционной вынесли тело скончавшегося штрафника Петухова, наступила моя очередь идти под нож. С помощью медсестры я доковылял до операционного стола. И мне нужно было набраться храбрости лечь на стол, на котором только что умер раненый. Прямо скажем, не очень комфортное ощущение. Но креплюсь, стыдно будет, если проявлю хоть в чем-то малодушие или страх, да и, наверное, больше, чем самой смерти, боялся, что, как и у моего предшественника, в этом «дамском обществе», коей оказалась операционная медсанбата, вдруг под наркозом тоже вырвется многоэтажный мат, который в других условиях бывал более чем уместен... Но не здесь!

Теперь наступала уже другая страница моей фронтовой эпопеи, госпитальная. О ней я поведаю в другой главе.

ГЛАВА 7

*Операция, наркоз. Госпиталь, побег. Побег и возвращение.
Чужой орден. Обед у ксендза. Новый комбат. Новые друзья.
Варшавское восстание. Выход на Наревский плацдарм*

...День светлый, в окна брызжет яркое солнце. Хирург — женщина. Из-под маски видны только глаза и четкие линии тонких, с изломом бровей. Видимо, в медсанбате это новый человек, при первом моем пребывании здесь я ее не видел. Подошли ко мне еще несколько человек в халатах, показавшихся мне ослепительно белыми после многодневной пыли и не смывавшейся долго грязи и копоты на лице и руках. Они бережно раздевают меня, привязывают мои руки и ноги. Понятно, зачем: чтобы не брыкался во время операции. Не сопротивляюсь.

Одна из сестер в маске, видимо уже немолодая, становится у изголовья и набрасывает мне на лицо тоже марлевую маску, а остальные снимают пропитанную кровью и уже подсохшую, уж очень массивную повязку, почти шепотом и беззлбно ругают того, кто ее соорудил. А я с благодарностью вспоминаю ту неумелую девушку-санитарку. Все-таки кровь она остановила!

Сестра начинает понемногу лить эфир на мою маску, а хирург ровным, приятным голосом говорит: «Сейчас даем вам наркоз. Вы уснете и саму операцию не почувствуете. Так что будьте спокойны, расслабьтесь и начинайте считать: раз, два, три...»

Какой-то бес вселился в меня, и я ответил: «Считать не буду. Делайте так!» Но постепенно, с каждым очередным моим вдохом голоса окружающих стали отдаляться. Сестра у изголовья что-то меня спросила, но отвечать мне стало лень, и я почувствовал, что к моей ране уже прикоснулся скальпель хирурга. Боли никакой, будто режут не кожу, а распарывают брюки на мне, хотя знаю, что их уже давно сняли.

И все. Почти мгновенно провалился в глубокий черный омут. Все исчезло.

Уже в помещении, где лежат прооперированные, очнулся от легких шлепков по щекам и хорошо знакомого голоса сестры Тани: «Проснись, проснись! Все уже закончилось». Первое, о чем я спросил и что меня больше всего волновало — как вел себя на операционном столе и не ругался ли матом. И рад был услышать: «Ты был абсолютно спокоен и ничем не мешал хирургу».

Или от воздействия наркоза, или от безмерной усталости за последние несколько бессонных суток, но я снова уснул. Спал беспробудно остаток дня, ночь и только к обеду следующего дня окончательно проснулся. Непривычное ощущение непослушной ноги несколько обеспокоило меня. Однако мои опасения по этому поводу уже знакомый врач, который когда-то «опекал» мою другую ногу при первом визите

сюда, развеял словами: «Подумаешь, нервик один поврежден! Срастется, все войдет со временем в норму».

А еще этот врач сказал, что я должен благодарить судьбу за то, что пуля прошла в нескольких миллиметрах от крупной артерии. Если бы этот сосуд был пробит, то мне не суждено было бы выжить, истек бы кровью. А если бы на те же несколько миллиметров пуля отклонилась в другую сторону, то мой, частично поврежденный нерв, был бы перебит полностью, и восстановить управление ногой было бы даже теоретически маловероятно. И тогда финал — калека на всю оставшуюся жизнь. Но судьбе, видно, угодно было снова пожалеть меня. А пулю из раны во время операции, оказывается, не извлекли. Она как-то хитро обошла кости таза, сразу ее не нашли (рентгена не было) — объявилась она через год и стала мешать мне и сидеть, и лежать. Вырезали ее вскоре после войны, совсем в другом госпитале.

Вскоре нас, большую группу тяжелораненых, эвакуировали в армейский тыл, в эвакогоспиталь, так как медсанбату нужно было принимать новых раненых, а затем и менять место дислокации, перебираясь ближе к своей дивизии, продвинувшейся к тому времени вперед.

Судя по тому, что за эти дни в медсанбат поступало большое количество раненых, бои шли ожесточенные: из надежного кольца окружения все еще пыталась вырваться группировка немецких войск.

Наша 38-я гвардейская дивизия вместе со штрафбатом и в последующие дни надежно продолжала замыкать кольцо окружения, теперь уже соединившись с войсками, обошедшими Брест с севера. К рассвету 28 июля часть сил немцев в Бресте и окрестностях была пленена, но попытки оставшихся вырваться все еще не прекращались. Москва салютовала доблестным войскам Первого Белорусского фронта, освободившим областной центр, город Брест, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий! Радостно было сознавать, что и наша кровь была пролита не зря.

Всем участникам этих тяжелейших боев приказом Сталина, Верховного Главнокомандующего, была объявлена благодарность. И впервые нам, воинам штрафного батальона, были вручены специальные документы об этом, хотя раньше мы этой чести не удостоивались. Подумалось нам, что, наверное, маршал Рокоссовский, понимая, что штрафбат не может по определенным соображениям включаться в приказы Верховного Главнокомандующего, но принимает активное участие в освобождении или взятии крупных городов, важных рубежей, дал указание вручать и нам такие документы. И это правило выполнялось неукоснительно до самой Победы. Нетрудно догадаться, какое значение имели эти типографские бланки с портретом Верховного и вписанной твоей фамилией для поднятия духа, какие положительные эмоции ими были вызваны...

Уже после войны из множества военных мемуаров я почерпнул сведения о подробностях тех боев, свидетелем которых из-за ранения уже не был. Привожу опять строки из книги Н. В. Куприянова «С верой в победу», наиболее подробно описывающего этот период, который прямо касался и нашего батальона.

«Противник силами более дивизии атаковал части 38-й дивизии и к утру 28 июля потеснил их. Подразделения дивизии (а значит, и роты штрафбата) сражались самоотверженно. Получив ранения, гвардейцы (а я знал, что и многие штрафники тоже) оставались в строю и продолжали выполнять боевую задачу. В уничтожении врага существенную помощь оказала штурмовая авиация фронта.

Гвардейцы 110-го полка (а с ним действовал и наш штрафбат) мужественно и стойко оборонялись, и отбили десять (!) контратак численно превосходящих сил противника. Его пехота и танки, не добившись успеха с фронта, обошли полк с флангов...».

Далее из книги явствует, что к утру 29 июля, преследуя уже разгромленные и расчлененные в этих очень сложных

условиях группы противника, наши войска завершили полное их уничтожение и вышли в район Бяла-Подляска. Так что за время, пока я находился в медсанбате, завершились столь памятные бои батальона в составе 38-й Гвардейской Лозовской стрелковой дивизии...

Ну а в госпитале — снова перевязки. Дня через два не то чтобы разрешили, а настоятельно рекомендовали не только вставать, но и по мере возможности двигаться. Однако нога продолжала оставаться непослушной, и я с помощью изобретенного мною «привода», шлеи, вначале из бинта, а потом (усовершенствовал!) — из ремешка, пропущенного в сапог под ступню, приспособился ходить довольно уверенно, хотя и не так быстро.

Госпиталь, вернее та его часть, где были мы, раненые офицеры, располагался в помещении, напоминавшем большое хранилище с очень высокими стропилами под черепичной крышей. Наши койки и нары были двухъярусными. Меня, «безногого», конечно, разместили на нижнем этаже, а надо мной лежал симпатичный, моих лет, тоже старший лейтенант, Николай, рука которого была в гипсе — пулей или осколком была раздроблена кость.

Познакомились, как в таких обстоятельствах говорят, случайно, но быстро подружились. Много общего было у нас и в биографиях, и в суждениях. Так на войне бывает: короткая встреча, но дружба и память на всю жизнь. И наша встреча превратилась в искреннюю дружбу, хотя и кратковременную, но помнившуюся всю жизнь, хотя вместе нам не пришлось бывать в боях. Нашей медсестрой была симпатичная татарочка Аза, девушка образованная, много знающая, с ней было интересно общаться. И вскоре между Николаем и Азой завязались более чем дружеские отношения. Я попросил Азу, если возможно, достать что-нибудь почитать, благо времени, свободного от перевязок и других лечебных процедур, было много, да и соскучился по возможности вдоволь насла-

диться чтением. И рад был безумно, что в госпитале оказалась приличная библиотека.

Читать я научился в очень раннем детстве. И научил меня этому, как говорили у нас в семье, мой старший брат Иван, хотя я почему-то этих «уроков» не помню. Наверное, было это задолго до моего пятилетнего возраста, когда я уже развлекал своим чтением взрослых. Усаживали меня вечером на стол перед керосиновой лампой, и я вслух, не признавая никаких знаков препинания, читал далеко не детские книжки. До сих пор помню книгу «Житье-бытье», автором которой был не то Дорохов, не то Шорохов. Содержание книги этой тоже помню, и теперь понимаю, что она отнюдь не была предназначена даже для более взрослого ребенка.

А когда пошел в школу, то уже во 2-м или 3-м классе прочел среди множества разных книг и «Айвенго» Вальтера Скотта, и «Всадник без головы» Майн Рида, сокрушался и плакал о судьбе Эсмеральды и Квазимодо из «Собора Парижской богоматери». Потряс меня тогда Максим Горький «Старухой Изергиль», пылающим сердцем Данко и своими «Университетами». «Вместе» с Коленькой Иртеньевым прожил «Детство, отрочество и юность» Льва Толстого. В нашей сельской библиотеке я успел перечитать все, что там имелось, и взялся было (кажется, еще в 4-м классе) за сочинения Ленина. Удивился тогда, увидев на библиотечной полке целую шеренгу его сочинений. Для меня тогда, по аналогии с сочинениями Мамина-Сибиряка, Гарина-Михайловского и других классиков, сочинения которых стояли в отцовском шкафу, сочинения — это интересные рассказы, повести и пр. Я тогда и решил, что Ленин — не только вождь наш, но еще и писатель (в моем тогдашнем понимании). Несмотря на сопротивление библиотекарши, выпросил у нее 1-й том. Конечно же, с первых строк ничего там не понял и вернул с разочарованием. Помню, уже тогда «выкрал» у старшего брата очень интересную книгу «Золотая голытьба» (автора забыл), которую читал запоем по ночам, тайком от матери.

В военном же училище, когда мне довелось из-за обмороженного пальца ноги несколько дней провести в казарме, я успел прочитать известные произведения Драйзера и других писателей. Так что знакомство и приятельские отношения с Азой оказались и мне весьма кстати.

Недели через две, в связи с продвижением линии фронта вперед, госпиталю предстояло перебазироваться на новое место, поближе к передовой, и многих из нас должны были эвакуировать в глубокий тыл на долговременное лечение. А это значило, что потом нас направят не только не в свои части, но, может, и на другие фронты.

Я уже говорил, что мой романтизм и юношеское самолюбие рождали во мне гордость за то, что мне доверено командовать даже старшими офицерами, хотя и проштрафившись, вести их в бой. И я никак не хотел лишаться этого своего необычного статуса. Да и у Николая было настроение после госпиталя обязательно вернуться в свой родной боевой коллектив. У нас был даже разговор с одним солидного возраста майором из раненых, начальником штаба какого-то гвардейского полка. Он уговаривал нас обоих после излечения прибыть к нему в полк на должности командиров рот или к нему в штаб. Но мы были непреклонны!

Меня это предложение не прельщало еще и потому, что в штрафных батальонах должность командира взвода и так приравнивалась к должности командира роты, даже штатная категория была «капитан». Кроме того, денежный месячный оклад был, как у гвардейцев, на 100 рублей выше, чем в обычных частях, поэтому, шутя, мы называли свой штрафбат «почти гвардейским». И если в обычных и даже гвардейских частях один день на фронте засчитывался за три, то в штрафбатах — за шесть дней!

И вот, чтобы избежать нежелательной для нас эвакуации, мы решили бежать поближе к фронту, с тем чтобы попасть в какой-нибудь другой прифронтовой госпиталь долечиваться. Понимая, что без первичного документа о ранении, «Карточки передового района», нам будет сложно объяснить свое

появление там, мы решили попросту выкрасть эти карточки. Но не хотелось подставлять под неожиданный удар Азу, у которой они находились. Уговорили ее содействовать нашему побегу тем, что она на некоторое время отойдет от картотеки, а мы в это время сделаем свое «черное дело» и сбежим.

Под шум и неразбериху, связанные со свертыванием госпиталя и отправкой раненых, мы, забрав карточки и предварительно собранные нехитрые свои вещи, скрылись из виду. Смешно, наверное, было видеть со стороны двух молодых лейтенантиков: одного с рукой в гипсе и на перевязи, а другого — ковыляющего при помощи странного устройства из поясного брезентового ремня. Крадучись, мы хотя и медленно, но упорно удалялись от расположения госпиталя, грузившегося в автомобили.

Нам удалось незамеченными пройти километра два до перекрестка, на котором стояла прехорошенькая регулирующая. Уговорили ее остановить машину, идущую в сторону фронта. Вскоре, неуклюже взобравшись в кузов, мы уже стремительно удалялись от своего госпиталя, в котором провели больше двух недель.

Передвигаясь с переменным успехом, «на перекладных», не всегда удачно и нередко пешком, мы через трое суток наткнулись, уже совсем недалеко от линии фронта, на полковой медпункт артиллеристов и попросили сделать мне перевязку, тем более что под повязкой я чувствовал неприятный зуд. Гипс на руке Николая решили пока не трогать.

Сравнительно молодой, хотя и усатый капитан-медик завел нас в палатку под флагом с красным крестом. Когда он разбинтовал мою рану, я в ужасе увидел копошащихся в ней белых жирных червей величиной не менее двух сантиметров в длину.

Наверное, моя физиономия сказала о моем испуге больше, чем я мог выразить словами, потому что доктор сразу стал меня успокаивать: «Не бойся, лейтенант, это хорошо, что эти три дня они тебе чистили рану, убирали гной и не дали ей сильно загноиться. Опасности никакой нет». Вычисти-

ли и обработали рану, перевязали и отпустили с миром, под-сказав, в каком направлении двигаться до ближайшего медсанбата. Каково же было мое изумление, когда я узнал уже знакомый мне медсанбат! Ну, опять невероятное совпадение и везение!

Николай свой путь в госпиталь проходил через другой медсанбат, но и меня, и его приняли хорошо. Вначале там подумали, что я успел получить еще одно ранение, но когда мы рассказали, какими мотивами руководствовались, сбежав из госпиталя, нас поняли.

Это произошло числа 15 августа. А уже 18-го (это был День военно-воздушного флота) нас снова эвакуировали в ближайший госпиталь. На фронте «наркомовские» 100 граммов выдавали не только в наступлении, но и по праздникам. А поскольку это был праздник, хотя мы к авиации никакого отношения не имели, перед отправкой мы пообедали и употребили положенное по этому случаю.

Везли нас недолго. Не знаю, только ли у меня случалась такая странная череда совпадений, но привезли нас в небольшой польский город за Бяла-Подляской в тот же госпиталь, из которого мы бежали! Перебазировавшись, он уже принимал раненых на новом месте. Николай сразу же бросился искать Азу. И здесь, по случаю праздника, нам перед обедом тоже предложили по 100 граммов. Естественно, мы не отказались и от второго обеда, и от второй чарки водки.

Не успели опомниться от случившегося, как нас срочно повели к начальнику госпиталя. Это был небольшого роста и будто высохший подполковник, на тщедушной фигуре которого узкие, положенные тогда медикам погоны казались даже широкими. Однако он обладал таким удивительно не подходящим к его росту и шуплости громовым басом! Как он на нас кричал! Казалось, стены комнаты, в которой это происходило, вибрировали и дрожали, как во время артналета или бомбежки. И дезертирами нас называл, и грозился нас направить в штрафбат, поскольку уже донес в Особый отдел о нашем побеге, совестил нас тем, что по нашей вине жесто-

ко наказана медсестра, а для крепости внушения разбавлял свои тирады специфическими русскими сочными выражениями. Мне почему-то (может, виной тому была праздничная двойная доза горячительного?) все происходящее казалось, скорее, смешным, чем грозным. В ответ я спокойно ответил ему, что штрафбат мне давно и хорошо знаком, а дезертируют обычно не к фронту, а от фронта. Медсестра же тут вообще ни при чем, так как мы просто-напросто элементарно выкрали свои документы во время предэвакуационной суматохи. Видимо, несмотря на свой оглушительный бас, подполковник был отходчив. Сравнительно быстро он смягчился, но все еще строгим тоном взял с нас слово, что если нам заблагорассудится повторить наш «подвиг», то мы поставим его в известность. И тогда он сам поможет нам сделать это более разумно. Ну, и слава богу. Только сестричку Азу было жаль. Зла она на нас не держала, так как мы втянули ее в эту авантюру с ее же согласия. А радость Азы от встречи с Николаем была такой бурной, такой безграничной, что мне подумалось, будто и хорошо, что так получилось.

Мне показалось, что мой новый лечащий врач, весьма миловидная женщина-капитан, лет, наверное, тридцати, чересчур внимательна ко мне. Вначале это мне льстило. И я вспомнил, что, когда проходил службу под Уфой в Южно-Уральском военном округе, у нас в полку была тоже врач-капитан. В нее буквально все офицеры полка были влюблены и часто по явно надуманному поводу старались попасть к ней на прием. Понять их можно было. Капитан медслужбы Родина была удивительно стройной, яркой брюнеткой необыкновенной красоты, с огромными карими глазами под словно летящими крыльями бровей и пышной прической под кокетливо надетой пилоткой.

Но здесь, в госпитале, это внимание моей докторши казалось мне неестественным, нарочитым. Однажды, во время перевязки, она попросила, чтобы я вечером, как стемнеет, пришел в назначенное место «поговорить». Вероятно, потому, что эта капитанша была лет на 10 старше меня, я не по-

шел на это свидание, придумав назавтра отговорку что-то насчет расстроенного желудка. Конечно же, отношение ее ко мне сразу изменилось, я был передан для дальнейшего «досмотра» и лечения другому врачу — мужчине, чему был весьма рад.

Уже через несколько дней в госпитале снова начали формировать команды для отправки в тыл. Только собрались мы, помня слова начальника этого лечебного учреждения, идти к нему, как наша «попечительница» Аза сама нас разыскала, чтобы радостно сообщить, что по распоряжению подполковника мы зачислены в команду выздоравливающих и будем переезжать на новое место вместе с госпиталем. Поняли мы, что начальник госпиталя своим распоряжением упредил нас от повторения того «фортеля», который мы выкинули раньше.

Да мы и действительно стали уже похожи на выздоравливающих. Молоды мы еще были очень. А в молодости легче срастаются переломы, рубцуются и заживают раны, быстрее рассасываются шрамы на коже и... рубцы на сердце тоже.

У Николая сняли гипс, но рука его еще не освободилась от марлевой повязки через шею, и он ходил на лечебную физкультуру. А я стал понемногу ощущать первые признаки восстановления самостоятельных движений ноги. И хотя от «шлей» совсем еще освободиться не мог, стал тоже упражняться по указанию лечащего врача.

На следующий день всех нас погрузили на прибывшие автомобили и перевезли в польский городок Калушин, освобожденный еще 1 августа. Не помню, как далеко он был от Варшавы, но передовые войска фронта, вырвавшиеся вперед, уже кое-где форсировали Вислу южнее польской столицы.

Разместили нас в хорошо сохранившемся здании на втором этаже, в небольших комнатах по 5—6 человек (к такому комфорту мы еще не были привычны!). И вот к нам, в офицерскую «палату», поступил раненый капитан из нашего штрафбата (он после ранения не вернулся в батальон) и сообщил мне приятную новость. Приказом командующего 70-й

армии состоялось награждение за бои по окружению брестской группировки немцев, и я был награжден орденом Отечественной войны. Думаю, вам понятна моя радость по этому случаю.

И когда по нашим палатам стал ходить хиленький очкарик, местный фотограф, все мы с удовольствием принимали его приглашения запечатлеть себя. А ребята уговорили меня сфотографироваться уже с двумя орденами: моей Красной Звездой и предложенным мне для этого случая чьим-то орденом «Отечественной войны II степени». Я, не особенно раздумывая, согласился на это и, наверное, понятно было мое волнение, когда я получил довольно приличного качества фотографии «дважды орденосца». Не выдержал и тут же написал письма маме с сестренкой на Дальний Восток и моей знакомой еще по танцплощадке в Алкино под Уфой Рите, которая к тому времени была на нашем же фронте медсестрой военного госпиталя. В том, что эта авантюра фотографирования с чужим орденом вскоре поставила меня в весьма «пикантное» положение, я убедился довольно быстро. И это был хороший урок на будущее.

Между тем нога моя медленно, но верно становилась все более послушной. Стойким оставалось только полное отсутствие чувствительности в боковой мышце правого бедра. Ощущение было такое, будто поверх кожи приклеена толстая брезентовая заплата. По совету врачей я каждый день делал этой мышце длительный и довольно жесткий массаж, превозмогая болевые ощущения под этим верхним нечувствительным, довольно толстым слоем тела. И такой массаж мне пришлось, как оказалось, делать в течение 10 лет! Прав был доктор из медсанбата: со временем, хотя и не малым, все восстановилось.

А здесь, в госпитале, время подходило к выписке. Николая выписали немного раньше, мы обменялись номерами полевой почты, но переписка между нами так и не завязалась. Я очень жалею до сих пор о том, что наша дружба, казалось, такая неожиданно крепкая, так скоро прервалась, хотя

память о ней осталась действительно на всю оставшуюся жизнь... 1 сентября с утра нас, большую группу офицеров, выписали из госпиталя. В моей справке о ранении было записано: «...выписывается в часть с санаторным лечением до 17 дней». Видимо, никогда мне не понять, почему 17, а не 15 или 20? И что означало это «санаторное лечение»? Где? Когда? Какой санаторий на фронте? Так я этого тогда и не понял.

Что же касается прибытия в часть, то до сих пор удивляюсь, как нам удавалось разыскивать своих в той обстановке, на совершенно незнакомой территории, да еще в другой стране... Ну, когда тебе дают точку на карте — это понятно. Но вот из госпиталя, да еще найти ШБ, который, возможно, был передан в другую армию, не говоря уже о том, что он вышел из состава той дивизии, с которой воевал, когда я его покидал по ранению? Топографические карты, как правило, оставались с нами и в госпитале, но за время лечения не только батальон наш, но и весь фронт, как и в данном случае, давно уже ушел за пределы листов карты.

Оставалось надеяться на офицеров дорожно-комендантских участков (ДКУ), организующих регулирование передвижения войск по крупным дорогам. Они были проинформированы и о дислокации некоторых воинских частей. Да еще мы надеялись на указки, устанавливаемые на перекрестках и развилках дорог. Указки эти, фанерные или из дощечек, элементарно просто показывали, в каком направлении проследовала, скажем, «Полевая почта № 07380» или просто «Хозяйство Осипова» (так обозначали наш штрафбат). Кстати, аббревиатуру «**8 ОШБ 1 БФ**» некоторые наши штрафбатовские остроумцы расшифровывали не как «Восьмой Отдельный штрафной батальон Первого Белорусского фронта», а как «Восьмая Образцовая Школа Баянистов Первой Белорусской Филармонии». Лихо! И уже почти во всех войсках фронта знали: если кто-нибудь говорит, что он из «Школы баянистов», то дополнительных уточнений не требовалось.

Попутными машинами, не очень охотно бравшими пассажиров, с пересадками, медленнее, чем нам хотелось, мы все-таки постепенно двигались к линии фронта. Мы — это трое из нашего батальона, я и два теперь уже бывших штрафника, правда, еще без офицерских погон, решивших передвигаться вместе. Я уже не вспомню фамилии моих попутчиков. Но помню, что оба они были в своих офицерских званиях, да и возрастом старше меня. Тем не менее оба вели себя так, будто и теперь, когда они «смыли кровью» свою вину и только формально еще не восстановлены в офицерских правах, я их командир и начальник.

Добравшись часам к трем дня до какого-то городка с большой церковью (вернее, костелом), мы решили остановиться где-нибудь пообедать. Зашли, как нам показалось, в далеко не бедный дом и попросили хозяина чем-нибудь нас накормить, имея в виду, что свой сухой паек, полученный в госпитале, мы присовокупим к тому, чем попотчует нас хозяин. Но напрасны были наши надежды... «Ниц нема! Вшистко герман забрав» («Нет ничего! Все немец забрал») — вот такой стандартный ответ здесь, а потом и почти везде в Польше звучал при любой просьбе. Но позже мы убедились, что если поляку предложить что-нибудь стоящее на обмен или деньги, то вовсе не «вшистко герман забрав». Тогда находилось и сало, и «курка» или «гуска», и «бимбер».

«Бимбер» — это польский самогон, настоящий, как правило, на карбиде кальция. Дрянь первостатейная, этот самогон. А карбид, наверное, не столько перебивал стойкий сивушный «аромат» своим специфическим и не менее неприятным запахом, сколько употреблялся для того, чтобы обжигающим эффектом заменять недостающие градусы. Желудки у нас тогда еще были «огнеупорными», но головная боль потом мучила заметно.

Познали это все мы гораздо позднее. А сейчас поляк нашел хитрый выход из положения. Он нас ловко переадресовал к ксендзу того костела, ворота забора которого были как раз напротив. У него, дескать, немцы ничего не брали, он

очень богатый и «советы» (так называл нас поляк) примет и угостит хорошо. Ради интереса мы решили воспользоваться случаем посмотреть на живого ксендза.

Подошли к воротам, подергали за цепочку с кольцом, с той стороны зазвенел колокольчик, и вскоре в воротах откинулась своего рода форточка, и в ней показалась ярко-рыжая, круглолицая, веснушчатая девица, с любопытством разглядывающая нас. Поняв, что мы хотим видеть ксендза, стремглав бросилась от этой амбразуры, забыв ее захлопнуть. А мы тоже стали с интересом разглядывать чисто убранный двор с разными постройками около костела. Успели разглядеть и нескольких, таких же румяных и пышных, девиц, которым, оказывается, тоже было интересно, кто там пришел.

Несколькими минутами позже та девица, что побежала доложить о нас, открыла калитку и с приветливым «Прошу, панове» провела нас к одной из построек во дворе, оказавшейся, по-видимому, добротным жилищем ксендза. Тот с широкой улыбкой встретил нас у входа и не менее широким жестом пригласил: «Прошу пройти ко мне, господа офицеры Красной Армии». Мы были просто изумлены его чистым русским языком и обрадованы тем, что нам не придется подыскивать слова и подбирать жесты для общения. И внешне он был благообразен, улыбчив, а глаза его показались спокойными и даже мудрыми.

Провел он нас в скромно, но хорошо обставленную комнату, видимо столовую, или, по-церковному, трапезную, усадил нас на диван, сам сел в кресло напротив, и потекла у нас беседа. Собеседником он оказался весьма интересным, сыпал цитатами из «Вопросов ленинизма» Сталина, из «Краткого курса истории ВКП(б)», часто ссылаясь на Маркса... Ну и ну, подумали мы! Он же не одну фору даст некоторым нашим политработникам!

В общем, во всех этих вопросах он показался нам более сведущим, чем его гости, хотя мы вроде бы тоже не лезли за словом в карман. Мы с его слов сделали вывод, что польский народ благодарен за освобождение, ему нравятся и Красная

Армия, и сама советская власть. Вот только если бы у нас не было колхозов. Почему все они, как мы потом убедились, так люто ненавидели колхозы, до конца мы так и не поняли. Мы считали колхозы самой правильной формой сельхозпроизводства, без которых, были уверены, не устоять бы нам против такой силы, какой тогда, в начале войны, была Германия. Тем более, потеряв столько крепких хозяйств на Украине, в Белоруссии, да и в России, наша Родина все-таки выстояла и оказалась способной обеспечить свою армию всем необходимым не только для успешного отпора гитлеровцам, а и для освобождения не только своей земли, но уже и самой Польши.

Но потом, значительно позже, мы убедились, что фашистская пропаганда долго, изощренно и разнузданно клеветала на Советский Союз, пытаясь разжечь в поляках ненависть к нашей стране и к советским людям вообще. Это уже после Победы нам показали пропагандистский фильм геббельсовского образца, оболванивавший головы и самим немцам, да и полякам тоже.

Пока шла наша беседа, девицы поочередно (а их было, наверное, больше десяти!) шмыгали туда-сюда, накрывая на стол. И когда гостеприимный хозяин пригласил нас за стол, мы просто обомлели. Такого обилия разнообразных блюд, вин и закусок никому из нас до сих пор не доводилось видеть. Мы, конечно, не упустили случая. Узнали мы вкус и настоящей, фирменной польской водки «Выборовой» (отборной), и «Монопольки». Конечно, и блюда многие были в диковинку. Да, поляк наш не ошибся: здесь «герман» ничего не забрал, а может, даже и добавил кое-чего.

И беседа, и застолье продлились почти до темноты. Галантно, как умели, мы поблагодарили ксендза за гостеприимство, за отменный обед и за содержательную беседу и сказали, что эта встреча нам запомнится надолго. И верно, до сих пор помнится!

Вышли мы, сопровождаемые этим католическим священником и почти всеми девушками, следовавшими за нами

в почтенном отдалении, тепло попросились с ксендзом, раскланялись и с девушками. Вернулись мы к поляку, который нас так удачно отфутболил, чтобы и его поблагодарить за добрый совет. Ну а здесь, под действием ксендзового угощения и доброго вина, нам захотелось поговорить и с этим поляком. А поскольку уже стемнело, попросились и переночевать у него.

...Тертым калачом, веселым мужиком оказался этот хозяин. На наш вопрос, почему у ксендза столько служанок, рассказал он нам соленький анекдот о том, что когда Бог создал ксендза, он запретил ему, как своему наместнику на земле, жениться. Но. Как смертному человеку разрешил иметь женщину один день в году. Но то ли ксендз забыл, в какой именно день даровано это Богом, то ли Бог не указал конкретно этого дня, так вот, чтобы не пропустить того дня... Дал понять нам этот хитрый поляк, что не такой уж он набожный католик, как, по-видимому, и многие другие его соотечественники.

Переночевали мы у него, утром позавтракали своим сухим пайком с «кавой», которой угостил нас раздобывшийся хозяин. Оставили ему баночку американского плавленого сыра и тронулись в дальнейший путь.

Как ни странно, но нашли мы свой штрафбат более или менее легко, хотя нас несколько обескураживали указки «Хозяйство Осипова-Батурина». Подумали, что рядом с нашим батальоном разместились еще и какая-то часть неведомого нам Батурина. А оказалось, что наш комбат полковник Осипов ушел от нас на должность то ли командира стрелковой дивизии, то ли замкомдива. Вот это скачок! С командира батальона, пусть отдельного, пусть штрафного — сразу на дивизию! Хотя нам было известно, что на должности комбата штрафников он и звание полковника получил, и пользовался правами командира дивизии, как это предусмотрено положением о ШБ. Получил повышение и наш начштаба Василий Лозовой, передавший должность начальника штаба

нашего батальона своему первому помощнику Филиппу Киселеву, моему ровеснику и другу.

Немного освоившись после долгой разлуки с батальоном, я узнал от помначштаба Николая Гуменюка о гибели в день моего ранения нескольких взводных командиров других рот, в том числе недавно появившихся в батальоне старшего лейтенанта Пильника Георгия, лейтенантов Остапенко и Грачева. В те же горячие дни боев были ранены, кроме меня, еще 9 офицеров из командного состава. Часть из них уже возвратились из госпиталей и медсанбатов в батальон, и я рад был снова увидеть, залечивших свои хотя и не тяжелые раны друзей Ивана Янина и Сергея Сисенкова. Успел узнать и о некоторых моих штрафниках. Как мне сообщили, славный командир отделения Пузырей выжил и даже не был ранен, восстановлен во всех правах и убыл в свою часть. Он и сейчас, более полувека спустя, стоит перед моими глазами — худощавый, подтянутый, тонкие губы, аккуратные усики, острый взгляд, собранность во всем, весь в движении. Сожалею, что не сохранил адреса его родственников и не смог восстановить с ним связи. Ранен был и мой заместитель Семен Петров, который очень заметно помогал мне и так смешил всех, кто еще не знал, что указательный палец его левой руки в результате ранения, полученного до штрафбата, был укорочен на две фаланги. А смешил он тем, что прикладывал этот обрубок к ноздре и делал якобы вращательные движения им. Впечатление этим «фокусом» производил потрясающее! О моем взводном писаре-переводчике Виноградове и ординарце Евгении-Жене так ничего и не узнал.

Зато узнал, что досрочно отчислены из ШБ за боевые отличия и тоже восстановлены во всех офицерских правах 231 человек! Это еще одно подтверждение того, что кроме искупления вины кровью, как это образно сказано в приказе «Ни шагу назад», было широко использовано и искупление подвигом.

Вообще, я уже говорил, что наши командиры подразделений имели дисциплинарные права и возможности получать

воинские звания на ступень выше, чем в обычных войсках: комвзвода — права комроты и звание капитана, комроты — права комбата и звание майора, зам. командира батальона — права командира полка и звание подполковника. Такова была особенность штрафбата по его служебной иерархии.

Итак, я вернулся в батальон, командиром которого не представлял кого-нибудь, кроме Осипова. Конечно, все мы были рады этому назначению нашего «Бати» Осипова, но и сожалели, что ушел от нас заботливый, умный и честный командир. А вместо него комбатом был назначен подполковник Батулин. Пришел он к нам с одной медалью «XX лет РККА». Сам он был, как мы вскоре догадались, из числа пожилых кавалеристов, прослуживших где-то в глубоком тылу страны почти всю войну.

Это был внешне не очень привлекательный мужчина лет около 50, небольшого роста, круглый как колобок, с животом довольно внушительных размеров. Лицом он очень напоминал Ивана Ивановича Бывалова из фильма «Волга-Волга», которого с блеском сыграл Игорь Ильинский, знаменитый комик. Но Батулин оказался далеко не комиком, как вскоре стало ясно. А его командирским качествам, отношению к командному составу и к штрафникам еще предстояло проявиться. До конца войны оставалось немало — как оказалось, более 9 месяцев.

В своих записках, присланных мне уже в 2001 году в помощь для работы над первым изданием моей книги о штрафбате, мой фронтовой друг Петр Загуменников, незадолго до своей кончины от инсульта, писал: «Новый комбат был, кажется из политработников (так почему-то многие считали!), перешедших в конце войны на строевую (командную) работу. По характеру был он капризен и вообще не пользовался таким авторитетом и у офицеров, и у штрафников, как его предшественник, полковник Осипов Аркадий Александрович». Так что мои впечатления, наверное, не были необоснованными, хотя был он просто «засидевшийся» в тылу, да еще и с непростым характером

В первый же день по прибытии в батальон, когда я сдавал документы в штаб, узнал, что действительно награжден, но не орденом, а только медалью «За отвагу». Я уже говорил, что эта медаль у нас, офицеров, ценилась не ниже солдатского ордена Славы. Конечно же, я был рад этой награде, но меня теперь мучили угрызения совести в том, что я разослал фотографии с чужим орденом «Отечественной войны 2 степени» своим близким! Стыдно-то как!

Вручал медаль мне новый комбат как-то неторжественно, не по-осиповски. Спросил, какие награды уже имею, и, как мне показалось, недобро усмехнулся, когда я бросил взгляд на его единственную медаль, полученную не за боевые заслуги, а только по случаю 20-летнего юбилея Красной Армии.

Рукопожатие его было холодным, вялым, безразличным что ли и оставило неприятное ощущение. Ну а первое ощущение часто самое стойкое, первое впечатление бывает иногда определяющим. Это почти всегда так: если предыдущий начальник был хорош, то нового встречают настороженно. Как он поведет себя с подчиненными, будет ли строг или мягок, справедлив или не очень, станет ли забота о подчиненных его главным делом или самым важным для него будут собственные амбиции и личное благополучие. Совсем немного времени прошло, чтобы мы смогли ответить на эти вопросы...

Итак, вместе с гордостью за «отважную» медаль пришло беспокойство. А удастся ли мне в будущих боях заслужить вообще какую-нибудь награду? Тем более — именно тот орден, который теперь мне нужен позарез! Решил никому об этой неприятности моей не сообщать, даже Филиппу Киселеву, с которым у меня были хорошие, доверительные отношения, и ничего никому не говорить о моей злополучной фотографии «дважды орденосца».

Правда, о награждении меня медалью «За отвагу» не удержался, написал все-таки в те же адреса, но о конфузе с орденом — ни слова!

Батальон размещался в районе Минска-Мазовецкого, что недалеко от Вислы и, кажется, юго-восточнее Варшавы. В памяти осталось только название. Помню, что рядом с нами размещалась какая-то часть Польской Армии. Соседство это способствовало знакомству с польскими воинами («жолнежами» или «жолнерами»). Кто знает, может, и в бою окажемся соседями...

Как мы и ожидали, многие из них были или русскими, или поляками, давно обрусевшими. Формировалось-то их войско в России. Непривычно было смотреть на их странный, по нашим меркам, головной убор, «конфедератки» — это фуражки с квадратным, а не круглым, как у нас, верхом. И честь друг другу они отдавали не ладонью, поднесенной к головному убору, а двумя сложенными, средним и указательным, пальцами. Удивляли нас на первых порах также их утренние и воскресные молитвы и богослужения.

Наше соседство было приятным еще и тем, что «поляки» часто устраивали вечера танцев, а у них было много солдат-женщин, так что танцевать было с кем. Многих из нас сами эти танцы интересовали мало, хотя некоторых все-таки влекло туда наличие девушек в польской военной форме. Однако их командиры строго пресекали романтические отношения с нашими офицерами и бойцами, хотя это им не всегда удавалось. У наших соседей в это время шло интенсивное пополнение рядов за счет призываемых из освобожденных районов («гмин» и «воеводств») и обучение вновь призванных «жолнежев».

У нас тоже шло формирование одной роты и взводов усиления за счет нового пополнения, правда, не массового, как раньше. Хорошо, что большинство бойцов было с богатым боевым опытом, и они использовались нами в роли инструкторов. И делали это с охотой, с увлечением, каждый по своей собственной методике.

Встретили меня в батальоне тепло, «обмыли» и возвращение, и «отважную» медаль. Командир роты Иван Матвиенко, получивший недавно из рук прежнего комбата за преды-

душие бои под Брестом орден Суворова III степени, почему-то вновь формировал роту, тогда как некоторые, вновь прибывшие на такие же должности офицеры находились в резерве. Может, я тенденциозен, но мне показалось, что Батурина мозолил глаза полководческий орден ротного. Матвиенко настоял, чтобы я снова был зачислен в его роту, чему я был рад.

Познакомили меня с некоторыми вновь поступившими в батальон офицерами. Среди них особой молчаливостью, суровостью и твердым характером выделялся командир пулеметного взвода, неторопливый и, как оказалось вскоре, расчетливый и отважный старший лейтенант Георгий Сергеев. Судя по огромному, во всю левую щеку шраму на лице, он уже много повидал на фронте, и мы многому учились у него потом, в боях. К тому времени наши пулеметчики, вернее, взвод, который формировал Сергеев, получили новые станковые пулеметы системы Горюнова, которыми хорошо владел новый командир пульвзвода. Эти новые пулеметы были почти вдвое легче прежних «максимов» (всего 40 кг вместо 70!). Лента, как и прежде, вмещала 250 патронов. Вместо Федя Усманова, еще не вернувшегося из госпиталя, временно (комроты был уверен, что Федя скоро вернется) в роту был зачислен младший лейтенант Иван Карасев, довольно высокого роста, крепкого телосложения, с саженого размаха плечами, удивительно спокойный человек.

В общем, формировались мы под наблюдением нового комбата и его штаба, а также под влиянием складывающихся обстоятельств весьма энергично. В это время, в связи с редко поступающим пополнением, формировали в первую очередь одну из стрелковых рот, а не одновременно все, как раньше, и этой роте придавали взводы — пулеметный, минометный и противотанковых ружей, предполагая, что теперь батальон будет вступать в бои не в полном составе, а поротно. Сложилось такое впечатление, что наш «Батя» Осипов был перемещен именно потому, что его организаторским способностям и полководческому умению в рамках отдельно

действующей роты будет тесно. А нового комбата, еще не имеющего никакого боевого опыта, можно испытать и в проверке умения управлять ротой.

Целыми днями с утра занятия, а после обеда — прием пополнения, знакомство с приговорами, с самими штрафниками и определение места каждого «временного солдата», или по-нашему — бойца-переменника в боевом расчете взвода. Ни о каких 17 сутках, да еще и санаторного лечения не могло быть и речи, хотя наш главный медик, Степан Петрович Бузун, специально прикрепил ко мне своего фельдшера, лейтенанта медслужбы Ваню Деменкова. Он делал мне и перевязки еще не совсем зажившей раны, и ежедневные массажи, методику которых ему показал тот же доктор Бузун. Этой методикой я пользовался еще долгие 10 лет после войны, до полной нормализации чувствительности раненой ноги. Кстати сказать, и сам доктор Степан Петрович, и его фельдшер Иван Климович Деменков — оба из бывших штрафников. После восстановления их в правах офицеров, как испивших вину свою в нашем же штрафбате, попросились они остаться здесь уже на должностях постоянного офицерского состава. Да вообще-то не одни они приняли такое же решение. Не единичными у нас были и ротные, и взводные командиры из бывших бойцов-переменников, понимающих, наверное, что остаются в штрафбате и мало чем по степени риска будут отличаться от своих подчиненных.

В эти дни мы узнали, что в Варшаве началось восстание. Уже тогда, даже мы, еще малоопытные командиры, сожалели, что уж очень не вовремя поднялись повстанцы: ни наши войска им были не в состоянии ничем помочь, ни они нам. Ведь войска нашего 1-го Белорусского фронта преодолели к тому времени с боями более 250 километров сильно укрепленной вражеской обороны, с развитой системой полевых укреплений, на сложной местности с естественными, трудно преодолимыми рубежами. Тылы и базы снабжения даже нашего штрафбата, не говоря уже о тылах дивизий, армий, а

тем более и фронтовых тыловых структур, сильно отстали. Это и мы чувствовали, не ведя уже боев. Артиллерия, естественно, почти полностью израсходовала созданный перед началом операции «Багратион» боезапас, а большинство танков и другая техника, как говорили наши штрафники из таких родов войск, нуждалось в ремонте. Что же касается солдат и их командиров — они были измотаны до предела...

А то восстание, как мы узнали потом, началось еще 1 августа по сигналу из Лондона польского эмигрантского правительства. Тогда наша 70-я армия, в составе которой нам довелось и обороняться, и наступать, как и многие другие войска фронта, еще только завершала очищение района окружения немцев. Бывшая наша армия захватила Бяла-Подляску и вела бои в районе Седлеца, что почти в 100 километрах от Варшавы. И хотя передовые части некоторых армий фронта к тому времени с ходу захватили Магнушевский плацдарм на Висле, южнее Варшавы, сил для дальнейшего наступления не оставалось, противник еще яростно сопротивлялся, и ему даже удавалось наносить чувствительные удары по флангам войск фронта на других подступах к Висле.

Сколько было потом истрачено чернил и исписано бумаги, чтобы обвинить советское командование и лично Верховного Главнокомандующего Сталина в якобы умышленном нежелании помочь повстанцам! Однако организаторы этого восстания, руководители так называемой Армии Крайовой (в том числе генерал Бур-Комаровский), толкнувшие варшавян на опасную авантюру, вовсе и не хотели этой помощи. Они просто боялись, что Красная Армия, войдя в Варшаву, не даст им установить там свою власть, поэтому старались не допустить даже контактов повстанцев с командованием Красной Армии.

Нам из района нашей дислокации было хорошо видно, как над Варшавой появилась однажды армада американских бомбардировщиков — «летающих крепостей» (их было, оказывается, 80, не считая истребителей сопровождения). Это

было странное зрелище, когда они начали сбрасывать на парашютах грузы для восставших. Чтобы не попасть в зону зенитного огня немцев, самолеты летели на большой высоте более четырех с половиной километров (как стало ясно из официальных источников уже после войны!). Естественно, с такой высоты грузы рассеивались далеко за пределы повстанческих районов — большая часть грузов попадала либо в воды Вислы, либо даже к немцам. И все-таки немецким зениткам удалось сбить два самолета из этой армады, и больше «крепости» в небе над Варшавой не появлялись.

С 13 сентября, когда восстание стало безнадежно захлебываться, по запоздалой просьбе его руководителей, наконец-то вышедших на связь со штабом маршала Рокоссовского, наша авиация начала снабжение повстанцев. И уже 18 сентября генерал Бур-Комаровский, руководивший восстанием, по команде из Лондона вынужден был сообщить по английскому радио, что налажена связь с командованием фронта и что советские самолеты непрерывно сбрасывают восставшим боеприпасы и продовольствие. Кроме того, наши самолеты штурмовали и бомбили немецкие позиции по заявкам повстанцев. Однако эта помощь по вине руководства Армии Крайовой (АК) пришла слишком поздно. Но, стремясь все-таки помочь повстанцам, маршал Рокоссовский развернул операцию по высадке десанта на другой берег Вислы в районы, указанные связными от АК. И когда подразделения Первой Польской Армии, несмотря на большие потери, переправились через Вислу, они попали в лапы к гитлеровцам. Оказывается, к моменту их высадки по приказу генерала Бура из этих районов срочно отвели и восставших, и подразделения АК. Как это назвать?..

В таких условиях, как вспоминает маршал Рокоссовский, смысла в продолжении десантной операции не было. Пришлось все прекратить. А руководство АК стало готовиться к капитуляции. Как отмечал генерал С.М. Штеменко в своей второй книге «Генеральный штаб в годы войны» (Москва,

Воениздат, 1974), *«задуманная с холодной политической расчетливостью скоротечная акция Армии Крайовой превратилась в восстание народных масс Варшавы против гитлеровских захватчиков. Однако оно не было обеспечено и удары немецко-фашистского командования, в конце концов, привели к его полному разгрому».*

Сегодня генерал Бур объявлен в Польше национальным героем, хотя именно на нем лежит вина за превращение Варшавы в руины и за 250 тысяч погибших поляков в бессмысленной боине. Все эти подробности нам тогда не были известны, но в последующих исследованиях материалов войны они нашли убедительное подтверждение. С какой болью об этом вспоминал маршал К.К. Рокоссовский, поляк по происхождению, многие годы после войны по просьбе правительства Польши возглавлявший Министерство обороны Польской Народной Республики.

Завершая описание того, что почти на наших глазах происходило в то непростое время, скажу, что период нашего формирования был очень напряженным. Командир роты взял в роту еще одного офицера, младшего лейтенанта Федора Давлетова, который помогал мне формировать взвод и организовывать занятия по боевой подготовке. В дальнейшем ротный, видимо учитывая мое недавнее ранение и необходимость «санаторного лечения», то есть перевязок еще не совсем зажившей раны, перевел меня в резерв, а взвод полностью передал Давлетову, характером напомиравшему отсутствующего Федю Усманова: оба они были остроумными, незлобивыми, но с твердым характером. Вскоре вернулся Федя Усманов, хорошо «подремонтированный» в госпитале, и стало у нас в роте «два татарина», как они сами себя называли.

И все-таки в это время случались дни «разрядки», когда приезжала кинопередвижка, и мы вечерами смотрели и веселые кинокомедии, и фильмы об известных полководцах гражданской войны. Демонстрировали нам и короткие киноно-

веллы, где, например, комдив Чапаев со словами «Врешь, не возьмешь!» переплывает-таки реку и уже в наше время ведет в бой свою дивизию. В другой ленте Николай Щорс со своим Богунским полком громит фашистов, а памятный всем герой из кинотрилогии о Максиме проявляет чудеса героизма в борьбе с фрицами. Даже бравый солдат Швейк в исполнении Бориса Тенина умело водил за нос немецких генералов. Все это заметно поднимало и наше настроение, и боевой дух... Жалели мы только о том, что к нам никогда не присылали фронтовых концертных бригад, в составе которых были известные артисты.

Как-то нас пригласили польские воины, когда у них выступал девичий самодеятельный ансамбль песни и пляски из одного близко стоящего военного госпиталя. И это была такая радость для всех нас — и командиров, и штрафников!

Иногда здесь находили время и для розыгрышей. Так, начальник связи батальона старший лейтенант Павел Зорин устраивал такую шутку-розыгрыш: сажал рядом с группой беседующих офицеров своего радиста с рацией, который для нас будто бы искал в эфире музыку. Сам же Павел, из-за укрытия, на той же волне, четким, под стать Левитану голосом «передавал» «сводку Совинформбюро», содержащую якобы указы о награждении воинов. При этом в газетный текст реального Указа непременно включал в список награжденных очень высокой наградой кого-нибудь из присутствующих офицеров. Надо было видеть выражение лица этого офицера, когда он слышал свою фамилию в «указе». Да и потом, когда раскрывалась шутка, как он вместе со всеми хохотал над этим невинным розыгрышем.

Помню, однажды зашел разговор, кому на войне физически тяжелее всего. Многие высказывали свои доводы и, в общем, уже стали соглашаться с тем, что тяжелее всего пехоте. Не однажды штрафники-летчики, хлебнувшие пехотного пота, говорили, что все летные пайки, будь их воля, отдали бы пехоте. Но тут ввязался в спор ставший уже любимцем ба-

тальона, лишь недавно перешедший в постоянный офицерский состав батальона из штрафников, старший лейтенант Валера Семькин, командир взвода связи при штабе батальона.

Его довод заключался в том, что пехота захватила вражеский окоп или окопалась на новом рубеже — и все, дальше она физически уже отдыхает, если не окапывается или не отражает контратаку. А связисты с тяжеленными катушками и телефонным аппаратом все еще мотаются вдоль окопов, устанавливая телефонную связь между подразделениями. Или же в походе десятки километров тащится с рацией, а в ней, матушке, килограммов 20—30. Команда «привал», все вповалку, отдыхают, а ты ее развертывай, давай связь с начальством. Иногда тянут провод метров на 500, а то и больше в тыл или к соседу, а тут еще артобстрелом порвет где-то провод — вот и бегает связист, навьюченный как ишак, да еще со своим вещмешком и своим оружием то туда, то сюда... И когда почти все затихли, сраженные убедительными доводами Валерия, вдруг Вася Цигичко в наступившей тишине сочным, густым басом спокойно и тихо сказал: «И все без толку».

Через мгновение наступившей тишины разразился громкий хохот понявших шутку. Пожалуй, чуть ли не громче всех хохотал сам связист Валерий. К слову скажу, что Валерий был внешне удивительно спокойным офицером, по крайней мере три черты воедино слились в его характере: неподдельная искренность, неутомимая работоспособность и редкая скромность...

Этот взвод связи постоянно пополнялся специалистами из прибывающего пополнения, чтобы всегда быть в готовности обеспечивать связь со старшими штабами, а также с воюющей ротой в боевых условиях. Так вот, Валерий Захарович Семькин, командир этого взвода постоянной готовности, за короткое время пребывания в батальоне успел стать особенно авторитетным офицером. Его авторитету совер-

шенно не мешало то, что он совсем недавно еще был обыкновенным штрафником нашего батальона.

Угодил он в него за то, что разведгруппа, заброшенная в тыл врага, в составе которой был и Валерий, не смогла выполнить все задания, возложенные на нее, по вине начальника группы потеряла связь со своими, и члены этой группы вынуждены были выходить через фронт к своим поодиночке. Вот его посчитали вышедшим из окружения, и попал он в штрафбат, как «окруженец». А в боях за Брест Валерий проявил героизм, был награжден медалью «За отвагу» и досрочно восстановлен во всех офицерских правах. И стал он в строй в нашем штрафбате, где благодаря своей грамотности в непростом деле военной связи и удивительной работоспособности вскоре стал помощником начальника штаба батальона — ПНШ по спецсвязи.

Формирование роты и подразделений усиления — взводов пулеметного, противотанковых ружей и минометного — уже было в стадии, когда они достигли готовности вести самостоятельно боевые действия усиленной ротой. Бойцы всех этих подразделений даже прошли этап овладения новым для многих штрафников оружием. Они научились не только заряжать и разряжать, разбирать и собирать, но и метко стрелять из «ПТР», пулеметов и сноровисто вести огонь из минометов.

Через начальника штаба, Филиппа Киселева, нам стало известно, что вскоре рота получит боевую задачу. Обстановка тогда складывалась не лучшим образом. Значительно севернее Варшавы в районе Пултуска-Сероцка 65-я армия еще 5 сентября захватила плацдарм на реке Нарев и с трудом, но удерживала его. Однако после 15 сентября немцам удалось, двинув свою ударную силу — танки, потеснить «батовцев» и несколько смять фланги этого плацдарма. Но тогда плацдарм устоял. Немецкое командование называло Наревский плацдарм «одним из пистолетов, направленных в сердце Германии». И именно потому не прекращало усилий для

его ликвидации, как писал в своей книге «В боях и походах» командарм 65-й армии генерал Батов Павел Иванович:

«... 4 октября последовал огромной силы контрудар. Это было для нас полной неожиданностью. Враг перешел в наступление. Немецкие танки дошли через боевые порядки чуть ли не до самого берега». (С. 452).

Как оказалось, оборона плацдарма местами не выдержала напора противника.

«Многие батальоны стали отступать. С каждым днем увеличивались потери в войсках армии. Противник разорвал боевой порядок на стыке и вышел к Нареву... Во второй половине дня 6 октября фашистским танкам удалось вклиниться в нашу оборону. Его атаки продолжались до 10 октября. Нашему плацдарму на Нареве уделяли очень большое внимание и руководство Фронта, и представители Ставки во главе с Г. К. Жуковым». (С. 458—459).

В то время мы, будучи всего только взводными командирами, по своему лейтенантскому, довольно узкому кругозору не могли даже приблизительно судить о причинах этой неудачи. Только после войны, изучая воспоминания военачальников и военно-исторические труды во время учебы в академии, я кое-что для себя прояснил, о чем упомяну ниже. Но, видимо, на плацдарме создалась особо угрожающая обстановка, если командующий фронтом маршал Рокоссовский, как вспоминает генерал Батов, **перенес свой наблюдательный пункт на НП 65-й армии.** И по приказу Рокоссовского в помощь генералу Батову стали выдвигаться с других участков фронта и из фронтового резерва танковый корпус и несколько стрелковых дивизий.

Видимо, маршал вспомнил и о «банде Рокоссовского» (как наш ШБ величали немцы), о его напористости и бесстрашии, если нашему штрафбату было приказано 16 октября срочно грузиться в автомобили, чтобы убыть туда же, на плацдарм. Не знаю, было ли известно маршалу, что батальон-то состоит всего из одной, хотя и усиленной роты. А мы,

как маленький ручеек, без единого длительного привала, вливались в бурный поток войск, двигавшихся и днем и ночью к плацдарму. Навстречу этому потоку шли и шли вереницы едва плетущихся людей, освобожденных из фашистских концлагерей, с детьми, раздетыми и разутыми...

Мы даже обгоняли армейские машины, часто с девушками-солдатками то ли передислоцирующихся госпиталей, то ли медсанбатов, а может, банно-прачечных отрядов (были и такие на фронте), или даже расчетов зенитно-артиллерийских установок. Не знаю, с чем это связано, но как только попадались такие машины, наши бойцы кричали: «Воздух!», «Рама!», как при воздушной тревоге. Может быть, таким образом они проявляли к ним свое внимание?

Во время одной из коротких остановок в городе Вышкув, захваченном у противника одновременно с плацдармом еще в начале сентября, мы увидели на указках направление на «Фронтной санаторий для командного состава». Вот, подумал я, откуда эта фраза о «санаторном лечении» в моей госпитальной справке. Видимо, тамошнее медицинское начальство полагало, что и взводным лейтенантам найдется в нем место. Может, и находилось, не знаю, хотя едва ли. Не имел возможности взводный командир на санаторный отдых, наверное.

Вскоре мы достигли Нарева и за понтонным мостом через него остановились в небольшом населенном пункте (почему-то в этой местности многие малые села назывались «фольварками»). Там и остановился штаб нашего батальона.

Новый комбат, которого здесь встретил офицер связи штаба армии, вскоре вызвал к себе ротного, капитана Матвиенко, а через некоторое время тот вышел и собрал нас, своих командиров взводов, и пояснил предстоящий план действий. Все время я невольно сравнивал действия подполковника Батурина с поступками бывшего нашего комбата полковника Осипова. Сразу пришла мысль о том, что прежний комбат непременно бы сам вышел не только к офицерам, но и к штрафникам, воодушевил бы их своими добрыми

напутствиями и пожеланиями. Стало совершенно ясно, что батальон снова, как и до Курской дуги, будет воевать отдельными ротами, а не в составе батальона под единым командованием комбата, как это было при Осипове. Отодвигаясь от нас по времени, он не отдалялся, а наоборот, как-то вырос-тал, ярче выделялся на фоне людей, по сравнению с ним мелких, даже если они, эти люди, пытались показать себя значительными, недостижимыми.

Вот и новый наш комбат не нашел нужным спуститься со своих высот не только до штрафников (а вспомните генерала Горбатова!), но и до подчиненного командного состава, сказать хоть несколько теплых слов людям, которых посылал в бой, зная, что кто-то из них не вернется уже никогда. Ну, хотя бы как бывший начальник курсов, готовивших младший комсостав для кавалерии, он должен был понять значение своего слова старшего начальника, да и просто обязан был найти ободряющие, мобилизующие слова. Или думал, что штрафникам это вовсе и не нужно? Здесь никто, даже замполит майор Казаков, никто из политсостава батальона не произнес подходящих к этому непростому случаю слов. Даже майора Оленина, вызвавшегося идти вместе с ротой Матвиенко, Батурин оборвал и приказал без его, комбата, распоряжения не принимать таких решений. Впечатление было такое, будто все права говорить комбат забрал себе, но и сам почти не раскрыл рта.

Рота, как стало ясно из приказа, доведенного до нас капитаном Иваном Матвиенко, должна была выдвинуться на передний край плацдарма и во взаимодействии с каким-то (не помню) полком пойти в наступление с задачей выбить немцев с занятых ими позиций. Затем как можно дальше продвинуться в глубь его обороны, расширив и углубив левый фланг плацдарма, в направлении города Сероцк.

Начинались новые боевые действия по восстановлению завоеванных 65-й армией, но уже частично утраченных войсками позиций, о чем речь пойдет в следующей главе.

ГЛАВА 8

Бои за расширение Наревского плацдарма. Хитрость командарма. Атака через минное поле. История супругов Родиных. Схватка с танками. Переход к обороне. До последнего штрафника

Вступить в боевые действия на Наревском плацдарме мне довелось не сразу. Вначале рота капитана Матвиенко в полном трехвзводном составе (командирами взводов были Булгаков, Давлетов, Карасев) с подразделениями усиления, взводом «ПТР» (командир взвода Смирнов) и пулеметным взводом (командир взвода Сергеев) убыла на передовую, где предполагалось начать бой за восстановление плацдарма. Заместителем командира роты оставался Янин.

Утром следующего дня (19 или 20 октября), поскольку атака планировалась внезапной, рота поднялась в атаку без артподготовки. Только уже в ходе атаки ее стала поддерживать и сопровождать авиация. А наступательный порыв был настолько стремителен, что фрицы не смогли предотвратить рукопашную схватку, которую им навязали штрафники.

Это была, по свидетельству ее участников, короткая, но жестокая битва. Вот что об этом рассказал мне потом Ванюша Янин, замкомроты, всегда оказывающийся, как он сам говорил, «на главном направлении». И я постараюсь, может быть не так образно, как он сам, передать его рассказ, так как старший лейтенант Иван Георгиевич (официально — Егорович) Янин больше никогда никому об этом не сможет рассказать...

Когда атакующие уже достигали вражеских окопов, Ванюше удалось туда первым швырнуть гранату и вслед за ее взрывом влететь в траншею, посылая из своего «ППШ» вправо и влево короткие очереди в серо-зеленые фигуры немцев, стремящихся выбраться из окопа. Рядом с ними еще несколько штрафников орудовали штыками, винтовочными прикладами и саперными лопатками...

Рукопашная, горячая, стремительная, выплеснулась из траншеи. Бойцы добивали убежавших фрицев: ближних — штыками, дальних — выстрелами.

Так, в результате этой атаки (вдохновителем которой, как все мы считали, был наш любимец Ванюша Янин) была полностью захвачена первая траншея немцев, и рота, не оставиваясь, перешла к преследованию отступавших гитлеровцев, которых продолжали «утюжить» наши штурмовики и истребители. Резерв немцев, сосредоточившийся во второй траншее, встретил огнем как своих отступающих солдат, так и наступавших наших.

Возбужденные боем и только что завершившейся успешной рукопашной при незначительных своих потерях, бойцы выбили немцев и из второй траншеи. По сигналу ротного остановились, чтобы перевести дух и дозарядить оружие. Немцы же, воспользовавшись этой передышкой, организовали контратаку с танками и самоходными орудиями. А это те же танки, только без вращающихся башен.

Как мне потом рассказывали офицеры-очевидцы, отражение этой контратаки было трудным. Нередко были моменты, когда наши бойцы и вражеские солдаты перемешивались, шла, что называется, «рубка» врукопашную, и только через какое-то время становилось понятно, что захваченные ротой позиции оставались нашими.

А мы, я и Федя Усманов, назначенные в резерв, слыша не очень далекий жаркий бой, ждали, когда же мы понадобится. И вдруг к нам бежит помощник начальника штаба Семикин Валера и с ним — недавно прибывший в батальон политработник лейтенант Мирный. За ними, почти рядом, едет «виллис» комбата.

Оказывается, комроты по радио попросил срочно нас доставить в его распоряжение. Ну, подумали мы, значит, очень жарко там! Кого-то уже нужно заменять! Но пусть он будет не убит, а только ранен!

Вскочили мы в открытую машину все вчетвером, и помчал нас шофер, не разбирая ухабов, без дороги, напрямую. Ехали на такой скорости, что, влетая на бруствер окопа, машина как с трамплина перепрыгивала его.

В это время, оказывается, наша рота уже завершала отражение контратаки, в ее тылу стояли подбитые гранатами и противотанковыми ружьями два горящих танка («тигр» и «пантера») и одна, вроде бы целая, самоходка «фердинанд». Подъехав, мы увидели, как на столпившуюся около горящих танков группу немцев, готовых, казалось, сдать в плен, надвигается здоровый, метра под два ростом, бронебойщик-пэтээровец, схвативший свое противотанковое ружье за конец ствола. Он яростно размахивал этим более чем двухметровым и полуторапудовым оружием и что-то кричал, пытаюсь то ли разmozжить головы этим фрицам, то ли куда-то согнать их.

Уж очень напомнил он мне Василия Буслаева из кинофильма «Александр Невский», громившего своей дубиной псов-рыцарей на Чудском озере. А фильм этот показывали нам совсем недавно, пока мы формировались перед выходом за Нарев, и впечатления от него еще не забылись.

Вокруг «фердинанда» суетились несколько наших бойцов. И вдруг чудовище это вздрогнуло, взревев двигателями, стало разворачиваться и сделало несколько выстрелов из пушки в сторону немцев. Оказалось, бывшие танкисты все-таки справились с этой трофейной машиной. Уверен, что если бы машина была на ходу (у нее была порвана гусеница), бойцы наши смогли бы на ней преследовать отступающих немцев.

А тем временем впереди, куда мы еще не успели добежать, наши подразделения упорно преследовали отступающих гитлеровцев. Мощная поддержка с неба, где наши «илы» — штурмовики, прозванные у нас «летающими танками», а у немцев «Черной смертью», вели огонь «эрэсами» (реактивными снарядами) и из крупнокалиберных пулеметов, вооду-

шевляла атакующих, и дистанция между ними и отступающими заметно сокращалась.

И вот тут произошло непредсказуемое.

То ли комвзвода Давлетов сам вырвался в пылу боя так далеко вперед, то ли пилот не смог разглядеть, где отступающие, а где их преследователи, но одна из очередей крупнокалиберного пулемета штурмовика наповал сразила лейтенанта...

Едва догнав командира роты и узнав о случившемся, я с его согласия бросился к обезглавленному взводу, который уже достиг одной из немецких траншей, и стал в ней закрепляться. Во взводе меня знали, ведь я вместе с Давлетовым его формировал. Замкомвзвода (теперь уже снова мой заместитель) быстро нашел меня и доложил о потерях, которые, к счастью, оказались небольшими, если не считать гибели командира и нескольких легко раненных бойцов, продолжающих сражаться. Федя Усманов заменил здесь тяжело раненного Булгакова.

Но вскоре нам пришлось отражать новую попытку опомнившегося противника вернуть свои утраченные позиции. Эту немецкую контратаку нам удалось отбить...

День уже клонился к вечеру, и ротный отдал приказ принять все меры к прочному закреплению на занятом рубеже, подготовке оружия к возможному ночному бою и к отражению контратак ночью.

Впереди виднелись каменные постройки, а также разрушенные деревянные дома с каменными фундаментами. С рассветом нам предстояло их захватить, и это было последней задачей на данном этапе. А для этого нужно было и боеприпасами пополниться, да и хотя бы консервами из сухого пайка подкрепиться.

Ну, как тут еще раз не вспомнить добрым словом нашего далеко не геройской внешности начпрода Зельцера, организовавшего в этот раз доставку пищи в термосах. Правда, пока без спиртного, потому что суточную норму свою мы употребили еще утром, перед первой атакой.

А наш новый политработник, лейтенант Мирный с гвардейским знаком на гимнастерке и артиллерийскими эмблемами на погонах, оказался довольно смелым и общительным и как-то сразу пришелся всем по душе.

...Ночь прошла более или менее спокойно. Наши связисты быстро навели телефонную линию между взводами и командно-наблюдательным пунктом (КНП) командира роты, а его — со штабом батальона. Вероятно, здесь помогло присутствие в роте Валерия Семыкина, теперь уже в роли помощника начальника штаба, ПНШ по спецсвязи. Видимо, там, в штабе, Валерию не сиделось, здесь он считал свое пребывание более нужным. Мы все получили рукописную таблицу позывных: у меня позывной был цифровой, кажется «18», у ротного командира «12», а его КНП звучал очень знакомо: «Буг», в то время как штаб батальона был «Вислой».

Уже потом, когда нам пришлось менять место боевых действий на этом же плацдарме и мы перешли к длительной обороне, позывные наши кардинально изменились. И все по предписанию Семыкина, неистощимого на выдумки.

А вскоре Валерий проявил себя в деле, далеко от штабной деятельности.

Контратак немцы больше не предпринимали, видимо, тоже укреплялись на своих позициях. Конечно, и пулеметным, и минометно-артиллерийским огнем они нас здорово беспокоили. Но наши передовые посты боевого охранения были бдительны и каких-либо вылазок противника в нашу сторону не заметили.

А за ночное время комроты условился по переговорным таблицам со штабом, а тот — со штабом дивизии, в полосе которой мы действовали, о времени начала и продолжительности артподготовки, о сигналах на завтрашнюю утреннюю атаку.

Те постройки, которые мы видели в конце дня, были все-таки далековато, наверное, километрах в двух, и потому рубеж атаки, уже определенный ротным командиром, находился чуть дальше полутора километров от траншей, кото-

рые мы занимали. И было решено: ночью, перед рассветом, тихо без выстрелов, используя неровности поросшей редким кустарником местности, еще до артподготовки постараться достичь рубежа атаки и там уже ждать сигнала «в атаку».

Ночь снова была безлунной. Выдвигались мы к рубежу атаки перебежками от куста к кусту, а на открытых местах — ползком, по-пластунски, сливаясь в темноте с серым фоном пожухлой к тому времени травы. Еще с вечера тщательно проверили свои вещмешки, уложили все так, чтобы в них ничего не гремело и не выдало нас.

Таким образом, нам, не замеченным противником, удалось заранее выдвинуться вперед и хорошо замаскироваться, чтобы немцы не догадались, что мы уже не в двух километрах от них, а совсем близко.

Едва забрезжил рассвет, как небо будто расколосось. Артподготовку открыл залп «катюш», огненные кометы которых прочертили свои трассы в небе. Честно говоря, побаивался я, не сорвется ли со своей траектории «катюшин» снаряд. Но обошлось. Затем в течение минут десять огонь вели артиллерия и минометы, а перед завершающим залпом «катюш» взвились красные ракеты, словно подбросившие всех нас одновременно.

Атака была дружной по всему фронту роты. Противник не успел опомниться, как наши были уже у его траншей.

Все-таки немцы не ожидали, что мы окажемся так близко, а сравнительно короткая артподготовка не позволила им хорошо подготовиться к отражению атаки. Да и наши броневой бойщики с пулеметчиками грамотно организовали поддержку атакующих, ведя прицельный огонь по довольно узким окнам каменных подвалов, как по амбразурам дотов или дзотов. Захватили мы эти здания с ходу и, как потом оказалось, с немалыми трофеями и боеприпасов, и продовольствия.

Меня иногда спрашивают, брали ли штрафники пленных? Да, здесь было много пленных. Влетали в эти подвалы

наши бойцы не иначе как вслед за брошенной гранатой, но когда собрали всех оставшихся в живых гитлеровцев, их оказалось чуть ли не больше всей нашей роты со средствами усиления.

Пожалуй, описываемый случай был первым на моей памяти, когда штрафники взяли фашистов в плен в таком количестве. Согнали их в одно подвальное помещение, отобрали пистолеты и как «законные» трофеи — часы, зажигалки, портсигары и прочее. Конечно, выставили надежную охрану, а потом, уже дождавшись вечера, отправили в штаб батальона. Конвоирами у них были легко раненные штрафники. Нескольких наших бойцов, которые из-за тяжелых ранений не могли самостоятельно двигаться, уложили на сооруженные из досок, жердей и плащ-палаток носилки и заставили пленных их нести. Говорят, несли они этих раненых очень аккуратно, опасаясь, что конвоиры шутить не будут в случае чего.

А пока до вечера было еще далеко. Командир роты получил приказ закрепиться на этом рубеже и ни в коем случае не сдавать занятого нами то ли «фольварка», то ли какой-то фермы. Теперь нужно было доложить о выполнении задачи, об обстановке и получить приказ на дальнейшие действия. А рация оказалась поврежденной пулей или осколком. Однако не более чем через 10—15 минут была установлена телефонная связь. Валявшимися в большом количестве кирпичами и какими-то бетонными блоками стали укреплять окна подвалов, превращая или приспособливая их в огневые точки.

Нам показалось, что всех немцев, оборонявших эти здания, мы или уничтожили, или взяли в плен, так как не видели отступавших. Значит, на каком-то удалении у них, скорее всего, был второй эшелон обороны, и от него можно было ожидать всяких неприятностей, тем более что силы там были, конечно, свежие, а данные о занятом нами месте наверняка хорошо были топографически привязаны к их артиллерии, а может, уже и хорошо пристреляны. Хотя нас они пока не беспокоили.

И вот в этой относительной тишине мы услышали цокот копыт, а потом и увидели летящие к нам во весь опор, как чапаевские тачанки, походные кухни с дымящимися трубами! Это был долгожданный завтрак, видимо, уже совмещенный с обедом (а может быть, и ужином), доставленный нам старшиной Яковом Лазаренко, правой рукой нашего начпрода.

День уже разгорелся и незаметно перевалил далеко за половину. Не прерывая работ по укреплению своей обороны, пообедали, предварительно осушив свои кружки с горячей влагой. Наполняли их из стандартных поллитровок, выдаваемых нам из расчета одна на 5 человек.

Я так часто и подробно останавливаюсь на проблеме горячего питания в бою потому, что это не менее важный вид обеспечения, чем пополнение боеприпасами. И то, и другое на войне переоценить нельзя, как нельзя и недооценивать. Если наличие боеприпасов говорит, так сказать, о технической боеспособности воина, то от того, сыт ли он, зависит его моральное и физическое состояние, а от него — и боевой дух, самое важное для победы в бою.

В тот день мы вроде бы уже привыкли к тому, что в течение нескольких часов не было слышно стрельбы, не рвались мины и снаряды, смолк гул самолетов над нами. В основном завершились работы по укреплению обороны как в каменных цоколях и подвалах зданий, так и в окопах между ними. Вроде бы немного расслабились и стали чутко подремывать.

И вдруг налетевший шквал артиллерийско-минометного огня мгновенно развеял наши почти мирные настроения. Не успел ротный доложить в штаб о случившемся, как пропала телефонная связь со штабом батальона. Видимо, во время артобстрела был поврежден провод. А телефонную связь в звене «взвод—рота—батальон» обычно устраивали по однопроводной схеме. Схема эта заключалась в том, что тянули от телефона к телефону один провод, а вторым проводом была земля, в которую от вторых клемм телефонов втыкали шты-

ри. Слышимость была не ахти какой, но зато экономия провода!

А тут срочно нужно было доложить обстановку, которая могла каждую минуту измениться. Валерий Семыкин сидел у рации и пытался ее исправить. Устранить разрыв провода вызвался штрафник из моего взвода. Я его заметил еще во время формирования. Тогда у нас уже редко появлялись «окруженцы», но он был одним из них. Какой-то он всегда был «пришибленный», неактивный, что называется, «себе на уме». Меня, в общем-то, несколько удивила его решимость, но обрадовало то, что человек, наконец, переборол это свое угнетенное состояние. И рад был за этого белоруса по фамилии Касперович.

Однако прошло и 10, и 20 минут — связь не действовала. А тут еще после первого, довольно продолжительного артналета противник через каждые 5—7 минут давал короткие залпы по нашим позициям и ближайшим тылам.

Капитан Матвиенко, ротный наш командир, торопил связистов срочно восстановить линию. И тогда старший лейтенант Семыкин, помощник начштаба батальона, бросив радиостанцию, в которую пытался вдохнуть жизнь, выскочил из укрытия и со словами «Пойду я!» скрылся в начинавших сгущаться сумерках, накинув на себя выдавшую виды обыкновенную солдатскую шинель.

Еще несколько слов о Семыкине. Я уже говорил, что он из бывших штрафников, получивший досрочное восстановление в офицерских правах и медаль «За отвагу» в боях за Брест. Человек он впечатлительный, легко возбудимый, но волевой, все эмоции подавлял усилием воли, постоянно держа себя в крепкой узде. Внешне он казался невозмутимым почти в любых обстоятельствах.

Минут через 10 связист, постоянно и безуспешно, до хрипоты кричавший в телефонную трубку «Висла, Висла, я — Буг», вдруг истошно заорал: «Есть связь!!!», хотя немцы продолжали вести артобстрел наших позиций. Капитан вырвал у него трубку, и после некоторого времени внезапно появив-

шаяся и пока неустойчивая еще связь стабилизировалась. Ротный успел доложить обстановку, получить нужные указания или распоряжения, как связь снова прервалась, правда ненадолго. Затем она восстановилась, и минут через 10—15 возвратился Валерий. Шинель его была испачкана землей, в репейниках, а кисти рук обмотаны обрывками носового платка.

Вот что он рассказал.

Посланного несколько ранее штрафника он не нашел — ни живого, ни убитого. Обрыв он обнаружил, но второго конца провода долго не мог найти. Оказалось, что снаряд разорвался прямо на проводе, взрывом вырвало приличный его кусок, а второй его конец отбросило далеко в сторону, метров на 50.

Исползав «на брюхе» под артогнем противника порядочную площадь, Валерий надеялся найти и провод, и, может быть, раненого штрафника.

Вскоре нашел конец оборванного провода, однако дотянуть его до обнаруженного места обрыва не смог, даже изо всех сил натягивая оба конца. Тогда, понимая цену каждой секунды, под очередным артналетом он зубами зачистил концы провода, вонзил их стальные жилки себе в ладони и зажал кулаками, таким образом, превратив свое тело и свою кровь в недостающее звено линии связи. Уже после войны, читая литературу о войне, я где-то встретил почти аналогичный случай, когда вот в такой же ситуации связист восстановил связь, зажав концы провода зубами, так и погибнув. Много похожего происходило на войне.

И когда Валерий почувствовал, что телефонный разговор завершен, достал из кармана имевшийся у него всегда на всякий случай моток провода, соединил концы и даже на ощупь заизолировал сrostки изолентой. Настоящий связист: и моток провода оказался в кармане, и изолента при себе! А когда мы спросили его, как же он узнал, что телефонный разговор завершен, он ответил, что по импульсам слабого электрического тока, который он чувствовал оголенными

концами, вонзившимися в ладони, тока, возникающего во время телефонного разговора.

Вот так проявились здесь и храбрость, отвага, и высокий профессионализм моего друга, офицера Валерия Захаровича Семыкина. Мы продолжали дружить более 60 лет, до самой его кончины в августе 2004 года.

А Касперович, оказывается, сбежал, дезертировал с поля боя. Ошибся я в нем. Неопытным психологом был еще, доверчивым. Мы долго считали его без вести пропавшим, но в январе 1945 года, уже после боев за Варшаву, его где-то выловили и доставили в батальон. Но об этом позже.

Короткие артналеты продолжались всю ночь, и всю ночь мы ожидали контратаки, на которую немец решил только с рассветом. Начали ее гитлеровцы по классической для них схеме: вначале мощный артналет, от которого почти всех нас защитили надежные перекрытия и толстые краснокирпичные стены каменных подвалов. Да и прямых попаданий снарядов или мин в окопы на этот раз не случилось.

За время немецкой артподготовки их танки и пехота выдвинулись на расстояние, которое позволяло им вести уже прицельный огонь по нашим позициям. А это значит, что и мы тоже могли вести такой же огонь по наступающим. Однако командир роты отдал приказ ответный огонь не открывать до его сигнала ракетой красного дыма (были и такие сигнальные ракеты). Жутковато было видеть перед собой врага, подбиравшегося все ближе и ближе, и сохранять огневое молчание, когда палец сам тянулся к спусковому крючку.

Но вот немецкая пехота, наступающая за танками (а танков было штук 5—6), выбежала из-за них и пошла вперед. Это и был момент, которого «ждала» ракета красного дыма. По ее сигналу ожили все наши пулеметы, и ручные — в составе взводов роты, и станковые — старшего лейтенанта Жоры Сергеева. Прямо на наших глазах цепи наступающих фрицев стали редеть. По приближавшимся танкам, «пантерам» и «тиграм» из пулеметов и «ПТР» огонь велся в основном по смотровым щелям. И вот, когда водитель вырвавше-

гося вперед танка, видимо, потеряв ориентировку из-за попадания пуль в смотровые щели, подставил борт своей машины под выстрелы бронбойщиков, эта «пантера» была подбита и загорелась. Фашисты стали выскакивать из нее. Тогда старший лейтенант Сергеев, крикнув своему заместителю, высокому, крепкому, единственному в этом наборе штрафников бородачу со знаменитой фамилией Пушкин: «Прикрой!» — выскочил с пистолетом и бросился к этой группе. Как уж получилось так, что он отличил офицера в группе вроде бы одинаково одетых в черные комбинезоны немецких танкистов, не знаю. Однако, сделав несколько пистолетных выстрелов в находившихся около него гитлеровцев, подскочил к этому немцу, сбил его с ног, прижал к земле и держал так, пока к Сергееву на помощь не подбежали несколько бойцов.

В наступившем переломе, когда остальные танки, пытаясь развернуться, подставили борта, и еще один из них остановился подбитым, а оставшиеся повернули назад, командир роты подал сигнал на продолжение атаки. Немецкие танки значительно быстрее покидали поле боя, чем шли на нас. Жаль, не удалось оставшимся бронбойщикам подбить хотя бы один из улепетывающих «тигров»

Поднявшиеся штрафники с особой яростью добивали не успевшую убежать фрицевскую пехоту. А Жора Сергеев и подбежавшие к нему бойцы подняли и разоружили немца, оказавшегося гауптманом (капитаном), командиром танкового батальона. Ценный трофей добыл Сергеев! Пленного вскоре отправили в штаб батальона под конвоем бронбойщиков, подбивших танки и, по нашему мнению, заслуживших тем самым награды и досрочное освобождение.

И это была последняя серьезная на этом фланге попытка фашистов вернуть утраченные позиции. Больше они на это не решались. А мы, развивая успех, преследовали отступающих еще километра два. Захватили позиции их второго (или третьего?) эшелона обороны в населенном пункте близ города Сероцк и на этом остановились. Несколько менее значи-

тельных вылазок фрицев, видимо, прощупывавших нашу стойкость и готовность дальше вести бои, мы отразили почти «по инерции», на том уровне напряжения, которое возникло в начале атаки.

Через два дня нашу роту сменил стрелковый батальон, командир которого, майор, уж очень дотошно выспрашивал нашего ротного о контингенте воинов роты и совсем немного — о противнике. Видимо, этот батальон дальше наступать не собирался. Выходит, как бывало и раньше, сделали за него это мы.

Итак, за эти трое суток боевых действий задача, поставленная нашей роте, была выполнена и быстро, и, как оказалось, с небольшими для такого результата потерями. Мало того, что эту часть плацдарма мы восстановили, но еще и углубили на 2—3 километра. Он был также расширен еще и войсками дивизии, с которой действовала наша рота, до прежних размеров.

Естественно, что вывод роты из боя и отвод ее в тыл был расценен штрафниками как признание командующим 65-й армии генералом Батовым смелости, решительности, героизма и мужества этих бывших офицеров, достойных того, чтобы без ранений быть прощенными, освобожденными, а может быть, и представленными к наградам. Как это сделал в свое время другой командарм, генерал Горбатов, о чем в батальоне знали все, и это его решение считалось мерилom доброго, справедливого отношения к людям, где-то оступившимся, в чем-то провинившимся.

Когда проходили знакомые каменные подвалы, теперь уже занятые не то каким-то штабом, не то тылами сменившей нас части, командир роты приказал сделать здесь маленький привал-перекур. Я и некоторые офицеры подошли к подбитым немецким танкам еще раз посмотреть на них вблизи.

Меня удивило, что в некоторых местах броня была нарушена, но оказалось, что разрушено было и откололось только бетонное усиление брони, довольно толстое. Подумалось, что иссякает у Гитлера хваленая крупновская сталь, если и

здесь уже не настоящая, а «эрзац-броня». Может, тогда я и не прав был. Но это было только первое мое впечатление о хваленых «тиграх».

Наш ротный капитан снова построил роту, поблагодарил всех за образцовое выполнение боевой задачи. «А теперь споем?» — завершил он свое краткое выступление. И тут оказалось, что молодой политрук, лейтенант Мирный, обладает сильным и звонким голосом. С первого шага (это считалось добрым знаком) он запел популярную тогда у артиллеристов песню: «Артиллеристы, Сталин дал приказ, артиллеристы, зовет отчизна нас...»

С каким воодушевлением, несмотря на еще не затихшую, но уже не рядом, а все более удаляющуюся трескотню автоматов и пулеметов, пели штрафники охрипшими голосами эту и другие песни всю дорогу до самого штаба батальона!

Остановив строй у домика, где разместился комбат, и подав команду «смирно», капитан пошел докладывать. Неожиданно долго тянулись минуты в ожидании выхода комбата Батурина.

И вот он вышел. Невозмутимый, спокойный. А за ним понуро шел ротный. Какое-то странное предчувствие охватило, наверное, каждого. Не подав команды «вольно» (а может, и не заметив, что стояла рота «смирно»), подполковник закатил довольно длинную речь, пересыпанную избитыми лозунгами и казенными фразами. Смысл его словоизвержения заключался в том, что он, комбат, от имени Родины благодарит всех за выполнение боевой задачи. От командования 65-й армии и именем Родины он призывает всех послужить верой и правдой, не пожалеть и в дальнейшем сил своих на благо своего отечества, выполнить новый приказ отчизны ради грядущей победы... и т. д.

Ропот разочарования прокатился по шеренгам. Бойцы зашевелились, хотя команды «вольно» так и не последовало. Почувствовав недовольство в строю, Батурин стремительно завершил свою речь постановкой задачи от имени командарма на расширение еще и части правого фланга плацдарма,

которое, дескать, нам достанется так же легко (здесь мне показалось, что в его словах проскользнуло недовольство чем-то). Знал бы он, как «легко» (а может, и знал уже?) выполним мы эту новую задачу.

К нашему строю добавилась еще небольшая группа штрафников, человек 5—6. Среди них я заметил одного, заметно выделяющегося ростом и телосложением человека, напоминавшего кого-то из давно виденных мною. Ну, просто навязчивое «дежавю»! Но пополнение это было включено в состав взвода Феди Усманова, а дальнейший калейдоскоп событий не позволил заняться уточнением своего предположения. И только теперь, получив доступ к некоторым документам ЦАМО РФ, у меня возникли почти неопровержимые предположения, о которых чуть ниже.

Понурые, вдруг вконец утратившие еще тлевшую надежду на высокую оценку их подвига, штрафники без аппетита и без обычных в это время шуток поедали ужин, и даже боевые сто граммов не подняли упавшего настроения.

Сразу же после ужина, без так необходимого, хотя бы на несколько часов, отдыха, нам предстояло преодолеть ускоренным маршем километров 15, чтобы еще до рассвета занять окопы в назначенном участке обороны на правом фланге плацдарма. Где шагом, где бегом, еще задолго до рассвета, взмыленные, как загнанные лошади, ввалились мы в окопы, которые занимали подразделения, кажется, 108-й или 37-й стрелковых дивизий. Уже после войны в воспоминаниях генерала Батова «В боях и походах» прочел, как комдив 108-й говорил, что *«бой на Наревском плацдарме для частей нашей дивизии за всю войну был одним из самых жестоких»*.

А значит, и для нас тоже.

В дальнейшем, изучая материалы, касающиеся боев на этом плацдарме, я узнал, что в полосе, где нам приходилось сражаться, действовали 407, 444-й и 539-й стрелковые полки, чьи подразделения «отдавали нам право» идти за них первыми в атаку. А вот кто из них сменял нас потом на отвоеван-

ных у немцев позициях, не помню, да и не знал, наверное, потому что рота наша фактически и здесь действовала самостоятельно.

Поскольку в окопах мы появились еще задолго до рассвета, то и те, кого мы сменяли, сразу же покинули траншеи, чтобы смену эту не заметил противник. Единственное, что мы успели узнать у сдавших нам оборону, это то, что немецкие окопы от нас не далее 150 метров и что днем и ночью фрицы совершают массированные артналеты. Днем, кроме того, за нашими офицерами и солдатами охотятся немецкие снайперы и пулеметчики, которых, по-видимому, там немало.

Задачу нам еще не определили, хотя мы уже знали, что снова нас поставили не просто для усиления обороны.

В течение дня мы дополучили боеприпасы, в том числе много ручных наступательных гранат «РГ-42» и «РГД-43» (кажется, так они назывались), которые в отличие от оборонительных «Ф-1» имели небольшой радиус убойной силы осколков и предназначались в основном для применения на ходу, значит, как правило, в штурмовых атаках. На каждое отделение получили по одной противотанковой гранате «РПГ-40». Значит, и здесь возможна встреча с танками.

Хочу обратить внимание читателя на то, что наш батальон постоянно пополнялся новым оружием в достаточном количестве. У нас уже были еще не широко применяемые в войсках новые автоматы «ППШ» вместо «ППД». Получили мы и новые противотанковые ружья «ПТРС» (т.е. симоновские) с пятизарядным магазином. И вообще недостатка в оружии мы никогда не испытывали.

Об этом я говорю потому, что нередко в послевоенных публикациях утверждалось, будто штрафников гнали в бой без оружия или давали одну винтовку на 5—6 человек и каждый, кто хотел вооружиться, желал скорейшей гибели того, кому оружие досталось.

Численность армейских штрафных рот иногда приближалась к тысяче человек, как через много лет после войны мне рассказывал полковник в отставке Михайлов Владимир Григорьевич, к сожалению, уже умерший. В годы войны он командовал такой ротой в 64-й армии. Тогда редко, но бывали случаи, когда просто не успевали подвезти нужное количество оружия. И если перед выполнением срочно поставленной боевой задачи не оставалось времени, то тем, кому не доставалось винтовок, давали штыки от них. Еще раз напоминаю, что это со слов бывшего командира армейской штрафроты Михайлова. Но свидетельствую как очевидец: это никак не относилось к офицерским штрафбатам. **Оружия, в том числе и самого современного, нам всегда хватало.**

Бойцы наши немного успокоились, прошла острота обиды на нового комбата, который не смог (или не захотел) поставить вопрос перед генералом Батовым о достойной оценке действий штрафников при выполнении боевой задачи на левом фланге плацдарма. И в первую очередь — бронебойщиков, которых новый комбат почему-то не очень жаловал, возвращая реляции ротного на их награждение и освобождение.

Почему я так подробно останавливаюсь на этом? Потому, что эта обида за них до сих пор живет в моей памяти, хотя прошло уже более 60 лет с того времени. И потому, что в предстоящих боевых действиях, как оказалось в итоге, погибло очень много опытных боевых офицеров, хотя и в чем-то проштрафившихся, но осознавших свою вину, какая бы она ни была, и убедительно доказавших не только смертью своей, но и боевыми делами преданность Родине, верность присяге и офицерской чести.

Дальнейшие события развивались так, что в течение этого дня нам даже удалось урывками подремать. Кто умудрялся сделать это сидя, кто даже лежа, в так называемых подбруст-верных нишах. Так назывались вырытые вдоль окопа в ниж-

них, ближе ко дну, стенках длинные норы. Отдыхать в них можно было из-за малой высоты «потолка» только лежа.

Те массивованные артналеты, о которых нам говорили наши предшественники по этой обороне, не заставили себя долго ждать. Видно, у немцев здесь было много артиллерии, в том числе и шестиствольных минометов, которые на фронте получили прозвища «боровы», «ишаки» и еще как-то, наверное, из-за того, что звуки их выстрелов напоминали то ли пороссячий визг, то ли крик ишака. Их мины с высокой навесной траектории падали в окопы почти вертикально, и взрывы их были особенно опасны для находящихся в них. Поэтому те, кого мы сменили, и вырыли эти ниши для защиты от осколков таких мин.

Я уже говорил, что штрафники, часто рискуя своей жизнью, делали многое, чтобы сохранить жизнь своих командиров. И говорил уже, что особой любовью всех в нашей роте пользовался Ванюша Янин — старший лейтенант, заместитель командира роты, безумной храбрости офицер.

Так вот, чтобы во время артналетов понадежнее упрятать Ваню Янина от мин этих шестиствольных «ишаков», штрафники облюбовали для него одну из таких подбрустверных ниш. А чтобы усилить надежность защиты, увеличили эту нишу так, чтобы кроме него поместилось еще хотя бы два человека — для прикрытия. Во время одного такого артналета опекающие его штрафники настояли, чтобы он лег в эту нишу, и прикрыли его, улегшись рядом. Едва успели они там разместиться, как крупнокалиберный, тяжелый артиллерийский снаряд разорвался рядом, земляной потолок рухнул и завалил спрятавшихся.

Лежавший у края боец, с помощью бросившихся на помощь товарищей, кое-как выбрался из этой нечаянной могилы, успели откопать, едва живого, второго бойца, а пока добрались до Янина — он уже был мертв. Так погиб храбрый офицер, старший лейтенант Иван Егорович Янин, получивший до этого всего одно легкое пулевое ранение в боях за Брест.

Всех нас до боли потрясла его неожиданная и нелепая смерть. С великой скорбью попрощались мы со своим боевым другом. Было нестерпимо больно смотреть на его лицо, спокойное, словно не тронутое смертью. Отправили мы его тело в тыл для достойного захоронения.

Уже под вечер к нам в окопы пришел наш НШ Филипп Киселев и с ним начальник штаба стрелкового батальона в сопровождении нескольких, тоже незнакомых офицеров. Погоревал Филипп вместе с нами, сказал, что Ваню похоронили с почестями.

А в своей поэме о штрафбате, написанной мною вскоре после Нарева, ему я посвятил такие нехитрые строки:

Янин Иван! Ты бессмертен, ты с нами,
Хоть и зарыт ты в земле нам чужой.
Мы не забудем тебя. Мы оставим
Место в сердцах для тебя, наш Герой.

Через много лет мне довелось возглавлять военную кафедру Харьковского автодорожного института, известного не только в Советском Союзе своими скоростными автомобилями «ХАДИ». Тогда в нем обучалось много иностранцев, в том числе и поляков. Я попросил тех из них, кто живет в районе Пултуска-Сероцка, попытаться разыскать во время их зимних каникул могилу Ивана Янина.

В то время поляки еще достойно оберегали память советских воинов, погибших за освобождение их родины от фашистов. И вот вернувшиеся после каникул студенты сообщили мне, что под Пултуском на памятных плитах большой братской могилы советских воинов они обнаружили имя «Ян Янин, офицер». У меня не было сомнений, что это наш Ванюша.

А тогда, в 1944 году, командир роты собрал всех командиров взводов и доложил начальнику штаба, что намерен назначить своим заместителем вместо погибшего старшего лейтенанта Янина меня, оставив одновременно и команди-

ром взвода. Матвиенко передал мне ракетницу и сумку с ракетами, которые раньше были у Ванюши.

Без особого энтузиазма встретил я это решение. Потом Киселев представил нам прибывших с ним офицеров, которые рассказали, что нам предстоит в ближайшее время атаковать передний край немцев и, захватив немецкие траншеи, удерживать их до подхода основных сил.

Это было похоже на ту задачу, которую ставили перед нами, когда мы преодолевали по льду реку Дзурь около Рогачева. Тогда мы тоже должны были захватить вражеские траншеи и обеспечить ввод в бой других войск. Только реки теперь перед нами не было. Река Нарев была позади нас, и преодолевать ее нам не требовалось. Нужно было не дать это сделать противнику. Несколько неожиданным и странным показалось то, что задачу мы получали не от своего комбата, как это было при Осипове, а от офицеров, в подчинение которым нас официально даже и не передавали.

Войсковые офицеры, уходя, пообещали, что перед атакой придут саперы и разминуют минное поле перед нами, если оно там есть, и что будет хорошая артподготовка. Когда я довел эти сведения до своих командиров отделений, я не почувствовал, что они их воодушевили. И, подстегивая свое собственное настроение, приказал им бодрее довести эти сведения до бойцов и потом доложить мне о моральном состоянии штрафников, считая это одной из важнейших слагаемых предстоящего успеха.

Тревожно было на душе, как будто какое-то недоброе предчувствие глодало сердце. Приходили и дурные мысли, не погибну ли сам в этом предстоящем бою. Старался прогнать их и сосредоточиться на главном — как лучше выполнить поставленную задачу.

После полуночи в окопы действительно пришла группа саперов, чтобы сделать проходы в минном поле перед нашей ротой. Меньше чем через час они вернулись, и их командир, эдакий бодренький старший лейтенант, сообщил, что перед

нами мин вообще нет, они не обнаружили никакого минного поля.

Эта весть в мгновение облетела всех и заметно подбодрила бойцов. Прибывшим к нам полковым солдатам с термосами, доставившим очень ранний завтрак, пришлось уйти, не опорожнив их, так как почти все отказались принимать пищу перед атакой. Так уж у нас было заведено: перед атакой набивать диски, магазины автоматов и пулеметов, а не собственные желудки. А вот от боевых ста граммов не отказался никто. И потому рассвета ждали уже в другом настроении. Да и у меня отлегло от сердца, будто и дышать стало легче. Даже, кажется, минут 20—25 вздремнул.

Проснулся я оттого, что стало светать и фрицы снова совершили свой короткий артналет. Почти одновременно с этим прибежал от комроты связной с криком: «Ротного капитана убило!» Я приказал этому связному пробежать по окопам и сообщить, что ротой командую я, а моим замом назначаю командира пулеметного взвода старшего лейтенанта Сергеева. И первое, что мне пришло в голову: сумею ли я теперь командовать не только штрафниками, но и командирами взводов, моими друзьями, товарищами.

Мгновенно вспомнилось, как с нами, юными новоиспеченными лейтенантиками — выпускниками военного училища, напутственно беседовал замкомроты, уже не молодой лейтенант Паршин. Мне тогда крепко запомнилось его напутствие: «Умейте требовать твердо, справедливо и разумно. Это главное качество настоящего командира. И помните: власть на дороге не валяется. Если ее даже только на мгновение обронил командир — ее тут же поднимут подчиненные, и не всегда лучшие». Мне кажется, и тогда, перед атакой, и потом, всю мою долгую, почти 40-летнюю офицерскую службу, я неукоснительно следовал этому мудрому совету.

И, не успев я об этом подумать, как вдруг заговорили наши гвардейские «катюши» и артиллерия! Да так густо ложились разрывы снарядов на немецкие траншеи, что неожиданная, радостная волна захлестнула меня и на секунду

пришла мысль, что недавнее мое состояние было не предчувствием беды, а пусть временной, но слабостью духа, что ли. Стыдно стало за себя.

Минут через пятнадцать артподготовка завершилась еще одним мощным залпом гвардейских минометов. Над вражескими позициями вздымались всполохи огня, фонтаны взорванной земли. Во всем этом бушующем огненном вихре ничего другого нельзя было рассмотреть, хотя до этой полосы дыма и огня было не более 150 метров. Где уж тут разглядеть «летающие куски человеческих тел», как к 50-летию Победы в одной из передач Российского телевидения «Моя война» фантазировал академик Георгий Арбатов, бывший в годы войны начальником разведки дивизиона «катюш».

Едва только начал чертить небо огненными трассами завершающий залп «катюшиных» ракет, как кто-то за нашими окопами, упредив меня, крикнул «В атаку!», выпустив серию красных ракет. А я еще не успел даже зарядить ракетницу. Выругав себя за медлительность, выпрыгнул из окопа.

Первым перед окопами я увидел только что назначенного моим заместителем командира пулеметного взвода Сергеева. Почти одновременно с ним поднялась вся рота. Я это видел хорошо, так как в еще непривычной роли ротного командира немного задержался, чтобы убедиться, что сигнал атаки воспринят всеми.

Но когда я бросился к цепи атакующих, то, пробежав метров 50 и почти догнав их, вдруг увидел, что у самых ног бойцов взмечаются фонтаны из ключев земли и люди падают. На моих глазах взрыв произошел под пулеметчиком Пушкиным. Я видел взлетевшее в воздух колесо его станкового пулемета и не мог понять, что происходит. Ведь минного поля нет, но все похоже на то, будто люди подрываются на минах.

И тут подумалось, что это, наверное, прямые попадания не то ружейных гранатометов фашистов (вручную гранату так далеко не бросить), не то недавно появившихся у немцев фаустпатронов, не то снарядов или мин неведомого еще нам, возможно, какого-то нового высокоточного оружия. Может,

из-за этого, подумалось, они и не минировали свой передний край?

От неожиданности на миг растерялся, но тут же с необыкновенной ясностью сообразил, что по законам войны, утверждающим, что мина или снаряд на одно и то же место дважды никогда не падает, нужно перебежать через уже пораженные места. Бежал и видел, что бойцы, которые не лежали недвижимо в самых неестественных позах, пытаются, страшно матерясь, пережать порванные артерии и вены, перевязать окровавленные культы ног.

Все, кому удалось невредимыми добежать до немецкой траншеи, ворвались в нее, добывая в рукопашной еще оставшихся после такой артподготовки и пытавшихся сопротивляться фрицев, не оставляя после себя живыми никого из них и не останавливаясь на этом рубеже. Уже значительно поредевшей цепью бросились ко второй траншее. Кажется даже, исчез страх, осталось только стремление победить.

Наверное, артиллерия обработала хорошо не только передний край немецкой обороны, но и ее тактическую глубину, так как и во второй траншее, просто заваленной трупами фашистских вояк, рукопашная была непродолжительной. Впереди, уже сравнительно далеко, маячили фигуры отступающих немцев. Жора Сергеев еще с одним пулеметчиком после каждой перебежки успевали посылать вдогонку довольно меткие очереди.

Видя, что уж очень мало осталось от роты бойцов, добывавших до второй траншеи, я остановил всех и дал сигнал собраться в более плотную группу. Из офицеров не было взводного Ивана Карасева и командира взвода «ПТР» Пети Смирнова. Жора Сергеев, сидя рядом с пулеметом, перевязывал себе ногу.

Невредимыми оказались я и Федя Усманов. Будто судьба пожалела нас, недавно только в госпиталях еще до конца не залечивших свои нелегкие ранения. На мой вопрос Сергеев

ответил, что у него ничего серьезного, «просто царапина». Бойцов всего осталось меньше двух десятков. А из окопов по сигналу атаки поднялось больше сотни! Почти 80% выбыли из строя, а сколько из них погибло — мы еще не знали! И основные потери были там, где фашисты, кажется, применили что-то новое. Машинально обратил внимание на то, что среди оставшихся бойцов не видел того рослого, что влился к нам с группой пополнения у штаба батальона. Не погиб ли там, где осталась большая часть роты? А о судьбе того рослого штрафника я узнал лишь теперь, когда мне стали известны многие архивные документы нашего 8-го штрафбата.

Оказывается, то был майор Родин Александр Федорович, наверное, тот самый майор Родин, который был заместителем командира запасного полка в Алкино под Уфой. А врачом-красавицей в том же полку была, уверен, его жена, капитан Родина. Майор же Родин попал в наш 8-й штрафбат с должности начальника разведки 4-й стрелковой Бежецкой дивизии и погиб на том злополучном минном поле. Значит, после Алкино он снова оказался на фронте, вырвался вторично и, уже возглавляя дивизионную разведку, в чем-то провинился и оказался в моей роте. А если учесть, что его жена, военврач 3-го ранга, до моего прибытия в 8-й ОШБ была командиром санитарного взвода и батальонным врачом именно в этом штрафбате, то получается совсем уж мистическая история такого переплетения судеб. Жаль только, что мне не удалось узнать этих подробностей тогда, на Наревском плацдарме.

Но другие мысли тогда, в октябре 1944 года, занимали голову нового ротного командира. Уже было пройдено километра полтора, непосредственно перед нами близко противник не наблюдался. Я решил, что мы еще можем добавить кое-что к нашему успеху, и подал команду «Вперед!».

Третья немецкая траншея оказалась дальше, чем я предполагал, и, пройдя еще с километр, мы встретили сравнительно редкий, нестройный огонь противника. Местность здесь была тоже неровная, кочковатая, местами поросшая

невысоким кустарником, что позволяло нам короткими перебежками продвигаться вперед к рубежу атаки, который я назначил на линии отдельно стоящего небольшого деревца.

Когда нам удалось вскоре сосредоточиться на рубеже атаки, то немцы, наверное, потеряв из виду нас, замаскировавшихся за кустами и кочками, практически перестали стрелять. А может, они готовились к отражению нашей предполагаемой атаки и ждали момента, когда мы поднимемся во весь рост.

И вдруг за нашими спинами (как не часто на войне, к сожалению, оказывается это счастливое «вдруг»!) загудели несколько самолетов. Летели опять наши штурмовики — «илы». Мне мгновенно пришла мысль о целеуказании, чему нас настойчиво обучали в военном училище. И поскольку теперь ракетницу я держал все время заряженной, а сумка с ракетами была у моего ординарца рядом со мной, не теряя ни секунды, я выпустил несколько ракет в сторону немцев. Летчики, молодцы, сигнал поняли правильно, и сразу же реактивные снаряды будто воткнулись в немецкие позиции и разорвались там. Да еще вдобавок к этому наши авиаторы угостили фрицев хорошими порциями очередей из крупнокалиберных пулеметов, поражающую способность я уже усвоил на примере гибели младшего лейтенанта Давлетова.

Это был удобный момент поднять весьма немногочисленные остатки роты в атаку, пока гитлеровцы еще не успели опомниться от налета наших краснозвездных соколов. И эти полсотни метров до позиции немцев мы преодолели быстро, забросали гранатами окопы и ворвались в них, добивая оставшихся.

Пришлось моему автомату «поработать» и здесь. Рукопашной тут фактически не получилось, так как добивали уже почти не сопротивлявшихся фрицев, захваченных врасплох и даже бросавших оружие. Не до жалости было. Оправданность нашей жестокости не раз подтверждалась и в дальнейших боях. Забегая в своем повествовании несколько вперед, скажу, что особенно дорого обошлась нам жалость к недоби-

тым фрицам при форсировании Одера и захвате плацдарма на его западном берегу. Но об этом ниже.

Вскочив в немецкий окоп, я приказал срочно готовить захваченную траншею к отражению возможных контратак. И только сейчас увидел, что вслед за нами два связиста-штрафника тянут телефонную линию. В душе горячо поблагодарил начальника связи батальона старшего лейтенанта Павла Зорина и, конечно же, умницу Валерия Семькина, без которого ни одно доброе дело в области связи, наверное, у нас в батальоне теперь не делалось.

Вскоре я уже докладывал заместителю комбата, майору Алексею Филатову, почему-то оказывающемуся у телефона постоянно вместо комбата. Между прочим, у нас было два замкомбата, оба Филатовы, оба майора, только один Алексей, другой Михаил. Сообщил я, где нахожусь и в каком составе. Кроме нескольких автоматов в роте оставалось два станковых пулемета, одно «ПТР», два ручных пулемета. Патронов же почти не оставалось. Подобрали на всякий случай немецкие «шмайссеры» (автоматы) со снаряженными магазинами и два пулемета «МГ», которые наши пулеметчики считали неплохими. Пересчитали гранаты — тоже не густо: две противотанковые да штук 10 ручных. Трудновато будет, если немец опять полезет в контратаку.

Филатов сказал мне, что мы, оказывается, уже заняли траншеи 2-го эшелона батальонного района обороны противника, и поздравил нас с таким успехом. Обрадовал тем, что скоро подоспеет подкрепление, но нужно продержаться часа 2—3.

Сообщил он и другую радостную весть: наш ротный, капитан Матвиенко, оказывается, не погиб, как мы считали, а только контужен и легко ранен, никуда эвакуироваться не захотел и находится в батальонном лазарете. Но мне приказано оставаться в должности ротного, так как Матвиенко выдвигается на должность замкомбата вместо Михаила Филатова, который уходит на более высокую должность в войска. А я официально назначаюсь на должность командира, те-

перь уже не стрелковой, а **автоматной**, как ее называл Батурин, роты, хотя она ранее, да и вообще по штату, называлась **ротой автоматчиков**.

Едва успели мы переговорить, как наблюдатели доложили, что в нашем направлении со стороны противника движутся два танка и за ними — цепи пехоты. Ах, как нам могут пригодиться две противотанковые гранаты, если сумеем их эффективно применить! И хорошо, что танков не больше, чем гранат.

Мы занимали теперь совсем небольшой участок траншеи. Где-то вдали слева шел бой, наверное, сосед тоже наступал или отстреливался. Но связи или контакта с ним не было. Справа вообще фланг был открыт. Открытые фланги любого масштаба всегда считались очень опасными, а в этой ситуации — и подавно. Главное теперь было не дать противнику обойти нас. Заметив группу до взвода фашистов с двумя танками, все и без всяких команд поняли, что нам здесь предстоит: ведь боевой командирский опыт был почти у всех наших штрафников, бывших офицеров, а ныне рядовых.

Работая над книгой, я прочел мнение одного военного психолога:

«Если подразделение теряет в бою более 20% бойцов, то у оставшихся пропадает уверенность в победе, снижается боевая активность и даже управляемость».

А здесь потери более 80% не выветрили боевого азарта оставшихся. Такая сила духа оказалась у штрафбатовцев и, как оказалось, во многих других случаях. Наверное, здесь немаловажную роль играла особая психологическая составляющая — офицерская честь, которую не учитывал тот военный психолог.

Обе противотанковые гранаты я приказал принести ко мне, оставив около себя крепкого высокого штрафника в роли гранатометчика. А расчет «ПТР» возглавлял тот самый «Буслаев», внушительного вида боец, который, как я потом узнал, был узбеком, но вот фамилию его я не запомнил, а се-

годня мне так и не удалось ее установить. Это он, в бою на левом фланге, как дубиной, колошматил немцев своим «ружь-ишком». Остальные бойцы из взвода «ПТР» Петра Смирнова, как и он сам, остались на том месте, где так необычно метко били немцы по нашим атакующим из какого-то еще неведомого мне нового, высокоточного оружия. Да и младший лейтенант Карасев, видимо, остался там же. К счастью, как выяснилось потом, эти наши офицеры не погибли, а были только тяжело ранены и вскоре, через месяц-другой, вернулись в батальон.

Несмотря на напряженную, опасную обстановку, мысли лихорадочно искали причины колоссальных потерь там, перед первой немецкой траншеей. И все более в них проскальзывало предположение, что уж очень это похоже на подрывы на минах. Свежо еще было впечатление от собственного печального опыта.

Комбат Батурин только 9 мая 1945 года, на батальонном празднике под Берлином в честь долгожданной Победы, сказал мне «по секрету», что тогда, на Наревском плацдарме, по приказу командарма 65-й генерала Батова нашу роту преднамеренно пустили на минное поле. «Оправданием» этого комбат считал то, что оно немцами было «засеяно» минами с «неизвлекаемыми» взрывателями. Не очень в это верилось. Ведь уже тогда были известны танки-тральщики, которыми без ущерба для них самих можно было делать проходы не только в противопехотных минных полях, но даже и в противотанковых! Достаточно было во время артподготовки пустить их перед атакующей пехотой.

Конечно же, такое решение было принято не по неопытности или глупости (в глупость людей, достигших высокого положения, я не верю, а скорее, верю в их непорядочность). Просто получилось, что задача разминирования и обеспечения наступления части войск армии Батова была решена таким способом: пустить на мины штрафников, невзирая на то, что погибнут ценные для фронта офицерские кадры, ко-

торые завтра могли бы усилить своим боевым опытом части и подразделения той же 65-й армии.

Наверное, в отличие от Рокоссовского и Горбатова, бережно относившихся к офицерам, попавшим под жесткую руку военных трибуналов, а иногда и под несправедливую амбициозность некоторых командиров или командующих, Павел Иванович Батов был из другого круга полководцев. После войны я много читал об этом генерале и еще вернусь к его характеристике. А тогда мысли эти только отвлекали меня от организации отражения контратаки врага.

Когда стало ясно, что один танк движется прямо в мою сторону, а другой несколько левее, я оставил одну гранату себе, а с другой послал гранатометчика на левый фланг. Невдалеке от меня был довольно глубокий ход сообщения в сторону немцев. Передал приказ расчету бронбойщиков следить за обоими танками и, если кому-то из нас удастся подбить танк, то огонь вести по нему, добивать его из «ПТР», не упуская из внимания и другой танк.

Видимо, по шаблону немецкой тактики, примерно за 50—60 метров не доходя до нас, сопровождавшая танки пехота вырвалась вперед. И тут первыми заговорили пулеметы Сергеева. Да и автоматчики короткими прицельными очередями стали косить контратакующих. Пехота немцев залегла, а танки, добавив скорости, пошли на окопы.

По ходу сообщения я выдвинулся метров на 15—20 вперед и затаился там. Получилось так, что я оказался на очень выгодной позиции: сбоку, метрах в 10 от надвигавшегося бронированного чудовища.

Наверное, заметив в окопе наших бойцов, танк замедлил ход, повернул орудие влево и стал «прощупывать» окоп огнем своей пушки. С каждым выстрелом он посылал снаряд правее, все ближе к тому ходу сообщения, в котором, заняв удобную позицию, притаился я и куда постепенно перемещались бойцы, избегая возможности попасть под выстрелы танковой пушки. Вот тут мне и удалось метко швырнуть гранату прямо в гусеницу. Водитель танка, наверное, почувст-

вовал, что его машину заносит вправо, и на остатках поврежденной гусеницы резко попытался вывернуть танк влево. И опять мне повезло, как часто везло на войне. Танк подставил правый борт и корму под прицел наших бронбойщиков, и они не замедлили послать несколько бронбойных и зажигательных противотанковых пуль-снарядиков в эту «пантеру».

Она загорелась! Экипаж танка, открыв люки, стал выбираться оттуда, но сраженные свинцовым роем, в котором были и пули из моего автомата, немецкие танкисты, не успев вылезти, повисли в люках и закупорили их собой. Оставшиеся в танке попытались воспользоваться нижними люками, но и там их ждала та же участь. Примерно та же судьба досталась и второму бронированному монстру. И я был рад, что мой штрафник-гранатометчик, да и бронбойщики за подбитые танки будут награждены орденами Отечественной войны и полностью реабилитированы, даже если не будут ранены.

И тут же, словно молния, вспыхнула мысль о том, что я ведь тоже подбил танк и мне также полагается такой орден! Вот и придет конец моему тайному позору перед близкими людьми за фотографию с чужим орденом.

Между тем оставшиеся в живых фрицы (а их осталось немного) ползком, не поднимаясь, отступали назад. Я приказал больше без нужды не стрелять, беречь патроны на случай, если фрицы еще раз полезут. Пусть уползают.

Смысл этого моего приказа «не стрелять», видимо, не сразу дошел до исполнителей. Разгоряченные боем, бойцы еще некоторое время короткими очередями догоняли уползавших немцев, и они, словно прибитые к земле этими очередями, как надежными гвоздями, оставались неподвижно лежать.

Связь по-прежнему работала, и, добравшись до телефона, я доложил об отбитой контратаке и о двух горящих танках. В ответ получил ободряющее известие от начштаба Киселева, что к нам на поддержку уже направлены необходимые

подразделения. Вот только успеют ли, если гитлеровцы предпримут еще одну контратаку?

Вызвал я к себе гранатометчика и обоих бронебойщиков, к счастью, даже не раненых. Написал боевое донесение о случившемся, о подвиге этих заслуженных бойцов. И решил отправить героев в штаб батальона, как заслуживших наград и искупивших свою вину отвагой в честном бою. Приятно был удивлен тем, что все трое отказались покинуть поле боя. А великан-пэтээровец даже с какой-то обидой сказал: «А кому я ружьишко свое оставляю?..»

Когда подошло подкрепление, а вернее, пришла смена нам на этой позиции, общая радость захлестнула всех. Ведь еще не проливших кровь оставалось совсем немного и, право же, все они достойны были, как считали я и мои офицеры, не только полной реабилитации за свою стойкость и мужество, проявленные в боях, но и наград.

Вместе с заменяющим нас подразделением, а это был полнокровный стрелковый батальон, прибыл к нам лейтенант Мирный, агитатор батальона, который участвовал с нами в боях на левом фланге плацдарма и к которому у всех нас возникло чувство уважения, как к парню не трусливого десятка. Свою политагитацию он видел прежде всего в личном примере в бою, а не в пустословии вне боевой обстановки.

Однако и здесь всеобщая радость наша оказалась преждевременной. Настроение у политработника было подавленное. Он понимал, что принес плохую весть, передавая письменный приказ комбата Батурина о том, что мы должны уступить завоеванные позиции сменявшему нас стрелковому батальону, а сами переместиться на правый фланг этого батальона и там занять оборону. Из боя нас снова не выводили.

Да, конечно, батальону численностью более 200 человек оборонять участок, который захватили и удерживали всего-навсего менее 20 бойцов штрафбата, отбив здесь вражескую контратаку превосходящих сил противника с танками, безусловно, будет легче. Обидно было отдавать завоеванное такой большой кровью, такими жертвами...

Но приказ есть приказ. Майор, командир сменявшего нас батальона, указал мне на карте и показал на местности участок, который мы должны были занять. И в его тоне, в его отношении к нам я почувствовал не только что-то вроде угрызений совести за чью-то вину перед нами, но и уважение к нам и нашим боевым действиям.

Из его слов я понял, что оборона будет длительной. Вот тогда мне стало понятно, да и штрафники это поняли, что наш командарм генерал Батов не выпустит отсюда ни одного штрафника, который не искупит вину свою кровью или жизнью. А в обороне пришлось нам стоять больше месяца, принимать там новое пополнение, терять своих боевых товарищей, в том числе и тех, кого мы считали заслужившими освобождения. Но так считали мы, а вот и Батурин, и генерал Батов, как показалось, были другого мнения.

Вскоре, уже на новом участке обороны, командир взвода Федя Усманов принес мне листок бумаги, на котором были такие стихи:

Нас с Батуриным комбатом
Взял к себе на Нарев Батов.
Ну, а это не Горбатов,
Не жалел бойцов штрафбата.

Для него штрафник — портянка.
Он только тех освобождал,
Кто ранен, кто погиб под танком,
А остальных на гибель гнал!!

После войны авторы некоторых публикаций стремились показать, что штрафники заранее были обречены стать смертниками, что штрафбаты, как и армейские штрафные роты, были подразделениями, обреченными на гибель. Да, за все то время, которое пришлось мне пройти с боями в составе штрафного батальона, этот «наревский» период был почти единственным, который мог бы соответствовать этим суждениям. И сами штрафники вправе были думать так же.

Не мне судить о полководческих и других талантах гене-

рала Батова, поэтому приведу суждения о нем крупных военных авторитетов. В уже упоминавшейся мною книге «**Солдатский долг**» авторитетнейший полководец Великой Отечественной войны, маршал К.К. Рокоссовский пишет, что и в декабре 1943 г. П.И. Батов, сосредоточив все усилия на своем левом фланге, «...недоглядел, что враг подтянул крупные силы против правого фланга армии, хотя мы его об этом предупреждали» (выделено мною. — А.П.). *Спыхватился командарм, когда гитлеровцы смяли часть правого фланга и начали выходить в тыл основной группировки войск армии...*

Увлечение командарма легким продвижением войск без достаточной разведки и игнорирование предупреждений штаба фронта (выделено мною. — А.П.) *о нависшей опасности обошлось дорого: мы потеряли значительную территорию на очень важном для нас направлении...»*

Как надо полагать, и неоправданных людских потерь там было немало.

А вот что писал в своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Победы Г.К. Жуков:

«Если разведка не сумела дать правильные сведения, или если при их анализе допущены погрешности, то и решения всех командно-штабных инстанций неминуемо пойдут по ложному направлению».

Еще одна большая цитата, которую я напомним читателю. Эти мнения маршала Рокоссовского хотя бы частично раскрывают сложный характер командарма. Вспоминая о действиях армии Батова в наступательной операции «Багратион», в той же книге маршал писал:

«65-я Армия, не встречая в Беловежской Пуще особого сопротивления со стороны противника, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю. Не обеспечив фланги, армия была атакована с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врезались в центр армии, разделили ее войска на несколько групп, лишив Командующего на некоторое время свя-

зи с большинством соединений и управления ими (выделено мною. — А.П.). Командование фронта послало на выручку стрелковый корпус и танковую бригаду. Положение было восстановлено. Но Павлу Ивановичу пришлось пережить тяжелые минуты».

А вот что об этом же случае сообщил в своей книге «...специального назначения» маршал инженерных войск В.К. Харченко:

«Утром 23 июля частям танковой дивизии СС «Викинг»... удалось соединиться с 4-й фашистской танковой дивизией... Несколько дивизий 65-й армии оказались в трудном положении... Вскоре к Батову для организации ответного удара прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего... Г.К. Жуков и Командующий фронтом... К.К. Рокоссовский. Срочно были подтянуты резервы. Уже к исходу 24 июля гитлеровцы были разгромлены и положение восстановлено».

Я, наверное, несколько тенденциозен в выборе цитат из этих книг. У маршала Рокоссовского много раз отмечаются и положительные качества командарма-65. Но так заметно подчеркиваются слабые места Батова: отсутствие надлежащей разведки, недостаточное внимание флангам и некоторая самоуверенность, приводящие к большим и чаще всего — неоправданным потерям.

Даже как-то странно: ведь боевой опыт у генерала, дважды Героя Советского Союза, огромный. Он воевал в Испании, участвовал в финской войне. Но не менее странно и то, что почти всю Отечественную Павел Иванович прошел **командующим одной и той же армией и ни разу не был повышен в должности.** Это что-то значит? Да и армия не стала ни гвардейской, ни ударной...

А вот цитата из книги самого генерала Батова («**В боях и походах**», с. 453—454) о событиях на Наревском плацдарме:

*«4 октября... враг внезапно перешел в наступление... Почему немцам удалось внезапность? Танковая группировка врага в составе трех дивизий нанесла удар из глубины... **Налицо был про-***

счет нашей разведки. Немецкие танки широким фронтом вышли на наши заминированные участки. Но... ни один не подорвался. Оказывается, саперы противника обезвредили мины. И этого разведка не обнаружила...» (выделено мною. — А.П.).

Это в который раз на те же самые грабли? Сколько же людей погибло именно из-за просчетов разведки, кто это подсчитывал?!

Ну а слова, приведенные выше в цитате из книги Батова о том, что немцы сумели обезвредить мины, заставляют меня задуматься еще раз: почему же саперы армии Батова не сумели обезвредить мины на участке нашего наступления? И не противотанковые, а противопехотные? Или эту идею подсказал впервые оказавшийся вблизи боевой обстановки наш новый комбат Батурин? А может быть, гибель какой-то сотни штрафников — мелочь по сравнению с жертвами плохой разведки 65-й армии?

Мне снова захотелось обратиться к воспоминаниям Александра Васильевича Горбатова, где он рассказывает, как в операции «Багратион» в ночь перед наступлением «...под шум и грохот бомбежки наши труженики-саперы проделали сотни проходов в минных полях и проволочных заграждениях для пехоты... работая в непосредственной близости от противника, зачастую под пулеметным и оружейным огнем».

Ну а если в нашем случае мины были действительно неизвлекаемыми, то почему бы не пустить на них прямо во время артподготовки или непосредственно перед атакующими, как я уже говорил выше, танки-тралышки, которые за считанные минуты справились бы с этими проходами? Как показалось мне, офицеру всего-навсего ротного масштаба тогда и тем более теперь, спустя много лет, я уверен, что такое простое решение могло бы прийти в голову и комбату, и тем более командарму. Но почему-то не пришло. Наверное, заслуженно ни Батурин, ни Батов не удостоились того, чтобы штрафники между собой называли их «Батя», как Осипова, хотя фамилии обоих начинались со слога «Бат», созвучного с этим теплым словом «Батя».

Вот еще один документ. У меня в руках большая статья известного журналиста Эдуарда Поляновского «Солдат Победы Жуков», опубликованная накануне 50-летия Победы, 11 апреля 1995 года в «Известиях». Речь в ней идет не об известном всему миру маршале, а о безвестном солдате с такой же фамилией. Упоминается в этой статье и имя Павла Ивановича Батова. И вот в связи с чем.

В 1946 году некто полковник Житник, начальник штаба соединения, входящего в подчинение П.И. Батова, пользуется тем, что он, Житник, давно знаком лично с ним. Он составляет «оправдательные документы» на вывоз из Германии непомерно большого количества личных вещей и заверяет их печатью и подписью «Генерал-майор Житник», т.е. своей фамилией, но с липовым званием. Много генерала пограничники разоблачают, и дело передают в прокуратуру. Запахло трибуналом. Спасает жулика Батов. Вот его резолюция:

«Полковника Житника оставить в кадрах Красной Армии. Направить в Академию им. Ворошилова в первую очередь».

Ничего себе! Вместо трибунала — в самую престижную академию! Такую бы заботу во спасение штрафников-офицеров и своих солдат в бою! Сколько бы жизней было спасено тогда! Этому протезе Батова в декабре 1952 г. командующий Белорусским военным округом Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко дает убийственную характеристику:

«Ведет себя, как опереточный артист. Очень легкомысленный и высокомерный. Наглый вун. Доверять важные дела нельзя. Должности не соответствует».

Тогда генерал Батов уже отошел от руководящих постов в Вооруженных Силах и не в силах был противостоять маршалу Тимошенко. Полковника Житника увольняют в запас за дискредитацию звания офицера.

Павел Иванович Батов к этому времени возглавлял Советский Комитет ветеранов войны. И не один раз в скандальных ситуациях прибегал к помощи безотказного генера-

ла офицер запаса Житник, пишет далее Поляновский. Ну почему высокопоставленный генерал так благоволит к этому недостойному офицеру? Почему проходимцы (так характеризует Житника автор статьи) находят поддержку у некоторых высоких начальников? Какие качества их сближают?.. Вот такие факты тревожили и тревожат до сих пор не только, думаю, меня. Но все это стало мне известно значительно позднее тех тяжелых дней и ночей на Наревском плацдарме.

А тогда было не до оценки действий старших начальников. Во время войны ни солдат, ни офицер не имеют права на сомнения в действиях начальников, на своего рода «оппозицию». Любая оппозиция в это время на фронте может расцениваться как преступление, как измена. Примеры такой оценки действий своих прежних начальников некоторыми штрафниками были и в нашем батальоне. И оправдания таким фактам тогда не было никакого. Вот и держал я подобные мысли свои при себе. Поэтому и посоветовал Феде Усманову не распространяться о тех стихах, которые сочинил о Батурине и Батове кто-то из штрафников и не искать их автора.

В те тревожные дни октября 1944 года нужно было сосредоточить внимание прежде всего на переустройстве немецких окопов, приспособив их для надежной обороны в противоположном направлении, то есть против немцев. А это и перенос брустверов, и переделка пулеметных гнезд, ниш для гранат и боеприпасов, и создание новых ходов сообщения, и многое другое. В общем, работы — непечатый край. Вскоре к нам протянули телефонную связь. Это снова позаботился старший лейтенант Валерий Семькин, добровольно опять оставшийся с нами в окопах. Ведь по своей должности он мог бы находиться в штабе большую часть времени, то есть в достаточном удалении от переднего края, а он рвался к нам в окопы!

Остановлюсь еще на одной подробности. В каждом ходе сообщений метрах в 20—30 от основного окопа отрывали простейшие, не очень глубокие ямы (хотя бы по одной на от-

деление) для отправления естественных надобностей. По мере их заполнения они засыпались землей и вместо них отрывались новые.

Уже близился конец октября, ночи стали холодными, даже иногда морозными, по утрам долго держался на уже высохшей траве и грунте серебристый иней. На нашем участке оказалась простенькая, неглубокая земляночка с легким перекрытием. Ее обнаружил мой ординарец, и я разместился в ней с ним и своим ротным писарем. Кстати, это был не штрафник, а положенный по штату солдат по фамилии Мамкин, обладавший каллиграфическим почерком и умением спонтанно сочинять или презабавные, или «страшные» истории. В атаки он не ходил, оставался с ротными документами. Потом перетащил сюда и одного своего бывшего замкомвзвода, с которым особенно сдружился. Как говорят, «в тесноте, да не в обиде». Моему заму, Жоре Сергееву, бойцы отрыли другое укрытие, так как ротный командир и его заместитель должны были размещаться поодаль, чтобы не погибнуть одновременно.

Рота моя теперь, даже с учетом прибывшего пополнения, была по численности меньше взвода, а во взводах — по 8—10 человек, и тот участок, что нам выделили для обороны, казался непомерно большим. Но вскоре стало поступать пополнение. Через день-два к нам привели еще человек 10 новеньких. Казалось, это неплохо для организации более надежной обороны, но расстроило то, что в этом пополнении оказался один бронебойщик, которого я представил к досрочному освобождению и к награде за подбитые танки. Это наш новый комбат проявил «бдительность». Он и «особист» дотошно выпытывали, кто стрелял по танкам, а кто только заряжал магазин «ПТР». И решив, что подбить танк мог только один, посчитали мое представление другого к награде и освобождению необоснованным. Обидно было штрафнику, но и мне тоже. Стыдно стало и за то, что так обнадежил ста-

рательного человека и храброго воина, и за то, что с моим мнением, мнением командира роты, руководившего боем и непосредственно участвовавшего в столкновении с противником, комбат не посчитался. Так что начало моего непосредственного «взаимодействия» с новым комбатом ничего хорошего не сулило...

Активная часть боевых действий за восстановление утраченных было позиций на плацдарме закончилась. Как отмечал в своих мемуарах генерал Батов, *«плацдарм увеличился почти вдвое. Войска задачи выполнили... Началась подготовка к новому наступлению»*.

А у нас начались оборонительные будни, совсем непохожие на оборону в белорусском Полесье.

Валера Семькин принес нам новую таблицу позывных для телефонных переговоров, где мне вместо обычного номера был дан позывной «Александр Невский», Жоре — «Георгий Саакадзе», Феде Усманову — имя национального героя Башкирии «Салават Юлаев». Необычно, да и никак не влияли эти позывные на боеспособность наших подразделений. Но как в таких случаях говорят, «мелочи, а приятно».

О том, что происходило с нами и со мной лично здесь, в обороне на Наревском плацдарме, я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА 9

Наревская оборона, разногласия с комбатом. Орденовая иерархия. Фронтная манера. Новый тотальный враг. Свет и тепло... Сага о касках. Гибель Кости Смертина. «Штрафбатя». Два дня отпуска

О том, что дальше происходило на нашем участке обороны Наревского плацдарма, я постараюсь рассказать более кратко в основном потому, что немцы здесь в своей боевой активности были несколько сдержаннее. Командование фронтом подтягивало растянувшиеся за период операции «Багра-

тион» тылы, приводило в порядок войска, так поредевшие к тому времени. Шло восстановление ресурса боевой техники и накапливались все виды боезапаса. Фронт готовился к дальнейшему масштабному наступлению, к одной из важнейших стратегических операций, получившей впоследствии название «Висло-Одерской».

Итак, мы перешли к обороне. Как помнит читатель, в моей роте после повторного наступления, в ходе которого боевые потери составили более 80%, насчитывалось меньше взвода. Это даже с учетом уже прибывшего пополнения. И вот в эти первые дни организации обороны моего ротного участка меня вызвал к телефону комбат. Впервые с передовой я общался с ним по телефону. Тонем, не допускающим возражений, он приказал мне организовать РОП (ротный опорный пункт). Для меня это его распоряжение оказалось настолько неожиданным, настолько несуразным, что я на какое-то время просто опешил. Такая форма организации обороны роты была бы целесообразна тогда, когда в роте как минимум три более или менее полнокровных взвода. В этом случае в первой траншее занимают оборону два взвода, а третий оборудует позицию во втором эшелоне, и таким образом РОПы становятся основой сравнительно глубоко эшелонированной обороны всего батальона **трехротного** состава.

А у нас, как оказалось, не только батальона, но даже и роты-то не было! Своими малыми силами я никак не мог организовать ротный опорный пункт, не ослабляя и без того слабую оборону переднего края. Об этом тут же по телефону я и доложил Батурину, сказав ему, что его приказ смогу выполнить только при условии, если мне подчинят еще минимум два полнокровных взвода, или когда в роту прибудет пополнение, достаточное для еще двух недостающих взводов.

Как я и ожидал, подполковник Батурин разразился резкими, негодующими фразами, пригрозив при этом, что он может передумать и не послать в штаб фронта представление о моем назначении на должность командира роты. Понимая, что пока мое назначение не узаконено приказом по фронту,

комбат запросто может его отменить, я тем не менее (как говорят, попала «вожжа под хвост») тут же, не раздумывая, спросил его, кому и когда он прикажет сдать командование ротой.

После долгого и тягостного молчания Батурин весьма недовольным голосом изрек: «Пока командуйте! Я еще с вами разберусь!» И тут, словно бес снова меня попутал, я вместо уставного «Есть!» выпалил: «Приходите сюда, в окопы, здесь на месте и разберемся».

Батурин, еще ни разу не побывавший у нас в окопах и вообще на переднем крае, вскипел и уже срывающимся на крик голосом ответил: «Я сам знаю, где мне быть, когда и куда приходить!» На этом наш разговор оборвался.

Потом мне мой бывший ротный, майор Матвиенко, уже ставший замкомбатом, говорил: «Зачем ты лез на рожон? Ну, сказал бы «Есть!», а делал бы как нужно!» Что же, не было у меня ни тогда, ни после такой «смекалки»...

Наш новый (он все еще был «новым», во многом неизвестным, неизученным) комбат оказался человеком, как я убедился вскоре, еще и злопамятным. Были обстоятельства, в которых я не раз чувствовал (не думаю, что мне это казалось) ярко выраженную немилость батуринскую, почти до самого окончания войны.

Между прочим, комбата уже наградили орденом Александра Невского, видимо, «за успешную организацию боев» при восстановлении флангов Наревского плацдарма. После этого он приказал представить офицеров, фактически обеспечивших ему его первый орден, к наградам именно этим орденом. Об этом сказал мне Филипп Киселев, и мы вместе стали составлять реляции на награждение командиров взводов. Жору Сергеева мы представили к ордену Александра Невского, Федю Усманова — к Богдану Хмельницкому III степени. Мне Батурин велел передать, что я буду представлен тоже к Александру Невскому.

Мне пришлось рассказать Филиппу о своей глупой истории с «дважды орденосцем». Поэтому я попросил Филип-

па уговорить комбата согласиться на положенный мне за подбитый танк орден Отечественной войны любой степени.

Когда Батурина представили наградные листы, он долго не соглашался поставить свою подпись на моем. Получалось, что его подчиненный, да еще такой строптивый, получит более высокую награду, чем он сам. Как рассказывал мне потом Филипп Киселев, мой наградной лист активно и настойчиво защищали и Филатов, и Матвиенко. В общем, суммарными усилиями им всем удалось убедить комбата подписать представление.

Батурин собственноручно исправил «первую» степень на «вторую», желчно заметив при этом, что «ордена не выпрашивают, ими награждают по заслугам». Получалось, что в единоборстве с немецким танком я не победил и такого ордена не заслужил, хотя, как мне стало потом известно, Иван Матвиенко предлагал представить меня к ордену Красного Знамени, кавалером которого он уже был. Филипп Киселев незаметно его одернул.

Когда мне рассказали, как происходил этот разговор, я понял, что в наши с комбатом служебные и личные отношения вбит еще один кривой и ржавый гвоздь. Но орден Отечественной войны II степени я все-таки получил. И вручал его мне не сам комбат Батурин, а начштаба, уже майор Киселев. Наконец-то с меня, как гора с плеч, свалилась тяжесть моего «орденского» позора перед близкими, так тяготившего мою совесть все эти долгие месяцы.

Может, потому, что еще не подтянулись базы снабжения фронта и армии, а может, по каким-то другим причинам, но стало значительно хуже с питанием. Солдатского пайка, несмотря на «сидячий» образ жизни в обороне, без атак, изнурительных маршей, перебежек и переползаний, бойцам стало не хватать, и к ним вернулась фронтовая манера делить хлеб, сахар и др. по-особому. Происходило это так: кому-то из бойцов доверяли резать хлеб или делить сахар и еще что-либо «делящееся» на приблизительно равные доли. Затем обычно командир отделения или кто-нибудь им назначен-

ный отворачивался, прикрывал глаза шапкой, а «хлеборез» или кто-то из «доверенных лиц», указывая пальцем на одну из порций, вопрошал: «Кому?» И отвернувшийся должен был назвать одного из бойцов.

И не было никаких обид, никакого роптания, если даже кому-нибудь и казалось, что соседу досталась порция побольше. А поскольку мы, командиры взводов и рот, в боевой обстановке питались из общего солдатского котла, я настоял, чтобы и для нас порядок этот был неукоснителен. Здесь не было никакой возможности чем-нибудь разнообразить наше окопное «меню». Была уже глубокая осень. Да и местного населения, у которого можно было бы, как в Белоруссии, что-либо купить или выменять, вблизи наших позиций не наблюдалось.

И вот случилась другая напасть, к которой привыкнуть мы не могли, уж очень она была неприятной. В связи с устойчивым похолоданием бойцам выдали шапки, шинели, а нам, офицерам, зимнее обмундирование. Особенно рады мы были меховым барашковым жилетам. Поменяли, наконец, всем нательное белье. Правда, походных бань, как это бывало в обороне на белорусской земле, нам не прислали, а уж сколько времени не мылись мы все, окопники!

И то ли из-за того, что эти жилеты, обмундирование и белье не прошли перед выдачей нам должную санобработку, или она была проведена не надлежащим образом, то ли из-за оставшихся после немцев в землянках подстилок или других вещей, но вскоре нас замучили новые враги — насекомые. Не очень приятная деталь фронтового быта, но, если короче — обовшивели мы все изрядно, тотально. Мои просьбы организовать поочередную помывку в походных банях с внеплановой сменой белья и хотя бы частичной санобработкой обмундирования вроде бы были услышаны, но не были почему-то реализованы.

Наконец, невдалеке от наших окопов в низине установили прибывшую походную дезкамеру, на солдатском жаргоне — «вошебойку». И, главное — без бани и без смены белья.

Поочередно сдавая в нее то гимнастерки с брюками (оставаясь на холоде в нижнем белье), то рубахи с кальсонами, бойцы прожаривали свое обмундирование. А мы, командный состав, сдали туда и свои меховые жилеты, считая их главной причиной постигшего нас бедствия. И никто не догадался предупредить нас, что от высокой температуры в дезкамере наши жилеты настолько съжуются и покоробятся, что их не только носить не придется больше, но даже надеть не удастся.

Конечно, эти, хотя и не кардинальные меры, да еще то, что нам стали выдавать пакетики «дуства» — порошка, который мы засыпали прямо за воротник, под нательное белье, в какой-то степени уменьшили активность этих кровососов, но победили их мы несколько позднее. Забегая вперед, скажу, что в начале декабря мы ушли на формирование хотя и не в очень далекий, но все-таки в тыл. И только там, после неоднократных санобработок, тотальных стрижек и помывок в походных и деревенских банях, нам удалось одержать окончательную победу в этой войне с паразитами. И решающий вклад в эту победу внес непререкаемый медицинский авторитет, наш батальонный доктор Степан Петрович Бузун, где-то раздобывший так называемое мыло «К», ужасно едкое, которое уничтожало непрошеную живность иногда вместе с верхним слоем кожи. А вскоре нам выдали и новенькие, ароматно пахнущие овчиной меховые жилеты, и мы снова были счастливы.

Пока мы были в окопах, нас не меньше беспокоили и фашистские снайперы. Были также нередки попытки фрицев прощупать надежность нашей обороны сильными артналетами, после которых, как правило, происходили наскоки больших, иногда до роты, групп с танками.

Здесь я впервые увидел, как против танков воевали зенитчики, стоявшие на позициях непосредственно за нашими окопами. Однажды я видел, как их скорострельные пушки встретили немецкие танки меткими выстрелами прямой наводкой, и сразу несколько машин загорелись, а остальные бросились наутек. Атака немцев захлебнулась, не успев до-

катиться до наших траншей. Потом еще не раз мне приходилось быть свидетелем применения зенитно-артиллерийских установок против наземных целей, и всегда это вызывало восхищение.

Подобные немецкие наскоки на нашу оборону были похожи на разведку боем, с целью выявить нашу систему огневых точек, а заодно и захватить «языка». Однако на нашем участке им этого так ни разу и не удалось, хотя о том, что кое-где их попытки были не безрезультатны, до нас слухи доходили.

И я еще тогда подумал: хорошо, что не согласился на требование комбата Батурина часть изрядно поредевшей роты разместить во втором эшелоне при создании ротного опорного пункта (РОП). Отпор немцам теми немногими огневыми средствами, которыми рота располагала тогда, мы давали надежный, и фрицам ни разу не удавалось приблизиться к нам даже на расстояние броска гранаты. Показалось мне, что и Батурин понял это, поскольку он не поднимал больше вопроса о РОПе. У меня уже были более или менее скомплектованы два взвода, и ко мне в роту был назначен из батальонного резерва новый командир взвода — старший лейтенант Ражев Георгий Васильевич, человек веселый, общительный и, как выяснилось позже, уж очень равнодушный к женской половине человечества, да и к спиртному тоже. И стала рота наша под командованием одних старших лейтенантов «старлеевской», как говорили флотские штрафники.

Мощные артналеты иногда приводили к серьезным потерям. Люди гибли не только от своей неосторожности или небрежности. Были случаи и прямого попадания крупнокалиберных снарядов и мин в окопы и легкие земляные укрытия. Леса поблизости не было, а для построения надежных землянок ни бревен, ни досок нам брать было неоткуда. В один из таких налетов был серьезно контужен и Георгий Ражев. Недели две он почти ничего не слышал, но в лазарет или в медсанбат уходить не соглашался. Так и командовал!

Но особенно мне запомнилась гибель Кости Смертина

(не помню его бывшего офицерского звания, знаю только, что он не был старшим офицером, а был то ли лейтенант, то ли капитан). Он был в роте одним из наблюдателей. В тот день я был рядом с ним и параллельно тоже вел наблюдение с биноклем. Мне удалось обнаружить хорошо замаскированную позицию немецкого снайпера. И я предупредил об этом Костю, посоветовав ему вести себя более осторожно — может быть, этот снайпер за кем-то из нас охотится.

Мое предположение не замедлило подтвердиться: я едва успел присесть, как над моей головой просвистела пуля. Мне и здесь повезло, как часто это случалось со мной. А Смертина я не успел заставить присесть: он хотел, видимо, тоже посмотреть, откуда ведет огонь снайпер. И вторая пуля угодила Косте прямо в середину лба. Он как-то медленно сполз на дно окопа, будто осторожно сел, поднял кверху необычно забегавшие глаза, а его губы стали шептать что-то бессвязное, непонятное. Лицо его быстро стало приобретать землисто-пергаментный оттенок. Индивидуальный пакет был при мне, и я попытался наложить повязку на его, казалось; такую маленькую рану, из которой медленно струилась кровь. Сразу вспомнилось, как нас еще в средней школе обучали по программе ГСО («Готов к санитарной обороне») накладывать на голову повязку, называемую «шапкой Гиппократата». Но ничего не помогло. Умер Костя. Жаль его было особенно, может, потому, что я не успел его вовремя одернуть, а может, потому, что последняя минута его жизни окончилась прямо на моих руках. Но мне не дано было понять, что он хотел сказать невнятным шелестом губ и своими выразительными губными глазами.

Фамилию же Кости я запомнил, наверное, потому, что девичья фамилия бабушки моей по материнской линии тоже была Смертина. Когда он прибыл во взвод, который формировался еще до выхода на Нарев, я даже поинтересовался его родословной, чтобы установить, не родственники ли мы. Но если у моей бабушки была часть крови хакасской, заметно были выражены восточные черты лица, характерный разрез

карих глаз и четко обозначенные скулы, то этот парень был родом из Ярославля, и черты лица его были совсем другими, какими наделял я в своем воображении древних русичей.

В связи с этим случаем хочется еще вот что вспомнить. У нас в батальоне не было принято надевать стальные каски. Считалось каким-то шиком, что ли, обходиться без них, хотя они на батальонных складах были, и наши снабженцы не раз их нам предлагали. Не знаю, откуда пошло это пренебрежение к каскам, но было оно стойким. И мы, офицеры, своим, как теперь видится, неразумным примером, наверное, тоже поддерживали эту не очень правильную традицию.

Не думаю, что в случае с Костей Смертиным каска могла сохранить ему жизнь, ведь пуля попала ему чуть-чуть выше переносицы и каска все равно не прикрыла бы этого места. Да и сколько приходилось видеть простреленных касок! Но даже после этой трагедии касок так никто и не надевал...

А вот еще некоторые подробности фронтového окопного быта.

Поскольку наступала зима, а окопной жизни пока не было видно конца, мы, как могли, устраивали свое жилье. Отрывали подбрустверные ниши, но не более чем на два человека, хорошо помня трагический случай с Иваном Яниным. Какими-то невероятными путями, включая ночные вылазки за передний край к остаткам разрушенного войной сарая, который немцы держали под постоянным контролем и периодически эти развалины обстреливали, бойцам удавалось раздобыть то обломки досок или жердей, а то и целые горбыли. Добываемый с большим риском «строительный материал» позволял даже сооружать примитивные землянки, наподобие той, в которой размещался я со своей ротной ячейкой управления. Эти укрытия позволяли хоть на какое-то время либо спрятаться от мокрого снега, либо просто обогреться и даже немного обсохнуть.

В стенке землянки делали углубление с отверстием наружу, под дымоход и жгли в этой «печурке» все, что может гореть: обертки от пачек с патронами, какие-то щепочки, па-

лочки, солому, кустарник и прочее. Но что меня поначалу не только удивило, но даже напугало — жгли в этих примитивнейших очагах обыкновенные толовые шашки (конечно, без взрывателей!). Тол в огне плавился и довольно медленно и чадно горел, отдавая более или менее значительное количество тепла. Но страшно было то, что если вдруг в огне оказался бы случайно хоть один, пусть даже пистолетный, патрон, то он сыграл бы роль детонатора, и тогда... Нет, уж лучше не фантазировать дальше. Поэтому, узнав о таком способе отопления, я приказал взводным офицерам строжайше контролировать этот отопительный процесс. Не дай бог, если вместе с обертками от просмоленных патронных пачек попадет туда хоть один патрончик!!!

Дверей в земляночках, естественно, не было. Входы в них завешивались обыкновенными солдатскими плащ-палатками, плотными, светонепроницаемыми. Поэтому, когда не топилась «печь» и когда нужно было написать письмо, докладную или боевую характеристику на бойца, пользовались, как встарь, лучинами.

К тому времени имевшиеся в небольшом количестве у нас трофейные парафиновые плошки давно были израсходованы, и идею их замены подсказал нам Валера Семькин, передавший мне большую катушку трофейного телефонного провода, который имел плотную резиновую изоляцию и просмоленную оплетку. Подвешивали этот провод под потолком так, чтобы один конец его был несколько выше другого, и поджигали его верхнюю часть. Огонь, постепенно пожирая оплетку с изоляцией, перемещался вниз по проводу. Нужно было только вовремя потянуть обгоревшую часть провода с катушки, лежащей здесь же, в землянке. Света было не ахти как много, но зато вони, а особенно копоти — хоть отбавляй!

Утром, выходя из землянки, мы часто были похожи не то на чертей из преисподней, не то на не виданных еще нами воочию негров. И стоило больших трудов снегом с мылом содрать с лица эту ужасную маску. Хорошо, если выпадал

снежок, тогда он, свежий, еще не запорошенный пороховой гарью, был нам отрадой.

Здесь, в окопах Наревского плацдарма, я встретил свой очередной день рождения — 18 ноября. Исполнился мне тогда 21 год. Мы в войну так стремительно выросли, что, казалось, уже прожили большую, долгую жизнь и чувствовали себя далеко не юношами, каковыми в действительности были.

Мой новый взводный Жора Ражев сообщил мне, что штрафники мне, еще совсем юному, присвоили почетнейшее, и не только по моему мнению, звание «Батя». А кое-кто, учитывая мое заботливое отношение к штрафникам, которое во мне воспитали своим примером и комбат Осипов, и генерал Горбатов, и маршал Рокоссовский, называли меня еще теплее — «Штрафбатя». Не скрою, очень лестным для меня было это сообщение. Это уже потом я догадался отрастить усы, чтобы хоть чем-нибудь показаться старше своего, «бесстыдно юного возраста», как говорил мне один пожилой штрафник (по тем нашим представлениям 40-летние казались стариками).

А с моим днем рождения совпало сообщение об учреждении Дня артиллерии, который должен был впредь отмечаться 19 ноября в ознаменование подвига артиллеристов в Сталинградской битве. И в этот день нам, хотя мы и находились в обороне, ради праздника выдали по фронтовой чарке водки. Так что и мой день рождения отметили одновременно. И радостно было, что со своей наркомовской дозой пришли поздравить меня и Иван Матвиенко — бывший мой ротный, и Валера Семькин — ПНШ-2, и Филипп Киселев — начштаба, и Алеша Филатов — зам. комбата. Так что с участием еще и моих окопных коллег Жоры Сергеева и Жоры Ражева (в роте у нас оказалось теперь два Жоры), да Феди Усманова компания оказалась очень дружеской, теплой, да и просто по-фронтовому братской. Помянули мы и Ваню Янина, и всех, кого уже навсегда унесла от нас эта страшная и долгая

война, конец которой все-таки брезжил уже не так далеко, как год назад.

Вскоре мне принесли письмо. «От жены вашей», — сказал почтальон. Я понял, что это от Риты. Только немногие знали, что женой я называю знакомую девушку, с которой я познакомился немногим более года назад еще в Алкино. И вот с тех пор длился наш долгий «почтовый роман». Опять мы обманули военную цензуру, и по начальным буквам имен людей, которые якобы передают мне поздравления с днем рождения, в ее письме я определил, что ее госпиталь передислоцировался недавно в польский городок Лохув, оказавшийся не очень далеко от нас.

В первых числах декабря нас вдруг сняли с обороны, которую мы спешно передали какой-то полнокровной стрелковой роте. Мы стали готовиться к выводу в тыл, на переформирование.

Оказывается, командующий фронтом маршал Рокоссовский, узнав, что «банда его имени» все еще с октября на передовой, приказал освободить всех штрафников, у которых истекли сроки пребывания в штрафбате, а также тех, которые заслужили своей храбростью и стойкостью досрочную реабилитацию. Радости нашей, особенно тех, кого это непосредственно касалось, не было предела. Жаль только, что Костя Смертин и многие другие не дожили до этой счастливой минуты. Погибли они здесь, уже в обороне.

Быстро собрали мы свои немудреные пожитки и уже на следующий день, передав участок обороны соседям, были со своими бойцами у штаба батальона, разместившегося в домике на краю почти полностью разрушенной небольшой деревеньки. С тревожно бьющимся сердцем (ведь за эти полтора месяца столько между нами произошло!) я пошел докладывать комбату строевую записку о составе роты и боевые характеристики на подлежащих реабилитации. Воспользовавшись подходящей минутой, попросил разрешения отлучиться на 3—4 дня, чтобы навестить в госпитале невесту (Батурину я не стал лгать, будто Рита моя жена, как говорил всем

в батальоне — мало ли как он на это среагирует). За меня в роте я предложил оставить командира пулеметчиков, старшего лейтенанта Георгия Сергеева, который в боях был моим заместителем.

Комбат, хотя и не сразу, но назвал населенный пункт, в котором должны сосредоточиться батальонные тылы, штаб и вся моя рота в полном составе, и приказал мне быть там не позднее чем через 2 дня. А роту временно подчинить старшему лейтенанту Усманову. Конечно, он был прав, потому что Сергеев состоял в штате пулеметной роты, а не моей.

Я был так рад неожиданно бесконфликтному разрешению моей просьбы об отпуске, что, испросив разрешения идти, тут же выскочил от него с одной мыслью — «успеть!» и даже не сообразил удивиться такому неожиданно легко полученному мной непредвиденному отпуску. Еще бы! Много времени прошло с тех пор, как расстался я со своей знакомой в Уфе, и вот теперь, после более чем годичной переписки, кажется, может наступить наша встреча уже на фронте.

Короткие распоряжения Феде Усманову, который все понял с полуслова. И я, схватив вещмешок, где был мой сухой паек, уже мчался к проходящей недалеко дороге, по которой в обоих направлениях нет-нет да и проходили автомашины. Сориентировавшись по карте, определил, что при удачном стечении обстоятельств смогу сегодня же на «перекладных» попутках добраться до Лохува. Первая же остановившаяся машина оказалась просто подарком судьбы — она ехала в тыловой район фронта и именно через Лохув. Фатальное везение!

Уже через несколько часов мы въехали в этот небольшой городишко.

Бросился я к первой попавшейся повозке, запряженной какой то тощей лошаденкой, которой управлял совсем молодой солдатик (почему-то без погон), и спросил его, где размещается госпиталь. Я целый день не переставал удивляться, как мне везло. В солдатике этом я с трудом, но узнал брата Риты, Стасика, уехавшего, как оказалось, с госпиталем и ма-

мой-фельдшером на фронт. Он тоже, кажется, узнал меня и на мой вопрос ответил вопросом: «Вам нужна Рита Макарьевская?» Я вскочил в повозку, и этот «кучер» не спеша повез меня к госпиталю.

Вскоре мы подъехали к группе домов, в один из них вбежал Стасик, но быстро выскочил оттуда и сказал, что Риту не выпустили, там какие-то важные занятия проводит сам начальник госпиталя, а она сказала, чтобы мы шли к ним домой. Пока мы шли, в мозгу моем крутились мысли, как быть с неприятными насекомыми, в связи с которыми мне в чужом доме и появляться-то не следовало. Думал, подожду Риту на улице, благо вечер был не очень морозным, посмотрю на нее, узнаю ее планы, да и возвращусь к себе в штрафбат.

Пришли. Екатерина Николаевна в окно увидела нас и вышла, узнав меня. Видимо, я очень покраснел от стыда за предстоящее признание, потому что она сразу встревоженно спросила, что со мной, не болен ли я. Пришлось сразу, без предисловий, выложить ей все и сказать, что я лучше подожду Риту здесь, на улице. Однако она, сразу все поняв и оценив важность предстоящей встречи для нас, мгновенно приняла другое решение: «Заходите, Саша, не стесняйтесь этого недуга. К сожалению, на фронте это не редкость, очень многие раненые к нам поступают с этим. Мы сейчас примем нужные меры».

Зашли. Екатерина Николаевна тут же заставила меня снять обмундирование, пройти в маленькую комнатку (видимо, Стасика), отдохнуть, пока придет Рита. Облачила она меня в тесноватый, явно не по моему росту медицинский халат. Гимнастерку и брюки мои тут же стала тщательно гладить раскаленным утюгом.

Я не представлял, как же произойдет наша встреча. Несмотря на почти бессонную перед этим ночь (да еще и не одну!), ушедшую на написание боевых характеристик штрафникам, передачу района обороны и другие дела, все-таки от волнения перед встречей меня даже и не клонило ко сну.

Через несколько часов прибежала Рита. Видимо, Екатерина Николаевна ввела ее в курс дела, и она не удивилась, бросилась ко мне, и мы, обнявшись, долго так стояли.

Рита за прошедший год изменилась, повзрослела! Не разстиранная гимнастерка с погонами на ее ладной, чуть пополневшей фигуре сидела ловко, вместо солдатского ремня на ней был офицерский, видимо, матери. Такая же высветленная от стирок юбка.

Мне показалось, что она радовалась этой, подаренной нам судьбой встрече, и пока неугомонная Екатерина Николаевна многократно утюжила мои гимнастерку и брюки, мы говорили, говорили, говорили... Вспоминали все, что произошло за этот год с нами до сегодняшнего вечера. Да, о такой встрече мечтали мы долгие дни, недели, месяцы...

Теперь, когда в работе над этой книгой нахлынули воспоминания о том тревожном времени, наверное, пришла пора подробнее рассказать об истории нашего знакомства и романтических отношениях, завершившихся вскоре фронтовой свадьбой. Этому я посвящу, хотя бы коротко, следующую главу своих воспоминаний.

Не знаю, как это у меня получится, ведь так много тогда всего произошло, но следующая глава моей книги в основном будет романтическая.

ГЛАВА 10

История знакомства с будущей женой. Адрес на песке. Уфа, оперно-балетные впечатления. Отправка на фронт. Почтовый роман длиною больше года. Фронтовая свадьба

А началось все с того, что в запасном полку, стоявшем в поселке Алкино под Уфой, где служил тогда я, молодой лейтенант, теплым летним вечером полковой оркестр играл на танцплощадке вальсы, а мне было не до танцев. Причина банальная: у молодого лейтенанта, в его 19 с небольшим лет, резались сразу два зуба мудрости. Боль была изнуряющая, и я

бродил за забором, скрывавшим танцующих, таких же молодых офицеров, недавно только сменивших петлицы с «кубачками» на офицерские погоны со звездочками. В основном их партнершами были разодетые девушки, работницы расположенного недалеко молочного завода. Вот с этими «молочницами» крутила власть не только вальсы да танго офицерская молодежь — успели «закрутить» и нешуточные романы.

На скамейке, стоящей вблизи забора, я увидел тихо и горько плачущую худенькую блондинку, одетую явно не для вечера танцев. Может, мне просто стало ее жаль, а может, захотелось самому отвлечься от надоевшей зубной боли, но я подошел к ней и заговорил.

Выяснилось, что Рита (так звали девушку) — ленинградка, которой вместе с мамой и младшим братишкой (отец умер), еще перед тем, как замкнулось блокадное кольцо вокруг Ленинграда, удалось эвакуироваться в Уфу, где они жили раньше и где у них было много родственников. Горком комсомола взял шефство над эвакуированными из западных районов страны, и девушку определили пионервожатой в пионерлагерь в Алкино, неподалеку от нашего полка. Ее одежда, поношенная, но опрятная, была явно не для танцев. А в придачу к этому вместо туфель — деревянные дощечки с прибитыми к ним перекрещивающимися ремешками (такие вот «сабо» военной поры). Все это никак не подходило к обстановке на танцплощадке, особенно по сравнению с местными, модно одетыми девицами. Вот и заплакала девушка...

Проговорили мы долго. И она успокоилась, и моя нестерпимая зубная боль незаметно сбавила свой неистовый накал. Проводил я ее до самого пионерлагеря, а там злая дородная тетка, лет 35—40, оказавшаяся начальницей лагеря, стала строго Рите выговаривать за то, что та оставила без надзора своих далеко не ангельских повадок подопечных. Пришлось заступиться. Так я познакомился и с шефом Риты. Может, это и помогло девушке, так как эта гранд-дама стала потом относиться к ней помягче.

Договорились с Ритой встретиться назавтра. И через несколько дней я почувствовал, что уже с интересом жду очередной встречи.

Всяких дежурств, нарядов, караулов я раньше, честно говоря, не избегал, а даже от однообразия службы находил какую-то особую прелесть в ощущении своей, «младолейтенантской» ответственности то ли за батальон, когда приходилось быть дежурным по батальону, то ли за охрану объектов, будучи начальником караула. Ну, конечно, и по полковому солдатскому пищеблоку приходилось быть дежурным. А тут ответственность, пожалуй, больше, чем дежурство по батальону. Так вот, теперь эти наряды не давали возможности ежедневно встречаться с этой девушкой. В общем, как говорится, влюбился.

Но однажды она не пришла в назначенное время к заветной скамеечке. Расстроился, но все же заметил, что рядом, на песке, палочкой, брошенной тут же, был начертан... адрес: «Уфа, ул. Цюрупы...» Теперь оставалось ждать удобного момента. А у нас в Алкино тогда в ходу был такой «юморной» стишок с башкирским акцентом: «Деньги есть — Уфа гуляем, деньги нет — Чишмы сидим» (Чишмы — это ближайшая, в 5—6 километрах от нас узловая железнодорожная станция).

Вскоре удалось вырваться. Нашел! Познакомился с ее матерью, тетками (мужская часть родственников была на военной службе). Мне нужно было вернуться до подъема, и Рита предложила пойти в театр. В этот вечер давали оперу, еще незнакомое для меня сценическое действие. Ленинградский уровень культуры у моей знакомой: первая же возможность — и тотчас в театр, да еще и в оперу!

Театральный мир мне уже немного был знаком по городку Облучье на Дальнем Востоке, где я учился с 8-го по 10-й класс в 4-й железнодорожной школе. До этого мне, мальчишке с полустанка, из всех видов искусств известно было только немое кино, в котором добровольцы из числа зрителей постоянно должны были за бесплатный просмотр фильма крутить ручку динамо.

Так вот, в этом городке заметным культурным центром был железнодорожный клуб, куда иногда приезжал с гастролями из Хабаровска театр Дорпрофсожа (дорожный профсоюз железнодорожников). Город и узловая станция Облучье были одним из участков Дальневосточной железной дороги. Поэтому все, что там происходило, было в ведении управления дороги и ее профсоюзов.

Театр этот приезжал специальным поездом с концертами и спектаклями. Должен прямо сказать, спектакли эти были, по тогдашним моим меркам, да и с высоты сегодняшнего опыта, истинно профессиональными, на самом высоком уровне актерского мастерства, а декорации вызывали у всех зрителей просто восхищение своей достоверностью. За годы учебы в Облучье я пересмотрел уйму первоклассных постановок. Помню, как блестяще были сыграны «Дети солнца» и «На дне» по пьесам Горького. Большое впечатление оставили спектакли «Сентиментальный вальс» (не помню автора пьесы), «Дядя Ваня» по Чехову, да и многое другое.

Кукольный театр тоже воспитывал нас. Помню, поразил меня кукольный паровозик, пыхтящий дымком из трубы и гудящий, как настоящий. А мальчик-куколка, шагая вдоль путей, заметил лопнувший рельс и, чтобы остановить приближающийся поезд, разрезал ножом руку, смочил кровью свой носовой платок и им, как красным флажком, остановил поезд у самого опасного места! Мы, мальчишки, мечтали о таком подвиге и стали специально ходить вдоль рельсов и носить с собой пионерские галстуки и даже ножи.

Помню, там же, в этом клубе, я впервые увидел *звуковые* фильмы «Ленин в Октябре» и «Великое зарево», впечатления от которых надолго врезались в нашу цепкую детскую память. Да и впервые увиденный мной *цветной звуковой* фильм «Сорочинская ярмарка» не оставил меня равнодушным.

Так что с искусством кино и театра я уже был, как мне казалось, хорошо знаком, но опера была для меня еще малоизвестной формой сценического искусства. Я знал, что там не говорят, а поют, и не представлял, как я это восприму. Но

подействовало на меня это так, как я даже в самых смелых мыслях своих и не предполагал.

Давали оперу «Травиата», где главную партию Виолетты пела местная актриса Валеева, которая просто потрясла меня. Наверное, главным образом потому, что ранее оперные арии я слышал только с граммофонных пластинок на патефонах с их далеко несовершенным звуковоспроизведением. А «не механического» исполнения арий ранее не слышал и, наверное, потому оно показалось мне бесподобным. Конечно, это было просто первое впечатление. За мои дальнейшие посещения Уфы пересмотрел многое.

Мне часто в жизни везло. Повезло и здесь. Вернувшись в полк, я через несколько дней, совершенно неожиданно, был командирован в Уфу, на лесопильный завод на берегу реки Белой, для обеспечения пиломатериалами нужд полка. В этой непредвиденной командировке я пробыл две недели. И чего только не пересмотрел и не переслушал за это время в уфимском театре по вечерам! Похоже, во всей моей последующей жизни такого интенсивного театрального удовольствия я больше не испытывал, разве только во время 5-летней учебы в Ленинградской военно-транспортной академии.

В те военные годы театр Уфы располагал хорошими силами за счет артистов, эвакуированных из Москвы, Киева и других театральных столиц. Пел в нем даже знаменитый бас Максим Дормидонтович Михайлов. Конечно, огромное впечатление получил и от «Русалки» с «Мельником»-Михайловым.

А балет! Оказывается, Рита в Ленинграде посещала хореографический кружок при районном Доме культуры, и для нее балет был любимым зрелищем. Для меня он тоже стал наслаждением. Долго не мог забыть Одетту и Одиллию из «Лебединого озера» да и другую балетную классику.

В общем, за эту нежданную командировку я получил большой культурный заряд.

Мама ее, военфельдшер, имевшая за плечами и годы Гра-

жданской войны в роли сестры милосердия, и участие в финской войне, теперь была зачислена в штат формирующегося военного госпиталя. Рита тоже уже числилась будущей медсестрой, заканчивая РОККовские курсы (РОКК — Российские курсы Красного Креста). А брат ее, 15-летний Стасик, где-то работал, зарабатывая свою хлебную трудовую карточку.

Как истый кавалер, я искал повода угостить чем-нибудь девушку. Но в то время в Уфе без карточек были доступны только конфеты-липучки да густой горячий, сладковатый напиток, называемый «хлебным суфле», абсолютно ничем не напоминающий суфле — пирожное из взбитых сливок с сахаром.

Все когда-нибудь заканчивается. Окончилась и моя «лесозаготовительная» командировка, а вместе с ней и мой «театральный сезон». Уехал я в свое Алкино, встречи стали снова редкими, а вскоре Рита сообщила, что формирование госпиталя заканчивается и через несколько дней их должны отправить на фронт.

Побежал я к своему командиру роты, старшему лейтенанту Нургалиеву, и он разрешил мне съездить в Уфу, но к вечеру обязательно вернуться.

Едва застал их дома. Они были уже в военной форме и собирали свои вещички. Мне удалось помочь им погрузиться в вагон и, не дождавшись отъезда их эшелона, я попрощался со всеми: надо было успеть вернуться в полк. В первый раз увидел Риту и ее маму, Екатерину Николаевну, в гимнастерках. И впервые, не стесняясь, решился при всех поцеловать мою знакомую. Поскольку уже наступал вечер, бросился к поезду, тронувшемуся с соседнего пути в направлении Алкино, на ходу вскочил на подножку платформы, и вскоре мы исчезли друг у друга из вида.

Несколько дней не давала покоя мысль, что вот она, еще совсем юная девушка, уезжает на фронт, а я, взрослый мужик, которому вот-вот стукнет двадцать, все еще в тылу, в за-

пасном полку, хотя многие мои коллеги-офицеры уже убыли на фронт вместе с маршевыми ротами, которые мы здесь готовили. И уже который мой рапорт командир полка, фронтовик, майор Жидович, возвращает с лаконичной резолюцией: «10 суток домашнего ареста за несвоевременную просьбу».

Домашний арест тогда для нас звучал как запрет увольнения в те же Чишмы или в Уфу, да еще удержание (как мы тогда шутили — «в фонд обороны») 50 процентов денежного содержания за каждый день ареста.

В нарушение субординации побежал наутро прямо к командиру полка, но тот ответил еще лаконичнее: «Не спеши. Все там будем!» Однако вскоре, уже, кажется, на мой десятый рапорт, судьба откликнулась: стали формировать офицерскую команду в резервный офицерский полк округа (ОПРОС) для дальнейшей отправки на фронт. А незадолго до этого было удовлетворено мое заявление о приеме кандидатом в члены ВКП(б). Так что на фронт я уже собирался если еще не полноценным коммунистом, то все-таки уже и не юным комсомольцем. Может, это событие тоже повлияло на решение командира полка включить меня в состав такой команды.

Но как непредсказуемо меняются иногда судьбы человеческие! В 1960 году, когда с того памятного 43-го прошло 17 лет, я, уже полковник Воздушно-десантных войск, проходивший службу в Костроме, после операции по удалению части щитовидной железы ложусь в Ярославский гарнизонный военный госпиталь для комиссования на предмет годности, а вернее — негодности к дальнейшей службе в ВДВ. И там встречаю в больничной пижаме своего бывшего командира запасного полка, уже полковника в отставке Жидовича. Надо же, оказаться в одном и том же месте, в одно и то же время! Ну, не судьба ли?

И как ни странно, он не просто вспомнил, но неожиданно для нас обоих почти сразу же узнал меня. Он, тогдашний мой командир, оказывается, вскоре тоже выпросился у на-

чальства на фронт, принял под командование гвардейский стрелковый полк, но в первых же боях был тяжело ранен, долго залечивал свои раны в госпиталях и остался дослуживать свои армейские года до пенсии здесь же, в Ярославле.

Долгими вечерами, пока меня, признав негодным для дальнейшей службы в десанниках, не выписали из госпиталя, мы вспоминали и Алкино, и свои боевые дела, и годы «послеалкинские».

Рассказал он мне и о судьбе своих замов по запасному полку. Майор Родин, могучий красавец, при повторном заходе на фронт погиб. А как я узнал только теперь, когда мне стали доступными архивные документы ЦАМО РФ, погиб он штрафником в том самом штрафбате, где в 1942—43 гг. служила его жена, военврач Родина, и с которой, пусть очень короткое время, мне довелось общаться. Да и погиб майор Родин в той роте штрафбатовской, которой командовал я. И произошло это на том злосчастном минном поле, которое по милости наших начальников пришлось преодолевать нам, идя в атаку в октябре 1944 года. Я еще раз, пользуясь случаем, благодарю сотрудников Центрального архива за документы, пролившие свет не на одну эту фронтовую тайну.

Другой заместитель командира полка, подполковник Нелюдов, напоминавший нам, молодым лейтенантам, недавно сменившим петлицы на офицерские погоны, своей аккуратной бородкой и манерами классических представителей офицерства старой русской армии, был тогда в солидных летах, на фронт его не отправили, а сразу по окончании войны уволили в запас.

Рассказал мой командир и о дочери подполковника Нелюдова, библиотечарше нашего полка, яркой звезде концертов полковой самодеятельности. Концерты эти регулярно, почти раз в месяц, устраивались в честь проводов маршевых рот, отправляемых в действующую армию. Я до сих пор помню ее сильный, проникновенный грудной голос, ее *«Над полями, да над чистыми»*. Профессиональной певицей она так и не стала, хотя, по моему мнению, у нее были для этого

все данные, кроме, пожалуй, возраста. Учиться вокалу ей было уже поздно.

Вот такой экскурс в прошлое случился у нас в ярославском госпитале. А тогда, в 43-м, после отъезда Риты с госпиталем из Уфы, у нас наладилась переписка, настоящий «почтовый роман». Из ее писем я узнал, что они обосновались в Туле, даже помню, что госпиталь размещался в школе на улице Красноперекопской. (Много лет спустя, когда после войны мне доводилось служить близ Тулы, мы побывали там.)

Уже потом, когда и я оказался на фронте, Рита мне сообщила, что теперь их госпиталь вошел в состав Белорусского фронта. Так еще раз судьба свела нас тогда на одном фронте войны, что и позволило нам там встретиться и уже больше не расставаться.

В эту пору у меня, как и у многих влюбленных молодых людей, «прорезалась» поэтическая страсть, и я писал своей знакомой стихи и даже целые письма в стихах, конечно, далеко не совершенных. Вот некоторые из тех стихов:

Много пережил за дни разлуки,
сомневался в верности, в любви.
Мне приснилось, что ты свои руки
все запачкала в моей крови.
И что ты меня перевязала
в полутемной комнатке пустой
бомбами разбитого вокзала.
То был сон... Но ты была со мной!

А вот еще одно, из другого письма:

В день, когда пробьют часы Победу
и в мире станет радостней, светлей,
мы будем вместе. Радости и беды
делить согласна до последних дней?
Тогда отметим сразу дни рожденья,
которые прошли, которым еще быть,
а если доживем до Дня Победы,
не будем уставать Судьбу благодарить!

И не только ей посвящал я свои немудреные стишки, но и многим своим фронтовым друзьям. Просто иногда стихи слагались сами собой в честь каких-нибудь событий на боевом пути нашего штрафбата.

Небольшая часть тех фронтовых записей у меня сохранилась, кое-что я вспомнил и решился на издание сборника «Штрафбатовских стихов». Подумав, добавил туда и стихи других авторов, созвучные этой теме, снабдив их подробными комментариями. Конечно, большинство моих стихов примитивны, но даже сейчас они пахнут тем пороховым временем, той гарью войны, которой мы дышали, в которой жили, любили, страдали, погибали... В некоторых предшествующих главах я, так или иначе, касался высоких чувств, которые вселяли уверенность в победе, прибавляли силы в самые трудные минуты. И теперь, спустя много лет, во мне не иссякает убежденность, что именно они, эти высокие чувства любви, в первую очередь к Родине, к матери своей, были тем талисманом, который не один раз отводил от меня смертельную опасность в столкновениях с реальностями войны, с ее пулями, минами, танками, бомбами...

А тогда, в польском городке Лохув, куда мне неожиданно удалось вырваться с Наревского плацдарма на свидание, рано утром, одевшись в отутюженное матерью Риты обмундирование, я должен был тронуться в путь, чтобы прибыть в указанное место не позднее определенного мне срока. Да и не в моих правилах быть неточным. Развернул карту, нашел на ней указанные мне комбатом две деревушки, Буду-Пши-тоцку и Буду-Куминьску, что недалеко от шоссе Брест—Варшава, между городом Калушином, известным мне еще по пребыванию в госпитале, и городком Рембертув, одним из пригородов Варшавы на восточном берегу реки Висла. Показал эти деревушки на карте Рите. На всякий случай. Тем более что, по моим предположениям, я буду там находиться не менее двух-трех, а то и более недель. Нам предстояло в соответствии с распоряжением командующего фронтом маршала Рокоссовского освобождать там от дальнейшего

«штрафа» отвоёвавшихся штрафников, которые достойно проявили себя в боях или у которых истек срок пребывания в штрафбате. И, конечно, принимать новое пополнение, формировать из него боеспособные подразделения и готовить их к новым, предстоящим боям.

Как мне поведала тогда Рита, в их госпитале постоянно действовал коллектив художественной самодеятельности, развлекавший, как мог, раненых. В нем она считалась солисткой в танцевальной группе. Так вот, в периоды затишья в боевых действиях, когда в госпитале не так много раненых и нет наплыва новых, этот коллектив по планам политуправления фронта «гастролирует» по воинским частям, находящимся на отдыхе или на переформировании. И кто знает, не занесет ли попутным ветром их самодеятельность куда-нибудь поближе к нам. Хотя за всю войну нас, штрафбатовцев, так ни разу и не побаловали радостью быть зрителями таких концертов, а тем более — концертных бригад артистов-профессионалов. Тогда в госпитале уже ходили слухи о возможном выезде их с концертами вроде бы в район города Седльца, а он несколько восточнее Калушина. Вот мы и подумали, не «подкинет» ли нам судьба «ответного визита»? Теперь уже Риты ко мне. В таких случаях говорят: «Как в воду глядели!»

К исходу дня добрался до указанных комбатом деревень, нашел штаб. Встретил там нового замполита майора Казакова, назначенного к нам совсем недавно. Немного удивился, увидев еще нескольких новых офицеров — политработников, видимо, прибывших в батальон тоже недавно, но там, в окопах на плацдарме, они не появлялись. Комбат, когда я доложил о своем прибытии в установленный им срок, удовлетворенно хмыкнул и указал мне место размещения моей роты в деревне Буда-Пшитоцка, куда я и направился.

Встретили там меня уже разместившиеся офицеры, Федя Усманов, Жора Ражев и все-таки «прикомандированный» к моей роте командир взвода пулеметной роты Жора Сергеев. Здесь же недалеко разместился и командир роты «ПТР», мой давний друг Петя Загуменников, и командир минометного

взвода Миша, или, как его все звали, Муся Гольдштейн. В общем, мои боевые друзья снова были рядом со мной. Для меня мой ординарец, а им был теперь уже немолодой, лет около сорока, бывший капитан Николай (фамилию не помню), любобвал дом одинокого поляка по фамилии Круль. Поначалу мы полагали, что его фамилия по-русски должна звучать, как *кролик*, но он с гордостью утверждал, что не кролик, а *король*. Ну, король так король.

Дом был неказистый, но нам досталась одна большая комната, «для заседаний военного совета» роты, как выразился Федя Усманов, и две небольшие — одна для меня, другая для ординарца. Пан Круль, как мы его величали, был почему-то одинок, ни жены, ни детей, но на него и его немалое хозяйство работал добрый десяток батраков и батрачек, не угнанных в немецкое рабство, как мы привыкли видеть это в Белоруссии и на Украине.

Тогда, в декабре 1944 года, все мы заметили, что по полям бегают много зайцев, и я решил воспользоваться своими неплохими стрелковыми способностями, чтобы побаловать себя и друзей зайчатинной.

Я уже упоминал, что еще в средней школе, среди немногих моих соучеников, успешно сдал нормы на значок «Ворошиловский стрелок» сразу 2-й ступени. А будучи свежеспеченным лейтенантом, на одном из первых занятий по стрельбе со своим взводом я совершил необдуманый поступок. Чтобы показать не попавшему в мишень красноармейцу, что винтовка не виновата в его промахе, я, стоя, без упора, с расстояния около 100 метров с первого выстрела попал из этой винтовки в фарфоровый изолятор на телеграфном столбе проходящей невдалеке линии связи. Разлетелся этот изолятор вдребезги на глазах изумленных обучаемых, и провод повис в воздухе без опоры. Да и сам я, честно говоря, не меньше их удивился такому результату, хотя понимал, что вместе с этим показал дурной пример: не надо было повреждать телеграфную линию, да и опрометчиво рисковать даже лейтенантским авторитетом — вдруг не попал бы?

Так вот, 14 декабря (памятный день!), часа в четыре, после обеда (а все мы жили по московскому времени, и еще было светло), я со своим пистолетом (теперь у меня вместо нагана был «ТТ») вышел «на охоту». И не с первого, правда, выстрела, но все же уложил зайчишку. Вот с этим трофеем возвращаюсь домой, а там!.. Смотрю, мой Николай помогает снять шинелишки с трех девчат, среди которых и Рита!

Отпросились-таки из своего самостоятельного ансамбля песни и пляски! Вместе с ней — аккуратненькая, с ладной фигуркой и броским восточным личиком татарочка Зоя Фарвазова да аккордеонистка Люся Пегова, с которыми тут же познакомила меня Рита. Все девушки молоденькие, с морозца румяные, возбужденные!

Я уже раньше говорил, что всем в батальоне выдавал Риту за свою жену, к которой и отлучался недавно. Поэтому, наверное, никто кроме меня и не удивился ее появлению здесь. А я этому, конечно, был рад.

Набежали друзья и решили «сыграть» фронтовую свадьбу, так как, по их мнению, наши существующие де-факто супружеские отношения нужно освятить свадебным обрядом. Да и предлогом собраться на вечеринку грешно было не воспользоваться.

Я волновался, не зная, как воспримет это предложение Рита, но она, переглянувшись с девчонками, согласилась. Показалось, что этот вопрос между ними был решен заранее. Николай умело освежевал зайца, разделал его и принялся готовить «заячье рагу» с невероятным количеством лука и свиным салом. Блюдо это получилось отменным, хотя настоящего рагу из зайца никто из нас не пробовал ранее.

Весть о нашей свадьбе молниеносно облетела моих друзей, и все они собрались в нашей комнате «военного совета». Пришли и Филипп Киселев, начальник штаба, и замкомбата Матвиенко Иван, мой бывший ротный, и Филатов Алексей, которого, несмотря на примерно десятилетнее превосходство в возрасте, многие из нас почему-то называли если не по службе, то просто Алешей (наверное, его общительный и ве-

сельный характер, его подвижность и молоджавость были причиной этого). Быстро собрали все необходимое для пиршества. Каждый что-то принес: кто сэкономленный офицерский доппаек, кто где-то раздобытые соленья и копченья. Валера Семыкин каким-то образом добыл у Зельцера немного американского сливочного масла. Появилась и фирменная польская водка «Монополька», и даже бутылка с каким-то «заморским» трофейным вином, придержанным, наверное, для особых случаев.

Я все поглядывал на Риту, а она легко знакочилась с моими друзьями и давала понять, что готова играть роль невесты. Видимо, и Екатерина Николаевна, ее мама, уже благословила нас на этот ответственный шаг.

Веселая и волнующая получилась свадьба. И с аккордео-нами, и с патефоном, среди пластинок к которому были и «Рио-Рита», и «Брызги шампанского», и «Амурские волны». И танцевали мы в этой, ставшей теперь уже тесной, комнатухе пана Круля. Девчата, Люся и Зоя, вдруг засобирались, объясняя это тем, что обязаны вернуться к указанному сроку в свой ансамбль. Никакие доводы о том, что уже ночь, не действовали. Видно, девчонки заранее знали о финале этой встречи.

Между прочим, Жора Ражев, весьма любвеобильный парень, наш «Дон Жуан», или, как его прозвали, «Дон Жорун», как говорится, уже «положил глаз» на Зочку Фарвазову и был страшно огорчен, когда она не ответила ему взаимностью. А эти шуленькие, но смелые девчонки не боялись безлунной ночью идти через лес к шоссе, ловить там попутную машину. Хотя тогда многие не без оснований побаивались провокаций со стороны групп Армии Крайовой, так бесславно провалившей Варшавское восстание, и проявлявших весьма недружественные акты по отношению к представителям Красной Армии.

Жора Ражев, видимо, обидевшись на Зою, не проявил инициативы проводить девушек, сославшись на свою недавнюю контузию. Что, однако, не мешало ему не отставать от

других в винно-водочном интересе. Эту миссию взял на себя другой Жора — Сергеев, молчаливый, надежный. Он и проводил девчат до шоссе, остановил попутную машину, которая как раз шла в Седлец, куда и нужно было добраться девчонкам.

Между прочим, уже в 1984 году Жора Ражев, которого в числе многих своих фронтовых друзей я разыскал, написал нам в первом же письме:

«Саша и Рита! Большое вам спасибо за то, что умеете добиваться поставленной цели и разыскали так много фронтовых друзей.

Да, это я, Жора Ражев, бывший твой, Саша, комзвода в 8-м ОШБ! Вас, конечно же, хорошо, даже отлично помню. И твою перевязанную голову после ранения на Одере, а также кобуру с пистолетом, свисавшую почти до колен — только у тебя одного во всем батальоне! А Риту — по той польской избушке, в которой состоялась ваша фронтовая свадьба. Конечно, помню также бегство моей знакомой...»

С Ражевым приключались и другие истории, связанные и с любовью к «слабому полу», и со слабостью к спиртному. Такой уж он был у нас «особенный». А что касается «кобуры, свисавшей почти до колен», то все мы, и не только молодые, были немного франтоватыми, модничали, как могли и как нам позволялось и обстановкой, и начальством. Пистолет тогда я носил по совету моряков-штрафников «по-флотски» и был убежден, что так удобнее и в бою. Даже казавшийся всем нам тогда пожилым комбат Батулин и его сравнительно молодой замполит Казаков тоже «модничали»: вместо шапок-ушанок носили «кубанки» с красным, «генеральским», верхом. Правда, никто не осмелился заказать себе тоже красный верх, дабы оставить комбату приоритет на эту вольность.

Ну и мы, молодые, глядя на них, почти поголовно перешли на «кубанки», благо для их пошива находились и умель-

цы из штрафников, и материал, который выменивали у поляков либо на безделушки, либо на американские консервы.

А между тем «свадебный пир» наш закончился. Все быстро разошлись. Так что свадьба фронтовая состоялась. И, будто в ознаменование этого счастливого события в нашей жизни, новый командующий фронтом маршал Жуков, только что сменивший маршала Рокоссовского, 18 декабря подписал приказ о присвоении мне воинского звания «капитан». А мне только ровно месяц тому назад исполнился 21 год. Но день 14 декабря 1944 года стал днем образования нашей семьи, которой предстояло просуществовать ровно 52 года. День в день. Случилось так, что именно 14 декабря, но уже 1996 года, после трех инфарктов Риты не стало. У нас уже было два сына, четверо внучат и прелестная правнучка... (А теперь правнучек уже четыре!).

Это случилось уже спустя более 50 лет после Победы. К тому времени мы потеряли уже более десятка из разысканных мною однополчан.

А тогда Победа была еще впереди, и никто на фронте не знал, доживет ли до нее, хотя надеялись на это все. В декабре 1944 года еще впереди были и скованная льдом Висла, и польская столица Варшава, и вся зависленская Польша. Еще далеко было до форсирования Одера и битвы за Берлин. И вот тогда, сразу после нашей фронтовой свадьбы, я написал почти пророческие стихи в нескольких вариантах, друзьям, маме с сестренкой, а вот этот вариант — Рите:

Не волнуйся, дорогая,
Нас ничто не разлучит с тобой,
И весной, в начале мая,
Прогремит Салют Победы над Землей!

Как мне потом было радостно, что День Великой Победы пришел именно весной, и именно в начале мая!

Но это все было потом. А тогда, утром 15 декабря, Рита собиралась в свой самодеятельный ансамбль. Волновалась, что ее отсутствие может осложнить первые концерты, хотя

она и не знала, когда они будут. Я уговорил мою жену (еще непривычно произносил это слово!) немного подождать, чтобы сходить к комбату, представить ее своему начальству и попросить «зарегистрировать» брак: скрепить печатью нужные записи в моем лейтенантском удостоверении и в ее красноармейской книжке.

Когда мы пришли к штабу, Филипп Киселев, начштаба, узнав о цели нашего визита, сказал мне, что это сделал бы он сам, но комбат держит печать у себя (не доверяет даже начальнику штаба, вопреки обычно принятому в армии порядку), и пошел доложить о нашей просьбе.

Через несколько минут из приоткрытой двери показался Батулин. Как мне показалось, окинул он каким-то брезгливым взглядом нас, вытянувшихся перед ним с приложенными к головным уборам руками в воинском приветствии, и вместо поздравления отрубил: «Здесь не ЗАГС. Регистрировать свои отношения, если они серьезные, будете после войны». Уже повернулся уходить и через плечо добавил: «Если уцелеете». Может, в какой-то степени и прав был комбат, война ведь, да еще и штрафбат...

Но все равно мне стало не по себе. Конечно, на фронте, да и вообще в армии, на строгость не жалуются, да и не обижаются. Однако нарочитая грубость, пренебрежительное отношение к подчиненным зачастую ранят больше, чем вражеская пуля. Требовательность, а в отдельных случаях — даже жесткость нужны в армии, а тем более — на фронте. Но это было явление не из такого ряда. Скорее, это обыкновенное элементарное чиновничье бескультурье. Но вытерпел, ничего не поделаешь. Фронтная субординация! С обеспокоенностью посмотрел на Риту — и удивился! У нее все такое же счастливое лицо и не сходящая с губ улыбка. Подумал, она будет легко себя чувствовать в сложных жизненных ситуациях!

Филя Киселев, заместители комбата Матвиенко и Филатов обнимали нас обоих, пожимали нам руки, а Валера Семякин, вдруг тоже оказавшийся здесь, сказал что-то вроде:

«Ну, котята, мир вам и любовь на долгие годы после Победы!» и расцеловал обоих. «Котятами» он нас называл и в письмах после войны.

Спасибо вам, дорогие друзья боевые! Ваши слова от добрых ваших сердец скрасили дурные впечатления от Батурина, сбавили горечь моей обиды на него.

После этого случая с комбатом заскочили мы на минуту в избушку, захватили вещмешок, в котором были необходимые «театральные» атрибуты и кое-какие личные вещи, и побежали через лес к шоссе, чтобы воспользоваться попутной машиной до Седлеца. Через несколько минут Рита уже из кузова улетающего грузовичка прощально махала мне платочком.

Возвратился домой во владения пана Круля, а мой ординарец Николай собирает наши вещички, патефон с пластинками и докладывает, что нас переводят в рядом расположенную деревушку, тоже Буду, но уже Куминьску, и что это приказ комбата. Не сразу понял я, чем это перемещение вызвано, но приказ есть приказ. Оказалось, комбату просто было удобнее, когда все командиры рот находились поблизости друг от друга, хотя формируемые взводы оставались на прежних местах. Это показалось ему целесообразным потому, что меньше придется гонять посыльных. Да и контролировать нас, ротных, ему самому легче будет. И то верно. Расставался я с не очень-то гостеприимным паном Крулем без особого сожаления.

На новом месте меня разместили в многоквартирном доме у пожилой польки, отличавшейся заметной чистоплотностью. За порядком в доме ревниво и тщательно следила ее 17-летняя дочь Стефа. Это была румяная, «кровь с молоком», пухлощекая, миловидная девушка.

Когда я созвал на короткое совещание своих командиров взводов, то заметил, что уж очень неравнодушно следил за ней мой Жора Ражев. И почти все время нашего пребывания там он искал любой повод, чтобы появиться в этом доме и

уговорить Стефу хотя бы на вечернюю прогулку. Стефа была девочкой строгих правил и все внимание уделяла только мне, как основному постояльцу и старшему начальнику среди других офицеров. А у поляков было очень заметным чиновничество. Начальство любого ранга они безошибочно определяли и выделяли.

А Жора Ражев, не дождавшись благосклонности совсем юной и воспитанной в строгой морали девушки, обратил свое внимание на русскую репатриантку (так называли женщин, возвращавшихся на родину после немецкого рабства или лагерей). Она была исхудавшей, непривлекательной внешне, да еще и беременной. И когда я узнал, что она уже второй день живет у Георгия, я только спросил, уверен ли он в своей медицинской безопасности и не смущает ли его то, от кого она беременна. Тот с обидой в голосе дал мне понять, что «сытый голодного не разумеет». Жора был старше меня на три года. И это обстоятельство вместе с недавней свадьбой лишило меня права влиять на его амурные дела.

Я уже упоминал о взаимоотношениях мужчин и женщин на войне. Это такое разнообразие судеб и случайностей, а также их последствий, что делать какие-нибудь общие выводы и обобщения не берусь. А встречи эти, когда они случались, носили иногда не столько характер глубоких чувств, сколько вызывались банальным «зовом плоти» или даже жалостью со стороны женщин к представителям противоположного пола. К мужикам, не один год воюющим, давно не знающим женской ласки и, может быть, судьба и не даст им успеть ее ощутить, так как могут сгинуть в первом же бою.

Больше на эту тему я с Ражевым разговоров не заводил, хотя поводы для этого были и потом. Понимал я, что выступать судьей в этом шепетильном деле уже не имею права.

Через некоторое время в батальоне неожиданно появились верховые лошади, и по указанию комбата Батурина, который, как стало известно, свои прежние армейские годы

провел в кавалерии, мы стали осваивать способы верховой езды.

Нелегко давалась эта наука. Достался мне молодой, светло-серой масти, норовистый жеребец, не всегда соглашавшийся с желаниями своего наездника, реагирующий на его команды или действия совершенно неожиданным образом. Но упорство мое чем дальше, тем больше приносило свои плоды.

Вскоре, незадолго до Нового, 1945 года, Рите снова удалось в очередную их гастроль по воинским частям вырваться ко мне в «отпуск» на денек-другой. Узнав, что у меня теперь есть собственный «транспорт», она запросилась проехать на нем. Я, основываясь на собственном, далеко не сладком опыте, пытался отговорить ее от этого рискованного эксперимента, но, увидев ее загоревшиеся глаза, все же уступил, дав ей, видимо, не очень убедительные советы, исходя из собственной небогатой практики. Главное мое предупреждение было в том, чтобы сдерживать горячего коня, не давая переходить на его любимый галоп.

У меня аж сердце зашло, когда после первых же шагов лошадь помчалась бешеным галопом. Мои попытки окликнуть всадницу оказались бесполезны, и она умчалась далеко, даже исчезнув из вида за недалекой рощей.

Прошло, наверное, минут 15, показавшихся мне достаточно долгими, как появилась Рита, скачущая во весь опор к месту старта. И надо же, метрах в трех-пяти конь встал как вкопанный, а Рита, раскрасневшаяся, с растрепанной прической, выбившимися из-под шапки и развевающимися по ветру волосами, счастливая, не очень ловко, но резво спрыгнула на землю, и я едва успел ее подхватить.

Восторгам ее не было конца, и на мой вопрос, как чувствовала она себя в седле, не болит ли у нее что-нибудь, ответила: «Что ты, это было так здорово!» Может, подумал я, она не только в кружке танцевальном училась, но и брала уроки верховой езды? На это предположение она ответила, что во-

обще в седле была впервые. Мое удивление было, наверное, таким искренним и неподдельным, что Рита сказала, будто всегда мечтала быть наездницей, и это, может быть, и помогло ей адаптироваться в этой роли.

С последнего визита Риты ко мне, в Буду-Куминьску, прошло совсем немного времени, и батальон в первые дни начавшейся Висло-Одерской операции пошел в наступление на Варшаву. Перед выходом нашего батальона на границу с Германией мне удалось перевести Риту из госпиталя в наш штрафбат, в батальонный медпункт, обеспечивающий оказание помощи раненым непосредственно на поле боя...

А теперь вернемся немного назад.

ГЛАВА 11

Политпрокламатор. Подготовка к боям. Освобождение Варшавы. «Потомок фрица». «Свадебное путешествие» в штрафбат. Вот она, Германия! Месть танкиста. Штаргард, Альтдамм. Герой Ястребков. Боевое крещение санитарки. Бросок на юг

«Ну и везунчик ты, Шурка!» — вспомнились мне слова деда моего, сибиряка, чалдона, Данилы Леонтьевича Карелина, когда мне удалось в этот же день из Лохува счастливо добраться попутными машинами до места на шоссе, откуда рукой подать до указанных мне на карте комбатом польских деревушек.

Да и сам дед мой тоже был «везунчиком», когда он, по его рассказам, в молодости хаживал на медведя с рогатиной и, кажется, раз 18 весьма удачливо. Да, помню, и сам видел его удачливость, когда я на время своих зимних каникул, в 3-м или в 4-м классе, приезжал к нему в дальневосточный таежный поселок Сагды-Биру, недалеко от станции Бира и города Биробиджана. Тогда, после трехдневной охоты в тайге, он вдруг прибежал домой, срочно запряг в сани свою лошаденку и уехал снова в тайгу, а назавтра привез лежавшего во всю

длину саней убитого тигра, хвост которого волочился по снежной колее. Тогда я впервые увидел настоящего, хотя и убитого тигра. Так что «везунчиком» я был, наверное, в своего деда-сибиряка.

А тогда, в 1944 году, еще засветло я добрался до польской деревушки Буда-Пшитоцка и без труда нашел штаб батальона. Направился к Батурину-комбату с докладом, радуясь, что успел вовремя и что не придется искать оправданий за опоздание. Батальон размещался в нескольких деревнях вокруг этой Буда-Пшитоцкой. Здесь, в нескольких деревушках, наши дни были загружены освобождением и отчислением из штрафбата отвоёвавшихся штрафников, формированием новых подразделений. Много времени уходило на написание подробнейших боевых характеристик или на переписывание тех, которые казались комбату или его замполиту, майору Казакову, неубедительными, или, по их выражению, «завышенными».

Формирование же новых подразделений здесь происходило тоже по-новому. Чтобы комсостав рот, взводов и других подразделений батальона «не скучал», комбат приказал новых штрафников принимать во всех ротах, формировать все штатные взводы, хотя и весьма малочисленные, а затем уже вместе сводить их под командованием того ротного командира, которому выпадет судьба вести новую сводную роту в очередной поход. Главным недостатком этого метода не один я считал то, что при этом и командиры сводных подразделений плохо знали большинство своих бойцов, и сами бойцы не чувствовали «локтя» друг друга. В бою же это важнее важного! Но приказ есть приказ. Многие из нас догадывались: свое новшество Батурин ввел, чтобы лишить офицеров-командиров времени для разрастания недовольства столь своеобразным его, Батурина, отношением к личному составу, которое проявилось во время наступательных боев на Наревском плацдарме.

Конечно, это не давало возможности командному соста-

ву сильно расслабляться в условиях определенной разрядки после длительных и очень напряженных боевых действий и давать волю разгулявшимся нервам после боев. Тем более что здесь появилась реальная опасность успокаивать эти нервы тем самым «бимбером», которого у поляков было, как говорится, немерено, особенно в обмен на какие-нибудь трофейные безделушки вроде часов, зажигалок, портсигаров и т.д.

В общем, на многое хватало времени, но никаких «песенных вечеров», как в Белоруссии, не наблюдалось. Общее настроение было вовсе не песенным, тем более что все мы ожидали нового наступления и опасались, не повторится ли «наревский» его вариант.

Новый комбат установил и новый порядок питания командного состава, пока батальон находился вне боевых действий. Если раньше все мы питались из общего солдатского котла и только дополнительный офицерский паек отличал наше меню от содержимого котелков штрафников, то теперь штатные офицеры питались отдельно от них, в так называемой «столовой», которая располагалась в более или менее вместительном помещении. Готовили нам отдельно, не скажу, что заметно лучше, чем в ротной походной кухне, но зато ели мы уже не из котелков, а из алюминиевых мисок. Наше меню изредка разнообразил перепадавшим на нашу долю коровьим молоком неутомимый и изобретательный начпрод Меер Зельцер, в прошлом преподаватель по приготовлению пищи.

Оказывается, подполковник Батурич имел слабость к этому диетическому напитку, и еще на Наревском плацдарме, пока мы вели тяжелейшие бои за его расширение, ему раздобыли пару дойных коров, которых он в приличном удалении от обстреливаемого переднего края мог содержать, а затем возил за собой постоянно. Вот с «барского» стола и нам иногда доставались то «кава» (кофе), то чай с молоком. Комбату же с заместителями готовили отдельно, хотя почти все замы, кроме замполита и помощника по снабжению, тяну-

лись к нашей офицерской компании. Не думаю, что стол у комбата был действительно «барским», но дистанция соблюдалась строго. А вообще-то мы эту новинку восприняли как должное, учитывая определенную нелюдимость характера нового комбата. Однако предыдущий наш комбат Осипов к подобной «дистанции» не стремился, и ни дисциплины, ни боеготовности или боеспособности это не снижало.

Заметили мы, между прочим, что иногда трапезничал с комбатом и его замполитом Казаковым один из новых наших политработников, капитан Виноградов. Занимал он должность агитатора батальона (кого и на какие подвиги он агитировал?). Это был шуплый, какой-то нескладный, всегда помятый, неопрятный офицер. Визгливый, неприятный его голос, а также своеобразная манера при этом мелко и суетно даже не жестикулировать, а просто нелепо разбрасывать руки вызывали неприязнь, а часто и раздражение окружающих. Все эти качества до того не соответствовали его должности, что вызывали чувства, совершенно противоположные смыслу его слов.

Был он из тех демагогов, которые своей никчемностью и прямой бесполезностью в батальоне вызывали у боевых офицеров чувства недоброжелательности, граничащие с ненавистью. Его неумное морализирование по любому поводу нередко приводило к явному противодействию тому, за что он агитировал. К примеру, всех нас он назойливо агитировал не пить не только «наркомовских» чарок, но даже и крепкого чая, не курить, отказаться даже от мыслей о слабой половине человечества. От этих занудных политпрокламаций (или политнотаций, как называли его беседы офицеры) мы отделялись откровенным пренебрежением. И чтобы позлить этого «агитатора», наперекор его призывам пили нарочито крепкий чай или польскую «каву», одновременно нещадно дыма папиросами или махорочными «козьими ножками».

Я даже сочинил эпиграмму на Виноградова, соответствующую мелодии популярной тогда песенки Паганеля из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

Жил хвастливый капитан,
Он занудливо болтал,
А «политику» любил, как поп ладан...
Он готов тебя поймать
И нотации читать,
Даже там, где ты надумаешь поспать.
И во сне, и наяву
Напевает всюду песенку свою:
«Вы не пейте, не курите,
Не...любитесь,
Для здоровья это вред, и большой!
Лучше больше вы политикой займитесь —
Из вас выйдет политрук мировой».

Конечно, некоторые буквы в этой эпиграмме каждый заменял по своему желанию...

Мы все тогда диву давались, откуда Батулин добывает такие кадры? Уж не из своих ли бывших подчиненных, отсидевшихся, как и сам он, почти всю войну где-то в тылах? Ведь у Виноградова даже медали «За боевые заслуги» — самой первичной из наград — не было...

Ну, да бог с ним, с Виноградовым. Только и авторитет Батурина этой странной близостью не укреплялся. Забегая наперед, скажу: и личный пример того же Виноградова абсолютно не соответствовал его высокопарным изречениям и нравоучениям. Когда уже перед самым окончанием войны (кажется, третьего или четвертого мая) было объявлено о выпуске очередного Государственного займа, «агитатор» этот с пеной у рта убеждал всех офицеров, что нужно каждому обязательно подписаться не менее чем на трехмесячный оклад денежного содержания, ибо «это необходимо для скорой победы».

Да мы и без него прежде так и делали, сдавая потом вообще все облигации в Фонд обороны. Когда же мы спросили у начфина батальона Кости Пусика, на сколько же подписался сам Виноградов, то узнали: только на один месячный оклад. Да и в отношении «женоненавистничества»: как оказалось, уже в Германии, после Победы, Виноградова судьба

привела в госпиталь по поводу венерической болезни. Таким вот он был «праведником»!

Но это все происходило уже значительно позднее описываемых событий, и не об этом сейчас речь. Началось, как я уже упоминал, децентрализованное, так скажем, формирование и боевая подготовка подразделений, когда в каждой роте создавались сразу несколько весьма малочисленных взводов. О недостатках и положительных сторонах этого новшества я уже говорил.

Конечно, исключить полностью употребление спиртного, наверное, никто (разве только Виноградов?) не ставил целью. Тем более что «законные» поводы случались, и нередко: «обмывали» то награды, то новые воинские звания.

Иногда, на каком-нибудь очередном «сабантуе», как называл эти застолья Федя Усманов, по особо торжественному случаю считалось шиком вместо «бимбера» с его весьма неприятным «ароматом» употреблять чистый спирт, который доставали изредка. Спиртзаводов в Польше оказалось немало, и поляки этим спиртом успешно и выгодно приторговывали.

Пили его, как правило, неразведенным. Среди бывалых фронтовиков считалось дурным тоном этот спирт разводить, просто запивали его водой. В таких случаях в один стакан или кружку наливали спирт, а рядом ставили аналогичную емкость с водой. Иногда над кем-нибудь «подшучивали»: ставили вместо воды тоже спирт. Нужно себе представить ощущение этого человека, когда он, проглотив обжигающую «огненную жидкость» и, не переводя дыхания, спешил запить ее водой, а вместо нее в пылающую ротовую полость вливал такую же обжигающую дозу. Правда, тот, кто устраивал такой «сюрприз», всегда держал наготове воду, чтобы в критический момент прийти на помощь.

Вскоре на небольшом «сабантуйчике» «обмыли» и мои капитанские погоны, и новые звания других офицеров. И как-то особенно грустно отмечали уход на другой, 2-й Белорусский фронт маршала Рокоссовского, которого любили

особой сыновней любовью. Как будто и наши чувства к нему значительно позже очень образно выразил заместитель маршала Рокоссовского по тылу на 1-м Белорусском, генерал-лейтенант Н.А. Антипенко:

«Весь склад характера Константина Константиновича... располагал к нему. Его по-настоящему любили все — от генерала до солдата. Иногда мне кажется, что еще и поныне не раскрыта тайна внутренней красоты, душевных качеств Рокоссовского».

Вот тогда, на этой «обмывке», придуманный штрафниками моей роты неофициальный мой ранг «Штрафбатя» кто-то трансформировал в более привычное «Батя». Лестно было это мне, 21-летнему офицеру, не скрою, но и побаивался я: а что если это дойдет до Батурина (а не дойти не может), как бы он не озлобился еще больше на меня. Но вроде бы внешних последствий никаких не наступало. Даже особист наш Глухов никак не реагировал.

Не знаю, прав ли был я в своих предположениях о том, что комбат стал все чаще поручать мне боевые задачи. В то время батальон действовал поротно, а очередь моя оказывалась первой чаще, чем у других командиров рот. Все еще помнилась его фраза: «Если уцелеете!» Но Филя Киселев, наш начштаба, несколько позднее, кажется после Штаргарда, сказал мне по этому поводу, будто подполковник Батурин просто мне доверяет больше, чем другим. Может быть... Хотя мысли мои о репрессированном отце снова в таких случаях возвращались и иногда как-то омрачали мои чувства...

А между тем пополнение шло, но на этот раз с меньшей интенсивностью. Видимо, затишье на фронте, отсутствие широкомасштабных, активных боевых действий не давали повода военным трибуналам и легко решавшим проблемы воспитания офицеров командирам и командующим «ковать» для нас кадры штрафников.

Правда, как мне кажется, впервые за все время существования нашего штрафбата стала у нас появляться, хоть и редко, но новая категория штрафников — бывших офицеров,

осужденных еще в первые годы войны и даже до ее начала, и отбывших уже некоторую часть своего длительного наказания либо в тюрьмах, либо в лагерях. Как стало нам понятно, их на фронт не этапировали, как добившихся направления на фронт уголовников в штрафные армейские роты, а направляли исключительно на добровольных началах.

Тогда уже вся страна наша чувствовала приближение конца войны, и многие заключенные, в ком сохранилось еще понятие патриотизма, понимали, что придет она, долгожданная и теперь уже неизбежная Победа, а потом и пора их освобождения, а может, даже амнистия по случаю Победы. И вот тогда им, избежавшим войны и, если хотите, участи погибнуть в ней, как миллионам соотечественников, нелегко будет возвратиться в уже другое, опаленное тяжелейшей войной общество, победившее врага в смертельной схватке. Нелегко будет жить тогда им среди тех, у кого родные погибли в боях за Родину, положив свои жизни на алтарь Победы над фашизмом.

Такие вот раздумья и приводили многих к решению просить о замене оставшихся сроков лишения свободы на отправку в действующую армию, пусть и в качестве штрафников. Далеко не всем, просившимся оттуда на фронт, такую возможность предоставляли. Но случаи такие были не единичными, вплоть до самого начала Берлинской операции.

В общем, формирование и обучение шло установленным порядком, боевая учеба была весьма напряженной. Как всегда, особое внимание обращалось на штрафников — бывших офицеров тыловых служб, а также летчиков, танкистов и вообще на всех, у кого были слабые навыки владения оружием и недостаточная маршевая подготовка. А тем более на бывших заключенных, которые часто были и физически слабее других, и оружие давно в руках не держали.

Во взводах было пока максимум по 7—10 человек, и это давало возможность взводным командирам даже составлять, при необходимости, индивидуальные графики занятий и

тренировок, подбирая себе помощников из числа штрафников, имеющих боевой пехотный опыт.

Обучаемые в большинстве своем понимали, что именно здесь полностью оправдывает себя суворовская «наука побеждать», в частности ее постулат «тяжело в учении — легко в бою». А часть штрафников, считавших себя «смертниками», начинали понемногу понимать, что они не пойдут в бой в качестве «пушечного мяса». Их просто учат лучше действовать на поле боя, чтобы по возможности сохранить свою жизнь, уверенно поражая противника. И чаще всего это помогало им понимать необходимость этой напряженной боевой учебы, как говорят, до седьмого пота, до изнеможения.

Контроль хода боевой подготовки тем не менее был организован штабом хорошо. Заместители комбата, начальники служб постоянно находились в ротах и взводах. Нам, командирам подразделений штрафников, эта учеба доставалась иногда ничуть не легче, чем обучаемым.

Нашли тогда в каком-то карьере подходящее место для стрельбища, где вели огонь по мишеням из всех видов стрелкового оружия, а из «ПТР» — по брошенной немцами, подбитой и сгоревшей самоходке «фердинанд». В ближайшем лесочке даже был огорожен участок — полигон для минометных стрельб. И почти ежедневно наши минометчики били туда с закрытых позиций. Боеприпасов для обучения «бойцов-переменников» не жалели ни мы, ни снабжающие нас ими службы фронта.

В общем, изобретательностью и выносливостью наших командиров подразделений и офицеров спецслужб батальона можно было удивляться и даже гордиться. И главным стимулом всего этого был, конечно, не столько неусыпный контроль штаба и командования батальона, сколько желание избежать ввода в бой неподготовленных людей, а значит — и избыточных, как теперь принято говорить, потерь.

Определенное оживление у нас вызвала еще одна новинка — обучение командиров рот верховой езде. Мало ли в каких ситуациях это могло пригодиться. А возникла эта новин-

ка потому, что кто-то где-то реквизирует несколько верховых лошадей с полной лошадиной амуницией — под седлом. Это горячо одобрил комбат наш, не один год своей армейской службы проведший в седле, как я уже упоминал в предыдущей главе. А может быть, это именно по его распоряжению и добыли нам славных, крепких лошадок. Одного красивого гнедого жеребца, степенного, спокойного, Батурина облюбовал себе.

Мне же достался молодой, светло-серый «в яблоках», строптивый, беспокойный конь. Он постоянно прыгал чуткими, подвижными ушами и нередко недовольно скалил свои крупные молодые зубы. Я видел, как ловко, несмотря на свой внушительный живот и возраст, взлетал в седло и как влитой сидел в нем комбат и как он демонстративно гарцевал на своем красавце. Тогда я впервые позавидовал этому совершенному умению Батурина и тоже загорелся идеей освоить этот непривычный для меня способ передвижения, хотя понимал, что владеть им так, как комбат, — цель недостижимая.

Надо сказать, нелегким делом это оказалось. Первые дни моих упражнений в езде не приносили мне ни удовольствия, ни результатов. После двух-трех часов ежедневных, упорных тренировок порой нестерпимо болели все мои «седалищные» места. Но цель поставлена, и день за днем, хоть и без восторга и страстного желания, но я снова забираюсь в седло и, еще не очень понимая разницу между рысью и галопом, иногда доводил своим неумением моего рысака, да и себя тоже до «взмысленности».

Один мой боец-штрафник, бывший кавалерист, хорошо умевший обращаться с лошадьми, увидев мои несуразности в обращении с конем и в овладении искусством верховой езды, вызвался быть моим учителем, а заодно и коноводом. Он умело ухаживал за конем, давал мне уроки, после чего и лошадь ко мне стала относиться спокойнее, и я стал уже прямее держаться в седле, увереннее и более умело опираться на стремяна и пользоваться ими, как педалью газа автомобиля.

Шел конец декабря 1944 года. Новый, 1945-й год мы в батальоне встретили за общим столом. В этом торжестве, организованном по инициативе и распоряжению самого комбата, приняли участие и сам комбат Батулин, и все его заместители, штаб, начальники служб и офицеры подразделений. Такое дружное застолье было у нас впервые.

Подобное же, но более грандиозное и по масштабу, и по значению, случилось только, когда закончилась так всем опостылевшая, но и ставшая уже, как ни парадоксально, привычной для нас война. Это было под Берлином, в первый День Победы, 9 мая 1945 года, «весной, в начале мая», как писал я в своей «поэме» «Наш путь», в письмах маме и ставшей уже женой Рите. Но тогда до Победы было еще далеко. Впереди были ожесточенные бои за Варшаву, нелегкий путь к границе фашистской Германии, а дальше — на Берлин. И кто знал, кому суждено туда дойти, а кому остаться навечно в польской или немецкой земле.

К новогоднему вечеру я спешно подготовил несколько стихотворных посвящений моим боевым друзьям, и как тепло они были приняты! Даже Батулин, не щедрый на открытое выражение положительных эмоций, аплодировал. Оказалось, что близко к Новому году был день рождения у Пети Смирнова, у Саши Шамшина, моего тезки и почти ровесника, да и у моего бывшего ротного, теперь замкомбата Ивана Матвиенко. И как счастливый прогноз на будущее, под одобрение всех на этом вечере прозвучали мои слова:

Путь не окончен. Идти еще много
и на Берлин нам дорога — «Вперед!».
Знаем: дойдем до порога берлоги,
раненый зверь там могилу найдет!

Встретимся вновь, вспомним прошлые годы,
выпьем за павших героев войны,
выпьем за счастье, за дружбу народов
и за спокойные будни страны.

Вот так мы встретили новый, не сомневаясь, что уже победный год!

Операцию по освобождению Варшавы и всей оставшейся еще под фашистским игом Польши, как нам стало известно позднее, Ставка планировала начать 20 января 1945 года. Значительно раньше британский премьер Черчилль в своем послании просил Сталина немедленно начать наступление со стороны Вислы, чтобы отвлечь туда возможно больше сил немцев и спасти войска союзников, терпящих поражение в Арденнах. Сталин пошел навстречу этой просьбе о помощи, и Ставка перенесла начало Висло-Одерской операции на 12 января.

И буквально через несколько дней после встречи Нового года мы стали вдруг спешно сводить свои разрозненные подразделения в единые взводы той роты, которой было приказано командовать Ивану Бельдюгову. Это был небольшого роста капитан, крепкий, я бы даже сказал, кряжистый, широколицый и большелобый офицер, выделявшийся среди многих своим невозмутимым на первый взгляд спокойствием. Однако он был способен, казалось, совершенно неожиданно прорваться неудержимой резкостью, если кем-то или чем-нибудь он будет выведен из состояния, кажется незыблемого, равновесия.

В его роте срочно формировали взводы офицеры с уже солидным штрафбатовским боевым опытом: капитан Василий Качала и старший лейтенант Александр Шамшин, а также недавно прибывший в батальон старший лейтенант Алексей Афонин. Всем пришелся по душе этот скромный, улыбочивый, казавшийся тоже очень молодым офицер, но, как мы узнали потом, — почти на целых 4 года старше меня и Шамшина. Алексей был высоким, широкоплечим и, как оказалось, дьявольски выносливым человеком. И чем труднее ему бывало, тем больше пробуждалось в нем упорства и иронии, поднимавших дух его бойцов. Пулеметный взвод формировал под присмотром Георгия Сергеева тоже недавно прибыв-

ший к нам младший лейтенант Сергей Писеев, небольшого роста блондин, по-моему, неспособный унывать.

Когда я познакомился с Алексеем Афониним поближе, оказалось, что мы оба окончили одно и то же 2-е Владивостокское пехотное училище в Комсомольске-на-Амуре, лагали по одним сопкам, питались в одной курсантской столовой, охраняли в карауле одни и те же объекты. Правда, производство в лейтенанты у меня состоялось несколько раньше. Алеша тоже хорошо знал Дальний Восток, что нас как-то особенно сближало и даже роднило. До училища он служил на озере Хасан, сразу после известных там событий 1938 года почти 2 года в войсках Дальневосточного фронта. После окончания училища (тоже, как и я, по первому разряду, то есть «на отлично») убыл в действующую армию на Центральный фронт. Тяжелое ранение в боях на Курской дуге привело его в новосибирский госпиталь. Длительное лечение, затем курсы командиров рот, а в конце концов — всего только должность командира взвода в нашем 8-м отдельном штрафбате.

Я всегда не переставал удивляться, как это меня, необстрелянного лейтенанта по прибытии в штрафбат в 1943 году, наверное, по чьему-то недосмотру, назначили командиром взвода разведки штрафников. А вот Афонин, **старше меня и по возрасту, и по стажу армейской службы, имеющий боевой опыт и ранение, окончивший курсы командиров рот**, назначен был командиром стрелкового взвода. Мой друг Петя Загуменников тоже пришел в штрафбат на должность командира взвода штрафников после того, как, будучи на фронте командиром роты, был ранен и лечился в госпитале. Понятно, что в офицерский штрафбат на командные должности полагалось направлять боевых, наиболее опытных офицеров. А я, наверное, был случайным, если не единственным исключением, что часто возвращало меня к мыслям о причинах этой исключительности.

Совсем немного времени оставалось у нас для боевого

расчета и сколачивания подразделений (вот когда всем стали понятны минусы метода «дробного» их формирования). Уже 11 января рота в полном составе пешим порядком ушла на Магнушевский плацдарм, захваченный еще летом на западном берегу Вислы южнее Варшавы, и вошла в состав 61-й армии, которой командовал генерал Павел Алексеевич Белов.

По уже хорошо поработавшему деревянному мосту ночью, выдавшейся достаточно темной, рота перешла на плацдарм. Это уже теперь во время работы над этой книгой, постоянно общаясь с нашим бывшим штрафником, тогда военинженером 3-го ранга, а ныне 92-летним подполковником в отставке Басовым Семеном Емельяновичем, я узнал, что именно этот мост он, Басов, будучи восстановленным в офицерском чине капитана, строил летом 1944 года. Интересные совпадения бывают на войне! Бывший штрафник строил мост, по которому скоро пройдут его коллеги по 8-му штрафбату!

Весь лед на Висле был будто изрыт каким-то странным плугом от берега до берега. Это были следы бомбежек и артобстрелов. Оттуда 14-го числа и пошла в наступление вместе с частями 61-й армии наша рота штрафников, включившись в Висло-Одерскую стратегическую наступательную операцию, начавшуюся двумя днями раньше.

Не знаю почему, но заместителя Бельдюгову не назначили (как это был, например, Янин в роте Матвиенко), но мне было приказано идти с Бельдюговым резервным ротным, кем-то вроде дублера. Какая-то новая система, батуриная. По этой системе я вроде бы не входил в состав воюющей роты, а со своим ординарцем и еще двумя штрафниками обязан был находиться поблизости, чтобы в случае необходимости возглавить роту. Но это оказалось так неудобно и неестественно — ощущение твоей то ли ненужности, то ли некомпетентности. Уж лучше бы меня, командира роты, назначили с понижением, его заместителем или даже командиром взвода, чем так вот, с такой неопределенной ролью нахо-

даться при нем и не вмешиваться в его дела. И конечно, как показало время, так не получалось.

Вначале роте была поставлена задача: захватить господствующую над прилегающей местностью высоту, с которой немцы подавляли ураганным огнем любые попытки продвижения вперед наших подразделений. Мы оба с Бельдюговым пришли к единому решению: используя поросший кустарником ручей, уходивший в тыл к немцам и впадавший в недалеко протекавшую речку Пилица (запомнил название — схожее с моей фамилией), обойти эту злосчастную высоту и атаковать ее с тыла. Задачу эту Бельдюгов поручил взводному Василию Качале.

Тот успешно проделал незаметно для фрицев обход высоты и вскоре внезапно нагрянул на них с тыла. Это был рывок, рассчитанный разве что на одну внезапность, и от его стремительности зависел исход атаки: либо наши бойцы полягут все на этом голом, промерзшем косогоре, либо возьмут эту проклятую высоту. Бой был яростным, и, воспользовавшись тем, что немцы перенесли огонь и все внимание туда, в свой тыл, Бельдюгов поднял роту в атаку с фронта.

Высота была взята, и первым достиг ее подножия взвод под командованием Алеши Афонина при поддержке пулеметов взвода Сережи Писеева. Нам удалось выйти к Пилице. Потери были, но не очень большими.

Уже многие годы спустя я узнал, что в августе 1914 года здесь воевал молодой драгун 5-й кавалерийской дивизии Константин Ксаверьевич Рокоссовский. «Ксаверьевич» — это его настоящее польское отчество. Он изменил его потому, что по-русски оно почти всегда звучало, да и писалось «Савельевич». За дерзкий подвиг во время разведки сил противника за рекой Пилица (!) он был удостоен своей первой воинской награды — Георгиевского креста. Жаль, тогда мы этого не знали.

После захвата высоты наступление началось по всему фронту полка, с которым взаимодействовала рота штрафников. Вскоре вся 23-я стрелковая дивизия, в тесном соприкос-

новении с полками которой теперь действовала наша рота, приняла направление наступления на север, в сторону Варшавы. Уже к исходу 16 января мы овладели станцией Влохы, что на южной окраине какого-то пригорода Варшавы, столицы Польши. После этого роту вывели во второй эшелон, и войска с танками пошли дальше, на штурм Варшавы, которую освободили полностью 17 января.

Обидно, конечно, было нам: до Варшавы дошли, но чести войти в нее с боями нам не предоставили. Наверное, считалось неправильным, чтобы именно штрафники освободили хотя бы какую-то часть польской столицы. Непрестижным, наверное, это считалось (хотя слово это тогда, по-моему, широко не употреблялось). Так и в белорусские города Гомель и Рогачев мы не входили, и Брест обошли. А теперь вот и в столицу первой западной страны, как считалось, в красивейший город Европы, так изувеченный немецкими завоевателями, нам не позволили войти как освободителям. Жаль, но каждый из нас этот факт понимал по-своему. Мы были средством, обеспечивающим успех другим. И, наверное, этим все объяснялось. Но все-таки благодарность Верховного за освобождение Варшавы мы получили.

И только 18 января нам, вошедшим в Варшаву вслед за частями 23-й дивизии 61-й армии, разрешили все-таки увидеть этот красавец-город. Первое впечатление — ужасные разрушения. Это и следы подавления фашистами неудавшегося восстания варшавян, и результаты намеренного подрыва лучших, красивейших зданий города. В глаза бросались надписи по-русски на стенах домов *«разминировано»* или таблички, установленные на вбитых в землю кольях: *«Проведено. Мин нет»*.

А когда мы оказались на ведущей к центру города улице Маршалковской, заметили несколько групп саперов с собаками, продолжавшими свою опасную работу по разминированию города. Собаки эти тщательно вынюхивали заложенную фашистами взрывчатку. Тогда я подумал, как же им трудно это делать, если весь город пропах пороховой и дина-

митной гарью. Да, к моим знаниям о собаках-санитарах, о собаках-«камикадзе», бросающихся под танки с закрепленной на спинах взрывчаткой, прибавилось теперь еще и представление о верных помощниках наших доблестных саперов.

Здесь нас остановила группа военных, уже патрулирующих улицы, и не пустила дальше по этой широкой, видимо, некогда красивейшей улице, теперь заваленной на многих участках обломками разрушенных зданий да сгоревшими фашистскими танками. Оказывается, там еще не выставили табличек «Разминировано». Свернули вправо и вскоре близ берега Вислы увидели сильно поврежденное здание, на фронтоне которого с трудом прочитали и перевели на русский слова: «Эмиссийный банк польский». И поскольку охраны не было, двери — настежь, решили войти.

Боже, сколько и каких только денег в подвале мы там не увидели! И польские злотые в больших толстых пачках и россыпью, и еще не разрезанные листы с купюрами, отпечатанными только с одной стороны, и немецкие оккупационные рейхсмарки.

Мы посмеялись над брошенными миллионами, попинали эти пачки денег, и даже как сувениры я их не взял. После «экскурсии» в банк мы все собрались в условленном месте на западной окраине Варшавы, еще раз убедившись в вандализме гитлеровцев, превративших значительную часть города в руины. Наши офицеры, да и штрафники, участвовавшие в Сталинградской битве, сравнивали эти руины со сталинградскими.

Поскольку, как официально считалось, я участия в боях за Варшаву не принимал, или, может быть, потому, что Батурин просто понял, а может быть, ему подсказали, что мое положение «дублера» для боевых действий противоестественно, он приказал мне и еще нескольким офицерам продвигаться дальше самостоятельно. Каждый раз он указывал на карте пункт, в который мы к определенному времени должны прибывать. Я не помню сейчас названия городов и местечек, куда приходилось добираться разными способами, но

по имеющимся у меня фронтовым благодарностям Верховного Главнокомандующего Сталина за взятие и освобождение некоторых городов Польши, где рота Бельдюгова снова была в первом эшелоне дивизии, путь наших отдельных, разрозненных офицерских групп пролегал через Сохачев—Лович—Скерневице—Томашув—Конин—Ленчица.

...Бегут фрицы, бегут! То ли от неслыханного напора наших войск драпают, то ли от одного имени маршала Жукова, ставшего командующим фронтом, хотя и имя Рокоссовского наводило на немцев не меньше страха. Отступление немцев после изгнания их из Варшавы часто было просто банальным бегством, но нередко в нашем тылу, в лесах оставались довольно крупные группы недобитых фашистов, продолжавших сопротивление. Для их ликвидации войскам приходилось выделять немалые силы.

Ну а я и мои товарищи в основном добирались попутными машинами, а то и на польских тракторных или конных повозках. Несколько раз, когда попутные военные машины не останавливались по нашей просьбе обычным «голосованием», приходилось применять более надежный способ остановки — стрельбу из пистолета по колесам. Конечно, этот способ был не только несправедливым, хулиганским даже для фронтовых условий, да и просто опасным. Ведь можно попасть и не по колесам, а тогда — трибунал. Но почему-то мне тогда это не было страшно. Как-то выскочил из остановленной таким методом машины майор и, тоже выхватив свой пистолет, пригрозил упечь меня за такое дело в штрафбат. Тогда я сунул ему в нос свое удостоверение капитана 8-го ОШБ. Он на некоторое время опешил, а потом мы помирились, и нас благополучно довели до нужного пункта.

А в кузове принявшей нас машины, пронесившейся мимо заснеженных полей или строго очерченных лесных делянок и небольших рощиц, я любил стоять, облокотившись на кабину, подставляя лицо встречному ветру. От его ножевых, обжигающих струй леденели щеки и деревенели губы. Это ощущение напоминало мне мой родной Дальний Восток и

мое морозное детство с нередкими поездками на открытых ступеньках мчащегося поезда, когда я добирался зимой из Облученской средней школы при почти 40-градусном морозе за 40 километров домой, на выходные дни и обратно.

В первой декаде февраля, числа 7—8-го, я с группой офицеров прибыл в город Кутно, где уже разместился штаб батальона, а через день там сосредоточились частично наши тыловые службы, вернее — их подвижные (на машинах и повозках) подразделения.

Городок этот оказался очень уютным, совсем не тронутым войной. В Кутно функционировал даже водопровод и подавали электричество.

Наверное, или этот город немцы за какие-то заслуги пощадили, или так драпали без оглядки, что не успели нагадить. Зато на стенах домов и на заборах в обилии пестрели надписи «Pst!» («Молчи!») с изображением прижатого к губам пальца. У нас, помнится, тоже были на дорогах плакаты и щиты подобного содержания: «Не болтай!», «Болтун — находка для шпиона» и т.п.

Дом, в котором меня разместил комендант нашего штаба, был опрятный, за внушительным забором, под красной черепицей. Он принадлежал какому-то местному ветеринару. Миловидная хозяйка, определив мне уютную, хорошо меблированную комнату, предложила принять ванну. Какое это было блаженство, если представить себе тот кошмар на Навеском плацдарме! Да еще столько лет не виданное ароматное, пахучее мыло и пушистое полотенце! В комнате хорошая кровать и диван, большой письменный стол, на котором уютно светила настольная лампа с зеленым абажуром. Хозяйка была предельно внимательна.

Я узнал, где размещались офицеры, состоящие в штате моей роты. Оказалось, что кроме Феди Усманова и Жоры Ражева ко мне зачислили недавно прибывшего в батальон уже очень невысокого роста, худенького, но весьма симпатичного младшего лейтенанта Кузнецова Евгения, которого уже прозвали Кузнечиком из-за его хрупкого телосложения и ко-

торый получил у нас более подходящее определение — «те-ловычитание». Казался он слабеньким, с каким-то совсем не командным голосишком, и был способен по-девичьи краснеть в самых неподходящих ситуациях. Мне захотелось узнать его получше, и я предложил ему перебраться ко мне. Да еще на это решение меня подтолкнуло то, что наш Дон Журуан — Жора Ражев успел предложить мне свою компанию. Понимая, что он уже оценил прелести хозяйки моего дома и что этот его переход ко мне может закончиться какой-нибудь скандальной выходкой Жоры, я не поддался его уговорам, сославшись на то, что хочу поближе познакомиться с вновь назначенным в мою роту Кузнечиком.

В Кутно мы пробыли несколько дней, и мне рассказали историю про одну «кобету» (так в Польше называют молодых женщин), которая в годы немецкой оккупации сожительствовала с офицером из какой-то карательной команды СС, родив этому эсэсовцу мальчишку, которому в то время уже было года два. Немецкий офицер сбежал, не подумав захватить с собой и эту девицу, и потомка своего. Вот на эту тему я и написал совсем не лирические стихи, озаглавив их «Потомок фрица». В них были и такие слова:

Никогда солдат не примирится
с оправданием такой кобеты:
каждый знает, что от рук арийцев
задыхались в душегубках дети.

Ладно. Пусть ублюдки будут живы.
Пускай вырастут. Но уж потом,
кровь арийская застынет в жилах,
коль узнают, кто был их отцом.

Всепоглощающая ненависть к эсэсовцам, к фашистам, провозгласившим себя «истинными арийцами», и вообще ко всему немецкому одолевала нас. Неправильно это, сегодня понимаю, но ненависть к врагам сидела в нашем сознании тогда крепко. Вспоминались крылатые фразы: «Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души»

или «Если враг не сдается, его уничтожают». Вот и учились ненавидеть, стремились уничтожать. И плакаты, и газеты, и кино, да и хлесткие публикации Ильи Эренбурга и других известных писателей призывали: «Убей немца!» Понимали, конечно, что убивать надо тех, кто с огнем и мечом пришел на землю нашей Родины, но вопреки логике ненависть наша распространялась на всех немцев, на все немецкое, вражеское. Даже ремни немецкие кожаные с бляхой, на которой стояло «Got mit uns» («Бог с нами»), не нужны были нашим бойцам, у которых почти поголовно были обыкновенные наши толстые, брезентовые ремни. Они были особенно неудобными, если намокнут и от этого разбухнут. Несмотря на этот недостаток, наши грубые «брезенты» и не менялись у поляков на немецкие.

Здесь, в Кутно, произошло еще одно событие. Где-то уже в Белоруссии выловили сбежавшего еще на Нареве штрафника Касперовича, который тогда, в октябре 1944 года, под предлогом восстановления нарушенной телефонной связи дезертировал с поля боя. И вот теперь, в январе 1945-го, его изловили и зачем-то доставили к нам в батальон. Наверное, тот, кто принимал это решение, хотел в назидание другим штрафникам устроить показательное заседание Военного трибунала, а может быть, и показательную казнь, которую он по тому времени вполне заслужил. Так думали тогда у нас все: и офицеры-командиры, и офицеры-штрафники.

Поскольку его нельзя было оставлять без охраны, комбат решил поместить его на чердак дома, в котором размещался штаб. Выставили для охраны часового тоже из штрафников, строго предупредив его об ответственности за самосуд, независимо от обстоятельств, при которых это, не дай бог, произойдет. Касперович, понимая это, стал провоцировать часового демонстрацией попыток совершить побег и даже начал разбирать черепичную крышу и швырять черепицей в часового. Тот немного потерпел, призывая арестованного к порядку, но, в конце концов, не выдержал и выстрелил в него, ранив в плечо.

Пришлось отправить Касперовича в ближайший лазарет или госпиталь, держать там охрану, так как даже в столь тяжелое военное время по каким-то правилам считалось, что раненого или больного нельзя судить, а тем более казнить. Что произошло, в конце концов, с ним, так и не знаю. Не до него было, другие события отвлекли от этой истории.

В середине февраля комбат поставил мне задачу: добраться с тремя автомашинами до наших тыловых подразделений, оставшихся в тех польских деревушках, в которых все мы находились перед наступлением на Варшаву. Задание состояло в том, чтобы сориентировать оставшихся там старшин тыловых служб, куда им следует продвигаться, чтобы соединиться со штабом и основными службами тыла батальона. Так я тогда и не понял, почему это задание Батурин поручил мне, фактически уже полностью освободив от той странной должности при Бельдюгове. Может, все-таки этим он проявил ко мне запоздалую доброту и давал возможность попутно навестить жену?

Оставшемуся за начальника этого тылового подразделения старшине Ферманюку я передал эти автомобили с бочкой бензина, захваченной с собой предприимчивыми водителями. Сориентировал его в особенностях дорожной обстановки, передал ему карту с нанесенным на нее маршрутом движения до Кутно. А сам без предварительного согласия комбата и под свою личную ответственность решил «дать крюк» и заехать в госпиталь к Рите, поскольку он все еще оставался на прежнем месте, в Лохуве, несмотря на то, что линия фронта уже далеко продвинулась на запад.

Но получилось совсем не так, как предполагал. Бросившись ко мне и повиснув на моей шее, Рита вдруг запросилась со мной в штрафбат. Видимо, этот вариант она уже обсуждала с матерью, так как та, к моему удивлению, ее просьбу поддержала. Еще не зная, как на это отреагирует мой комбат Батурин, я согласился на эту «двойную игру», надеясь, однако, что будет нелегко уговорить начальника госпиталя на этот шаг.

Однако совершенно неожиданно для меня начальник госпиталя (а им был капитан медицинской службы Нисонов), приняв нас без проволочек, сердечно поздравил с недавней фронтовой свадьбой и, почти не раздумывая, дал свое «добро» и приказал кому-то срочно оформить соответствующие документы. Такое бесконфликтное разрешение, казалось, очень непростого вопроса, как мне потом рассказала Рита, объяснялось просто: она поставила в известность и мать, и начальника госпиталя о том, что решила уехать к мужу на фронт, где бы он ни находился и чего бы это ей ни стоило.

И вот в наших руках то ли отпускной билет, то ли предписание «убыть к новому месту службы в в/ч 07380». И буквально в этот же день, без каких-либо прощальных церемоний, собрав свои нехитрые вещички в рюкзачок, Рита была готова к «свадебному путешествию в штрафбат».

Пошептавшись о чем-то с матерью и братишкой и накоротке расцеловавшись с ними и со своими девушками-подружками, под одобрительные напутствия высыпающих из помещения госпиталя врачей, сестер и некоторой части раненых Рита прощально помахала им рукой, и мы тронулись в путь на поиски попутной машины. Добравшись так до какой-то железнодорожной станции, мы, к своему удивлению, узнали, что в сторону фронта уже ходят поезда.

В товарном вагоне, под стук колес, прижавшись от холода друг к другу, мы поехали, не представляя себе сюрпризов и финала нашего путешествия. Я постоянно сверял по карте, совпадают ли попадавшиеся названия станций с нужным нам направлением. К счастью, пока все совпадало. Не доезжая до Кутно, поезд остановился и дальше не шел, поскольку там железная дорога еще не была восстановлена. Далее мы добирались попутными автомобилями. Штаба батальона на прежнем месте не оказалось, он ушел уже вперед. Но сюда, к счастью, к тому времени добрался Ферманюк со своей небольшой автоколонной, и мы, уже сообщая, получив сведе-

ния у местного военного коменданта о дальнейших пунктах следования штаба, отправились в путь.

Судя по карте, где-то не очень далеко должна быть уже и граница Германии, логова того самого зверя, который почти четыре года терзал нашу советскую землю, и сейчас пришло время расплаты за злодеяния. И хотя мы много месяцев ждали этого момента, наступил он все-таки как-то внезапно. Переехав невзрачный мостик через не менее невзрачную речушку, мы увидели большой стенд с такой, кажется, надписью: «Воин Красной Армии! Перед тобой логово фашистского зверя — Германия!», и сразу же за мостом, на повороте дороги, бросился в глаза стандартный столб с уцелевшим еще немецким указателем: «Berlin...km» и привязанной уже нашими дощечкой с броской надписью по-русски: «На Берлин!!!» А дощечка эта была привязана к столбу вместе с замерзшим, убитым, наверное, случайным осколком, старым, серо-грязным, бородатым козлом, с одним обломанным наполовину рогом. Вместо обычно ожидаемых надписей «Вот она, проклятая Германия» тут возникало, в связи с увиденным, другое словосочетание: «Вот она, вонючая Германия!»

Проехали еще немного, и вдруг перед въездом в небольшое селение увидели несколько стоявших машин и около них группу военных. Остановились и мы. Пошел я с Ритой и Ферманюком узнать, можно ли ехать дальше. Подошли ближе и... остолбенели от страшного зрелища: поперек дороги уложены пять или шесть обнаженных людских трупов, среди которых были мужчина, женщины и подросток лет 10—12. Видимо, это была семья. Лежали они лицом вверх, строго в ряд, и их тела были вдавлены в землю. Судя по следам танковых гусениц, какой-то наш танкист таким образом отомстил Германии за фашистские злодеяния на нашей земле, а может, и за погибшую таким же образом от рук гитлеровцев свою семью. ...Рита отвернулась, уткнулась мне в плечо, ее тело стало содрогаться в едва сдерживаемых рыданиях. Я отвел ее к нашим машинам и постарался успокоить. А она

сквозь всхлипывания все повторяла: «Ну, зачем же так! Ну, зачем!!!»

В танкисте этом, совершившем такое злодеяние, подумал я, говорила, наверное, не просто ненависть, а злоба нечеловеческая, которую понять еще можно, но оправдать — нельзя! Конечно, война прошла по каждому из нас тем самым, окровавленным немецким сапогом. Всякий знал и помнил, как эсэсовские живодеры и головорезы истязали женщин и детей, сжигали живьем и вешали, умерщвляли их в душегубках. Забыть этого нельзя и через века. Простить — тоже. Но мы же не фашисты, нельзя же уподобляться им... Хотя и эта табличка, привязанная к мертвому козлу, — тоже не шедевр остроумия.

Объехали мы это страшное место, сделав солидный крюк по целине. И долго еще молчали. Рита то и дело всхлипывала, а меня занимали воспоминания и размышления, ох, какие нелегкие.

Да, конечно, мы ненавидели фашистов беспредельно. И высоту накала этой ненависти трудно было как-нибудь снизить, особенно когда вступили на землю врагов наших. Вспомнились и мои собственные слова, написанные в том же Кутно:

Каждый потерял кто дочь, кто сына,
Кто старушку-мать или отца,
И за этот произвол звериный
Мы клялись бить гадов до конца.

Да, а теперь «вот она, проклятая Германия», как все чаще кричали фразы с установленных на дорогах щитов. Невольно считаешь это тем рубежом, к которому так долго и упорно стремились все мы, но до которого не довелось дойти многим и многим нашим воинам, сложившим головы далеко отсюда — в Белоруссии, под Сталинградом, на Украине и на этой, чужой нам — польской земле.

Полегли они во имя всех нас, чтобы мы все-таки дошли сюда! Лежат они в болотах и лесах, на дне рек и оврагов, в за-

снеженных полях. И кто знает, найдет ли их кто-нибудь, когда-нибудь, чтобы передать весть о том, что добрались мы наконец сюда, куда дошли, добежали... А где и доползли наконец до самого исчадия зла. Мы помним всех вас поименно. И именно сейчас, вступив на землю врага, говорим: и ваши жертвенные имена переступают ныне эту черту, этот рубеж вместе с нами, ибо без последнего в вашей жизни шага не дойти было бы сюда и нам. И еще помним мы клятвы над могилами друзей боевых — отомстить! И наше безудержное стремление к уже не такой далекой Победе — воплощение наших клятв.

Трудно, конечно, удержать от подобного всю армию, воевавшую почти 4 года. Но воевали мы ведь не с немецким народом, а с его армией, агрессивной, преступной, потопившей в крови жизни миллионов советских людей, в том числе и женщин, и стариков, и детей! И ведем борьбу на уничтожение фашизма и войск его, олицетворяющих звериный, кровавый гитлеровский «новый порядок». Но помнили мы тогда слова Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский остается».

Наверное, не единичные такие случаи, какой видели мы здесь, и вынудили Ставку Верховного Главнокомандования вскоре издать строжайший приказ о жестоком наказании, вплоть до расстрела, тех, кто будет вымещать свою, пусть и понятную, ненависть к фашизму на мирном населении. И, как показало время, это обуздание эмоций мстителей очень быстро дало свои результаты. Насколько действенным был этот приказ, говорит то, что уже к началу Берлинской операции к нам в штрафбат поступило несколько человек, осужденных за подобные действия.

Долго мы ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Многие населенные пункты были пустынные: либо население убегало с отступающими войсками под влиянием лживой геббельсовской пропаганды, либо его угоняли насильно. Это уже за Одером убегать им было практически некуда, и почти из каждого окна свешивались белые флаги

(простыни) в знак капитуляции. А на этой, еще предодерской, части Германии жители попадались очень редко, чаще были беженцы из фашистской неволи, порядком изможденные.

Догнали мы свой штаб уже тогда, когда рота Бельдюгова была брошена в бой на отражение контратак гитлеровцев под Штаргардом, куда пытались прорваться крупные их силы из Восточно-Померанской группировки, зажатой войсками 2-го Белорусского фронта уже под командованием маршала Рокоссовского.

Чтобы обстановка, сложившаяся там, стала понятнее, сошлюсь на книгу генерала С.М. Штеменко «Генеральный штаб в годы войны» (книга 2. С. 489—491). В ней говорится, что здесь, чтобы отвлечь силы 1-го Белорусского фронта, вышедшего уже за Одер и захватившего кое-где плацдармы, немцы и предприняли большое контрнаступление. Из этой же книги явствует, что именно тогда, в феврале 1945 года, 1-й Белорусский фронт вынужден был повернуть значительную часть своих сил в направлении Восточной Померании для борьбы против сопротивлявшейся 2-й немецкой армии в Шнайдемюле.

Противнику удалось в короткий срок изменить в свою пользу соотношение сил, и 17 февраля из района Штаргарда немцы нанесли сильный контрудар, потеснивший наши войска, в том числе 61-ю армию. В интересах одной из дивизий, то есть 23-й, с которой рота штрафников начинала бои на подступах к Варшаве, эта рота снова была введена в бой на отражение атак немцев. Крупные резервы, брошенные туда маршалом Жуковым, совместно с войсками Рокоссовского сломали упорное сопротивление фашистов, и уже 1 марта возобновилось движение войск вперед, а к 5 марта штрафная рота добила остатки гарнизона Штаргарда. Город был свободен.

Я не успел к этим боям, но, как мне рассказывали потом их участники, это было многодневное ожесточенное сражение, похожее на бои по окружению немцев под Брестом. Та-

кие же жаркие, отчаянные схватки, не оставившие фрицам ни одного шанса. И потери наши там тоже были немалые.

Штаргард я увидел уже, кажется, 8 марта. Город это был большой, но, как и многие германские города, в которых фашисты оказывали упорное сопротивление, почти весь сожжен и разрушен. А перед этим разыскал я комбата, доложил о прибытии тылов батальона в полном составе, без потерь. И, конечно, воспользовавшись его хорошим настроением, доложил о переводе своей жены из госпиталя к нам в батальон.

Представил ее, а она строго по-уставному отрапортовала, что прибыла для прохождения дальнейшей службы, и подала ему предписание. Я, несколько торопясь, чтобы не увидеть, какова будет реакция на такой «сюрприз», попросил его разрешения направить «младшего сержанта Макарьевскую в батальонный медпункт в распоряжение капитана медслужбы Бузуна». Батурин, видимо, не ожидавший такого поворота событий, как-то неопределенно пожал плечами и велел передать нашему доктору Степану Петровичу, чтобы он установил круг ее обязанностей.

Ну, и слава богу! Все сложилось как нельзя удачно.

А рота Бельдюгова, заметно поредевшая после Штаргарда, «зализывала раны» и вместе со вторым эшелонном дивизии продвигалась вслед за танковыми частями к Одеру, по направлению к Штеттину. Мне же комбат снова нашел применение.

Пока эта рота находилась во втором эшелоне стрелковой дивизии, она передвигалась непосредственно за ее полками, не теряя готовности к вводу в бой в любую минуту. Мне поручили сформировать из нового пополнения роту, которая должна была либо заменить в критической ситуации воюющую роту, либо в нужное время своими взводами влиться в ее боевой состав.

Часть штаба и тыла нашего ШБ, кроме тех их подразделений, которые обеспечивали роту в наступлении, меняли место дислокации раз в двое-трое суток, в зависимости от

скорости продвижения линии фронта. В этой же группе находилась и основная часть батальонного медпункта, а другая ее часть, возглавляемая фельдшером, старшим лейтенантом Иваном Деменковым, продвигалась вместе с ротой Бельдюгова. Поэтому наш батальонный эскулап Степан Петрович с нескрываемым одобрением принял в свой штат медсестру и стал дотошно готовить ее к новым обязанностям, заметно отличавшимся от ее опыта госпитальной палатной сестры. Ведь теперь ей придется иметь дело с перевязками в боевых условиях.

Так и продолжали мы передвигаться за дивизиями первого эшелона 61-й армии, то почти догоняя их передовые части и вступая в бои, то отставая на 5—6 километров. И примерно к 15 марта, когда дивизия приостановила продвижение, встреченная упорным сопротивлением противника, мы подошли к району предместий города Альтдамм, который прикрывал своим расположением восточный берег Одера напротив Штеттина. Здесь я получил приказ сформированную мною, прямо скажем, еще не роту, а что-то вроде «полуроты», человек около 50, состоящей из полутора взводов, присоединить к роте Бельдюгова.

Как мне в 2002 году напомнил в своем письме Алексей Афонин, бывший тогда командиром взвода у Бельдюгова, наша «полурота» догнала их на рассвете где-то в районе, близком уже к восточной окраине Альтдамма, где штрафники готовились к штурму этого города. Те полтора взвода, которые я привел уже вооруженными, быстро распределили по малочисленным к тому времени взводам основной роты. Взвод под командой Кузнечика вошел в ее состав целиком, а сам младший лейтенант Евгений Кузнецов заменил бывшего по ранению Александра Шамшина.

Так начиналось боевое крещение Кузнецова. Но, как я обнаружил чуть позже, боевое крещение выпало здесь и на долю Риты, которая, оказывается, убедила доктора Бузуна отправить ее на передовую. Степан Петрович сам лично прибыл сюда и создал как бы передовое звено своего медпункта

в составе фельдшера и медсестры, которые практически вошли в состав роты в роли санинструктора и фронтовой санитарки.

А я снова оказался вроде бы ни при чем, так как не было никаких указаний о том, где мне быть после того, как передам свою «полуроту». Естественно, в ожидании серьезных боев, а еще и потому, что здесь уже была моя жена Рита, я снова принял на себя (уже самостоятельно) роль того самого «дублера», которую исполнял при взятии пригородов Варшавы, с чем признательно согласился и командир роты Бельдюгов. Оказался я невядалеке и от него, и от взвода Алеши Афонина. Взвод Кузнецова был правее. Иван Бельдюгов поделился со мной полученной задачей атаковать немцев через боевые порядки стрелковых подразделений дивизии. Опять нам первыми ломать сопротивление и первыми принимать бой в условиях города...

Город представлял собой единственную и почти на всем протяжении прямую, достаточно широкую улицу, вытянутую вдоль берега и застроенную каменными зданиями. Восточная окраина города была обращена к нам тыльной стороной основных застроек, хозяйственными дворами, огородами и захвачена была быстро, как говорится, на одном дыхании, хотя сопротивление немцы оказали упорное и потери у нас были ощутимые. Раненых перевязывали и оттаскивали «в тыл», метров на 50—60, на огороды, за дома, Ванюша Деменков и Рита. Они где перебежками, а где и ползком поспевали к раненым, одним делали перевязки, другим еще и помогали доползти до сборного пункта за домами.

Другая сторона улицы ощерилась губительным ружейно-пулеметным огнем из бесчисленного множества подвальных окон каменных зданий, превращенных фрицами в целую цепь амбразур. Попросил Бельдюгов через своего связного от полка дивизии выкатить на прямую наводку противотанковые пушки, но не откликнулся командир полка почему-то на его просьбу, может, этих пушек близко не оказалось. Попытка заменить артиллерию ручными гранатами ничего не

дала. Расстояние было до этих амбразур приличное, и практически ни одна граната не попала в эти каменные окна, а попусту их тратить не имело смысла. Да и стрельба по окнам из «ПТР» ожидаемого эффекта не приносила.

Меня угнетало какое-то тревожное ощущение беспомощности роты и моей личной бесполезности в этой ситуации. Да еще не было уверенности в том, что в захваченных уже домах этой стороны улицы не осталось противника. А что, если рота все-таки решится на атаку, не хлестнут ли пулеметы немецкие в спину? Я, наверное, как и Иван Бельдюгов, лихорадочно искал выход из создавшегося положения. Ротный, оказывается, тоже пришел к выводу о необходимости «ревизии» захваченных домов и приказал Евгению Кузнецову частью своих сил организовать такую проверку. И не зря: в нескольких домах на вторых этажах и на чердаках совсем еще неопытным в боях младшим лейтенантом были обнаружены и уничтожены притаившиеся там пулеметные огневые точки. Молодец, Женя!

И здесь я вдруг увидел ползком пробирающуюся к нам Риту. Стало немного не по себе. Знаками и почему-то шепотом (глупо, все равно не услышит!) попытался дать ей понять, что здесь очень опасно, но одновременно почувствовал и удовлетворение ее поведением.

Успешный результат проверки своих «тылов» в какой-то степени вселил уверенность в том, что эта мера оказалась и правильной, и своевременной, и крайне необходимой для наших дальнейших действий. Оставалось решить, как захватить строения на противоположной стороне улицы. И в этот момент ко мне подползли взводный Алексей Афонин со штрафником Ястребковым (или Ястребовым, точно не помню), недавно переведенным к Афонину из моей «полуроты». Они предложили невероятно смелую, но, как мне показалось вначале, невыполнимую идею.

А она заключалась в том, что на нашем участке, где улица представляет собой прямую линию, Ястребков, собрав максимальное количество гранат в карманы и противогазовую

сумку, попытается преодолеть улицу, изобразив перебежчика. Достигнув противоположной стороны улицы, он, прижимаясь к стенкам домов, чтобы его не смогли достать фрицы огнем из своих амбразур, будет забрасывать по одной-две гранаты в них и таким образом подавит эти огневые точки, мешающие роте подняться в атаку. А чтобы немцы поверили в то, что это действительно перебежчик, он выскочит из-за дома с криком «Нихт шиссен!» («Не стрелять!»), с поднятыми руками, а мы все должны будем открыть огонь якобы по нему, но на самом деле значительно выше или в сторону, чтобы, не дай бог, не попасть в него самого. Я не мог сразу согласиться с этим вариантом. Но не потому, что не доверял штрафнику.

Он шел на смертельный риск сам, и понимали мы его правильно. Ведь, наверное, он сам тоже не видел другого выхода. Я помнил его еще по периоду формирования моей «полуроты». Он уже тогда показался мне надежным бойцом, имевшим до штрафбата значительный опыт командира стрелковой роты, на его гимнастерке остались следы от трех орденов. И пока мы формировались, он у меня был командиром отделения, не раз проявлял завидную смекалку и расторопность.

Наверное, нет человека на войне, который не опасался бы пули или осколка от снаряда в бою. Но, видимо, в данном случае боец, а тем более бывший офицер с устоявшимся командирским сознанием, еще не утративший чувства личной ответственности за исход боя, в данной ситуации был так поглощен ходом боя и озабочен его исходом, что вопросы личной безопасности у него отступили на задний план. Так это бывает и у большинства настоящих фронтовых командиров. Это состояние я наблюдал у многих моих товарищей, например у Янина, Семькина, Сергеева и других. Пожалуй, замечал я такое и у себя.

Не мог я согласиться с этим предложением еще и потому, что теперь это были не мои подчиненные. Посоветовал Афонину доложить свое предложение вначале командиру роты. Тот одобрил этот план и дал подробнейшие по этому поводу

указания остальным взводам, обязав их довести до каждого бойца смысл задуманного их товарищем и обеспечить правдоподобную имитацию открытия огня по «перебежчику-предателю», не забывая держать под огнем и окна амбразуры, и безопасность своего боевого товарища

Собрали ему две противогазные сумки ручных гранат, да он еще и свои карманы набил ими. Выбрав момент, он прополз немного вперед, вскочил, бросил на землю свой автомат и с поднятыми руками, в одной из которых была какая-то белая тряпица, заорал во всю мочь: «Нихт шиссен! Нихт шиссен!» Петляя и падая, устремился он к домам на противоположной стороне улицы, а рота открыла дружный огонь «по перебежчику». Как мы все волновались за нашего смельчака! Удастся ли эта на первый взгляд безумная затея и не погибнет ли зазря этот храбрый боец, не добежав до заветной цели?

И как же радостно было на сердце, когда ему удалось наконец прижаться к стене одного дома. Едва переведя дух, он, буквально вдавливаясь в стену, «прилипая» к ней, начал медленно подбираться к ближайшему окну. Бросив в него одну за другой две гранаты примерно с двухсекундной задержкой каждую, чтобы фрицы не успели их выбросить из подвала, и дождавшись взрывов, он перебежал к другому окну. И так, от амбразуры к амбразуре, с уже приготовленными гранатами, уверенно продвигался вперед. А позади него эти, только что изрыгавшие смерть огневые точки замолкали одна за другой. И вскоре красная ракета подняла роту в атаку. Вначале поднялся взвод Афонина, а вслед за ним — остальные бойцы роты. Броском преодолев эту злополучную улицу, штрафники добивали оживающие огневые точки, окружали дома, не давая улизнуть тем, кто пытался скрыться во всяких пристройках или сбежать к берегу Одера огородами, спускающимися к воде.

Успех был полный! А взвод Афонина обнаружил слева группу фрицев, не замеченную раньше и, видимо, спешившую на помощь тем, кого уже здесь громила штрафная рота

Бельдюгова. Эта группа, как оказалось, вышла из деревушки, расположенной совсем недалеко от окраины Альтдамма. Афонин быстро сориентировался и повел свой взвод, чтобы перерезать им путь. Сильным огнем заставили этих фашистов залечь, а затем и сдать.

Почти сразу же за ротой штрафников, вначале на этом же участке, а затем и на других, в наступление пошли и подразделения полка 23-й дивизии. К середине дня город был взят. Стрелковые подразделения закреплялись на берегу Одера, а нашу роту, выполнившую очередную задачу, отвели. **Альтдамм взят! Это было 20 марта. Памятная дата.** Потери были все-таки значительными. Как мне рассказала потом Рита, ей многих раненых удалось вытащить из-под огня. Я тогда спросил: «Сколько?» «Не знаю, не считала», — ответила она. А когда я об этом же спросил старшего лейтенанта Ивана Деменкова, он сказал, что человек двадцать. Молодец, Ритуха, не подкачала. Даже что-то вроде гордости за нее почувствовал. Скорее, удовлетворение тем, что не придется краснеть за нее.

А каковы были потери за весь путь от Вислы до Одера, за всю Висло-Одерскую операцию для нашего батальона, красноречиво свидетельствует пункт 4 приказа по батальону, который я, как и многие другие документы, предоставленные мне из ЦАМО РФ, привожу дословно:

*Приказ 8 отдельному штрафному батальону
27 марта 1945 года: № 76 Действующая армия*

...4. Действующую 2-ю стрелковую роту в составе: а) офицеров — 11 чел. б) сержантов — 5 чел. и в) переменников — 22 человека и 9 лошадей, полагать вышедшей из оперативного подчинения 311 стр. дивизии и прибывшей в батальон для дальнейшего формирования. Основание: Боевое распоряжение Начштаба 61 Армии № 009 от 24.3.45 г.

Помощнику по м/о зачислить на котловое довольствие.

*Командир 8 ОШБ подполковник (Батурин)
Начальник штаба майор (Киселев)*

Как видите, рота вернулась из боев в составе всего 22 штрафников! А перед началом Висло-Одерской операции это была полнокровная рота численностью более 100 человек. И моя «полурота», да еще, наверное, хоть и небольшие, но отдельные группы пополнения в ходе наступления... Так что можно себе представить и напряженность, и жестокость боев как на подступах к Варшаве, в Штаргарде, в Альтдамме, так и между ними.

К вечеру подошел и штаб батальона. Комбат приказал Бельдюгову оставить тех, кто уже по своим срокам и боевым делам подлежал освобождению, а остальных передать мне для формирования новой роты.

Отвели нас на одну из окраин Альтдамма, и там начались привычные дела по приему уже накопившегося пополнения, формированию из него подразделений, сочетанию во взводах и отделениях имеющих пехотный опыт войны с теми, кто был слабее в этом отношении. Как ни странно, но появилось, хоть и немного, свободного времени.

Мне отвели небольшой домик, в котором мы с Ритой разместились. Невдалеке устроились и Афонин, и Кузнецов, да и все остальные офицеры. Был конец марта, солнце пригревало так, что мы днем уже ходили без шинелей и без своих овчинных жилетов. Только «кубанки» да шапки еще не сменили на пилотки или фуражки. Рита будто возмужала, лицо ее, всегда бледноватое, обветрилось, вроде бы даже загорело.

Казалось, она даже немножко пополнела. Это потом мы догадались, что она беременна. А когда я спросил ее, не страшно ли было на передовой, она ответила: «Страшновато, но тогда я об этом не думала». — «А могла бы ты убить немца, живого человека, вот там, на поле боя?» — «Наверное, могла бы, не знаю...»

Вскоре были подведены итоги действий роты в Висло-Одерской операции. Капитан Иван Иванович Бельдюгов получил высший по тому времени боевой орден Красного Знамени и был представлен к званию «майор». Афонин и

Кузнецов получили ордена Александра Невского, а штрафник Ястребков (Ястребов?) — орден Славы III степени. Жалел он, правда, что не медаль «За отвагу». Бельдюгов и представлял штрафника к ней, но Батулин или по «доброте», или с умыслом сделал представление уже без пяти минут восстановленного во всех правах офицера к солдатскому ордену Славы. О том, как и почему реагировали на это награждение офицеры-штрафники, я уже объяснял читателям ранее.

Было награждено еще несколько человек, ну а я, числившийся в составе боевого подразделения только дублером, естественно, не был награжден. Зато Риту, по настоянию нашего врача Степана Петровича, представили к награде медалью «За боевые заслуги». Радовались мы этому, конечно...

Еще через несколько дней стало известно, что полоса 1-го Белорусского фронта в ожидании решающего наступления на Берлин значительно сужается, и мы должны будем передислоцироваться значительно южнее.

Я занимался формированием роты и подготовкой ее к передислокации вдалеке от расположения штаба, когда до нас дошел слух, что к штабу батальона неожиданно подъехал командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К.К. Рокоссовский. За ним уже утвердилась репутация маршала, который часто бывает непосредственно в войсках. Вот и здесь он вроде бы приехал на тот участок, который отходил от 1-го Белорусского к нему, да еще досужие фантазеры предполагали, что он просто знал, что здесь расположена та самая «банда Рокоссовского» (как окрестили нас немцы), и решил ее навестить. По крайней мере, так многим хотелось думать.

Но опять, как тогда, под Жлобином, казалось, мне не повезло. Я не успел понять ситуации и подойти, чтобы увидеть прославленного полководца, но, как выяснилось тут же, приехал всего-навсего какой-то генерал, ростом и внешним видом вроде бы похожий на маршала. Поэтому и прошла по «солдатскому телеграфу» такая дезинформация. Ну а что там

происходило, мне уже было неинтересно, дела были поважнее.

Вскоре стало известно, что моей роте предстоит участвовать в форсировании Одера на одном из участков, севернее уже захваченного войсками 1-го Белорусского фронта Кюстринского плацдарма.

Вот туда, на юг, нас всех срочно и перебросили.

Ну а как шла подготовка к тому, что потом назвали Берлинской операцией, как прошло само форсирование Одера и что за всем этим последовало, я расскажу в следующей главе.

ГЛАВА 12

Впереди Одер и Берлин. С кем идем в «последний, решительный бой». «Старик» Путря, анекдотист Редкий. Форсирование Одера. Бой на плацдарме. Немецким «панцер-фаустом» по немецким танкам. Гибель бывшего летчика Смешного. Снова ранение

Сосредоточились мы после долгого и утомительного марша, километрах в шести от Одера, в аккуратной немецкой деревеньке, в основном застроенной каменными двухэтажными зданиями. Жителей в ней не осталось, успели все удрать за Одер, хотя разрушений в деревне не было видно. Побросали немцы все: и мебель, и застеленные перинами кровати (пышные перины — обязательный атрибут любого жилого немецкого дома), и разнообразную кухонную утварь.

Разместились, в общем, уютно. В одном доме (комнаты 3—4) поместились все офицеры роты. Одну из комнат на втором этаже заняли мы с Ритой, другие — мои взводные офицеры, старшина и ротный писарь.

Хозяйственники рядом с нашим домом быстро организовали офицерскую «столовую» по-батуриински. К нам постоянно стали доноситься густые кухонные запахи, к которым Рита относилась весьма разборчиво. У нас уже не было со-

мнений, что все идет своим чередом. Состояние ее стало настолько общеизвестно, что в «столовой» ребята часто откладывали часть своих порций селедки для нее. Знали, что ее «тянет» на соленькое, на остренькое.

Наш батальонный доктор Степан Бузун зашел однажды к нам и напрямик заявил, что в связи с беременностью Риты он категорически исключает ее работу на передовой, и она впредь будет по мере сил своих только помогать ему в батальонном медпункте, и что это его решение он согласовал с комбатом.

Когда мы освоились в этой деревне, определились, где штаб, где жилье комбата, то заметили, что в его доме мелькает женщина. Это была довольно полная, небольшого роста, дебелая женщина с несколько припухлым, но не лишенным приятных черт лицом. Подумалось, не пригрел ли он чудом оставшуюся немку? Но оказалось, что это была жена Батурина. Не какая-нибудь «временная», а самая настоящая, законная, довоенная супруга. Как удалось комбату ее «вытребовать» из России, не знаю, но она не была ни солдаткой, ни тем более офицером.

Мы, офицеры, знали, что у многих командиров высокого ранга жены, не будучи военными, делили фронтовой быт и фронтовые опасности со своими мужьями. Уже потом, после войны, я узнал, что и жена генерала Горбатова была с мужем. Ну а условия, в которых находился наш комбат, когда батальон воевал только поротно и ему, комбату, нужно было фактически только заниматься подготовкой рот и передачей их воюющим войскам, тоже позволяли держать при себе свою половину. Да и мне стало как-то комфортнее: теперь уже не только мы с Ритой были предметом разговоров некоторых офицеров. Да и Батурин к нам стал относиться несколько мягче.

Между тем формирование и подготовка роты шли своим чередом. Мы все понимали, что форсирование последнего водного рубежа, прикрывающего гитлеровцам их столицу Берлин, да еще такого крупного, как Одер (а другой задачи

мы не предполагали и были правы), станет «последним и решительным боем». Ведь едва ли после выполнения этой задачи нам достанет еще сил с боями дойти до Берлина. И может быть, потому я подробнее остановлюсь на характеристиках людей, с которыми мне предстояло идти в этот последний, для многих, наверное, смертельный бой.

Как я уже говорил, пулеметный взвод при моей роте снова формировал Георгий Сергеев, ему помогал другой взводный этой же пулеметной роты, старший лейтенант Сергей Сисенков. Я уже раньше много писал о командире пульвзвода Жоре Сергееве, о его характере. В бою, казалось, он находил самые опасные места и лез в них потому, что там его появления никто не ожидал. И в этой его нелогичности была высшая логика выживания на войне. Он был не бесшабашен в своей смелости — она держалась у него на трезвом расчете и уверенности, на тактической грамотности. Под стать ему были и его коллеги-пулеметчики, оба Сергея — Сисенков и Писеев. Вернее, они во всем старались подражать Георгию, не все им, правда, удавалось, но чаще всего их поступки были продиктованы именно этим. Командир пулеметной роты, майор Бабич Анатолий Григорьевич, по-моему, был рад, что у него появился такой опытный офицер.

И я рад был снова чувствовать надежное плечо Сергеева.

Взводным и на этот раз у меня был известный уже читателю Жора (Георгий Васильевич) Ражев, в последнее время ставший нервным, вспыльчивым и не сразу приходящим в нормальное состояние. Более заметным стало и его влечение к спиртному, что вызывало иногда определенные трения между нами. Причем это его увлечение и некоторые последствия его даже стоили внимания комбата. Надо сказать, что мы уже привыкли к манере нашего комбата Батурина, в отличие от его предшественника полковника Осипова, сыпать высканьями направо и налево, то устными, то в приказах. И мы стали понимать, что эта манера батуринская вызвана тем, что этим он компенсировал отсутствие авторитета, которым обладал наш Батя, Аркадий Александрович. Тогда дисцип-

лина офицеров и постоянного состава, и переменников держалась, пожалуй, в том числе и на нежелании огорчать своими неверными поступками уважаемого командира. При Батурине исчезло это сдерживающее начало, и дисциплина в батальоне стала заметно хромать. Ну, а некоторые случаи, выходящие за рамки нормального поведения, естественно, не могли оставаться безнаказанными. Так, приказом по **8-му ОШБ № 88** от **8** апреля 1945 года подполковник Батурин объявил Ражеву *«за пьянство и дебош 8 суток домашнего ареста с удержанием 50% денежного содержания за каждые сутки ареста»*. А дебош заключался в том, что Ражев попросту устроил скандал с неприличной руганью и спьяну не заметил, что свидетелем этой сцены был замполит майор Казаков.

Это «увлечение» Ражева заставляло меня все чаще прибегать к своим командирским мерам, а заодно и к раздумьям о смысле воинской дисциплины... Только сейчас, когда перед моими глазами лежит ксерокопия этого приказа, я обратил внимание на **5 восьмерок** и подумал, не специально ли для «оригинальности» были определены эти **8** суток ареста, а не 5 или 10? Если это так, отдадим должное юмору комбата.

Ну а что касается взысканий «направо и налево», то приведу факты из разных приказов, изданных комбатом за последний месяц войны и первое послевоенное время:

17 апреля — за систематическое пьянство и самовольные отлучки, находясь в госпитале на излечении, арестовать бойца-переменника Гущина В.А. на 10 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте.

28 апреля — за опоздания на учебные занятия лейтенанту Афонину и мл. л-ту Писееву — объявляю выговор.

5 мая — «за нарушение моего приказа, запрещающего вступать в интимные отношения с немецкими женщинами, капитана Г... М... И... арестовать на 5 суток домашнего ареста с удержанием 50 %...»

8 мая — за самовольный уход из расположения части мо-

ему заместителю по строевой части подполковнику Филатову объявляю выговор.

12 мая — за сокрытие документов выписанного из госпиталя после излечения по ранению бойца-переменника Шульгу А.Т. арестовать на 10 суток строгого ареста с содержанием на гауптвахте.

14 мая — за опоздания на занятия капитана Пусик К.Д. арестовать на 2 суток домашнего ареста с удержанием 50% денежного содержания... майорам Цигичко В.К. и Бельдюгову И.И. объявить выговор

26 мая — капитанов Слаутина за плохой учет личного состава и Зельцера за обман начштаба арестовать на 3 суток домашнего ареста каждого с удержанием 50% денежного содержания...

30 мая — за попытку грабежа гражданского населения (немцы) переменников Стырова Ю.В и Рябко В.И. арестовать на 10 суток строгого ареста каждого с содержанием на гауптвахте.

Если все приказы о наказаниях приводить, то это займет много страниц. Но ограничусь лишь несколькими комментариями.

В большинстве случаев в приказах о наказании переменников указаны полностью их имена и отчества, офицеры же часто перечисляются даже без инициалов. К переменникам почему-то применялся только строгий арест, при котором пища полагалась только один раз в двое суток. Да и прибывшего из госпиталя после ранения, полученного в бою, испутившего свою вину кровью, пока только формально не восстановленного в правах офицера сажать под строгий арест, как солдата, как-то не по-офицерски. И к офицерам постоянного состава часто применялся арест, хотя и «домашний».

Как тут не провести аналогию с предшественником Батурина, полковником Осиповым. Тут можно и без комментариев, достаточно привести содержание одного **приказа № 168 от 3 августа 1943 года:**

Напоминаю офицеру Мильхикеру о том, что его вина заслуживает большего дисциплинарного взыскания, но я надеюсь, что он в боях оправдает мои в этом соображения.

Командир 8-го ОШБ подполковник Осипов

Но вот еще один факт: 8 мая, когда все с часа на час ожидали сообщения о долгожданной Победе, своему заместителю, подполковнику Филатову, только месяц тому назад, 9 апреля, получившему звание «подполковник», равное комбатовскому, объявляется выговор «за самовольный уход из расположения части». Надо полагать, у подполковника могли быть и боевые друзья в соседних селах. Уж не для того ли своему заместителю объявляет комбат выговор в приказе, а не устно, чтобы все об этом знали? Или чтобы последний не возомнил себя равным Батурину? По принципу «каждый сверчок знай свой шесток»?

По понятной причине я не стал открывать истинную фамилию офицера, наказанного за «интимные отношения» с немкой. Тут не поспоришь о справедливости. Но почему-то не отмечен в приказе агитатор Виноградов, попавший в госпиталь по поводу венерического заболевания уже после 9 мая? Или этот недуг «ветром занесло»?

Ну а что касается наказания Ражева и замены его несколько позднее, перед форсированием Одера, и моих раздумий о дисциплине вообще, то разумеется, приходил я к выводам, что дисциплина, то есть полное подчинение начальнику, какого бы ранга он ни был, — это необходимо. Но подчинение не бездумное, покорное, исключаящее собственную инициативу, а с душой, с желанием сделать порученное лучше, быстрее, надежнее. Не во имя воли командира, а во имя победы над врагом. И не готовность по принципу «делай со мной, что хочешь», а стремление сделать нужное во имя осознанной необходимости. Я все чаще сомневался, хватит ли у Жоры уровня вот этой самой «осознанной необ-

ходимости». Ну, а в общем-то, мне, правда, все труднее удавалось управлять своенравным Георгием Ражевым.

Другим взводным тогда, перед Одером, ко мне был назначен недавно прибывший в батальон лейтенант Чайка Алексей Кузьмич. Это был несколько грузноватый, среднего роста большеголовый офицер, казавшийся нам уже пожилым (хотя ему тогда было не больше 35 лет), с редкими светлыми волосами и большими залысинами. Его голубые, с прищуром глаза внимательно смотрели на все из-под нависавших густых бровей. Голос его был глуховатый, вроде бы вовсе не командирский, но речь была спокойной, неторопливой, оттого каждое произнесенное им слово казалось тщательно обдуманном и потому весомым, убедительным. За его кажущейся неброскостью угадывались и острый ум, и недоужинная решительность. Недаром его избрали сразу же парторгом роты. Парторганизация роты официально состояла всего из нескольких человек, коммунистов постоянного состава — командиров взводов, да еще старшина и писарь.

Вообще основная часть штрафников, чувствуя особенность предстоящих боевых действий, были сосредоточенно-печальны, даже несколько подавлены неизвестностью и неотвратимой неизбежностью приближающейся опасности, в то время когда столь долго длившаяся война идет к концу. Невеселые, прямо скажем, мысли владели всеми нами, собиравшимися и готовившимися к этому последнему удару, как многие тогда говорили, «к штрафному удару» по врагу...

Это и естественно. Все мы знали, что принесло нам «вчера»: многие погибли, но нам, живым, повезло. Но кто знает, чем обернется для нас «завтра»? Да и мы, командиры штрафников, понимали, что с этими людьми нам вместе идти, может быть, на верную смерть. И штрафники, конечно, думали, что их будущее зависит в немалой степени от меня, от моего боевого командирского умения, тогда как я думал почти наоборот: моя жизнь зависит от того, как они будут драться, с какой долей умения и сознания своей ответственности

будут выполнять боевые задачи. И именно поэтому я уделял большое внимание тренировкам бойцов во владении оружием, в их физической выносливости. А Чайка быстро определил, кто из переменников имел до штрафбата касательство к компартии, и провел с ними частные беседы, заметно в лучшую сторону повлиявшие на настроение бойцов.

Вместе с Чайкой в батальон прибыл младший лейтенант Юрий Семенов. Его почти мальчишеское, широкое, курносое лицо было обильно усыпано веснушками, будто кто-то, балуясь, сбрызнул его щеки и нос кистью, густо смоченной светло-коричневой краской, да так и не смытой с тех пор. Боевого опыта он еще не имел, а может, потому во многих его действиях сквозила неуверенность, хотя растерянности он ни в чем не проявлял. Зачислен он был в резерв комбата.

Моим заместителем (а вернее — опять, по-батурински — дублером) был назначен состоявший на должности командира 2-й стрелковой роты капитан Слаутин Николай Александрович. Был он каким-то коротеньким и округлым, как бочонок или двухпудовая гиря, хотя толстым его не назовешь. Производил впечатление, будто вообще отлит из чугуна, особенно — его кулаки. Нрава крутого, немногословен и грубоват. При случае, когда слов уж очень не хватало, мог дать волю и матерщине и этим, почти пудовым кулакам. В формировании роты участия принимал мало, хотя всегда был на глазах. Я понимал, что и в форсировании Одера он тоже участвовать не будет, а назначен лишь для подмены меня в случае выхода из строя. А в данном случае таких «выходов» я видел три: либо быть тяжело раненным, либо убитым, либо, что касается меня лично, не умеющего плавать, — утонуть в этом Одере. Единственным моим желанием было, чтобы Николаю не пришлось дублировать меня. Да и при таком варианте, сколько времени потребуется на замену, если она потребуется, когда между «дублером» и захваченным плацдармом окажется широкий Одер?

Командиром взвода «ПТР» к моей роте был «прикоман-

дирован» старший лейтенант Кузьмин Георгий Емельянович. С ним у нас в роте стало аж три Георгия, и ее в шутку стали называть «трижды Георгиевской». Он был всего на один год старше меня, но выглядел значительно старше, был, как говорят, не по годам серьезным, хотя неожиданно мог и пошутить.

У меня тогда еще не было определенности в том, нужен ли при форсировании такой большой реки взвод сравнительно тяжелого оружия. Ведь противотанковое ружье по расчету даже переносить должны были двое. Но было еще время подумать об этом.

Заместителями командиров взводов назначили, как всегда, штрафников — бывших боевых офицеров. Я, к сожалению, не помню их фамилий, за исключением одного. Это был крупный грузин, обладающий какой-то обезоруживающей улыбкой, имевший большой боевой опыт. Фамилию его я не запомнил, или Гагуашвили, или Гогашвили. Так вот он говаривал, что почти все четыре года воюет непрерывно, хотя трижды побывал в госпиталях (шутил он так: когда «Гога» лечится — воюет «Швили», когда «Швили» лечится — воюет «Гога»).

Помню и одного из командиров отделений — бывшего моряка, кажется, капитан-лейтенанта по фамилии Редкий. Его «редкая» фамилия запомнилась мне прочно, а вот имя и отчество его (Михаил Петрович) удалось установить только по архивным документам. Назначили его командиром отделения за энергичность и, казалось, веселый нрав. Он постоянно травил анекдоты, рассказывал о своих боевых (и не только боевых) приключениях, в которых, казалось, больше допустимого чувствовалось и хвастовства, и даже неправдивости. Этому тогда я не придавал значения, думая, что в трудную минуту его веселый нрав не подведет. К сожалению, это оказалось не так. Но об этом позднее.

Вскоре, когда боевой расчет роты был завершен, взводы и отделения сформированы с учетом подготовки бойцов и дальнейшее поступление пополнения его уже не меняло, к

нам в роту прибыл пожилой штрафник по фамилии Путьра Прохор Антонович. Был он очень худым, просто истощенным. Я даже удивился, что его по возрасту не списали в «гражданку», таким старым он мне показался, хотя ему и пятидесяти не было. Помнится, был он 1898 года рождения. В нашей долгой беседе он рассказал, что попал к нам после того, как несколько лет отсидел в тюрьме за то, что, будучи начальником отделения одного из больших военных складов в чине техника-интенданта 1-го ранга (были до 1943 года такие воинские звания), пошел на сокрытие излишков хозяйственного мыла. А комиссия, проверявшая склад, обнаружила этот неучтенный ящик, из которого уже несколько кусков дефицитнейшего по тому времени товара было пущено «в оборот» — обменено на хлеб для немалой семьи Путри. Правда, из копии приговора следовало, что еще какой-то грех за ним числился, касающийся незаконной продажи лесоматериалов. Но у него был такой обреченный вид, что я решил не уточнять этих данных. Ну и получил он полагавшиеся ему по законам военного времени несколько лет тюремного заключения. Угрызения совести за то, что почти всю войну провел в тюремных камерах, заставили его проситься на фронт. Как он мне говорил, лучше погибнуть на фронте во имя Родины, чем прослыть преступником, наживавшимся на солдатском добре. И вот наконец заменили ему оставшийся срок пребыванием в штрафном батальоне.

А у меня в роте уже было несколько таких «условно освобожденных» из тюрем и лагерей. Одного из них, еще сравнительно молодого, не сильно исхудавшего (был в лагере близок к кухне), но уже давно не державшего в руках оружия, я пожалел и назначил поваром ротной походной кухни. Меня тогда почему-то не смутили его руки, до локтей исписанные темно-синими узорами татуировки, и некоторые его тюремно-лагерные замашки и жаргон. Он утверждал, что до получения срока за поножовщину, будучи техником-интендантом запаса, работал где-то на юге поваром ресторана и что

из обычных солдатских продуктов сможет готовить приличную еду.

Но вот появился Путря, с печальными, какими-то потухшими глазами. Руки его, костлявые и тонкие, как птичьи лапки, показались мне неспособными удержать даже легкий автомат, не говоря уже о пулемете или «ПТР». И решил я его назначить на кухню вместо того, татуированного, чтобы не подвергать его жизнь тем опасностям, которые предстояли всем нам, да ко всему мне стало жаль его еще и потому, что он, как и я, не умел плавать, а нам предстояло форсировать Одер. Надо было видеть, сколько затаенной радости вспыхнуло в его грустных глазах, сколько надежды засветилось в его едва сдерживаемой счастливой улыбке...

А тот, с татуированными руками, когда я передал его во взвод Чайки, не сдержал озлобления, и я впервые услышал нечто вроде угрозы в мой адрес: «Ладно, капитан, увидим, кого первая пуля догонит». Я никогда не был самоуверенным человеком, однако отсутствие этого качества не мешало мне в нужную минуту быть решительным и настойчивым. И эта, будто вскользь брошенная им фраза, только укрепила меня в правильности решения. Когда делаешь дело, принимаешь решения и несешь за них ответственность — тут не до сомнений. Это уже потом, в таких случаях, когда дело сделано, можешь анализировать: а мог бы сделать лучше, решить правильнее, не «перетянул ли струну»?

Среди штрафников большим усердием в овладении особенностями боевых действий пехоты отличался бывший капитан, летчик, тоже с необычной фамилией и с таким же необычным отчеством — Смешной. Павел Антифеевич (отчество это мудреное я просто не помнил и тоже почерпнул из документов, присланных мне из ЦАМО РФ). Это был высокий, спокойный, сравнительно молодой блондин. Я уже знал, что его жена служит где-то недалеко, в одном из крупных штабов офицером-шифровальщиком, и что двое их детей остались на попечении бабушки в одном российском городке.

Смешной попал в штрафбат за то, что он, командир или техник авиаэскадрильи, боевой летчик, имевший уже орден боевого Красного Знамени, перегоняя с группой летчиков, по воздуху, с авиазавода на фронт новенькие истребители, допустил авиакатастрофу. Один из его подчиненных, то ли решив испытать в полете машину в недозволенном режиме, то ли просто не справившись с ней в воздухе, разбил ее и погиб сам. Вот офицер и загремел в штрафбат.

В те предельно напряженные дни постигал Смешной пехотную науку старательно, инициативно, тренируясь, используя любую свободную минуту, в перебежках, самоокапывании и переползаниях по-пластунски до изнеможения, как он сам говорил, «до тупой боли в натруженных плечах и гудящих ногах». Был он сколько настойчив, столько и терпелив. Стремился все познать, все испробовать. Будучи во взводе автоматчиком, научился метко стрелять из противотанкового ружья, из пулемета. До всего ему было дело. Все, считал он, в бою может пригодиться. Он сумел даже освоить довольно меткую стрельбу из трофейных «фаустпатронов» (или, как их стали называть, «панцерфауст») по находившемуся неподалеку сгоревшему немецкому танку. Казалось, он трудился круглые сутки, никем не принуждаемый, никем не контролируемый.

Его жена, тоже капитан, совершенно неожиданно появилась как-то у нас в батальоне. После встречи с мужем она, сохраняя, видимо с трудом, напряженно-спокойное выражение лица, мягким грудным голосом попросила меня об одном: если муж будет ранен — помочь ему выжить. Какая, казалось, малая просьба! Надолго остались в моей памяти впечатления об этой скромной и мудрой женщине, оставившей детей где-то в глубоком тылу, чтобы на фронте по возможности быть ближе к их отцу и любимому человеку и внести свой личный вклад в дело Победы.

Конечно, такое напряжение в те дни было только в моей роте, готовящейся к предстоящим боям. В остальной части батальона жизнь шла спокойнее, занимались другими дела-

ми. За напряженной подготовкой к боевым действиям время летело быстро. Рота росла. Собственного состава, без приданных взводов — пулеметного и ПТР, в роте уже было более ста человек, по тридцать с лишним штрафников во взводе. Не дремали трибуналы, да и комдивы старались свою власть употребить...

С рассвета и дотемна проводили мы напряженные занятия, стрельбы, марши. Была уже середина апреля. Настали по-весеннему теплые дни — шинели, ватные телогрейки и бушлаты уже оказались лишними, однако кубанки свои, которые многие носили по-ухарски, набекрень, не снимали. К слову сказать, и сам Батурин, и его замполит, майор Казаков, сняли их только через несколько дней после Победы, когда их обоих вызвали в штаб маршала Жукова. Ну, и конечно же, почти все мы с удовольствием «следовали» их примеру.

Здесь я должен сказать, что у Георгия Ражева что-то еще случилось, или Батурин решил, что он ненадежен в предстоящих боях. Он вдруг заменил его лейтенантом Киселевым Иваном Ивановичем, прибывшим в батальон еще перед наступлением на Варшаву, но не участвовавшим в боях за нее. Он долго числился в резерве комбата, наверное, потому, что уже успел получить 3 ранения до поступления к нам в ШБ. Его я мало знал: каким-то он был неактивным, необщительным офицером. И, наверное, не потому, что был значительно старше нас, лет на 10—15, а по каким-то другим причинам, которые он прятал где-то в глубине души. Никак не реагировал на шутки, держался особняком и, казалось, его мучают или тяжелые воспоминания, или такие же предчувствия. Но я рад был такой замене, так как с Ражевым у меня все чаще случались конфликты (потом я узнал истинную причину его «отставки», но об этом в свое время).

Теперь рота перестала быть «трижды Георгиевской». В состав роты был включен также еще один взвод роты автоматчиков, тоже, как и основные взводы, численностью человек 25. Командовал им младший лейтенант Кузнецов, но не Женя-Кузнечик. А другой, тоже мне известный еще по той

роте автоматчиков, командиром которой я числился до боев за Альтдамм. Этого звали Николай Николаевич, и в отличие от Кузнечика был он и старше (уже 23 лет), и ростом повыше, и голосом покрепче.

Стала моя рота уже четырехзвонного состава и практически была готова к боевым действиям. Вскоре была объявлена суточная готовность, и в ночь с 14 на 15 апреля по боевому распоряжению штаба корпуса, в чье оперативное подчинение мы переходили, рота со всем оружием, запасами патронов, гранат, сухого пайка, пешим порядком была выдвинута на берег Одера.

По этому поводу состоялся

ПРИКАЗ

8 Отдельному штрафному батальону 1 Бел. Фронта

15 апреля 1945 года № 94 Действующая Армия

(По части строевой) 1. На 16 апреля 1945 года назначаю дежурным по части капитана Ражева.

2. Сформированную 3 стрелковую роту в составе 12 офицеров, 4 сержантов, 100 чел. бойцов-переменников и 9 лошадей, полагать убывшей в распоряжение командира 89 стр. корп. для выполнения боевых заданий.

Помощнику по м/о исключить с котлового довольствия.

Командир 8-го ОШБ подполковник (Батурин)

Начальник штаба майор (Киселев)

Орфография и дословное содержание пунктов приказа приведены в соответствии с ксерокопией его, предоставленной ЦАМО РФ (Дело 5, оп.80746с, кор. 11. 15 (об)). Однако я прошу обратить внимание на некоторые тонкости.

Во-первых, в день отправки роты на Одер дежурным по части назначен Георгий Ражев, только что замененный в моей роте лейтенантом Киселевым Иваном Ивановичем. Это потом мы узнали, что истинной причиной замены Ражева

была просьба его отца, полковника 5-й Ударной армии, а не сомнения комбата в надежности потерявшего иногда самообладание Георгия. Таким образом, Ражев хотя бы на день становился хоть на маленькую ступеньку, но **над нами**, уходящими в «последний решительный» бой.

Во-вторых, в приказе не перечислены поименно 12 офицеров, уходящих на Одер, а штрафники упомянуты рядом с лошадьми. Да, честно говоря, я и не помню, чтобы этих представителей конского сословия было именно 9, хотя и походная кухня, и повозки с боеприпасами, а также с личными вещами переменников, конечно, были, но не более одной на взвод. Возможно, как и ранее бывало, какую-то часть их надо было списать за счет боевых действий.

Вскоре нам в село Штайнвер, куда мы перебрались два дня тому назад из деревни (дорфа) Цартунг, приехал майор из штаба дивизии, в полосе которой нам предстояло действовать. Я не помню номер дивизии, но это была уже не та, в составе которой мы сражались за Штаргард и Альтдамм, но в составе той же 61-й армии генерала Белова Павла Алексеевича. Узнали мы, что небольшой группе от них удалось уже «сплавать» на тот берег и провести элементарную разведку. Группа вернулась почти без потерь, а командир этой группы, сержант, представлен к званию Героя Советского Союза. Наши офицеры стали поговаривать, мол, если выполнят задачу и останутся живыми, будут и у нас свои Герои. Мы уже знали, что за форсирование таких крупных водных преград, как Днепр и Висла, многие сотни были удостоены этого высокого звания.

Сообщили нам, что в ночь перед форсированием (а когда эта ночь наступит?) к берегу подвезут в достаточном количестве хорошо просмоленные лодки, специально изготавливающиеся где-то недалеко в тылу. Этими лодками занимается саперный батальон, который будет сразу же после захвата плацдарма наводить переправу на него. Меня, конечно, снова грызла совесть, что я не умею плавать, но успокаивало то, что вроде никто и не собирается преодолевать Одер вплавь.

Хотя весна уже набирала силу, а ледоход этой зимой прошел еще в начале февраля, вода в реке была очень холодная, чуть выше плюс 5 градусов. Да и другие данные об Одере не очень радовали. Глубина — до 10 метров обычно, а сейчас, когда еще не закончилось весеннее половодье, и того больше. Ширина на нашем участке метров 200, скорость течения — больше полуметра в секунду. Определяя необходимую скорость движения лодок, мы шагами отмеряли эти 200 метров на суше и засекали время, чтобы определить, на сколько вниз течением может снести лодки и какое упреждение необходимо выбирать. Выходило, что метров на 100—150! Но нас успокаивало то, что на нашем участке река течет по одному рукаву и только километров через пять ее русло делится на два рукава.

В общем, примерный характер предстоящей задачи становился более-менее ясным. Я отметил, что наступает новолуние и ночи будут темными. Первые мои познания, касающиеся Луны и определения ее фаз, когда-то поселил в моем еще детском мозгу, остром к восприятию всего нового, мой дед Данила, сведущий во многих народных приметах и наблюдениях. Но осмысленное понимание этих лунных фаз и умение, глядя на сегодняшнюю Луну, точно определить, через сколько дней наступит новолуние или полнолуние и какую часть ночи, с вечера или под утро, она будет наиболее ярко светить — это уже заслуга нашего преподавателя топографии в военном училище.

Так вот, мои предположения свелись к тому, что наиболее выгодные условия, если командование захочет воспользоваться именно темной ночью, сложатся в период с 10 по 20 апреля.

Вел роту, пользуясь темнотой, представитель дивизии, капитан, предупредив о полном «световом молчании». Нельзя было ни курить, ни включить даже на самые короткие мгновения фонарики, которые на этот раз, в дополнение к тем, что были положены командирам взводов, выдали и всем

командирам отделений. Это было на моей памяти впервые, так как предполагалось, что все сигналы управления боем, особенно при форсировании, будут подаваться не ракетами, как обычно, а сигнальными огнями фонариков, имевших зеленые и красные светофильтры. Сигнальные ракеты тоже были с нами, но уже для применения там, на земле, за которую нам еще предстоит зацепиться.

Шли темпом, заданным этим шустрым, худеньким, «быстрым на ногу» капитаном. Не было и обычных разговоров в строю — все было молчаливы и сосредоточенны.

Мы еще не дошли до берега, когда перед нами оказалось длинное строение, похожее на большой сарай, и наш сопровождающий капитан красным фонариком подал сигнал «Стой». Он попросил меня собрать командиров взводов и под прикрытием этого длинного то ли сарая, то ли склада, разрешил роте покурить, маскируясь, как говорили в таких случаях, «в рукав». Повел он нас, командиров, в находившийся невдалеке окоп.

Там нас ожидали невысокого роста майор в накиннутой на плечи шинели и с палочкой (видимо, после ранения), как оказалось, представитель штаба дивизии, и еще один майор, комбат «стрелкачей», как называли у нас стрелковые части и подразделения. Они объяснили, что в этой траншее сейчас нужно рассредоточить бойцов роты, а затем нам необходимо, оставив здесь тяжелое оружие, перенести из ложины, которую покажут проводники, поближе, за это длинное сооружение, лодки, на которых и будем, как выразился тот майор, с палочкой, «брат Одер». Лодки взять из расчета одну на четверых. Когда я спросил, почему лодки заранее не подвезли сюда, он ответил: «Да продырявят же их снаряды, немцы часто бьют артиллерией по нашим ближайшим тылам». Это очень быстро подтвердили и сами немцы, нанеся короткий, но мощный артналет, как только рота заняла окопы. Хорошо, что успели, а то там, за сараем, не миновать бы нам потерь.

«Вот теперь фрицы часа три будут молчать. Это время и нужно использовать для переноски лодок», — добавил майор.

Дали на каждый взвод провожатых, и повели взводные свои подразделения за лодками. Часа через полтора-два лодки перенесли за этот длинный сарай. Но они оказались столь тяжелыми, что некоторые из них приходилось нести вшестером. Пришлось за этими оставшимися плавсредствами посылать дополнительно несколько групп наиболее физически сильных штрафников.

Комбат сказал, что для меня у него припасена дюралева лодка с веслами. На ней ходил в разведку их сержант и вернулся. Она счастливая.

Я попросил местного комбата помочь мне провести рекогносцировку берега — и своего, и немецкого. По ходам сообщения, а где они были засыпаны свежими взрывами от недавнего артналета (наш берег все-таки здорово просматривался с той стороны) — в обход этих мест, ползком да по воронкам пробрались мы в первую траншею, вырытую почти непосредственно на берегу, оказавшемся каким-то бугристым, местами пологим, местами возвышенным.

Сразу бросилась в глаза возвышающаяся вдалеке слева над водой длинная и высокая металлическая ферма большого железнодорожного моста через Одер. Судя по карте, железная дорога вела в довольно крупный городишко, название которого я запомнил. Кажется, это был Кенигсбергна-Одере. На большой карте еще в штабе нашего батальона я видел и Франкфурт, тоже на Одере. Какая же бедная фантазия у немцев, если даже городам своим не могут придумать оригинальных названий.

Подумал, что, хорошо обработав артиллерией и авиацией примыкающую к мосту немецкую оборону, можно было бы быстрее преодолеть Одер по этому мосту и захватить плацдарм. Комбат, словно угадав мои мысли, заметил: «Мост сильно заминирован немцами». Значит, другого выхода нет —

нам остается одно: форсировать эту проклятую немецкую реку.

Изучив, насколько было возможно, местность, распределил траншею по взводам и тут же принял решение: взвод противотанковых ружей на реку не брать, пусть он во время нашего продвижения по воде отсюда, с этого берега, поддерживает нас, ведя огонь по немецким дзотам и другим огненным точкам, которые будут обнаружены. Такое же решение после некоторых раздумий я принял и относительно пулеметного взвода. Ведь и его вооружение (пулеметы системы Горюнова да еще один «максим») тоже было достаточно тяжелым, и едва ли наши «дредноуты» смогут выдержать на плаву и четырех человек, и пулеметы.

Жора Кузьмин, командир взвода «ПТР», втайне, по-видимому, обрадовался такому ходу дела, хотя вида и не подал. Да, думаю, если и радовался, то не столько за себя, сколько за взвод: ведь в него отбирали самых сильных и выносливых. Жора Сергеев же, помолчав немного, спросил, кто же будет моим заместителем вместо него, и предложил взять с собой хотя бы два-три пулеметных расчета. И тихонько, почти шепотом добавил: «Хорошо ли ты взвесил свое решение? Не пожалеешь, что без пулеметов пойдешь?»

Рассчитал я, куда примерно мы должны высадиться (если это нам удастся), и обрадовался, что мои предположения совпали с теми расчетами, которые провели в штабе дивизии, так как участок будущего плацдарма нам определили ниже по течению от того места, где мы располагались, метров на сто пятьдесят.

Исходя из этого, взводам пулеметному и «ПТР» определил позиции на правом фланге, здесь, на правом берегу, напротив того места, где предполагалось захватить плацдарм.

Моего «дублера» Николая Слаутина почему-то оставили при штабе штрафбата, не как меня при Бельдюгове во время боев за Варшаву и Альтдамм. А поскольку Георгия Сергеева я оставлял на этом берегу, то своим заместителем на время форсирования назначил лейтенанта Чайку, все-таки имею-

шего возрастное преимущество передо мной и определенный авторитет в роте.

День провели во второй траншее. Для бойцов он был, если можно так сказать, «днем отдыха»: кто занимался подготовкой оружия к бою, кому удавалось «компенсировать» предыдущую и предстоящую бессонные ночи. У нас, командиров, было больше забот: он, этот день, ушел на изучение нашего берега, определение мест, куда должны принести лодки, путей и способов их доставки к воде, а также установление сигналов. Все это мы определяли совместно с майором из штаба дивизии. С наступлением полной темноты (относительной, так как неподалеку от нас горел какой-то завод, да и осветительные ракеты фрицы иногда подвешивали высоко над нами) часов в двенадцать ночи, после очередного артналета, рассчитывая на пресловутую немецкую педантичность, командиры взводов повели своих бойцов за лодками. Пошли с ними и бойцы взвода «ПТР», хотя самим им лодки пока были не нужны, но чтобы не пришлось делать вторую ходку. Да и запас всегда нужен.

Часам к трем ночи лодки были на берегу, в том числе и та, которую держал в резерве и предназначал мне майор. Это была действительно легкая дюралевая лодка, с хорошими, дюралевыми же веслами, в которой и ходил в разведку тот сержант. «Геройская», в общем, лодка, несколько пулевых пробоин в ней были хорошо затампонированы, законопачены. Боевая лодка. Какую-то уверенность в благополучном исходе преодоления этой пугающе широкой реки лично в меня она вселила. Деревянные лодки, как я уже говорил, были тяжеловаты, сделаны, наверное, наспех не из хорошо высушенных досок (да и где их сушить-то на фронте!), но добросовестно проконопачены и просмолены. Воины бережно упрятали их за малейшими складками местности, бугорками и в неглубоких воронках.

Пользуясь темнотой, каждый «экипаж» излазил свой участок, определяя, каким путем спустить свою лодку на воду. На некоторых лодках не оказалось весел, да и имеющиеся

были тяжелыми и неудобными, и потому многим пришлось в голову использовать вместо них малые саперные лопатки, имевшиеся у каждого.

Неясное чувство то ли ревности, то ли зависти шевельнулось, наверное, не только во мне. Опять солдаты дивизии отстают сзади, на берегу, а вот штрафным офицерам опять идти впереди них, раньше их завоевывать «на голом месте» плацдарм, с которого дивизия сможет уже пойти на Берлин завершать эту долгую войну. А нам, скорее всего, до логова фашистского зверя добраться едва ли посчастливится. Тот сержант-разведчик выбирался на вражеский берег тихонько, не обнаруживая себя, и так же уходил оттуда. А нам бой держать.

Но ничего, не впервой! Надо надеяться, прорвемся! Хоть сколько-нибудь из более чем сотни штрафников роты, да доплывут, а если доплывут — то не было еще у них невыполнимых задач. И пусть маленький плацдарм захватят, и хоть зубами, но будут удерживать его до последнего. У штрафников назад пути нет. Да и сознание того, что наш «штрафной удар» приблизит совсем уже близкую, но кому-то из нас и недосыгаемую Победу, приблизит ту самую главную точку в этой войне, к которой стремились и все те, которые сложили свои головы раньше. Может, и мы последуем за ними, но не зря, а ради общего блага, для Родины, для всего мира... За нашей спиной ни земли, ни воды. Все только впереди. Одиночка тут ничего сделать не сможет, именно здесь «один в поле не воин». Но если хоть одному из трех взводов удастся зацепиться... Тогда можно будет сказать: наша опять взяла!

Комбат «стрелкачей», который пробыл с нами почти весь день, накануне (командира полка я так и не видел, хотя плацдарм планировалось захватить для этого полка) передал в мое распоряжение радиостанцию и двух радистов-солдат, не штрафников. Они должны были находиться при мне безотлучно и передавать условные сигналы о ходе и этапах выполнения боевой задачи. Я мысленно уже сформировал экипаж нашей «геройской» лодки: со мной ординарец, два радиста и

еще один штрафник для помощи радистам и в качестве гребца на лодке совместно с ординарцем, чтобы грести «в четыре руки» — нужна ведь хорошая скорость, чтобы не оказаться позади взводов.

Командиры взводов прислали своих связных с докладами о готовности. Кто-то из них доложил, между прочим, что мой резерв надежно расположился в добротной землянке. Резануло ухо это сообщение: никакого резерва я не выделял. Спросил, о каком резерве идет речь. Оказалось, это отделение того моряка-весельчака и анекдотиста Редкого, сформированное по его же предложению в основном из бывших флотских офицеров, на которое я возлагал особые надежды. Моряки ведь народ стойкий! А связной был из взвода, которым теперь вместо Ражева командует Николай Кузнецов. Приказал связному провести меня в эту землянку. И когда вошел в нее и осветил фонариком, то увидел сгрудившихся в ней штрафников-моряков и застывшего в недоумении и растерянности их командира. На мой вопрос, кто и в какой резерв его назначил, он стал что-то сбивчиво врать (оказывается, он и нового, только что назначенного, угрюмого комвзвода обманул). Вот когда с него слетела бравада, и маска весельчака уступила место банальной животной трусости и наглой лжи. Ложь на войне совершенно нетерпима и непростительна. За нее часто расплачиваются кровью, и, к сожалению, часто не сам лжец, а другие.

Когда весь смысл этого дошел до штрафников, один из них, которого все звали «моряк-Сапуняк», фамилию которого я не запомнил, но по архивным спискам, кажется, правильно определил — Стеценко Виктор Иванович, взорвался: «Ах ты шкура!.. — и добавил: — Товарищ капитан! Таких сук и сволочей у нас на флоте расстреливали на месте. Дайте, мы рассчитаемся с ним сами». Я понял, что до всех дошел смысл, что всех их, гордившихся принадлежностью к морскому сословию офицеров, чуть было не использовали для прикрытия трусости и предательства одной гадины. Я тут же отобрал у Редкого оружие, назначил вместо него все еще дро-

жащего от возмущения «Сапуняка». Затем вынул свой пистолет из кобуры и приказал Редкому выйти из землянки, еще не зная, поднимется ли рука расстрелять его или с какой докладной запиской и с кем отправлю его в штаб нашего штрафбата — пусть с ним разберется сам комбат или Военный трибунал.

И надо же было! Как только он вышел из землянки, прямо над ним разорвался немецкий бризантный снаряд и намертво его изрешетил. «Бог шельму метит», вспомнилось мне, и рад я был, во-первых, тому, что не выскочил первым сам, что не успели выйти другие моряки, да и не нужно теперь ломать голову, что с этим Редким-подлецом делать дальше. Жестокими, может быть, были эти мои мысли, но так было. Кто-то из штрафников, выходя из землянки и узнав о случившемся, даже сказал: «Собаке собачья смерть!» Не стал я одергивать этого человека, пусть выйдут наружу эмоции. В данном случае сама судьба жестоко покарала фактического дезертира, хитро и подло предавшего боевых товарищей, покинувшего поле боя...

Вскоре после полуночи, немного успокоившись от случившегося и от очередной своей ошибки в определении истинных качеств подчиненного, через связных я передал команду доставить лодки к воде. Выскочили из окопов мои штрафники и, пользуясь темнотой безлунной ночи, замирая под мертвенно-белесыми огнями немецких осветительных ракет, спасаясь от осколков вражеских снарядов, бросились к своим лодкам. Некоторые уже оказались поврежденными осколками, и бойцы тут же законопачивали их какими-то тряпками, даже отрезая полы шинелей или бушлатов. За это время мы недосчитались нескольких человек убитыми, чуть больше ранеными, которых я приказал собирать в этой злополучной землянке.

Лодки были готовы к спуску на воду, как и предполагалось, задолго до рассвета. Еще раз через связных я передал, что форсирование начнем через пять минут после начала артподготовки по прерывистому зеленому огоньку фонари-

ков. Артподготовка должна была начаться в 5.30 утра. Предполагалась она непродолжительной, чтобы успеть преодолеть реку, а далее огонь артиллерии будет перенесен в глубину обороны противника по сигналу, переданному нами по радио. Однако, к сожалению, не всегда все происходит, как запланировано.

Как я молил судьбу, чтобы над водой образовался хотя бы легкий туман, чтобы фашисты не смогли сразу разглядеть начало форсирования и вести прицельный огонь. Артподготовка началась еще до того, как стал рассеиваться предутренний мрак. Тугой, мощный ее гул будто взбудрил всех, и наши первые лодки уже были на воде. Мои предупреждения о том, что чем быстрее будем двигаться, тем меньше шансов у фрицев поразить нас, хотя и были наивны, неубедительны, тем не менее движение было заметным. Да и туман, хотя и жиденький, неплотный, все-таки ненадолго повис над рекой! Эта ночь была, кажется, третьей или четвертой после новолуния, и ущербная луна появлялась уже после восхода солнца. Это было удачным совпадением.

Немецкий артиллерийский и пулеметный огонь усилился, заметно ожили и наши ПТР и пулеметы, оставленные на том берегу.

Кстати, тогда я не мог понять, почему нас не поддержала авиация. Только значительно позже я сообразил, что вся она работала в направлении главного удара фронта — с Кюстринского плацдарма.

...Черная студеная вода местами словно вскипала, поглощая и некоторые лодки, и отдельно от них плывущих людей. Как оказалось, часть лодок была настолько повреждена или они были просто сами настолько тяжелы, что под тяжестью четырех человек с оружием стали тонуть. И тогда, оставив в них только оружие, штрафники с каким-то безысходным отчаянием бросались в студеную воду и плыли, держась за борта лодок, преодолевая судороги, сводившие ноги в этой холодной купели. Не знаю, многие ли выдержали это испытание, сколько их ушло на дно, но часть этих отважных людей

упорно продвигалась вперед, правда со скоростью, гораздо меньшей, чем мы рассчитывали, и потому сносило их вниз по течению дальше, чем требовалось.

Мое напряженное сознание фиксировало только те экипажи, которые, яростно взрывая веслами, лопатками и просто ладонями и так бурлящую от пуль и осколков воду, выривались в этом слабом туманном мареве. Некоторые из бойцов были без пилоток, и не оттого, что им было жарко — просто пустили они их для законопачивания появляющихся вновь и вновь пробоин в лодках.

Моя легкая, с небольшой осадкой лодка двигалась быстрее других, и, еще не достигнув берега, я подал команду радистам передать условный сигнал артиллеристам на перенос огня. И в этот момент мне показалось, что какой-то фриц ведет прицельный огонь по моей лодке. Вскрикнул радист, в плечо которого впилась пуля. В надводную часть нашей дюралевой посуды попала разрывная пуля, и ее осколками здорово поцарапало кисть моей левой руки. С некоторых лодок велся интенсивный огонь по приближающемуся берегу, с одной из них даже строчил пулемет! Но, кажется, наша лодка первая на берегу!

В две или три лодки, уже приближавшиеся к берегу, на моих глазах попали снаряды, и они взлетели на воздух вместе с людьми. Но та, которая с пулеметом, уцелела, значит, он поможет нашему десанту. Да пулеметчик, кажется, уже и вел огонь по приближающемуся берегу. Вели и немцы огонь, в том числе и своей малой, но достаточно мощной артиллерией — «фаустпатронами». Сколько было разбито лодок на середине реки, я не видел, но несколько из них уже достигли цели, уткнулись в берег, и бойцы бросились вперед, прикрывая кто грудь, кто живот малыми саперными лопатками, как маленькими стальными щитами, и вели огонь из своих автоматов. Первые метры вражеского берега стали нашими. Но как мало оказалось у этого берега лодок, как мало высадилось из них бойцов! Всего человек двадцать. И, оглядываясь назад, я больше не видел ни даже обезлюдевших лодок, ни людей на

воде. Значит, это были все, кто добрались. А остальные? Неужели все погибли? Нет здесь даже ни одного командира взвода! Что с ними? А ведь для двоих из них это был первый бой, ну а наш парторг Чайка был бы хорошей мне опорой, он ведь уже имел боевой опыт, да и спокойная его мудрость не помешала бы всем нам.

Выскакивая на берег, кричу радисту: «Передай — мы на берегу!» Но тот в ответ: «Не могу, рация повреждена, связи нет!!!» Выхватил ракетницу, выстрелил высоко в воздух заранее заряженную зеленую ракету — значит, наши должны понять, что мы дошли, доплыли, добрались и ведем бой за плацдарм. Еще раз тогда пожалел, что почему-то не работает наша авиация. Я уже хорошо видел тот оставшийся там, казалось тогда, в другом мире, правый берег, который недавно был рубежом атаки для нас и с которого предприняли мы свой, наверное, «последний и решительный бой».

Значит, и нас должны хорошо видеть. Да, эта ракета должна и послужить сигналом для переноса огня оставшихся там пэтээровцев и пулеметчиков на наши фланги и в глубину, откуда появились два или три немецких танка.

А здесь, на левом берегу, события развивались с молниеносной быстротой. Недалеко от меня пролетел, шипя и свистя, или снаряд, или «фауст». И тут слева от меня на наш правый фланг стремительно пробежал летчик Смешной, что-то прокричав резким, срывающимся голосом. Заметил я и «Сапуняка», и даже его расстегнутую на все пуговицы гимнастерку, из-под которой виднелась морская тельняшка. Он бежал вперед, увлекая не только других моряков, но и всех остальных, уже выбравшихся на берег. Часть бойцов устремилась за летчиком Смешным. Побежал за ним и я. Наши две небольшие группы рванулись вперед. Не знаю уж, «ура!» кричали перекошенные от злости и напряжения рты, или мат свирепый извергали, но смяли штрафники в рукопашной схватке фашистский заслон в первой встретившейся траншее, оставив позади себя нескольких раненых или убитых собратьев-«переменников». И еще три-четыре человека

упали, всего несколько шагов не добежав до траншеи. Наш летчик Смешной, может, еще с воды заметил немецкого фаустника и напрямиком летел к его позиции. Тот, видимо, не ожидая такого неистового напора и не сумев поразить бегущего прямо на него бойца, выскочил из окопа и пустился наутек, но Смешной на ходу догнал его очередью своего автомата, и тот, сраженный, упал.

Я дал красную ракету и свистком подал условный сигнал «Стой!» — нужно было дать перевести дыхание бойцам и сменить уже, наверное, опустошенные диски автоматов и магазины пулеметов. Да и три танка, показавшиеся вдали, продолжали приближаться.

В траншее нас я насчитал тринадцать человек, достреливавших удирающих фашистов. Мало, но уже хоть маленький клочок земли на этом вражьем берегу завоеван! Теперь задача этими малыми силами удержать его.

И тут за танками показалась контратакующая пехота противника! Сколько их? Отобьем ли? И вдруг один танк остановился и задымил. Оказывается, это Смешной, завладев арсеналом фаустника, подбил немецким гранатометом немецкий же танк. Замечательно! Не зря, выходит, этот смелый летчик на тренировках при подготовке роты к боям фактически изрешетил «фаустами» остов брошенного сгоревшего немецкого танка.

Почти без заметной паузы еще два «фауста» попали во второй танк. Вначале заклинило его башню, он встал и вскоре тоже загорелся. Выскочившую из-за танков пехоту наши бойцы, успев захватить окопы и перезарядить оружие, встретили плотным огнем, от которого многие фрицы попадали, а остальные, вслед за покидающим поле боя задним ходом третьим танком, повернули назад.

И тут как-то стихийно, почти одновременно и без моей команды, штрафники поднялись из окопов и ринулись вперед. Немцы убегали. Многие из них бросали оружие, но никто не поднял рук, чтобы сдаться. Наверное, поняли, что этим отчаянным русским сдаваться неразумно. И, в общем,

конечно, были правы. И вдруг, как только наш герой-летчик пробежал мимо убитого им фаустника, тот, оказавшийся или просто раненым, или притворявшимся, чуть приподнялся и на моих глазах разрядил рожок своего «шмайссера» прямо в спину Смешного, стрелял, пока я не прикончил его, послав в его рыжую голову длиннющую автоматную очередь.

Подбежал к летчику, повернул его лицом вверх и увидел открытые, уже остановившиеся голубые глаза, в которых отражалось совсем посветлевшее небо. То небо, которое он, наверное, так любил и которому посвятил почти всю свою армейскую жизнь. Грудь его была в области сердца разворочена и обильно залита дымящейся алой кровью. На секунду я положил свою ладонь на его глаза, ощутив уже уходящее тепло его лба и век. Но останавливаться мне было нельзя — нужно было решать, что делать здесь, сейчас, немедленно.

Захватили вторую траншею. Теперь нас было уже двенадцать, я — тринадцатый (не считая радистов, оставшихся у лодки). Дал снова сигнал «Стой!» и уже голосом приказал перейти к обороне. Пришло решение отправить донесение комбату со связистами, один из которых был пока даже не ранен. Все равно они мне без радиостанции не нужны, хотя могли бы и воевать. А вдруг догадаются прислать исправную. Да и, может быть, двух-трех тяжело раненных штрафников отправим. Второпях написал в записке-донесении, что *«заняли вторую траншею, обороняемся в составе 13 человек, нужна помощь авиации. Нет ни одного командира взвода. Своим заместителем назначил штрафника Сапуняка. Героически погиб, проявив мужество и необычайную храбрость, офицер Смешной»*.

Написал так потому, что, по-моему, он уже вернул себе офицерское звание, искупив вину свою всей своей кровью и самой жизнью.

...Да, героическое было время. Уже многие годы спустя, в одном из произведений известного грузинского писателя Григола Абашидзе прочел, что *«...герои, патриоты делают свое время героическим»*. И тут прежде всего вспоминались

Янин, Смешной, Ястребков и сотни других храбрецов. *«А при трусах, изменниках, — писал далее Абашидзе, — и для отечества наступают черные дни»*. Применительно к истории нашего ШБ — прежде всего в этом значении вспоминались Гехт, Касперович и Редкий... Хотя Абашидзе имел в виду другие масштабы предательства.

Приказал тогда доставить в лодку двух тяжело раненных штрафников, чтобы скорее отправить их в тыл для оказания крайне необходимой им врачебной помощи, иначе они здесь не выживут. Одного я видел, схватившегося за живот окровавленными руками и корчившегося от боли. Видимо, ранен в живот... Еще не успели принести раненых, как я, наклонившись к радисту, чтобы передать ему донесение, вдруг (опять вдруг!) даже не услышал, а скорее почувствовал, будто огромный цыганский кнут неестественно громко щелкнул у моего правого уха, и... я мгновенно провалился в черный омут, без ощущений его размеров. Успела лишь, как молния, сверкнуть будто успокоительная мысль: *«Убит, не утонул»*. Это уже потом, когда я пришел в сознание, подумал, что неправду пишут, будто непосредственно в момент смерти или за мгновение до нее у каждого человека проходит перед глазами вся прожитая жизнь. Ничего похожего. Да и кто это может знать? По-моему, я успел молниеносно осознать только одно: *меня убили. И все...*

Как потом оказалось, это пуля (думаю, снайпера) попала мне в голову, что потом подтвердили госпитальной справкой о ранении, в которой было написано: «Слепое пулевое ранение правой височной области. Ранение получено в боях на р. Одер 17.04.45».

Видимо, оказавшиеся рядом бойцы, убедившись, что я еще жив, подняли меня из воды и, наложив наскоро простенькую повязку, уложили в ту же лодку и оттолкнули ее от берега в надежде: может, прибьет к своим...

Жора Сергеев, будучи сам уже раненным и наблюдавший с того берега в бинокль за нашими действиями по захвату

плацдарма, говорил в штабе так: «Я видел очень хорошо. Он упал в воду. Погиб...».

Через сколько времени я очнулся, не знаю, но солнце, стоявшее уже довольно высоко, хорошо грело, и я почувствовал тепло его лучей. Может, от этого и пришел в сознание. Хотел посмотреть на часы и увидел, что моя рука сильно окровавлена, а часы повреждены и остановились на времени нашей высадки. Сообразил, что, судя по уже заметно поднявшемуся солнышку, прошло часа два — два с половиной, а это значит, что мы ушли вниз по течению километров на пять и плывем близко к левому берегу.

Раненый радист одной рукой вместо весла (они где-то потерялись) пытался направить лодку к правому берегу. Второй радист оказался убитым, один из раненых штрафников уже умер, а другой, раненный в живот, умолял нас дать ему попить и пристрелить, так как спасти его жизнь уже не удастся, а умирать в жестоких мучениях ему не хочется. Понимал я его, но всегда помнил, что «надежда умирает последней» и терять ее нельзя даже в самых крайних обстоятельствах. Как мог, уговаривал его потерпеть, тем более что мы уже скоро будем на берегу, хотя сам еще не представлял, на чем: своем или вражеском.

Сознание мое все более прояснялось, уменьшался рой черных мушек перед глазами. На карту смотреть было бесполезно, так как мы ушли давно за ее пределы, а русло реки впереди явно раздваивалось. С трудом, но разглядел, что приближаемся к правому берегу левого рукава реки. Значит, это остров, может, и небольшой, но чей он? Уже наш или еще в руках противника?

У меня был трофейный свисток с встроенным в него миниатюрным компасом. Машинально посмотрел на его стрелку, но ничего это не добавило к моей оценке обстановки.

Вдвоем с раненым связистом кое-как прибились к берегу и с невероятным трудом вытащили нос лодки на поросший прошлогодней травой берег, чтобы ее не снесло течением. Сказал радисту, что пойду на разведку, а ему наказал охра-

нять раненого штрафника, ни в коем случае не давать ему пить и тем более не обращать внимания на его другую просьбу. Солдат понял меня.

Решил идти (вернее — ползти) в разведку, чтобы узнать, к своим ли занесло нас Одером и судьбой. Радисту сказал, что если услышит выстрелы (а я решил, что если на острове немцы — живым не сдамся) — значит, нам не повезло. И тогда самым верным его решением будет плыть дальше, где он наверняка наткнется на своих.

С большим трудом, иногда на грани потери сознания, полз по этому влажному, поросшему невысоким кустарником и редкими, тонкими, с только что проклюнувшейся листвой деревьями, то ли двоившимися, то ли даже троившимися в моих глазах. Все мое тело горело от неведь откуда взявшейся температуры, постоянная тошнота одолевала меня. И бог знает, сколько еще времени мне понадобилось, чтобы преодолеть показавшуюся очень уж длинной какую-то сотню метров, пока не увидел бруствер свежевырытого окопа. На нем лежала перевернутая немецкая каска. Ну, все, подумал. Значит, не судьба. Но все-таки решил продолжать двигаться вперед, с трудом преодолевая не метры даже, а сантиметры этого острова.

Пока полз, заметил, что снаряды изредка перелетают остров то в одном, то в другом направлении. Это поселило в моем воспаленном мозгу какие-то надежды. Я вынул свой «ТТ», проверил магазин, загнал патрон в патронник и так, со взведенным курком, пополз дальше. Решил, что если в окопе вдруг немцы — первую же пулю пушу себе в лоб. Потом подумал и перерешил: нет, первую все-таки во фрица, которого увижу, а уж потом вторую — точно себе, чтобы не оказаться в плену. Годы войны воспитали во мне категорическое неприятие плена как альтернативы смерти.

И вот до бруствера окопа остается три метра... два... полтора... На краю окопа разглядел уже и солдатский котелок-термос немецкого образца... но пока не вижу немца, которого уложу. Еще несколько движений по-пластунски, и вдруг

над бруствером появляется шапка-ушанка с нашей, советской, родной красной звездочкой! Именно красной, а не цвета хаки, как чаще было на фронте и стало привычным. А затем, как в замедленном кино, открылось такое славное, узоглазое и широкоскулое лицо солдата-узбека, или казаха, или калмыка, или... Видимо, он страшно испугался этой в кровавых бинтах физиономии советского капитана, да еще с окровавленной рукой, ползущего со стороны противника. Через мгновение он стремглав метнулся вдоль окопа, а я на остатках сил заполз на бруствер и упал на дно окопа, вновь потеряв сознание...

Очнулся оттого, что волокут меня в какую-то землянку, где офицер, тоже, как и я, в чине капитана приказал медсестре сделать мне перевязку. Но, пока был в полубредовом состоянии, я сказал ему: «Вначале на берегу найдите лодку, в ней тяжелораненые офицер (этого штрафника я им назвал офицером) и солдат-радист. Помогите им!» Меня даже умыли и надежно, теперь уже умело перевязали.

Капитан вскоре меня успокоил, что раненым оказана помощь и что их отправили на лодке на материковый берег. Скоро и меня отправят, но сейчас нельзя, немцы со своего берега стали простреливать то место.

Под вечер, когда солнце закатилось за западный берег Одера, жара в моем теле стала почти нестерпимой, и меня отнесли в лодку. Помню, что со мной сел усатый старшина, который сильными гребками быстро погнал лодку. Эта полоса воды почему-то все время периодически простреливалась немцами, и даже одна пуля слегка зацепила мне ногу. Но мне уже это было как-то безразлично.

Как меня доставили на какой-то сборный пункт раненых, я не помню — сознание вновь покинуло меня. На время пришел в себя, когда уже в госпитале зашивали рану на голове, а окончательно овладел этим, постоянно ускользающим сознанием, когда Рита нашла меня здесь.

Как это все происходило, я узнал значительно позже от самой Риты.

Она рассказывала, что когда спустилась в «столовую» батальона, увидела, что ребята, зная уже об ее «интересном положении», снова добавили на ее тарелку из своих порций селедки, понимая, как хочется ей сейчас соленого. Когда спускалась сюда по лестнице, еще не видимая им всем, услышала голос Жоры Сергеева, который накануне ушел вместе со мной форсировать Одер. «Я видел очень хорошо — он упал лицом в воду. Погиб, погиб. Но как сказать ей об этом?» Поняла, почему Муська Гольдштейн настойчиво просил почистить ее пистолет. Выбежала и увидела, что в машину грузится пополнение на передовую, а с ним — запасной комроты Николай Слаутин, мой «дублер». Вместо меня, как считали, убитого. И тогда она подбежала к машине и стала проситься к ним.

На Одере все горело. И тот берег, куда, она уже знала, перебрались все, кто остался от роты, и этот, где вся земля была в воронках от снарядов. У самой воды она увидела Путрю, старика, оставленного на этом берегу с кухней. Путря плакал: «Дочка, все: я видел сам, его убило, и он упал в воду. Но, кажется, его труп положили в лодку и лодка поплыла по течению». И она, все равно не веря очевидцам, решила пробираться вдоль берега от воронки к воронке, надеясь на чудо. Где ползком, где перебежками, продвигалась вперед и спрашивала всех, не прибывало ли к берегу капитана. И, наконец, наткнувшись на чей-то пункт сбора раненых, услышала, что высокого, чернявого, с усами, тяжело раненного в голову капитана увезли в медсанбат. И тогда она побежала к машине, в которую собирали раненых.

Кое-как, пристроившись на подножку, доехала до медсанбата. Она искала в медсанбате меня долго. Но, узнав фамилию искомого, ей сказали, что капитана отправили дальше, в госпиталь, живого, но без сознания. Даже высказали сомнение, довезут ли до госпиталя с такой высокой температурой. В госпитале она тоже не сразу смогла найти меня. Забинтованного, как мумия, рассказывала она, узнала по гу-

бам. Я, наверное, и очнулся-то оттого, что она склонилась надо мной, и я почувствовал ее взгляд или прикосновение.

Еще некоторое время я не совсем понимал, где нахожусь и на сколько времени и верст отстоит эта наша встреча, этот госпиталь от того Одера, который стал могилой для большинства бойцов моей роты. А все они так отчаянно хотели выжить, чтобы в канун долгожданной Победы смыть с себя это «штрафное» пятно и снова стать полноправными офицерами-победителями, без клейма «штрафник». Да и чуть было эта река не стала и моей могилой.

Рассуждения о могилах долго не оставляли меня. Конечно, никому не хотелось после собственной гибели истлеть в чужой земле: ни холмика, ни кустика. Ни присесть родным, ни цветок положить, ни былинку выросшую потрогать. Это почти то же, что сгинуть в водной пучине чужой реки. А мне удалось избежать этого. Судьба. Счастье. Опять невероятное везение!

Через несколько дней я уже вставал, а Рита, включившаяся в бесконечный ритм работы госпиталя, теперь едва успевала подбегать ко мне хотя бы раз-два в день, помогая сестринскому персоналу госпиталя.

Здесь, в госпитале, меня поразила случай удивительной жизнеспособности одного солдата, раненного тоже в голову. Соседи по нарам, на которых почти вплотную были размещены раненные, обратили внимание на то, что этот солдат, не приходя в сознание, постоянно, в течение более суток, стучал пальцами одной руки по краю деревянной перекладинки нарам, будто что-то хотел этим сказать. Один из раненых, видимо телеграфист, догадался, что тот перестукивает что-то похожее на азбуку Морзе. И расшифровал этот перестук: он просит принять донесение. Тогда близко лежащий усатый сержант посоветовал: «Отстучи ему, что донесение принято, может, успокоится». И тот «отстучал» по пальцам этого несчастного. И он действительно успокоился. А через 15 минут его сердце перестало биться. Жил-то он все это время в госпитале со своей смертельной раной только ради выполнения

солдатского долга. Выполнил — и умер. Какая потрясающая сила духа держала его на этом свете!

Спустя еще несколько дней я стал уговаривать Риту вернуться в батальон. Во-первых, чтобы ее не сочли дезертиром (ведь она убежала без позволения!), во-вторых, чтобы сообщить, где я, и передать так и не отправленное донесение с плацдарма, в-третьих — узнать, чем закончилось дело на так дорого доставшемся нам клочке земли за Одером, и в-четвертых — чтобы приехали за мной. Мне нужно успеть к взятию Берлина!

Как она добиралась до батальона, не знаю, но скоро снова оказалась в этом госпитале. Мы тут же пошли к начальнику госпиталя просить о выписке.

Поскольку Рита уже была с ним хорошо знакома, много помогала по уходу за ранеными и поскольку этот начальник всего день тому назад сказал, что представляет ее к ордену Красной Звезды, она смело пошла к нему, захватив меня. Он неожиданно согласился, сказав, что такой медсестре он меня вполне доверяет.

На сборы — секунды! Мы вышли на залитый солнцем двор, где стояла какая-то вычурная четырехколесная пролетка на рессорах с впряженной в нее молодой гнедой лошастью. И мы, не теряя времени, получив у начпрода на двое суток хлеба и консервов, тронулись в путь.

Удивительно приятной была эта поездка. Я уже и не помнил, приходилось ли мне так вольготно передвигаться.

По дороге Рита рассказала батальонные новости. Главное — плацдарм удержали. После моего ранения, оказывается, отбили еще несколько контратак, к вечеру саперы навели наплавной мост для пехоты и легкой артиллерии. И к нашей геройской штрафной десятке присоединилось то пополнение, с которым был мой «дублер» Слаутин и несколько командиров взводов, в том числе лейтенант Костюков Алексей Иванович и младший лейтенант Кузнецов Евгений Иванович. Это тот самый Кузнечик, который, несмотря на свою уж очень «девичью» внешность и не очень командирский голос,

в боях за Альтдамм проявил себя способным командовать штрафниками. Кроме того, туда же были переправлены и оставленные мной на правом берегу бронебойщики и пулеметчики. Все они смогли расширить захваченный плацдарм. В первом же бою Костюков был ранен. Направлено 16 переменников от лейтенанта до майора. И это было не последнее пополнение в мою роту. А Кузнечик поехал, он счастливо провоевал до того времени, когда рота была выведена из боя.

Рите, когда она одна вернулась из госпиталя, вначале не поверили, что я жив... Кто-то из друзей шепнул ей тогда, что уже заготовлены похоронка и документы о представлении меня посмертно к званию Героя Советского Союза и ждали только ее возвращения, чтобы удостовериться. У меня двойное чувство возникло от этой весты: и вроде очень приятно, но лучше уж, коль остался жив, то прижизненно, а не посмертно. А если посмертно — то очень достоин этого, хотя и штрафник, летчик, по-моему, капитан Смешной! Пусть бы это был за всю войну в боевой истории нашего 8-го штрафбата единственный, но показательный случай штрафника-Героя. Своей героической смертью, считал я, он это высокое звание заслужил.

Однако радость переполняла меня не от этого сообщения, а оттого, что я жив и что третью похоронку, теперь уже на последнего, младшего сына, моя мама не получит, что вот этим весенним днем под веселый цокот копыт я еду по дороге, местами густо обсаженной цветущими деревьями. Как прошлой весной в Белоруссии. Даже красивее, наверное, потому, что весна эта, по всему видно, **победная!**

И вообще казалось временами, будто нет уже войны, такая благодать! Навстречу нам то и дело попадались группы освобожденных из плена, концлагерей и фашистского рабства — мужчины и женщины, и даже дети, исхудавшие, изможденные, но со счастливыми улыбками и оттаявшими взглядами. Они приветливо махали нам руками и кричали слова благодарности.

По понтонному мосту мы переправились через широкую, ныне спокойную гладь Одера, но совсем не там, где мы его форсировали. И я, наконец, догадался спросить Риту, куда же мы едем, как и где найдем свой батальон. Она сказала, что часть дороги ей уже знакома, а потом достала карту, которую дал ей Филипп Киселев, наш начштаба. На карте этой жирным красным карандашом был обозначен (или, как у военных принято говорить, «поднят») маршрут до какого-то городка. А там мы должны будем спросить у военного коменданта дорогу, если не застанем своих.

Не буду описывать всей этой длинной дороги, коснусь только нескольких примечательных событий на нашем пути. Выехали мы из госпиталя, кажется, 28 апреля, а батальон догнали к середине дня 1 мая где-то за городом Фрайенвальде, в одном из северных пригородов Берлина.

Почти в каждом доме, да и почти из каждого окна свешивались большие белые флаги-простыни в знак безоговорочной капитуляции. На улицах уже появилась немногочисленная ребятня, усиленно загоняемая взрослыми в дома, как только появлялись наши военные машины, везущие солдат, и другая техника, а тем более — танки.

Иногда попадались и большие колонны монотонно шаркавших ногами, понуро шагавших пленных немцев под конвоем советских солдат. Скорбно глядели на эти толпы местные жители. Я почему-то не заметил ни одного случая, чтобы какая-нибудь сердобольная «фрау» попыталась передать краюху хлеба или картофелину пленному, как это бывало, даже под угрозой конвоиров, когда фашисты гнали по украинским или белорусским селам наших солдат, попавших в плен. Ну что же, у каждой нации свой, как теперь принято говорить, менталитет, своя широта души.

К ночи решили остановиться в небольшом городишке. Выбрали более или менее приличный дом, хозяева которого не скажу, чтобы очень радушно, но, видимо, не впервой нас, советских, пустили ночевать.

В отведенной нам комнате было все необходимое: стол, стулья, две широкие кровати с толстыми пуховыми перинами, на тумбочке стоял таз, рядом в металлическом кувшине была вода для умывания.

Попросили мы хозяйку вскипятить воды, чтобы попить чаю. Пожилая немка с неподвижным, неживым, тусклым лицом кивнула в знак того, что понимает наш далеко не совершенный немецкий, выдавила из себя «яволь» и вышла. Потом за годы моей службы в Германии я понял, что это «яволь» у них одно из главных слов общения. Тем временем мы достали свою провизию, вскрыли банку американской тушенки, достали сахар. Хозяйка принесла нам две чашки кипятка и, увидев сахар, спросила, не хотим ли мы кофе. По ее глазам, так жадно смотревшим на эти белые кусочки колотого рафинада, мы поняли, что кофе она предложила неспроста. Конечно же, мы договорились, отдав ей половину имевшегося у нас сахара. Видимо, она на такую щедрость не рассчитывала, так как ее до этого неподвижное лицо вдруг оживилось, и она, не переставая, стала повторять «данке, данке шон» и даже как-то неловко кланяться.

Как мы узнали, немцы вообще долгое время сахара не видели, пользуясь широко распространенными тогда в Германии эрзацами, в данном случае — сахарином. Утром хозяйка, когда мы собрались завтракать, принесла нам две чашки дымящегося кофе. Уж очень похож был этот эрзац-кофе на тот дальневосточный ячменный да желудевый, из которого в голодном году мама пекла нам черные лепешки или оладьи... Но все-таки это была не вода, а уже напиток. Да еще поданный добровольно, и, похоже, от души.

Поблагодарили хозяйку и уехали, покормив предварительно лошадку овсом, который оказался в ящике под сиденьем пролетки. Рита сказала, что это ребята позаботились, когда ее снаряжали, Валера Семькин и начпрод Зельцер.

Весь день то встречались нам колонны пленных фашистов (сколько же их сдалось?!) и толпы освобожденных из рабства, то обгоняли наши танки и самоходки, автоколонны

с людьми и орудиями. И почему-то не было среди солдат оживления оттого, что видели сержанта-девушку, везущую на открытом тарантасе какого-то капитана с обвязанной бинтом головой, не кричали они обычные в таких случаях ранее слова «воздух!», «рама!». Наверное, настроение было не то. Берлин еще упорно сопротивлялся. А они ехали туда, где фашисты сопротивлялись ожесточенно.

Вторую ночь провели в небольшом городке или деревне (они мало чем отличались друг от друга). Постройки, жилые и хозяйственные, за редким исключением были каменные и почти все под красной черепицей. Неплохо жили бюргеры. А хотелось еще лучше, потому и поддержали Гитлера в его «Дранг нах остен». Теперь пришла пора расплаты за этот «дранг».

...Проснулись мы рано и, наскоро позавтракав, тут же выехали. Спустя несколько часов подъехали к тому конечному пункту, отмеченному на карте, и первый же попавшийся нам старик-немец указал, где находится «комендант». Каково же было наше изумление, когда в его роли увидели нашего штрафбатовского офицера, моего давнего друга Петра Загуменикова! Какая же радость обоюдная была по поводу этой неожиданной встречи! Пробыли мы у него часа два, подкрепились вторым завтраком, покормили и напоили свою лошадку. Петя объяснил нам, что комендантом сюда назначен временно и на днях его должен сменить постоянный комендант. И тогда он снова появится в батальоне. Взяв нашу карту, Петя отметил на ней те пункты, через которые должен следовать штаб нашего штрафбата.

Пополнив с помощью доброго друга-коменданта и свои съестные припасы, и корм для нашего транспорта в одну лошадиную силу, тронулись в дальнейшую, теперь уже не такую длинную дорогу. Решили больше не останавливаться на ночлег, чтобы побыстрее добраться до родного дома, коим стал для нас наш «восьмой отдельный».

Ночь прошла под монотонный, усыпляющий перестук копыт, и утром, добравшись до последней отмеченной на

карте моим другом деревни, на главном ее перекрестке, возле небольшой кирхи увидели на аккуратном немецком столбе, с такими же аккуратными указателями нашу русскую, вырубленную топором указку. На ней большими цифрами черной краской написан был номер нашей полевой почты «07380», а чуть ниже выведено: «X-во Батурина».

Сомнений не было. Мы почти дома! А это уже был день Первого Мая! В душе праздник двойной! Сразу вспомнилась довоенная любимая песня «Утро красит нежным светом...» о майской Москве, и эти воспоминания о далеком прошлом перемешались с представлениями о совсем близкой встрече с боевыми друзьями.

...Берлин доживает последние часы, бои идут уже за рейхстаг. У немцев траур на лицах, у многих — черные повязки на руках. То ли по погибшим родственникам — солдатам вермахта, то ли по Берлину... А может, им тогда уже было известно о самоубийстве Гитлера и Геббельса, хотя мы об этом еще не знали...

В общем, пробираемся, согласно указкам, по северным пригородам Берлина. Дачные места. Все в зелени, сады в пору буйного цветения. Но аромат цветов забивается запахами войны: со стороны Берлина ветром доносятся и дым, и запах пороховой гари, и характерный сладковатый привкус взорвавшегося в снарядах или минах тола. О, эти запахи войны! Как долго будете вы нас преследовать после ее окончания. И во сне, и наяву...

Хорошо уже слышно, как перекачивается, словно недалекая гроза, орудийный грохот. Самолеты волна за волной идут на Берлин. Ему недолго еще огрызаться. Как мы узнали у Пети-коменданта, бои там идут уже с 21 апреля.

Да, долгим, тяжелым ты был, наш путь к фашистскому логову. Это легкие победы делают победителя заносчивым. А у нас, добывающих уже близкую Победу страшными потерями, величайшим героизмом, напряжением всех сил своих и самоотверженностью, у нас, живых, возникает только необычайная гордость. Гордость за то, что нам это наконец

удалось, за то, что и наша кровь пролита в боях не напрасно. Мы с первых дней войны свято и непоколебимо верили, что «наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами», хотя вначале и было немало тяжких дней отступления.

А вера именно в правоту своего дела и была душой нашего народа. Из нее исходил и всеобщий героизм советских людей, массовые подвиги на фронте и в тылу.

И если раньше мы уверенно говорили: «будет и на нашей улице праздник», представляя его еще где-то (по военным меркам) очень далеко, то теперь этот праздник, добытый огромными жертвами народа нашего, был уже совсем близко. Его приближение чувствовалось, кажется, каждой клеточкой тела, каждой частицей души, с каждым ударом живого метронома — сердца человеческого.

Вот в таком приподнятом настроении мы и добрались до штаба нашего родного штрафбата. Сердце мое колотилось настолько учащенно, что возникла непривычная еще резкая головная боль. Это вскоре при малейшем физическом или даже нервном, эмоциональном напряжении она стала донимать меня серьезно.

Увидели нас находящиеся вблизи офицеры, бросились к нашему тарантасу, буквально на руках стащили обоих на землю грешную. Объятия до хруста костей, поцелуи, рукопожатия...

Филипп Киселев, видимо, заметивший нашу усталость (Рита успела сказать ему, что мы всю ночь не спали, торопились скорее доехать), мое побледневшее лицо и появившуюся на лбу испарину, распорядился оставить нас и дать нам отдохнуть. «Все новости потом!» — отрезал он. И добавил: «Теперь твоим ординарцем на оставшиеся дни (ведь Победа совсем близка, **уже весна, начало мая!**), по его просьбе, будет твой кашевар Путря, тем более что кухня эта теперь кормит уже весь ставший немногочисленным батальон».

Из этой его реплики я понял, что Путря еще не реабилитирован. Хотя позже узнал, что комбат просто не согласился

на просьбу Слаутина о восстановлении Прохора Путри в офицерских правах, как сделано было Батуриным в отношении некоторых других штрафников, состоявших в обслуге самого комбата и его жены, мотивируя свое упорство тем, что у Путри еще не закончился срок, который он должен отбыть взамен недосиженных лет в тюрьме, в форсировании Одера он практического участия не принимал. Какая «пунктуальность»! А ведь Путря был под огнем противника на одерском берегу, в то время когда штрафник, который был в роли личного ординарца у Батуриных, и близко там не был и, как свидетельствовал «солдатский телеграф», уже ожидал приказа командующего фронтом об освобождении.

А этот Прохор Путря, счастливый несмотря ни на что, отвел нас в отведенные нам покои в цокольном этаже добротного дома. Здесь все было по-хозяйски прибрано, приготовил он нам и чистые полотенца, чтобы умыться с дороги, и как только мы с этим управились, подал нам обед и две вместительные кружки молока. Оказывается, он уже ждал нашего возвращения, волновался и все хлопотал, не находя себе места.

Пообедав и заметив, что головная боль утихла, я все-таки, прежде чем лечь отдыхать, решил пойти к комбату с докладом о моем возвращении. А то как-то не по-военному получится. Встретил по дороге замкомбата Матвиенко, узнал у него, что рота моя была выведена из боя только 27 апреля. Долго все-таки перемалывала вину штрафников эта Берлинская операция, которую и мы со всем 1-м Белорусским начали тоже 17 апреля. Из первого состава роты не пролившими кровью осталось, как мне сказали, всего 4 человека. Нелегкими были эти 10 дней и для моего «дублера» Слаутина. Но тем не менее уже на другой день после вывода роты из боя его, не успевшего даже выспаться как следует, Батурин назначает дежурным по части, а оперативным дежурным младшего лейтенанта Назыкова, вчерашнего старшину. Все-таки странные понятия у нашего комбата и о боевой деятельности командира роты, и о воинской субординации, когда капи-

тан, назначенный дежурным по части, фактически подведомствен младшему лейтенанту, находящемуся и по основной должности ниже его.

Батурин разместился, как и многие офицеры, в подвальном помещении большого дома, хотя этот подвал был хорошо отделан и обставлен и, видимо, служил кому-то из местных тузов комфортным бомбоубежищем.

Комбат принял меня настороженно-прохладно, выслушал мой официальный рапорт о прибытии и, не сказав ни слова об оценке наших действий на плацдарме, велел отдыхать, а вечером вместе с женой прибыть к нему. Несколько обескураженный такой холодной реакцией на мое возвращение, я повернулся к выходу, надеясь услышать хотя бы вслед что-нибудь ободряющее. Но так и ушел, не дождавшись ни слова — как и тогда, летом, при возвращении из госпиталя. Однако в то время он меня еще совсем не знал, а здесь столько у нас контактов было и на Нареве, и после. Просто, подумал я, у него такая странная манера взаимоотношений с подчиненными, ну никак не соответствующая моим представлениям об офицерах старой закалки.

На улице меня ждали Рита, оба Жоры — Сергеев и Ражев, и еще несколько офицеров, среди которых был и один из помощников Киселева, ПНШ капитан Николай Гуменюк, ведающий в том числе и наградными делами. Кстати, этот весьма общительный офицер начал службу солдатом в нашем штрафбате с первых дней его формирования, еще под Сталинградом, и дослужился в нем до капитана. Покрутился он около нас, вроде что-то хотел сказать, но так и ушел, не выбрав, наверное, подходящей минуты.

Заснул я не скоро, но все-таки поспал, голова немного посвежела. Рита уже готовилась к вечернему визиту в дом Батурина. Приготовила с помощью Путри мой китель, давно лежавший без дела в обозе, погладила, подшила свеженький белый подворотничок, отгладила свою гимнастерку, ведь все-таки Первомайский праздник, и Батурин, наверное, именно

по этому поводу «дает прием», раз пригласил нас. А многие уже знали, что прием этот будет, в отличие от встречи Нового года, в довольно узком составе.

Когда мы там появились, кроме комбата и его жены были замполит Казаков и все остальные заместители, почти все штабные офицеры, мой «дублер» Николай Слаутин, оба Георгия (Сергеев и Ражев), а также наш батальонный доктор. Был здесь и ротный парторг Чайка, который, оказывается, получил контузию на Одере, еще на правом берегу, в медсанбате пробыл всего несколько дней и, как и Жора Сергеев, продолжал лечиться у Степана Петровича. Кто-то еще был, не помню, но первый тост, как и положено, произнес комбат.

Говорил он долго, в основном о Первомае, потом перешел к недавним событиям на Одере. Узнал я, что совершенно невредимыми из штрафников, бравших плацдарм, остались всего четыре человека, в том числе и «Сапуняк»-Стеценко, оказывается, заменивший меня после ранения и командовавший остатками роты на плацдарме до прихода туда капитана Слаутина с пополнением. Как я был рад этому! Сказал Батулин, что всех их без «пролитой крови» уже восстановили в званиях и возвратили в их части или в распоряжение отдела кадров фронта.

Подводя итог этой части своей длинной, вовсе, казалось, и не застольной речи, комбат сказал и о тех, кто представлен к правительственным наградам. Начал с того, что к званию Героя Советского Союза (посмертно) представлен капитан Смешной.

Я тогда подумал, что Смешной проявил настоящую смелость, истинную храбрость, удивительное самообладание, поразительную способность владеть собой в самых сложных условиях, в том числе и в ситуации смертельной опасности. Это, по-моему, и есть высшее проявление героизма.

Вот сейчас, когда я пишу эти строки, в памяти стучат слова, услышанные мной на одном вечере фронтовой поэзии в Харькове:

Лежат в земле ненагражденные солдаты.
А для прижизненных наград
Им просто жизни не хватило...

Сколько их, порой безвестных героев, без наград полегло в матушку землю, и свою, и чужую?

Далее комбат сказал, что я и капитан Слаутин представлены к орденам боевого Красного Знамени и присвоению очередного воинского звания, при котором **«одна большая звезда заменит все маленькие звездочки на капитанских погонах»**. Как-то уж очень витиевато он это изложил.

Значительно проще через несколько дней об этом сказал мне («по секрету») Коля Гуменюк. Вначале вместе с «похоронкой» было заготовлено представление к такому высокому званию посмертно на меня, но как только Батурин узнал, что я жив, он тут же приказал это представление задержать, а теперь и переоформить «согласно желанию командира роты» на Смешного. Я подумал: а может, комбату было такое указание сверху, **что в штрафбате Герой может быть только посмертно?**

А может, Батурину не хотелось, как и раньше, чтобы кто-то в батальоне носил награду более высокую, чем у него? (К тому времени он уже успел получить орден Красного Знамени. Наверное, тоже за форсирование Одера.)

А на этом вечере, после двух или трех тостов, случилось неожиданное. Кажется, замкомбат, бывший мой ротный командир, у которого на Нареве я принял роту, Иван Матвиенко, произнес тост за мое здоровье, за нашу молодую семью, выдержавшую испытание Одером. Его поддержал, к моему удивлению, замполит батальона майор Казаков, довольно привлекательной внешности мужчина, средних лет, с которым у меня практически не было никаких контактов ни на Нареве, ни в последующем, даже перед Одером. Какова была его действительная роль в батальоне, поэтому я и не знал. И вдруг встает Ражев и прямо в лицо говорившим бросает: **«Вы не смеее даже произносить их имена!»** Далее Ражев, все

более распаяясь, стал обвинять их в том, что, пока меня считали убитым, они уже договаривались, кто первый попытается «утешить» вдову. Видимо, мой мозг все еще не был способен спокойно реагировать на такие стрессы. Я потерял на какое-то время сознание от вдруг возникшей чудовищной головной боли. Наверное, к этому эмоциональному фактору добавилось и то, что я, несмотря на строгие наставления госпитальных врачей, все-таки «употребил». Правда, не водки или спирта, а по случаю счастливого «воскрешения» мне налили, кажется, французского коньяка, который среди трофеев не был тогда редкостью.

Опять этот Георгий Ражев, который все больше становился сварливым, склонным к ссорам и скандалам, успешный, кажется, уже солидно хватить спиртного до этого батуринского приема. Его болезненное воображение, подогретое винными парами, нафантазировало какую-то жуткую картину из неправильно понятой, услышанной им фразы. Там речь шла о том, как они сокрушаются о случившемся и каким образом лучше успокоить, утешить молодую вдову на сносях. За эти последние недели Георгию удалось устроить не один скандал и среди офицеров подразделений, и в штабе. И все на почве «злоупотребления». На следующий день его в батальоне уже не было, так как комбат сразу же после этого скандала, не дожидаясь утра, издал приказ № 110, в пункте 3 которого говорилось:

«За систематическое пьянство и нетактичное поведение в офицерской среде, командира взвода 3 стр. роты капитана Ражева Георгия Васильевича откомандировать в распоряжение Начальника Отдела Кадров 1 Бел. Фронта

*Командир 8 ОШБ подполковник Батурин
Начальник штаба майор Киселев».*

Мог, конечно, командир штрафбата и ходатайствовать, например, о снижении Ражева в воинском звании на одну или даже две ступени, но, видимо, это был удобный случай и оправданный предлог выполнить просьбу его отца.

Решение комбата Батурина об откомандировании Ражева сложилось, видимо, раньше. Тогда, перед Одером, его внезапная замена, оказывается, была связана с письмом Ражева-отца, полковника, занимавшего какой-то видный пост в 5-й Ударной армии, наступавшей южнее нас, с Кюстринского плацдарма. Сердобольный папаша, узнав, вероятно, от сына, что тот готовится форсировать Одер, прислал комбату 8-го ОШБ просьбу не посылать его чадо в предстоящие бои, чтобы, не дай бог, в самом конце войны оно, уже имевшее и ранения и тяжелую контузию, не погибло. Конечно, отца понять можно, каждому родителю всегда хочется, если такая возможность имеется, хоть чем-нибудь уберечь свою кровинку. Ну а тут возможность была: ведь по штату офицеров было на четыре роты, а воевать шла одна.

Эта его последняя выходка, видимо, переполнила чашу терпения в общем-то флегматичного Батурина, и Ражева так срочно откомандировали, что к утру его уже не было в батальоне. Уехал он не попрощавшись. Наверное, все-таки стыдно было. Через много лет после войны, когда я разыскивал своих друзей-однополчан, вернее «одноштрафбатовцев», нашел и его в Пензе, и почти до самой его кончины мы переписывались. Писал он и о том, что в Берлине встретился с отцом и последние дни войны провел в той армии, в которой тот служил. Совместная фронтовая жизнь и пережитые опасности сближают, наверное, сильнее, нежели разделяют случаи, каким был тот первомайский скандал близ Берлина. Потом его письма перестали приходить, и через несколько лет на мой запрос в военкомат пришел ответ: *«Капитан в отставке Ражев Георгий Васильевич умер 14 мая 1993 года и похоронен на Аллее Славы города Пензы»*. Наверное, все-таки тогда в ШБ у него были срывы, а остальную часть жизни он прожил достойно.

В те дни штаб батальона несколько раз менял место дислокации, иногда каждые 2—3 дня, и все вокруг Берлина. Не знаю, чем это было вызвано, распоряжениями Штаба Фронта или собственной инициативой комбата.

Так, если перед отправкой нас на Одер 13 апреля батальон переместился из села Цартунг в село Штайнвер, что в 8 километрах северо-восточнее г. Кенигсберг (на Одере), откуда мы и пошли на Одер, то уже 25 числа батальон передислоцируется в село Нойенхаген, в 5 км севернее гор. Бад-Фрайенвальде, а 30 апреля уже в с. Рувльсдорф, 3 мая — в с. Левенберг, 5 мая — в с. Вустерхаузен. Там мы и встретили Победу.

В бой наши подразделения больше не посылали, хотя пополнение штрафников все еще поступало. Война кончалась, но, будто по инерции, трибуналы продолжали работать. А вот уж точно батуринаская инициатива — почти каждую ночь объявлять тревогу и выстраивать весь личный состав для проверки. Наверное, других способов поддерживать дисциплину он не нашел

Моему «крестнику» Путре я, будучи уверен, что он все равно после недалекой уже Победы будет либо по приказу, либо по амнистии восстановлен во всех правах и получит новое офицерское звание, даже подарил свои погоны, убрав с них лишние звездочки. И я был рад, что приложил руку к тому, чтобы сохранить ему жизнь, а то едва ли он выжил бы на Одере.

Тот мой ординарец, что был у меня на Одере, погиб на плацдарме. И теперь по распоряжению комбата вновь прибывающих штрафников (а они все продолжали прибывать), чтобы они после плановых занятий, которые строго надлежало посещать, не маялись без дела, назначали ординарцами к офицерам; и не имеющим подразделений. Ко мне прикрепили капитана-артиллериста Сергея. Его фамилию я совсем было забыл. Но с помощью документов Центрального военного архива установил, что это был капитан Боголепов Сергей Александрович. Был он среднего роста, с тонкими чертами лица, выдающимися в нем потомственного интеллигентамосквича. Прекрасно играл на пианино и вообще был музыкально и литературно образованным человеком. Вот не помню только, в чем он перед самым концом войны проштрафился.

Так случилось, что этому «предпобедному» пополнению не пришлось вступить в бой, хотя, несмотря на это, по шесть-семь часов боевой подготовки ежедневно у них было. А судьба у них сложилась так, что, наверное, все они вскоре по случаю Победы были амнистированы. Сергей оставил мне свой московский адрес. И в мой первый отпуск в конце 1946 года, когда мы с Ритой проездом через Москву на Дальний Восток впервые попали в столицу нашей Родины и в первый раз увидели Кремль, Мавзолей, Красную площадь, то все-таки выбрали время навестить заветный адрес (кажется, улица Кропоткина, 26, недалеко от строившегося Дворца Советов). Однако дома Сергея не застали — он где-то под Москвой продолжал служить в своей артиллерии. Но встреча с его родными, которым он, оказывается, рассказал о нас, была сердечной и приятной.

Кстати, тогда же, на Ярославском вокзале, зайдя в парикмахерскую, увидел еще одного бывшего «переменника», уже уволенного из армии и работавшего там парикмахером. Встреча была сколь неожиданной, столько и приятной. Он громогласно объявил о наших совместных фронтовых делах и бесплатно обслужил меня «по первому разряду»!

2 мая пал Берлин! До окончательной Победы оставалась какая-то неделя, а 4 мая Батулин с Казаковым добились разрешения совершить поездку небольшой группе офицеров в Берлин, к рейхстагу.

И снова, как в Рогачеве, Бресте и Варшаве, в штурме Берлина мы не участвовали, а только каким-то образом, пусть и несравненно маленьким боевым «взносом», обеспечивали этот штурм ценою многих жизней. Как и в Варшаву, так и сейчас в Берлин, въезжали в еще горящий город...

Ехали по берлинским улицам долго, петляя по ним из-за того, что во многих местах они были завалены обломками разрушенных домов, подбитыми танками и орудиями. Впечатление от этой столицы фашистского рейха мрачное. И не только, а может, и не столько от разрушений и других следов

войны. Большинство улиц какие-то скучно прямые, и вообще планировка города показалась утомительно правильной.

...Множество зданий хмурятся подслеповатыми или выбитыми окнами, из которых свешиваются белые простыни вместо флагов капитуляции. Но это оттуда, где окна или уцелели, или их уже чем-то позатыкали и там чувствуется жизнь. Многие двери снесены вместе с частью прилегающих стен, и дома щерятся, словно беззубые рты сверхдряхлых стариков. Уцелевшие стены домов однообразно грязные, серые какие-то, и не потому, что закопчены войной. Просто весь город серый. Вот Варшава тоже в руинах, но и через развалины видно, что это был город-красавец.

Иногда появляются на улицах или выглядывают из редких окон домов люди, с первого взгляда тоже однообразные, одинаково потертые, что ли. В большинстве это женщины, глубокие старики и любопытная, как у всех народов, детвора. Кое-где попадаются и уцелевшие, но затаившиеся в подвалах разрушенных зданий или старики «фольксштурмовцы», или пацаны из «гитлерюгенда» с потерянными взглядами, выловленные нашими солдатами-патрулями. А ведь они надеялись отстоять на краю гибели свой «тысячелетний» рейх. Многие из них сложили головы ради бредовых идей их бесноватого фюрера. А эти притаились, чтобы переждать, сменить свою мышинового цвета военную форму и затеряться в массе людей гражданских.

Помню, подъехали мы со стороны реки Шпрее и уперлись в обрушенные фермы моста через нее. Объезд искать не стали, а карабкаясь по этим фермам, нижняя часть которых местами была погружена в воду, перебрались на другой берег, прямо на площадь перед рейхстагом, и подошли к нему. Кое-где из выбитых больших окон этого мрачного здания еще вился дымок и тянуло гарью. И никакой величественности! Над разрушенным скелетом бывшего стеклянного купола реет красный флаг — наш, советский флаг! Но это не про-

сто флаг, это Знамя Победы! Широоченная лестница главного входа и многочисленные колонны избиты, испещрены, словно оспинами, следами осколков и пуль.

Нашу небольшую группу встретил молодой лейтенант, с которым о чем-то переговорил комбат Батурин. Дав нам команду подождать, он ушел внутрь с этим офицером. Вскоре лейтенант вернулся и разрешил нам войти. В это время в зале, куда мы вошли, было совсем немного людей, а наш комбат стоял невдалеке с такого же небольшого роста, но, в отличие от кругленького Батурина, поджарым, даже худым полковником, и тот, живо жестикулируя, о чем-то рассказывал.

Как я потом узнал, этот полковник был командиром того полка, который штурмовал рейхстаг, и теперь назначен его военным комендантом.

Причуды судьбы свели меня с ним уже более чем через 30 лет после этих дней, когда я, будучи начальником военной кафедры Харьковского автомобильно-дорожного института, проводил военные сборы студентов при одной из воинских частей в украинском городе Черкассы. И там, перед принятием студентами военной присяги, мне порекомендовали пригласить на этот торжественный ритуал Героя Советского Союза, полковника Зинченко Федора Матвеевича.

Что-то уж очень знакомое показалось мне в чертах и жестках этого полковника, и когда он представился как командир полка, штурмовавшего рейхстаг, я сразу узнал в нем того первого советского военного коменданта рейхстага. Еще несколько лет в Черкассах мне доводилось встречаться с этим неординарным и интересным человеком, и каждому из нас было что вспомнить из тех грозных событий.

А тогда, в сорок пятом, когда мы вошли в рейхстаг, его стены, колонны и другие архитектурные детали, частично разрушенные, закопченные, и всего только через два дня после взятия рейхстага, были уже расписаны и краткими, и пространными автографами советских воинов. Эти надписи

и росписи были даже на высоте, доступной лишь гигантского роста человеку. А писались они и мелом, и обломками кирпичей, и обгоревшими головешками.

Подтащили мы с Петей Загуменниковым (он накануне вернулся в батальон) какие-то обломки бетонные и ящики обгорелые к стене, забрался я на них, а Рита и Петр поддерживали меня с двух сторон, чтобы не свалился. И обугленной палкой вывел: «Александр и Маргарита Пыльцыны. Дальний Восток — Ленинград — Берлин». И росчерк за двоих. (Замечу, что тогда Рита была еще Макарьевской.)

Мы набивали карманы обломками штукатурки, осколками камней и кирпичей на память, как сувенирами и для себя, и для тех, кому не довелось поехать с нами к рейхстагу, и для потомков. Жаль, не сохранил я ни их, ни той ложки, изуродованной пулей, ни даже пули, попавшей мне в пах и долго блуждавшей по моему телу, как-то хитро обошедшей кости таза, и вынутой из моей ягодицы уже после войны, год спустя после ранения под Брестом.

Почему-то не было тогда у меня особого стремления хранить эту вещественную память о войне. Помнилась она по ранам, и не только телесным, но и сердечным, душевным. И, казалось, этой вот памяти вполне достаточно на всю оставшуюся жизнь. И верно, хватило, если я пишу эту книгу более чем через 60 лет после тех огненных дней и ночей, опираясь на сохранившуюся память о тех годах.

Со дня на день мы ждали капитуляции Германии, и я тогда вспоминал, что давно, еще в 1944 году, написал стихотворение, в котором были слова: *«и весной, в начале мая, прогремит Салют Победы над землей!»*. И весна уже в самом разгаре, и начало мая уже обозначено, а Победы все нет и нет...

Наш помначштаба Валерий Семькин вывел от дежурившей круглосуточно радиостанции наушники к Батурину, его замам, Киселеву, к нам с Ритой и еще кое к кому. Включить их радисты должны, как только появится сообщение о Победе.

И этот миг наступил в ночь на 9 мая! Вскоре после 12 ночи вдруг влетает к нам связист и кричит: «Победа, капитуляция, ура!» Не успели мы одеться, как на улице уже гремел **Салют Победы. Да не только на улице, наверное, а над всей землей!!!**

Люди бросались друг к другу, тискали друзей в объятиях, целовались, многие плакали, не стесняясь слез радости. Стреляли все, кто из пистолетов, кто из автоматов и пулеметов. По-моему, даже громкие выстрелы из «ПТР» были слышны. В небо взвились сотни самых разных по калибру, и серийных, и цветных и даже дымовых ракет, которые в освещенном этим фейерверком небе тоже были хорошо видны. Небо от края до края чертили трассирующие пули. Нечего теперь было их экономить! Я тогда еще подумал: а куда же эти пули падают? Ведь в какое бы бездонное небо их не выпускали, падать-то им все равно на землю, хоть и немецкую, но плотно заселенную людьми. И как же они, падая с огромной скоростью, минуют и тех, кто их запускает вверх, и вообще любых, в том числе и мирных немцев? Конечно, не хотелось бы, чтобы от этого фейерверка в эту первую бессонную ночь мира кто-нибудь погиб, как на войне.

Ближе к рассвету, растратив почти все запасы огневых средств, мы стали постепенно собираться к штабу. Вышли Батурин с Казаковым, поздравили всех с окончанием войны, и комбат объявил, что в 12 часов дня по московскому времени на местном стадионе будет торжественный обед в честь Победы для всего батальона. Приказано было даже устроить стол и для «временных солдат», завтрашних офицеров.

Все как-то внезапно помолодели, а наш доктор Степан Петрович Бузун по случаю Победы даже сбрил свою старомодную бородку и, ко всеобщему удивлению, оказался совсем еще не старым мужчиной.

Речи говорили все. Кто кратко, кто многословно, но в словах каждого была и радость Победы, и боль потерь, и вера в долгое мирное будущее, и надежды на светлое, счастливое завтра. А каждая речь завершалась тостом, и считалось доб-

рым знаком каждый тост сопровождать полной чаркой. Видимо, предугадав это, на стол поставили не стаканы и кружки, а по-мирному — рюмки (и где их столько набрали?). Но тем не менее многих, что называется, «развезло». Видимо, хорошо «расслабился» и Батулин, если он вдруг отозвал меня в сторону и «по секрету» сообщил то, о чем я давно догадывался.

Оказывается, тогда, на Наревском плацдарме, генерал Батов вроде бы лично распорядился пустить мою роту в атаку через минное поле. И хоть я уже давно убедился в справедливости своих догадок и мою голову сверлила мысль, уж не с подачи ли самого Батулина генерал Батов принял такое решение, это сообщение ошеломило меня, и снова мною овладело состояние непривычной, острой головной боли и какого-то помутнения в глазах. И опять я посчитал причиной этого несколько выпитых чарок, хотя Рита строго следила, чтобы мне кто-нибудь не налил водки или, тем более, спирта, и сама наливала мне какое-то слабое вино, которым ее заботливо снабдил наш Степан Петрович.

Мы, фронтовики, часто, еще до Победы (а теперь — тем более), примеряли к себе возможное послевоенное время, рисуя его в самых радужных красках. Но главное — все мечтали поскорее вернуться к родным пенатам, «под крышу дома своего». Мы и теперь, спустя столько лет после того памятного Дня Победы, еще чаще примеряем настоящее к своему прошлому. И столько совпадений в наших судьбах: и детей вырастили, и внуков, и правнуков понянчили, и делами послевоенными не ударили в грязь лицом... Но, наверное, еще больше несовпадений. Когда вспоминаешь, скольких боевых друзей недосчитались мы уже в мирные дни. Многих, очень многих война догнала потом. А скольких мы недосчитались из-за стрессов, вызванных неожиданными поворотами в судьбе Родины нашей, Советского Союза, отстаивая целостность которого, сложили головы миллионы не просто статистических советских людей, а наших родных и близких,

конкретных. С их именами. Это наши братья, сестры, чьи-то сыновья и дочери, отцы, деды... Особенно после того, как в Беловежской Пуще уже без фашистского вторжения была разрушена, раздроблена наша Великая, единая Родина, ради чести которой, ради свободной жизни и избавления ее от фашистского рабства были принесены в жертву многие и многие жизни и судьбы человеческие.

Итак, кончилась безумно долго шедшая, страшная война. А что дальше? Как сложится судьба? Не все поедут домой, армия еще нужна. Кому-то из офицеров (а у нас в батальоне теперь почти все офицеры) придется и продолжить почетную воинскую службу. А штабы всех рангов уже получили распоряжения и разнарядки готовить соответствующие представления на офицерский состав: кого уволить, кого оставить, а кому еще добывать Победу над Японией!

Спустя много лет в очень известном кинофильме «Белорусский вокзал» прозвучала песня Булата Окуджавы о «Десятом десантном батальоне», которую мы, бывшие штрафбатовцы, приняли как свою — о нашем Восьмом отдельном штрафном батальоне, и к 40-летию Победы, когда мне удалось разыскать и собрать в Харькове десяток однополчан, то несколько переиначенную мной эту песню мы пели как гимн нашему, именно нашему штрафбату. И были там такие слова: *«Уходит в ночь на Рогачев отдельный, наш Осиповский смелый батальон»*. А за словами «Нужно нам добыть победу, одну на всех, мы за ценой не постоим» шел наш куплет:

Мы лезли напролом сквозь смертные дожди,
Не зря нас звали «Бандой Рокоссовского» враги...
Грядущего творцы, поэты!
Прославьте всех, кто вас спасал!
Позор наш кровью смывшая Победа
Была нам всем нужна, кто жив, кто в битвах пал.
Сквозь грохот боя слышны и мат, и хрип, и стон —
Как на Голгофу в рукопашную то вышел
Отчаянный, железный батальон.

А дальше, соответственно боевому пути 8-го ОШБ, шли слова:

От Курска до Днепра, на Вислу через Брест,
До Нарева и Одера мы шли, несли свой крест.
Хоть похоронен кто-то где-то,
Но и теперь непобедим,
И, кровью смывшая вину, Победа
Нам всем нужна, мы за ценой не постоим.
Бессилен вихрь шрапнельный, и неспособен он
Поставить там заслон, где шел отдельный
Восьмой наш, офицерский батальон.

К 50-летию Победы скорбь по утраченной в Беловежье нашей Великой Родине, СССР, была особенно острой, глубокой. К 60-летнему юбилею жизнь оставшихся еще живыми победителей дополнительно омрачена пресловутым «Законом о монетизации». Оживилось почти безграничное, злобное наступление на Великую Победу новоявленных лжеисториков и различного рода клеветников и фальсификаторов от прессы и телевидения. В ответ на это сами собой складывались следующие строки:

Победе 60. Пройдут еще года...
Мы чести офицерской не уроним никогда!
На склоне лет пришли к нам беды —
Былой Отчизны больше нет.
Такой ценой добытую Победу
Заврали, предали, остался бледный след...

А тогда, еще в мае 1945 года, едва закончилась война, узнал я, что в аттестации на предмет дальнейшей моей судьбы и военной карьеры комбат, подполковник Батулин, дав в общем весьма положительную характеристику моих боевых качеств, не преминул уколоть меня тем, что «отсутствует тесная связь с красноармейской массой», имея, наверное, в виду, что часть моего времени я отрывал от этой самой «массы» для жены. Но ведь именно меня, а не его штрафники нарекли теплым словом «Батя». И для меня моя рота никогда не была безликой «красноармейской массой», а всегда это были

офицеры, каждый со своей судьбой. Конечный вывод в аттестации комбат сделал такой:

«Смел, отважен. Поле боя читает хорошо, трудности переносит легко, физически вынослив. Взаимодействие в подразделении и со средствами усиления организовывать может, морально устойчив, усиленно работает над повышением своих теоретических знаний. Целесообразно оставить в кадрах армии на должности командира стрелкового батальона».

Так что будущее молодого майора было уже predetermined, хотя моего мнения Батурин не удосужился выслушать. Да я и не в обиде, так как его рекомендация оставить меня в армии, в общем, импонировала мне. Еще тогда, когда меня, молодого красноармейца, направили по комсомольской путевке в военное училище, я сказал самому себе: «Значит, служить мне, как медному котелку!» Вот и служил я все сорок календарных лет — с 1941 по 1981 год верно и честно.

Думаю, те из читателей, кому интересны и вехи этой моей долгой армейской службы, и люди, с которыми мне волею судеб приходилось встречаться, наберутся терпения и дочитают последние главы моей книги. А кроме моих непосредственных и прямых начальников, мне довелось близко видеть Маршалов Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, Семена Михайловича Буденного, Василия Ивановича Петрова, Маршалов бронетанковых войск Ротмистрова Павла Алексеевича и Олега Александровича Лосика, генерала Василия Иосифовича Сталина, общаться с космонавтами Германом Титовым и Георгием Гречко. Им и многим другим я посвящу несколько страниц в последующих главах.

Но это в конечных главах, а пока впереди глава о том, что произошло с нами в первые месяцы и годы после войны, как складывалась моя послевоенная служба и росла наша семья, родившаяся в огненные годы.

...Так много прошло лет с тех пор, как отгремели огненные дни и ночи войны невиданных ранее в истории человечества масштабов. Большинство моих боевых товарищей, с

которыми ходили мы в тяжелые бои, фронтовых друзей, с которыми долго и упорно, вместе со всем советским народом шли к такой трудной и тяжелой Победе, к сожалению, уже не увидят этой книги. А я посвящаю ее всем им. И, как обещал во вступлении, всех, чьи имена сохранила память, перечислю в своеобразном памятном списке, который и завершает эту главу. Ибо одной из главных задач, которые я поставил себе перед тем, как сесть за эти мемуары, было оставить в нашей истории их след, их дела и подвиги.

Вместе с теми, кого мне удалось разыскать уже спустя сорок лет после Победы, мы вспомнили имена многих, но, к сожалению, не всех, и собрал я далеко не полные данные о них.

Но пусть хотя бы только фамилии их дойдут до потомков, и пусть останутся они не безымянными героями той войны. Они заслуживают того, чтобы их помнили. Ведь каждый из них вложил частицу своей жизни, а кто-то и всю жизнь в дело Победы. Многих из них война догнала уже спустя годы. Вот они, офицеры постоянного состава 8-го ОШБ, кто оставил след в его истории или кого я лично знал:

1. **Афонин** Алексей Антонович. Старший лейтенант. Командир взвода автоматчиков. Был ранен. Родился 07.05.1919 г. в Новосибирской области. Проживает в гор. Ордынск той же области.

2. **Бурков** Дмитрий Ермолаевич. Майор, командир батальона. Участник войны с Финляндией в 1940 году. Родился в 1913 году в Воронежской обл. Сменил на этой должности капитана Григорьева и сдал должность подполковнику Осипову Аркадию Александровичу 12.05.1943 года, уйдя на должность командира стрелкового батальона.

3. **Бабич** Анатолий Григорьевич. Майор. Начальник боепитания батальона. Умер 23.04.1983 г.

4. **Батурин** Николай Никитич. Подполковник. Родился 13.12.1897 года в Тамбовской обл. Командир штрафбата с августа 1944 г. После войны жил в Подмосковье. Умер в 1983(?) г.

5. **Бельдюгов** Иван Иванович. Майор. Командир стрелковой роты. Был ранен. Родился 25.10.1920 года в Курской обл.

6. **Богачев** Михаил Иванович. Капитан. Командир стрелковой роты. Погиб в Белоруссии под Жлобином 23.12.1943 г.

7. **Бойков** Степан Иванович. Родился в 1913 г. Капитан. Командир роты противотанковых ружей. В батальоне с 28.07.1943 года. Погиб под Жлобином 23.12.1943 г.

8. **Бурков** Дмитрий Ермолаевич, майор, второй командир 8-го ОШБ с 2.08.1942 г. по 12.05.1943 года. Родился в 1913 году в Воронежской обл. Передал батальон подполковнику Осипову и убыл на должность командира стрелкового батальона.

9. **Бузун** Степан Петрович. Капитан медслужбы. Начальник медпункта батальона (после пребывания в штрафбате штрафником, где награжден медалью «За отвагу» и восстановлен в правах офицерского состава). В батальоне остался добровольно. Родился 25.12.1897 года в Черниговской обл. Украины. После войны проживал в г. Конотоп Сумской области.

10. **Булгаков** Дмитрий Иванович. Лейтенант. Командир стрелкового взвода. Родился 24.12.1918 г. Выбыл из ШБ по ранению 24.10.1944 г.

11. **Гольдштейн** Муся (Моисей) Иосифович. Капитан, командир взвода 82-мм минометов, имел 2 ранения. Родился 03.05.1919 г. в г. Жмеринка Винницкой обл. Украина. После войны служил в войсках МВД, подполковник. Умер в Киеве 04.12.1999 г.

12. **Гуменюк** Николай Дмитриевич. Капитан, помощник начальника штаба. Начал службу в штрафбате с первых дней его формирования сержантом, писарем штаба. Офицерское звание получил в марте 1943 г. Родился 31.10.1921 г. в Житомирской обл., Украина. Умер в Киеве в 1972 г.

13. **Давлетов** Федор Филиппович, младший лейтенант. Командир стрелкового взвода. Родился в 1918 году в Татар-

ской АССР. Погиб на Наревском плацдарме (Польша) 24.10.1944 г.

14. **Деменков** Иван Климович. Старший лейтенант медслужбы. Фельдшер батальонного медпункта. После отбытия наказания штрафником на Курской дуге восстановлен в правах офицерского состава, остался в батальоне в постоянном составе. Других данных нет.

15. **Желтов** Александр Матвеевич. Старший лейтенант. Агитатор — парторг батальона. Погиб во время рейда в тыл врага в районе г. Рогачева 21.02.1944 г. Других данных нет.

16. **Загуменников** Петр Иванович. Майор. Командир взвода и роты противотанковых ружей. Был ранен, контужен. Родился 04.09.1924 г. в Чкаловской (Оренбургской) обл. После войны продолжал службу в Советской Армии. Подполковник. Жил и умер в Полтаве 20.06.2001 г.

17. **Зельцер** Меер Вольфович. Капитан. Начальник интендантского снабжения батальона. В батальон прибыл с должности старшего преподавателя по технике приготовления пищи на курсах поваров Уральского ВО. Родился 29.12.1911 г. в г. Житомир, Украина. Участник освобождения западных областей Украины и Белоруссии (1939 г.) и Бессарабии (1940 г.)

18. **Зорин** Павел Иванович. Старший лейтенант. Командир взвода связи. Начальник связи батальона. Имеет 2 ранения, родился в 1915 году в Краснодарском крае.

19. **Измайлов** Иван Петрович. Родился 23.03.1906 г. Майор. Помощник командира батальона по снабжению. После войны проживал в Узбекистане.

20. **Казиков** Кирилл Моисеевич. Майор. Заместитель командира батальона по политчасти с августа 1944 г. До этого имел 2 ранения. Родился 7.05.1913 года в Могилевской обл. Белоруссия.

21. **Калитвинцев** Михаил Афанасьевич. Капитан, командир роты. В батальоне с первых дней формирования 1-го ОШБ Сталинградского фронта. Родился в 1907 году в Луган-

ской (Ворошиловградской) обл. Выбыл в 33-й ОШБ Белорусского фронта 8.12.1943 года.

22. **Каменщиков** Иван Емельянович. Лейтенант, заместитель командира роты. Родился в 1915 году в Орловской обл. Погиб 23.12.1943 года. Других данных нет

23. **Карасев** Иван Андреевич. Младший лейтенант. Командир взвода автоматчиков. Родился 10.11.1918 г. Выбыл по ранению на Наревском плацдарме в октябре 1944 года.

24. **Качала** Василий Моисеевич. Капитан. Командир стрелкового взвода. Имел 2 ранения. Родился 13.03.1921 г. в Краснодарском крае. После войны проживал в станице Славянская. Умер 3.07.1988 г.

25. **Киселев** Иван Иванович. Лейтенант. Командир стрелкового взвода. Имел 3 ранения. В батальоне с 6.12.1944 г. Родился 27.7.1908 года в Орловской обл. Погиб при форсировании Одера 17 апреля 1945 года.

26. **Киселев** Филипп Андреевич. Майор. Командир комендантского взвода, затем ПНШ-1 по оперативной работе, затем начальник штаба батальона. В батальоне с Курской дуги. Был ранен. После войны продолжал службу в Советской Армии. Генерал-майор. Родился 18.08.1923 г. в Тамбовской обл. После увольнения жил в Москве. Умер 29.01.1996 г.

27. **Коваль** Лука Тихонович. Майор. Заместитель командира батальона с 13.12.1942 года по 21.10.1943 г. Прибыл из войск Дальневосточного фронта. Родился в 1903 г. в Полтавской обл. Украины. Окончил Военную академию им. Фрунзе в 1942 году.

28. **Костюков** Алексей Иванович. Лейтенант. Командир взвода. Офицерское звание получил в апреле 1944 года, прибыл в батальон 6.12.1944 г. Имел 3 ранения. Родился 20.07.1925 года в Курской обл. Выбыл из батальона после ранения на Одере 20 апреля 1945 года.

29. **Круглов** Степан Степанович. Старший лейтенант, командир стрелкового взвода. Имел 3 ранения. Родился

15.07.1915 года в Ивановской обл., в батальоне с 6.12.1943 года. Убыл по болезни в феврале 1945 г.

30. **Кудряшов** Александр Иванович. Родился 11.09.1913 г. Подполковник. Заместитель командира батальона (до мая 1944 г.). После войны продолжал службу в Советской Армии. Полковник. Проживал в Уфе. Умер 12.05.2000 г.

31. **Кузнецов** Евгений Иванович. Лейтенант. Командир взвода автоматчиков. Участник боев за Альтдамм и на Одерском плацдарме. Других данных нет.

32. **Кузнецов** Николай Николаевич. Младший лейтенант. Командир взвода автоматчиков. Имел 3 ранения. Родился 19.12.1922 года в Куйбышевской (Самарской) обл., в батальоне с 6.12.1944 г., убит 17.04.1945 г. при форсировании р. Одер.

33. **Кузьмин** Георгий Емельянович. Капитан. Командир взвода роты «ПТР», затем командир пулеметной роты. Имеет 3 ранения. Родился 08.06.1922 г. в Мордовской АССР. После войны продолжал военную службу. Майор. Проживает в Новосибирске.

34. **Костик** Станислав Иванович. Старший лейтенант. Командир стрелкового, затем комендантского взвода. Родился 10.03.1921 г. После войны продолжал военную службу. Майор. Проживал в Минске. Умер в 1992 г.

35. **Ларенок** Павел Прохорович. Майор. Зам. комбата по политчасти. В батальоне с первого дня формирования в 1942 году. Прибыл из резерва Политуправления Сталинградского фронта. Убыл в резерв отдела кадров Донского фронта. Сдал должность капитану Лоптеву М.И. 14.05.1943 года. Родился в 1903 году в Орловской области. Других данных нет

36. **Лоптев** Михаил Иванович. Майор. Заместитель комбата по политчасти. Прибыл в батальон из резерва Политуправления Центрального фронта 14.05.1943 г. Убыл в отдел кадров Политуправления Белорусского фронта 25.01.1944 г. Родился в 1911 году в Кировской (Вятской) обл. Других данных нет.

37. **Лозовой** Василий Афанасьевич. Родился 01.03.1921 г. Майор. Начальник штаба батальона (до августа 1944 г.). По-

сле войны продолжал службу в Советской Армии. Полковник. Умер в Киеве 24.06.1993 г.

38. **Матвиенко** Иван Владимирович. Майор. Командир стрелковой роты с декабря 1943 г. Заместитель командира батальона с октября 1944 г. Имел 3 ранения, контузию. Родился 28.02.1918 г. в Кировоградской области, Украина. После войны проживал в с. Капитановка той же области. Умер 8.12.1991 г.

39. **Мирный** Тимофей Васильевич. Гв. лейтенант, агитатор батальона. В батальоне с сентября 1944 г. после окончания военно-политического училища. Имеет 2 ранения (последнее в Висло-Одерской операции) и контузию. Родился в марте 1913 года в Воронежской обл.

40. **Мурза** Илья Митрофанович. Майор. Заместитель командира батальона. Прибыл с должности зам. командира полка 12.05.1943 г. Убыл на должность командира 33-го штрафбата Белорусского фронта. Родился в 1904 году в Сталинской (Донецкой) обл. Украина. По национальности — грек. Других данных нет.

41. **Назыков** Василий Алексеевич. Старшина, затем лейтенант админслужбы. Заведующий секретным делопроизводством штаба батальона. После войны служил при штабе ГСОВГ, Берлин. Других данных нет

42. **Носач** Василий Антонович. Майор. Начальник штаба батальона с 12 февраля до марта 1944 г., после чего за упущения по учету личного состава был отстранен и направлен в войска с понижением в должности. До этого был на должностях зам. ком. роты, командира роты, ПНШ. В батальоне с первых дней его формирования на Сталинградском фронте. Родился в 1916 году в Киевской обл. После войны проживал в Киевской области. Умер 08.12.1995 г.

43. **Оленин** Семен Тарасович. Майор. Парторг батальона. Откомандирован в распоряжение начальника Политотдела спецчастей 1-го. Белорусского фронта 28 апреля 1945 года. Других данных нет.

44. **Осипов** Аркадий Александрович. Полковник. Командир штрафного батальона с 12 мая 1943 года до 19 августа 1944 г. Участник войны с Финляндией в 1939—40 гг. Родился 20.04.1908 г. в Рогачевском районе Гомельской области Белоруссии. После войны жил в Рогачеве. Умер 15.01.1995 г. К 60-летию освобождения Беларуси на его могиле установлен памятник и одна из улиц города названа его именем.

45. **Пекур** Федос Ильич. Майор. Командир минометной роты. Имеет 4 ранения. Родился 14.09.1913 года в Полесской (Гомельской) области. Других данных нет.

46. **Писеев** Сергей Алексеевич. Старший лейтенант. Командир пулеметного взвода, затем взвода автоматчиков. На офицерских должностях с мая 1944 г., в батальоне с 25.12.1944 г., имел три ранения. Родился 02.09.1923 г. в Пензенской обл. После войны проживал в Одессе. Умер 01.03.1991 г.

47. **Пусик** Константин Данилович. Капитан. Начальник финансового снабжения батальона. Участник обороны Москвы. Имеет ранение. Родился 15.8.1915 года в Орловской обл. После войны жил и умер в Москве 24.06.1985 г.

48. **Пыльцын** Александр Васильевич. Майор, командир роты автоматчиков, затем 3-й роты. В батальоне с 25.12.1943 года. Был на должностях командира взвода разведки, стрелкового взвода. Имеет 3 ранения: последние — 26 июля 1944 г. в боях по окружению Брестской группировки и 17.04.1945 года при форсировании р. Одер. Из батальона убыл в госпиталь по болезни 20.06.1945 г. Родился 18.11.1923 года в Хабаровском крае. После войны в 1955 году окончил с отличием Ленинградскую Военно-транспортную академию. Служил в Воздушно-десантных войсках начальником автослужбы корпуса, затем заместителем командира воздушно-десантной дивизии. По состоянию здоровья переведен в Сухопутные войска на должность начальника автослужбы Общевойсковой армии, затем заместителем начальника Уссурийского военного автомобильного училища. Уволен в запас в 1981

году. Воинское звание генерал-майор присвоено в отставке. Проживает в г. Санкт-Петербурге.

49. **Ражев** Георгий Васильевич. Капитан. Командир взвода автоматчиков. Имел контузию и 3 ранения, последнее в боях за Варшаву 14.01.1945 г. Родился 15.09.1920 г. в Краснодарском крае. В батальоне с 5.07.1944 г. Откомандирован за нарушения офицерской этики в ОК фронта 1 мая 1945 года. После войны жил и умер в г. Пензе 14.05.1993 года.

50. **Разоренов** Павел Дмитриевич. Капитан. Начальник арт.-тех. снабжения батальона, бывший пом.нач.артснабжения дивизии по боеприпасам. В батальоне с 25.12.1944 года. Имеет 2 ранения. Родился 25.06.1915 года в Московской обл.

51. **Родина** Юлия Александровна. Старший лейтенант медслужбы (переаттестована из военврача 3-го ранга). Командир сан. взвода — врач батальона. Прибыла из 2-го ОШБ после его расформирования. По неподтвержденным сведениям, после 8-го ОШБ в чине капитана проходила службу в запасном полку Южно-Уральского военного округа. Родилась в Саратовской обл. Других данных нет

52. **Рубилов** Михаил Леонидович. Капитан. Начальник штаба батальона до 12.02.1944 года, окончил Военную академию им. Фрунзе в 1943 году. Родился в 1914 году в Ивановской области. Других данных нет.

53. **Рудзинский...** Майор. Заместитель командира батальона по политчасти (до августа 1944 г.). других данных нет

54. **Семенов** Юрий... Родился в 1924 (1925?) г. Лейтенант. Командир стрелкового взвода. Других данных нет.

55. **Семькин** Валерий Захарович. Капитан. Командир взвода связи, ПНШ-3 батальона по спецсвязи. Бывший боец-переменник (штрафник), считавшийся вышедшим из окружения без оружия. Владел немецким языком. Попал в окружение под Брянском, присоединился к агитбригаде, действовавшей по спецзаданию в районах Орловской и Курской областей. В штрафбате за мужество в боях по окружению Брестской группировки противника награжден меда-

лю «За отвагу», изъявил желание остаться в постоянном офицерском составе батальона. Родился 23.02.1920 г. в Воронеже. Образование общее — 2 курса пединститута в 1939 году, военное — Воронежское военное училище связи (1,5 года) в 1941 году. После войны продолжал службу в Советской Армии. Подполковник. Проживал в Хохольском районе Воронежской области. Почетный гражданин района. Умер 27.08.2004 г.

56. **Сергеев** Георгий Тимофеевич. Родился в 1921 г.(?). Старший лейтенант. Командир пулеметного взвода. После войны проживал в Туле. Умер в августе 1974 г. Других данных нет.

57. **Сисенков** Сергей Тимофеевич. Старший лейтенант. Командир пулеметного взвода. Откомандирован в отдел кадров 61-й армии 18 апреля 1945 года для прохождения дальнейшей службы. Умер в 1953 г.

58. **Слаутин** Николай Александрович. Майор. Командир стрелковой роты. Имеет 3 ранения. Родился 29.10.1918 года в Кировской (Вятской) обл. После войны проживал в Семипалатинской области Казахстана.

59. **Смирнов** Петр Васильевич. Капитан. Командир взвода противотанковых ружей. Умер 03.03.1975 г. Других данных нет.

60. **Соколов** Михаил Ефимович. Майор. Помощник комбата по мат. обеспечению. В батальоне с 26.10.1944 г. Родился 23.5.1898 года в Сувольской (?) губернии. Участник Гражданской войны 1918—1920 гг. против белолатышей, белополяков, Деникина и Врангеля.

61. **Сопат** Петр Иванович. Лейтенант. Был штрафником, После восстановления в правах офицеров остался в штрафбате командиром взвода и погиб 23.12.1943 г. Родился в 1907 г. в Полесской (Гомельской) обл. Белоруссии.

62. **Сыроватский** Михаил Иосифович. Майор. В батальоне с 14.12.1943 г. Бывший боец-переменник (штрафник). После тяжелых боев под Жлобином досрочно восстановлен

в офицерских правах и назначен командиром роты 26.12.1943 года. Родился 6.10.1911 года в Воронежской обл.

63. **Тавлуй** Павел Семенович. Родился в 1915 г. Майор. Командир стрелковой роты. Других данных нет.

64. **Тачаев** Борис Алексеевич. Майор, ПНШ по шифр. работе, затем командир пулеметной роты. Имеет ранение. Родился 23.1.1921 года в Ярославской обл. Других данных нет.

65. **Титенко** Иван Александрович. Старший лейтенант, зам. ком. роты. В батальоне с первых дней формирования на Сталинградском фронте. Родился в 1911 году в Черниговской обл., Украина. Погиб на Курской дуге 15.07.1943 года.

66. **Усманов** Фуад Бакирович. Капитан. Командир стрелкового взвода, затем ПНШ-4 (по разведке), владел немецким и французским языками, имел 3 ранения, контузию. Родился 14.8.1922 г. в Башкирской АССР. После войны окончил юридический институт. В последние годы жизни был председателем Верховного Суда Башкирской АССР. Умер в Уфе 18.01.1966 г.

67. **Улыбин** Николай Константинович. Лейтенант. Командир взвода 50-мм минометов. Имеет 3 ранения. Единственный офицер в батальоне, награжденный монгольским орденом «Полевая Звезда». В батальоне с 6.12.1944 г. Родился в марте 1924 года в Тульской области.

68. **Филиппов** Василий Иванович. Капитан, ПНШ-1. Родился в 1919 году в Рязанской обл. Убит в боях в Белоруссии под Жлобином 24.12.1943 года.

69. **Филатов** Алексей Григорьевич. Родился 22.02.1915 г. Подполковник. Заместитель командира батальона. После войны служил в войсках МВД, а после увольнения в запас жил и умер в Москве 06.07.1998 г.

70. **Филатов** Михаил... Подполковник. Заместитель командира батальона до октября 1944 г. Других данных нет.

71. **Цигичко** Василий Корнеевич. Майор. Командир роты «ПТР», затем первый помощник начальника штаба ПНШ-1. Имел одно ранение. Родился 28.11.1921 года в Харьковской

области. Окончил Московское Краснознаменное пехотное училище (8 мес.) в 1941 году. На фронте с октября 1941 г., в батальоне с 25.12.1943 г. После войны продолжал службу в Советской Армии. Подполковник. Проживал и умер в Харькове 06.08.1994 г.

72. **Чайка** Алексей Кузьмич. Старший лейтенант, командир стрелкового взвода, парторг роты. В батальоне с 6.12.1944 года. Имеет 1 ранение и 2 контузии (последняя при форсировании р. Одер 17 апреля 1945 г.) Родился 20.5.1913 г. в Харьковской обл.

73. **Чесноков** Степан Матвеевич. Майор, командир 1-й стрелковой роты — комендант штаба. В батальон прибыл 18.01.1945 года, имел 3 ранения. Родился 28.12.1913 года в Брянской обл.

74. **Шатов...** Капитан. Начальник вещевого снабжения батальона. Других данных нет.

75. **Шамшин** Александр Петрович. Капитан, командир стрелкового взвода. Кроме Военно-пехотного училища, окончил Партизанскую школу подрывников в Москве (3 мес.) в 1943 году. Имеет 3 ранения. Одно из последних — на минном поле Наревского плацдарма 24.10.1944 г., другое — в боях за Варшаву. Родился 24.12.1923 года в Краснодарском крае. Умер в августе 1961 г.

76. **Шиповалов** Иван Иванович. Лейтенант, командир стрелкового взвода. В батальоне с 6.12.1944 г., имеет 4 ранения. Родился 20.12.1922 года в Алтайском крае.

77. **Шелгунов** Владилен Иванович. Командир взвода «ПТР», в июле 1944 г. контужен, в батальоне с августа 1944 г. Родился 24.02.1924 г в Архангельской обл. Убыл из батальона на фронтовые курсы 23.02.1945 года.

78. **Яковлев** Константин... Капитан. Командир минометного взвода. Ранен при форсировании р. Одер в апреле 1945 года.

79. **Янин** Иван Егорович (Георгиевич). Родился в 1923 г. в Саратовской обл. Старший лейтенант. Командир стрелково-

го взвода, заместитель командира роты. Погиб на Наревском плацдарме (Польша) 30.10.1944 г.

Фамилии офицеров-штрафников нашего батальона, погибших под Жлобином и Рогачевом, которые мне удалось установить через 60 лет, я помещаю в приложении № 5 к этому изданию. Полного списка погибших в других операциях или боях у меня нет, да и чтобы эти списки опубликовать, понадобилась бы не одна книга.

* * *

Пусть вечная память о тех, кого уже нет в живых, о погибших на поле боя и умерших после войны, послужит данью признательности и благодарности за их подвиги во имя любви к своей Родине в те далекие, но незабываемые годы. А потомкам хочу пожелать такой же безграничной любви к земле отцов и матерей своих, такой же готовности в случае необходимости встать на ее защиту, какими обладали их предшественники в годы Великой Отечественной войны.

ГЛАВА 13

Первые дни мира. Таинственная болезнь. Орденовая история. Поезд «Берлин — Москва». Рембертув, госпиталь. Точная диагностика. Рождение сына. Лейпцигские впечатления. Мои новые начальники. Памятные встречи

Первые дни мира все-таки, несмотря на всеобщее ликование, для меня были омрачены признанием Батурина о преднамеренном решении Батова пустить мою роту на минное поле. У меня и раньше не было сомнений, что это решение заставить штрафников атаковать противника через необезвреженное минное поле было принято не без участия нашего комбата. И так было жаль тех ребят, которые погибли там. А теперь они, как шли плечом к плечу на битву с врагом, так и лежат рядом друг с другом в чужой земле, под серым чужим небом, завещав лишь вечную память и безмерную скорбь

нам, боевым друзьям, и своим родным и близким. Хотя все мы понимали, что приказы отдаются, чтобы их выполняли беспрекословно, тем более — в военное время. Но понимали и то, что именно поэтому любой приказ должен быть и логичным, и разумным, и, несмотря на войну, просто человеческим.

После того памятного вечера 1 мая, когда я потерял сознание в гостях у Батурина, у меня поднялась высокая температура, державшаяся три дня. К дню нашей поездки к рейхстагу она упала до нормы, а вот 9 мая снова зашкалила за 39 градусов, и я почти сутки был в бреду. Через 2—3 дня все вошло в норму. Однако с периодичностью 7—9 дней такие приступы стали повторяться регулярно. Даже сам Степан Петрович, наш общепризнанный врачебный авторитет, терялся в догадках: тяжело протекающее лихорадочное состояние и помрачение сознания схожи с признаками сепсиса (заражения крови). Но снижение жара через 2—3 дня и почти нормальное самочувствие да еще странная периодичность такой лихорадки совершенно не характерны для сепсиса.

Я старался не провоцировать эти приступы, полагая, что их тяжесть может зависеть от самых малых доз легкого вина. И когда мы, «одерцы», получили ордена за форсирование Одера, я участвовал в торжественном ужине по этому поводу, но к рюмке даже не прикоснулся.

А тогда все мои взводные получили кто «Невского», кто «Хмельницкого», а я и Николай Слаутин, заменивший меня после ранения, ордена боевого Красного Знамени. Одновременно с этим «обмывали» и новые звания. Федя Усманов, например стал капитаном, чему мы все были очень рады. Ребята, чтобы их ордена хорошо блестели, натирали их оксидированную, черненую поверхность ртутью (из разбитого по этому случаю обычного градусника). Но на ордене Красного Знамени таких черненных деталей всего два маленьких изображения плуга и молота на белом эмалевом фоне, остальные все позолоченные. И доброхоты из кавалеров других орденов решили и наши ордена «подновить». Получилось так,

что ртуть, попав на позолоченные поверхности, мгновенно превратила тонюсенький слой позолоты в амальгаму серебристого цвета. И орден стал не золотым, а серебряным.

Много лет, чтобы орден был похож на себя, я покрывал все побелевшие его части бронзовой краской. И только спустя семь лет, когда я уже учился в Ленинградской Военно-транспортной академии, кто-то надоумил меня написать письмо в Верховный Совет СССР с просьбой заменить мне пришедший в негодность орден. Надежды на замену, честно говоря, у меня не было, но буквально через неделю я получил правительственное письмо за подписью Председателя Верховного Совета СССР Николая Михайловича Шверника. В нем мне было рекомендовано сдать орден для ремонта в Ленинградский Монетный двор, а его директору предписывалось отремонтировать орден «с расходом драгметалла за счет фондов Верховного Совета».

Сдал я орден, и буквально через пять дней мне вернули его с восстановленной позолотой и черными плугом и молотом. Я даже засомневался, тот ли орден мне вручили или совсем новый. Но когда посмотрел на номер, вычеканенный на обратной стороне, то увидел знакомую, едва заметную царапинку. Значит, это мой, родной, кровный, «одерский». Так с тех пор он и блестит на моем мундире нетускнеющей позолотой.

А тогда, под Берлином, наш батальонный доктор Бузун доложил комбату, что меня нужно срочно госпитализировать с неизвестной болезнью. И отвезли меня в город Ной-Руппин, в госпиталь. Через несколько дней после второго приступа, когда температура у меня снова пришла в норму, меня выписали с диагнозом «посткоммоционная цефалгия», что, как мне объяснили, означало воспаление мозговой оболочки из-за контузии, полученной во время ранения в голову. Но, как потом показала жизнь, главной причины этих моих странных приступов там так и не установили.

Наступил июнь. Изнурительные приступы неведомой болезни все более изматывали мой уже заметно ослабленный

организм. А в батальоне началась работа по освобождению амнистированных по случаю Великой Победы штрафников, не успевших принять участие в боях.

Я доложил комбату, что хочу отвезти беременную жену либо в Ленинград, по месту ее жительства довоенного, либо под Варшаву, в Рембертув, где располагался ее бывший госпиталь и где пока проходила службу моя теща, старший лейтенант медслужбы.

К тому времени уже было налажено железнодорожное пассажирское сообщение, и четко по расписанию ходил скорый поезд «Москва—Берлин—Москва». Необходимые документы оформили быстро, и на следующий день комбат дал в распоряжение начштаба Филиппа Киселева свой «виллис», чтобы меня отвезли на Силезский вокзал Берлина. Вместе с Киселевым вызвались проводить нас Семыкин и Цигичко.

И снова ехали мы через Берлин. Мало что в нем изменилось за этот первый месяц мира, но улицы в основном были расчищены, белые флаги уже не висели, да и народу на улицах прибавилось. Довольно часто попадались наши армейские походные кухни, раздающие пищу старикам и детям.

Вскоре мы приехали на вокзал и пошли к коменданту. Билеты, оказывается, уже были все проданы, осталась только «бронь», которая будет продаваться не раньше чем за час до отхода поезда. У кассы уже стояли несколько младших офицеров. Защемило сердце: вдруг нам билетов не достанется... Но все обошлось. Обрадовались! А поезд уже ждал на перроне, и посадка фактически заканчивалась. Ребята быстро доставили нас к вагону. Распрощались. Может быть, навсегда?

Поезд быстро набирал скорость, а мы стояли у раскрытого окна в общем коридоре, напротив своего купе, и не могли насытиться воздухом, будто пахнувшим скорым свиданием с Родиной.

Уже началась массовая отправка войск эшелонами: и на Дальний Восток для завершения войны с Японией, и в Москву и другие города для демобилизации. Все мы помним эти события и по документальным, да и по художественным

фильмам. А мы, современники этого времени, помним и то, что даже на крышах вагонов поезда Берлин—Москва оказывалось немало «зайцев», не желающих ожидать формирования эшелонов и спешащих после стольких лет войны домой.

Надо сказать, что в Германии сеть железных дорог была достаточно развитой, и железнодорожные переезды в большинстве случаев были заменены виадуками для пересечения путей на разных уровнях. Эти сравнительно часто встречающиеся мостовые сооружения были небезопасны для тех, кто находился на крышах. Такой трагический случай произошел и в нашем поезде. Какой-то солдат, решивший ускорить свое возвращение на родину, ехал на крыше нашего вагона, но, видимо, вовремя не обратил внимания на приближающийся виадук и шел или стоял на крыше во весь рост. От удара головой о железные фермы этого мостового сооружения ему размозило череп и сбросило на ходу с крыши. Видимо, машинист заметил это, и поезд остановился. Тяжкое это было впечатление — от гибели воина, дошедшего до Берлина, но не сумевшего живым вернуться из него на Родину. И это тяжелое чувство не оставляло нас еще долго...

Вскоре переехали Одер, а затем и границу тогдашней Германии. Какой контраст между населением поверженной Германии и освобожденной Польши! Здесь на каждой станции, где поезд останавливался хотя бы на несколько минут, вагоны наши буквально облепляли торговцы всякой снедью и товарами, от часов, зажигалок и бижутерии до сапог и всякой немецкой военной униформы. Из многоголосого, зазывного гама все-таки можно было расслышать: «Млеко зимне!», «Кава горонца!» (молоко холодное, кофе горячий), «Запалки, бибулки» (спички, бумажки, нарезанные для самокруток). Реже звучало «бимбер», «монополька» (это уже известные читателю горячительные напитки). И вообще, чего только не предлагали и на продажу, и в обмен. Казалось, все население этих пристанционных городков и поселков превратилось в торговцев или менял. И трудно было сказать, кого было среди них больше — детей, подростков, женщин или

мужчин. А валюта в ходу была самая разная: и польские злотые, и марки немецкие — так называемые оккупационные, или рейхсмарки, и советские рубли. В общем, «международная ярмарка». И так всю дорогу, до самой Варшавы.

Там мы узнали, что в Рембертуве поезд будет стоять 1—2 минуты. А нам больше и не нужно было, и потому мы приготовились к выходу, благо вещами мы не были обременены, только у Риты появилось несколько платьев размера, учитывающего ее все более полнеющую фигуру. Проехали мы по уже восстановленному мосту через Вислу, которую увидели теперь спокойной, величавой. Въехали в Прагу (левобережное предместье Варшавы). Еще несколько минут — и мы в конечном пункте нашего путешествия, в Рембертуве.

Был погожий день середины июня. Где расположен госпиталь, мы узнали у коменданта станции, который приказал находившемуся здесь патрулю проводить нас.

Не успели мы подойти к большому зданию, где размещался госпиталь, как нас заметили, и гурьба девчонок, Ритиных подружек, высыпала навстречу. Узнал я сразу и Люсю Пегову с Зоечкой Фарвазовой, свидетельниц нашей фронтовой свадьбы, симпатичную Миру Яковлевну Гуревич, врача-хирурга, кое-кого еще, но Екатерины Николаевны не оказалось. Тут же веселая ватага вызвалась проводить нас до ее «мешканья», как уже по-польски принято было здесь называть жилье, а точнее — жилище. Ну а об этой встрече и говорить не нужно, такой теплой, со слезами на глазах она была.

Видимо, по письмам Риты ее мама знала о нашем возможном приезде в ближайшее время, и в доме, который она занимала, нам была отведена хорошо обставленная комната. Брата Риты Стасика здесь уже не было. В мае ему исполнилось 18 лет, и за несколько месяцев до этой даты полевым военкоматом он был призван в армию.

На семейном совете решили, что Рита остается в госпитале, пока ее мать служит здесь, и если придет пора, то и рожать будет здесь, под присмотром своих врачей и самой будущей бабушки.

Ко мне буквально на третий день возвратился приступ лихорадочного всплеска температуры, почти до 40 градусов, и меня поместили в тот же госпиталь, где тоже не нашлось медика, который бы точно определил природу этого недуга. И так же, через два-три дня бредового состояния, температура резко снизилась до нормы, но только организму моему все меньше удавалось восстанавливать силы, и каждый последующий приступ проходил все более тяжело.

Недалеко от Рембертува, в городке, кажется, под названием Весела Гура, стоял еще один, уже не хирургический, а терапевтический госпиталь, откуда привезли ко мне врача-консультанта. Это был пожилой, белый как лунь, подполковник с такими же до белизны седыми пышными усами. Он тщательно осмотрел и ощупал меня, потребовал, чтобы у меня взяли необходимые анализы крови, и увез их с собой. А через день-два приехал с заключением: «Больной страдает частыми приступами тропической малярии». Вот уж поистине неожиданной была эта весть. Откуда? Да еще тропическая, если я южнее Уфы нигде и никогда не был? И сразу отпала версия о сепсисе, как предполагалось раньше. Ведь еще тогда, после ранения в голову, когда Рита не могла найти меня среди раненых, врач ей сказал: «У него высочайшая температура, скорее всего — сепсис и, видимо, его нужно искать уже в морге».

Ну, и слава богу, теперь причина моей хвори ясна, и лечение будет соответствующее.

Пришлось мне лечь в этот терапевтический госпиталь, где меня взяли интенсивно лечить какими-то экзотическими уколами и от этой диковинной лихорадки, и от сильнейшего малокровия. Моим лечащим врачом был тот самый усатый подполковник. Я даже запомнил его фамилию — Пилипенко, а вот имя и отчество позабыл, хотя долго с ним переписывался и даже, когда учился в Ленинградской академии, встречался с ним, уже уволенным в запас и проживавшим в Ленинграде.

А тогда в этот госпиталь с какими только заболеваниями не привозили военных. Помню хорошо, что однажды привезли группу офицеров и солдат, отравившихся метиловым, или, как тогда говорили, «древесным» спиртом. И последствия были трагическими. Несколько человек полностью ослепли, а некоторых не удалось спасти вообще. И это уже через месяц-два после окончания войны. Как же, наверное, горько это было выжившим, но ослепшим, и как больно родным тех, кто не выжил после соблазна «хватить» чего-нибудь спиртного. Уж лучше бы хватило обжигающего и зловонного «бимбера», настоящего на карбиде кальция, — желудки бы испортили, но этот свет, который был так прекрасен без войны, не покинули бы...

А я между приступами моей сколь экзотической, столь и трудноизлечимой болезни, когда мое состояние позволяло, ездил, а иногда и ходил «домой», навещал жену, готовившуюся стать матерью. Да и сам исподволь готовился к отцовству. Мое состояние стало понемногу улучшаться, приступы стали легче и даже реже. Важно то, что я стал постепенноправляться.

Рядом с госпиталем в казармах размещалась польская военная школа. По-видимому, по национальной традиции Войска Польского, курсантов учили бальным танцам и часто устраивали танцевальные вечера. Рита умоляла меня ходить с нею туда хотя бы иногда.

И вот однажды на таком танцевальном вечере достаточно пожилой польский офицер пригласил Риту на мудреную мазурку. Она была рада, раскраснелась, но, вернувшись домой, поняла, что наступают роды.

Ночью мы вели ее в госпиталь, почти через весь Рембертув. А к утру она родила.

Я знал, что новорожденные, конечно, очень маленькие, но наш оказался настолько мал! Как потом мне сказали, в нем веса было намного меньше обычного стандарта, да и рост нестандартный, малый. Такое шупленькое тельце.

Еще задолго до родов мы придумывали имя будущему ребенку. Я предложил назвать, если будет сын, Аркадием. Пусть, говорил я, будет он Аркадием Александровичем, в честь моего первого и любимого фронтового комбата Осипова. И даже один день он у нас прожил под этим именем. Но назавтра она сказала, что ей ночью приснился ее отец (может, это так и было), и она хотела бы назвать нашего первенца Сергеем в честь отца. У меня не было веских оснований возражать.

Не очень крупным был наш первенец и первые годы жизни своей часто болел, но потом окреп, вырос, наверстал, да и здоровьем не оплошал. Ровесник Победы! Сейчас ему уже тоже за 60. И ростом «дошел» почти 180, и вес «набрал» — около центнера!..

А тогда, вскоре после рождения сына, мне сделали операцию по извлечению немецкой пули, сидевшей во мне больше года после памятного ранения под Брестом. Операция была вынужденной, так как пуля эта, мигрируя в теле и как-то хитро обойдя кости таза, вышла под кожу на самом неудобном месте, и ни сидеть, ни лежать не давала. Извлекли ее сравнительно легко, под местным обезболиванием. И была она покрыта неровным слоем налета, делающего ее похожей уже на какой-то странный кокон. Мой организм, вероятно, ослабленный жестокой малярией, на такую пустяковую операцию среагировал неадекватно. Когда я вышел на воздух, во двор, мне стало дурно, и я едва устоял на ногах...

А в общем, моя малярия стала понемногу отступать, приступы ее стали более редкими и менее изнурительными, температура уже не доводила меня до бредового состояния и мне можно было (да и нужно уже!) возвращаться в батальон. Но тут встала задача: и ребенка нужно зарегистрировать, и брак свой узаконить. Поехал я в Варшаву, зашел в комендатуру города, надеясь все по-быстрому оформить. Там мне разъяснили, что теперь в Варшаве функционирует Консульский отдел Советского посольства, где и регистрируют все акты гражданского состояния. Нашел я это учреждение и узнал,

что для регистрации брака нужно присутствие обоих «брачующихся», а для регистрации ребенка — достаточно документа, подтверждающего факт его рождения.

Через несколько дней на машине начальника госпиталя мы, празднично одетые, с начищенными небогатыми наградами, оказались в нужном месте. Процедура регистрации была простой: сделали отметки в наших служебных документах и выдали свидетельства о браке и о рождении сына. А в этом свидетельстве записали в графе «место рождения»: «город Варшава, Польша». И какое совпадение: Сергей, внук отца Риты, имевшего польские корни, родился на земле предков своего деда, в городе, за освобождение которого от фашистов воевал здесь я, его отец. Мальчик рос хорошо, постепенно преодолевая свою «нестандартность» и болезненность. Из худенького, маленького тельца стал оформляться эдакий крепыш, с уклоном к виду богатырскому.

Итак, за здоровье жены и сына у меня беспокойства не было, тем более что были они под бдительным и тщательным присмотром медика, матери Риты и бабушки Сережи.

...Была уже середина сентября. Понимая, что наш штрафбат в связи с окончанием войны должен прекратить свое существование, я торопился выехать в Берлин. Найти батальон на прежнем месте мне не довелось, его уже расформировали. Поехал я в Потсдам, пригород Берлина, в штаб ГСОВГ (Группы Советских оккупационных войск Германии), нашел там отдел кадров, где мне полковник Киров обрисовал суть дела и зачитал ту самую аттестацию, в которой мой бывший комбат записал: «Майор Пыльцын — перспективный офицер. Целесообразно оставить в кадрах Вооруженных Сил». А этому майору тогда было чуть больше 21 года.

Порылся Киров еще в каких-то бумагах, пожал плечами и сказал, что почему-то меня не представили к награде по случаю окончания войны. На мое замечание, что я недавно получил орден за Одер и участие в Берлинской операции, он сказал, что было распоряжение маршала Жукова в честь Победы и в связи с расформированием штрафбата представить

к награждению орденами Отечественной войны всех офицеров, находившихся в батальоне более года.

У меня уже было четыре ордена и медаль «За отвагу», и я как-то не очень сожалел о случившемся. Просто подумал, что очень верна пословица «с глаз долой — из сердца вон», и что хоть так, но отомстил мне Батуриным за мою строптивость.

Здесь же, в штабе, я встретил Василия Назыкова, который у нас в штабе штрафбата был старшиной — заведовал секретным делопроизводством, а затем произведен в лейтенанты и теперь служит при штабе Группы. Он подтвердил мои предположения: когда майор Матвиенко, бывший мой ротный, а последние полгода — заместитель комбата, предложил Батурину наградной лист на меня, тот отложил его в сторону, сказав, что я и так недавно получил очень высокую награду.

А между тем там, в Потсдаме, полковник Киров сказал мне: «Назначать тебя командиром стрелкового батальона в соответствии с выводом по аттестации не имеет смысла, так как не исключено, что этот батальон завтра же будет определен на расформирование, а на Дальний Восток, чтобы повоевать еще и с японцами, ты уже опоздал. Да тебе, кажется, и этой войны хватило». И он предложил мне должность замкомбата в Отдельный батальон охраны военной комендатуры Лейпцига, одного из крупнейших городов, входивших в Советскую зону оккупации Германии.

Как мне разъяснил полковник, до создания правительства Германии всей ее жизнью, и политической, и экономической, ведает Советская Военная администрация Германии (СВАГ) при штабе ГСОВГ, а Лейпциг входил в ведение Советской Военной администрации федеральной земли Саксония.

Мне стало известно от Назыкова, что многие мои боевые друзья получили назначения именно военными комендантами городов, городков и пристанционных поселков, и именно на них возлагались задачи возглавлять политическое, ад-

министративное и экономическое руководство жизнью мирного населения, то есть выполнять функции местных органов власти.

У меня не было возражений против назначения в этот батальон, тем более что он был тоже, как и штрафбат, **отдельным**, значит, на положении полка, а я, как замкомбата, получал права командира линейного батальона, что соответствовало выводу по аттестации. На второй же день я отправился в Лейпциг. Поезда ходили уже по четкому расписанию. Странными мне показались вагоны: каждое купе имело автономный выход из вагона на подножку, тянущуюся вдоль всего вагона, а в купе были только сидячие места. Конечно, по сравнению с нашей Родиной, которую из конца в конец можно одолеть только за 8—10 суток пути, Германия казалась небольшой, и до Лейпцига было всего часа четыре пути.

Прибыл я в комендатуру города, и меня на дежурной машине отвезли в расположение батальона. До сих пор помню, что он находился в большой казарме, на улице Лессингштрассе, 20, а рядом в доме № 18 были офицерские квартиры, где мне отвели на втором этаже хорошо обставленную **пятикомнатную** квартиру с двумя ванными комнатами и двумя туалетами. Какая роскошь! И что мы в этих апартаментах будем делать втроем?

Комбат, тоже майор, Леонид Ильич Мильштейн, был старше меня лет на пять. Высокий, стройный, с лицом приятным, если не сказать, красивым. Одной из его достопримечательностей были элегантные, щегольские, пшенично-рыжие усы.

Одним из замов у комбата и одновременно начальником штаба был майор Мавлютов. Это был татарин, человек весьма подвижный, юморной, пытавшийся общаться с немцами на какой-то невероятной смеси татарского с немецким, разбавленной отдельными русскими словами.

Мне прежде всего было интересно, как складываются взаимоотношения после войны, да еще в коллективе, отлич-

ном от штрафбата. В общем, я был доволен офицерской средой, в которой оказался. Нравился мне и начальник продовольствия, капитан Гуткин, уравновешенный человек, имевший, пожалуй, одну только странность: обязательно «снимать пробу» сразу на двух кухнях — солдатской и офицерской. При этом в обоих случаях он не только пробовал качество приготовляемой пищи, но и съедал полные порции. И, насытившись обеими, говорил: «Я должен знать, хватит ли этих порций, чтобы и солдат, и офицер не остались голодными». Эту его позицию принимали за оригинальную шутку.

Батальон нес службу по охране комендатуры города, осуществлял патрулирование улиц и вокзала. Но кроме этого и, наверное, более важными задачами его были охрана бывших военных объектов, промышленных и энергопроизводств. Довольно часто вместе с воинскими частями гарнизона батальон привлекался и к вылавливанию блуждающих еще кое-где в лесах отдельных групп и одиночек из недобитых групп вермахта, СД и СС. Не стану останавливаться на деталях этой службы. Приведу только один пример. По показаниям одной такой выловленной группы фашистов, был обнаружен довольно большой тайный склад оружия и боеприпасов, на вывоз которого понадобилась колонна из двадцати «студебеккеров».

Вскоре я освоился со своими должностными обязанностями, включавшими прежде всего организацию караульной службы на военных заводах и других важных объектах. Всего было более десятка караулов из не менее трех-четырёх постов в каждом. Пришлось изучить расположение этих охраняемых объектов, определить способы их смены и проверок. Это позволило мне быстро ознакомиться и с планировкой города.

По сравнению с Берлином мая 1945 года Лейпциг конца этого же года представлял собой разительный контраст. Во-первых, он был меньше разрушен, да и улицы, и целые кварталы были тщательно расчищены, даже вымыты, развалины

зданий огорожены по-немецки аккуратными заборами. Разнообразная архитектура сохранившихся зданий и планировка улиц и площадей создавали впечатление благоустроенного европейского города. Помню, наша Лессингштрассе свое начало брала от кинотеатра «Аpollo», ставшего нашим гарнизонным офицерским клубом и солдатским кинотеатром.

В нем постоянно демонстрировались советские фильмы, а также немецкие трофейные, в том числе музыкальная комедия «Девушка моей мечты» с известной актрисой Марикой Рокк и другие, как трофейные, так и наши, отечественные фильмы. В этом же кинотеатре часто выступали известные советские актеры, среди которых особенно запомнились Сергей Лемешев, любимый всеми по фильму «Музыкальная история», известный пианист Лев Оборин, певица Ирина Масленникова и много других знаменитостей. С некоторыми из них мне посчастливилось общаться.

Как-то раз, недели за две до Нового года, комбат Мильштейн спросил меня, что я медлю с переездом моей семьи ко мне. Он будто угадал мои мысли, крутившиеся в последнее время в голове. Через два дня я уже ехал за женой и ребенком, а еще через несколько дней мы были в Лейпциге. Госпиталь, в котором оставалась мать Риты, подлежал расформированию, а все женщины-медики — демобилизации. У нас с Екатериной Николаевной был уговор, что после увольнения она приедет к нам в Лейпциг. И уже в марте 1946 года, уволившись в запас, она приехала.

Первые впечатления их, ленинградцев, о Лейпциге были восторженные. Он им напоминал Ленинград разнообразием архитектуры старинных, XVI—XVIII веков зданий и обилием церквей (костелов), построенных еще в Средние века, множеством скульптурных композиций у фонтанов. А многочисленные ажурные решетки мостов и мостиков через каналы и речушки, правда, не такие и не в таком количестве, как в городе на Неве, еще больше создавали кажущееся сходство.

Да и музеев в городе было немало. Особенно интересными были Музей изобразительных искусств и музей «Книги и

письменности», при котором находилась образцовая типография, где печаталось ныне все необходимое на русском языке. Особый интерес у русского контингента всей группы войск и многочисленных экскурсантов вызывало помещение, в котором в 1933 году проходил исторический процесс — фашистское судилище над известным болгарским коммунистом, ложно обвиненным в поджоге рейхстага, — Георгием Димитровым, который своим пламенным выступлением на суде разоблачил фашизм как злейшего врага человечества.

Не меньшей популярностью пользовалась и еще одна достопримечательность Лейпцига — музей-памятник «Битва народов», построенный на городской окраине в честь победы русских войск в 1813 году над Наполеоном, и возведенный рядом с ним православный храм, в котором уже в наше время проводили церковные службы и обряды русские священнослужители. В общем, осваивались мы постепенно с интересным городом Лейпцигом и его окрестностями.

Каким-то образом меня разыскали мои боевые друзья, провожавшие нас на Силезском вокзале Берлина. Вначале нас навестил Вася Цигичко, работавший военным комендантом небольшого городка под Дрезденом и вскоре уезжавший в Союз по замене. А вскоре добрался до нас и Валера Семыкин, который работал в городе Галле, недалеко от Лейпцига, военпредом на одном из военных заводов, который по репарациям подлежал вывозу в СССР. Бывали и мы с Ритой в гостях у Валерия, пока все, что подлежало вывозу, не было вывезено. Ах, какие это были сердечные встречи, сколько было в них искренности, братских чувств! Ведь фронт, а тем более штрафбат, всех нас сроднил. Вот в одном из последних писем от уже покинувшего этот мир Валерия о нашей службе в штрафбате он написал: «Один 8-й чего стоит!» А для него, бывшего штрафника, — особенно.

Примерно через год моей работы в батальоне охраны меня перевели с повышением на должность старшего офицера по оперативно-строевым вопросам городской комендатуры,

в непосредственное подчинение военного коменданта города, полковника Борисова. Мне было предложено и новое жилье, поближе к комендатуре — богатый особняк по улице Монтбештрассе, 24 (запомнил же!), принадлежавший ранее какому-то крупному промышленнику-нацисту, сбежавшему на Запад. За мной закрепили и служебный автомобиль «Опель-супер-6» с водителем. Одной из моих новых обязанностей стала встреча и сопровождение по городу именитых гостей Лейпцига. О некоторых из этих гостей я расскажу чуть позже.

Поскольку моим начальником теперь был сам комендант города, мне хочется несколько подробнее остановиться на своих впечатлениях об этом, весьма неординарном человеке — полковнике Борисове Владимире Алексеевиче (если я правильно вспомнил его имя и отчество). Не знаю, достоверны ли были слухи о том, что он — бывший армейский комиссар 1-го ранга, который за неудачу войск в боях под Керчью был будто бы разжалован до младшего офицера (своего рода — штрафник?) и за время войны снова дорос до полковника. Это был очень внимательный, справедливый и доброжелательный начальник, пользовавшийся огромным уважением всех, кому довелось служить в его подчинении.

То ли он вообще по характеру был мягок в обращении, в том числе и со своими подчиненными, то ли эта черная полоса в его биографии сформировала в нем такие качества, но он выгодно отличался от многих начальников, с которыми мне приходилось за долгие годы армейской жизни иметь служебные отношения. Он знал поименно почти всех офицеров комендатуры города и районов (а всего таких районов в городе было шесть), много внимания уделял деятельности командного состава батальона охраны. Может, поэтому он перевел в свое непосредственное подчинение меня, двадцатитрехлетнего майора, имевшего касательство к штрафбату?

Летом 1947 года его срочно отозвали в Москву. И, как оказалось, он снова за какие-то дела или слова (а может быть, это было продолжение керченского дела?) был осужден и со-

слан в лагеря на какой-то большой срок. Машина репрессий продолжала работать...

Не прошло и месяца, как меня почему-то вдруг приказом по округу Лейпциг перевели во второразрядную комендатуру небольшого городка Дебельн (предполагаемую причину этого события я изложу в той части, где пойдет речь о военном коменданте округа Лейпциг).

Оказавшись в начале 1948 года по замене в Московском военном округе, я разыскал семью Владимира Алексеевича Борисова, и его жена, помнившая меня по Лейпцигу, рассказала, что он снова лишен звания и где-то в ссылке его устроили писарем при лагерном начальстве. Она раз в полгода навещает его и скоро поедет снова. А поскольку он просил привезти ему хоть немного карандашей, ручек с перьями и чернил, стиральных резинок и школьных линеек, то я помотался по Москве, чтобы все это достать, добавил что мог из своих немецких «трофеев», вывезенных для своего, уже двухлетнего сына, и передал ей. После очередной поездки к мужу она рассказала мне, как был рад он, дважды разжалованный офицер, этим канцтоварам. Как сложилась дальше судьба бывшего армейского комиссара, бывшего полковника, военного коменданта одного из крупнейших городов поверженной Германии, мне, к сожалению, неизвестно.

А в комендатуре Лейпцига после отзыва полковника Борисова произошли заметные изменения. Комендантом стал полковник Пинчук, на мое место был назначен майор Гольдин (друг комбата Мильштейна), поменялось большинство военных комендантов районов города. Какое это отношение имело к судьбе Борисова, не знаю, но мне казалось, что первопричиной этих изменений был военный комендант округа Лейпциг полковник Иван Литвин. Отчества его я не помню, но имя запомнил, потому что у него был 12-летний сынишка, которого не в шутку называли Адольф Иванович. Имя это наводило на размышления, особенно если из года 1945 вычесть 12. Получалось 1933 — год прихода к власти Гитлера.

Был полковник Литвин каким-то странным. Только два примера.

Вызвал он однажды на совещание комендантов районов города и комбата, которого на время отпуска замещал я. И не помню уже, почему у меня не было времени переодеться в форму для строя (брюки в сапоги), и я прибыл в брюках на-выпуск. Да еще угораздило меня сесть в первом ряду. Совещание Литвин проводил в клубном помещении, на сцене которого стоял большой стол, накрытый красным сукном, а на заднем плане красовался портрет Сталина во весь рост.

Заметив, что я прибыл «не по форме», Литвин стал меня отчитывать, не стесняясь в выражениях. Что я не военный вовсе, раз не ношу сапоги, и что вообще такие штаны носят только дураки, и т.п. Мне стало интересно, чем закончит он эти свои излияния, если обратит внимание на стоящий за его спиной портрет Сталина, где тот изображен в кителе и... брюках навыпуск, хотя раньше чаще всего мы видели изображения Сталина именно в сапогах. И тогда я стал упорно смотреть не «в глаза начальству», а мимо, на портрет Генералиссимуса. В конце концов полковник проследил за моим взглядом, внезапно резко оборвал свое затянувшееся морализирование и со злостью скомандовал мне: «Садитесь!»

Возненавидел он меня люто. И даже когда поступило распоряжение для передачи Польскому правительству списков офицеров, участвовавших в освобождении Варшавы и других польских городов, для награждения польскими орденами, моя фамилия была вычеркнута лично Литвиным. Так он отомстил мне, лишив таким образом меня польского ордена «Виртути Милитари», коим были награждены многие офицеры.

Другой памятный случай произошел сразу же после того, как полковник Борисов сдал свою должность. Нагрянувший в нашу комендатуру с проверкой полковник Литвин нашел какие-то недостатки в работе секретной части, которая подчинялась мне. Посчитал, что в этом повинен лично я, и объявил мне 3 суток ареста с содержанием на гауптвахте и при-

казал немедленно отправиться на гарнизонную «губу». В ответ я заявил, что, поскольку гауптвахта состоит под охраной того батальона, который продолжает находиться под моим контролем, то солдатам придется охранять своего начальника. А это противоречит уставу и такое нарушение недопустимо. Полковник Литвин, кажется, позеленел от злости и несколько минут решал, как со мной поступить. Потом сказал, что завтра получу письменный приказ, и ушел

Назавтра дежурный по комендатуре передал мне пакет, в котором был приказ и предписание убыть для отбытия наказания в город Дебельн, что недалеко от Лейпцига. Человек я, в общем-то, исполнительный и в тот же день, созвонившись с комендатурой, выехал туда.

Военным комендантом Дебельна был полковник Иванченко, который приказал своему заместителю майору Куташонкову надлежащим образом организовать исполнение приказа военного коменданта Лейпцигского округа. А с Куташонковым мы уже были знакомы по нескольким занятиям на сборах, проводимых в масштабе округа, на которых мне поручалось выступать в роли преподавателя теории стрельбы, в чем я обладал определенными знаниями, полученными не только в училище, но и в порядке самообразования. С этим симпатичным майором, оказавшимся еще и моим сверстником, у нас сложились хорошие отношения, и понятно, что условия, в которых я содержался эти трое суток, были почти санаторными, включая и питание. А Куташонков обеспечил меня и чтивом, к которому я не потерял интереса. По его просьбе я согласился, как только выберу время, приехать и провести с офицерами занятие по теории стрельбы, аналогичное тому, что проводил на окружных сборах.

Видимо, с комендантом города полковником Борисовым у полковника Литвина были сложные отношения, и как бы не с его подачи отозвали Владимира Алексеевича и упекли в ссылку, так как Литвин сразу же начал расчищать «гнездо врага народа». Вот под его горячую руку попал и я, назначенный тоже «в ссылку» с фактическим понижением, на долж-

ность, которая именовалась, как и в Лейпциге, но в совсем маленьком городе, которым оказался (не удивляйтесь!) тот же Дебельн! Наверное, полковник Литвин продумал это мое назначение и решил, что он унизит меня еще тем, что буду служить теперь в коллективе, который был свидетелем моего «публичного» наказания. Но он, конечно, ошибся.

Но это все случилось уже в середине 1947 года. А до того я продолжал работать у полковника Борисова. И среди прочего выполнял поручения по организации встреч именитых гостей города.

Первым, кого я встречал, был маршал бронетанковых войск Ротмистров Павел Алексеевич. И сразу же произошел казус.

Выехал я в указанное мне место на Берлинскую автостраду («автобан», по местной терминологии), где и должна была в условленное время произойти встреча. Подождав с полчаса после установленного времени, я решил проехать дальше, чтобы узнать, не случилось ли что с машиной маршала или, может быть, я неверно определил точку встречи. Проехав километров пять-шесть, машины маршала нигде не обнаружил. Заметил только, что в стороне от шоссе в нескольких местах стоят машины, и то ли их ремонтируют водители, то ли хозяева этих машин расположились на пикник.

Прошло уже более часа, и я решил вернуться в комендатуру. При въезде в город, от дежурного по одной из районных комендатур по телефону доложил полковнику Борисову о неудаче. Тот, несмотря на свою выдержанность, обругал меня ротозем и приказал срочно прибыть для объяснений, так как маршал уже добрался сам.

Надо догадаться, с какими чувствами я мчался туда. Когда я зашел в кабинет коменданта, то увидел там Ротмистрова с характерными, почти буденновскими усами и круглыми, совсем не модными тогда очками. Не успел я обратиться к маршалу, чтобы он разрешил мне доложить полковнику о прибытии, как комендант сразу обрушился на меня с вежливыми, но необычайно едкими словами укора. Тогда маршал

Ротмистров остановил его, сказав: «Не ругай этого симпатичного майора. Он честно старался меня найти, но с моей машиной что-то случилось, и я приказал шоферу съехать с дороги, чтобы устранить неисправность. А сам, утомленный дорогой, снял свой китель и отдыхал рядом с машиной. Я видел, как этот майор проезжал мимо, но не подумал, что это мой провожатый. Вот так мы и разминулись и, пожалуйста, не наказывай его, он не виноват».

Так неудачно, но без последствий закончилось недоразумение с моей первой встречей именитого гостя.

Вторая, уже более успешная встреча на той же дороге была с **Маршалом Советского Союза Буденным Семеном Михайловичем**. Он приезжал на открытие первой послевоенной международной Лейпцигской ярмарки. Встреча произошла в точно назначенном месте и близко к условленному времени, так что ждать мне маршала на этом месте пришлось не более 10—15 минут. За машиной маршала следовало еще четыре или пять легковых автомобилей. Семен Михайлович подождал меня к своей машине, указал мне на свободное место рядом с водителем, тоже майором, как и я, и приказал ему следовать туда, куда я буду указывать. Город я уже знал неплохо, поэтому ориентировался в нем достаточно свободно.

По дороге маршал расспросил и о семье, и о моей войне. Я не скрыл от него и службу в ШБ, которую тогда не было принято афишировать, на что он вроде бы не обратил внимания, во всяком случае, по этому поводу не задал ни одного уточняющего вопроса.

Я должен был доставить всю эту кавалькаду машин прямо на ярмарку. Все было удачно, даже на выставке ко времени прибытия маршала был выставлен от батальона охраны почетный караул, который возглавлял хорошо знакомый мне командир роты, красавец цыганских кровей, старший лейтенант Бадер, щеголеватый офицер, мастерски владевший строевыми приемами. Семен Михайлович принял его рапорт, потом поздоровался с комендантом Борисовым и его

окружением, а затем обернулся. Увидев меня, поманил к себе пальцем и как-то по-отечески поблагодарил меня, пожал мне руку и пожелал успехов в дальнейшей службе на долгие годы. Забегая вперед, расскажу сразу и о других встречах с прославленным маршалом.

Одна из них произошла в конце 50-х годов прошлого века в Костроме, где я проходил службу заместителем командира гвардейской воздушно-десантной дивизии. Поскольку по должности я состоял в числе шефов местной организации ДОСААФ, то во всякого рода мероприятиях городского и областного масштаба приходилось принимать участие. В тот год намечалась областная отчетно-выборная конференция, на которую был приглашен и маршал Буденный, курировавший тогда Всесоюзную организацию ДОСААФ.

Приехал Семен Михайлович утренним поездом, дав накануне телеграмму: «Почетный караул прошу не выставлять». Начальник костромского гарнизона, наш комдив, генерал Симонов решил для встречи Маршала Советского Союза выставить своеобразный офицерский «караул» из одних полковников. Только в управлении дивизии нас набралось 7 полковников, да еще 2 командира полка, среди которых — Герой Советского Союза полковник Юдин. Так что вместе с генералом-комдивом нас на вокзале оказалась группа из 10 одетых в парадную форму, достаточно рослых военных. Да еще руководители обкома, горкома и исполкомов примерно в таком же количестве прибыли на вокзал. Так что и без почетного караула встречающихся набралось.

Платформы на уровне пола вагона тогда на перроне в Костроме не было, и маршал, несмотря на свой уже довольно солидный возраст, проворно спустился из вагона по ступенькам. Несколько удивившись такой многочисленной группе, выстроившейся напротив вагона, в ответ на приветственные речи генерала и секретаря обкома, заметил: «Ну и перехитрил ты меня, генерал!» Проходя вдоль «полковнического» строя и пожимая каждому руку, говорил какие-то добрые слова, вроде «Успехов Вам в службе!». Когда очередь

дошла до меня, он, сказав примерно те же слова и отходя к другому офицеру, вдруг снова повернулся ко мне и, прищурив свои добрые, под густыми бровями глаза, как бы про себя, сказал: «А с тобой, молодой полковник, я кажется, где-то встречался раньше». Я был поражен! Ведь с той лейпцигской встречи прошло больше десятка лет! Но успел выпалить: «Так точно, в Лейпциге, товарищ Маршал Советского Союза!» Семен Михайлович улыбнулся в свои знаменитые, ставшие еще более пышными, чем тогда, усы, и пошел дальше, вдоль нашего строя и к группе гражданских представителей местной власти.

Открытие конференции состоялось в тот же день, в 12 часов в областном театре имени А.Н. Островского. Мы все уже собрались, и буквально за одну минуту до открытия в зал вошел маршал Буденный в сопровождении секретаря обкома КПСС Лещева и других руководителей области. Уселись за длинным столом на сцене все, кому там надлежало быть. Я оказался недалеко от маршала, который, увидев меня, приветливо кивнул и так же, как на вокзале, улыбнулся, но ничего не сказал. Я бы все равно ничего не услышал из-за бурных аплодисментов, которыми переполненный зал стоя встретил легендарного маршала. Когда, наконец, по просьбе самого Семена Михайловича зал утих и все, в том числе и президиум, уселись, и конференция начала работу, маршал через сидящего с ним рядом генерала Симонова передал мне, чтобы я подошел к нему в конце дня.

Но так случилось, что не суждено было продолжиться тогда нашим контактам. Я вдруг почувствовал все усиливающиеся боли в правой части живота и ощущение все разрастающегося жара во всем теле. Едва дождавшись перерыва, выходя из зала, подошел к своему комдиву, доложил ему о случившемся. Тот сказал мне, чтобы я взял его машину, стоящую около театра, и срочно ехал в медсанбат, а маршалу, если я к концу дня не вернусь, он доложит, как нужно.

А у меня, как определили медики, оказался гнойный аппендицит и буквально через час я уже лежал на операцион-

ном столе под ножом нашего хирурга, командира медсанбата майора Ашихмина.

Еще одна встреча с Семеном Михайловичем Буденным произошла на Всеармейском совещании военных автомобилистов в 1961 году, которое проводил генерал-полковник Смирнов Александр Тимофеевич, бывший тогда первым заместителем начальника ЦАВТУ (Центрального Автотракторного Управления) Министерства обороны СССР. Тогда я после того, как был признан по состоянию здоровья негодным к службе в ВДВ, занимал должность начальника автослужбы 38-й общевойсковой армии Прикарпатского военного округа и впервые был участником этого совещания.

Тогда служба наша, возглавляемая часто болеющим генералом Коровниковым, была не фаворитом в Вооруженных Силах, и совещание это А.Т. Смирнов, наверное, и организовал, чтобы изменить ситуацию. Может, именно поэтому в работе форума крупных организаторов нашей службы принимали участие Маршалы Советского Союза С.М. Буденный и И.Х. Баграмян, генералы армии А.С. Жадов и Д.Д. Лелюшенко. Я помню и эту, последнюю встречу с легендарным маршалом, хотя и очень кратковременную. Его известность и популярность были такими, что пробиться к нему во время перерывов, когда Семен Михайлович не сидел за столом президиума, было очень непросто. Позвольте здесь мне привести фрагмент из книги руководителя этого совещания генерал-полковника А.Т. Смирнова «50 лет в Автобронетанковой службе Министерства обороны»:

«Сбор проходил организованно. Выступали представители видов Вооруженных Сил, округов и флотов и высказывали деловые предложения по улучшению работы службы. Один из выступающих высказал мнение, что автомобиль сейчас обеспечивает маневр войск, как раньше обеспечивала его конница, что мы — автомобилисты — являемся преемниками и учениками славных конников. Зал разразился аплодисментами, а С.М. Буденный встал и несколько раз поклонился, и я увидел на его глазах несколько слезинок умиления и благодарности».

Хочу добавить к этому и то, что, кроме приведенного в книге, запомнилось мне. Выступающим был, по-моему, начальник автослужбы Северной Группы войск (Польша) полковник Золотов, и в заключение он попросил маршала, поскольку сейчас почти все «лошадиные силы» заключены в моторах автомобилей, взять под свое маршальское крыло нашу автомобильную службу. Конечно, это не могло не расстроить маршала, тем более что ему тогда уже было под 80 лет! А при нашей первой встрече в Лейпциге он был всего 60-летним, еще очень бодрым, крепким. Это уже в Костроме, когда Семену Михайловичу исполнилось 75, он показался уже очень пожилым, хотя и довольно крепким. А здесь уже давали о себе знать и возраст, и пережитое.

Так вот, во время перерывов каждому хотелось хоть прикоснуться к этому любимому всем народом нашим человеку, и каждому, кто протискивался к нему, он пожимал руку и говорил какие-то слова. Когда и мне удалось оказаться напротив маршала, он, прищулив свои добрые глаза и протягивая для пожатия руку, вдруг сказал: «Ну, как, полковник, здоровье? Без аппендикса-то легче?» Мое удивление, наверное, было таким неподдельным, что Семен Михайлович, широко улыбаясь в совсем уже побелевшие, но такие же, как всегда, пышные усы, добавил: «Многое еще помню, хоть и постарел!»

Меня тут же оттеснили другие, желающие пообщаться с маршалом, а я долго еще не мог прийти в состояние душевного равновесия и от самой встречи, и от потрясающей памяти такого пожилого, по моим тогдашним меркам, человека.

Памятных встреч у меня за всю мою 40-летнюю армейскую службу было немало, но я расскажу лишь о касающихся очень известных людей. И одна из таких встреч — с **Маршалом Победы Георгием Константиновичем Жуковым**.

Воочию я увидел Маршала Победы, когда он приезжал в Лейпциг на охоту на оленей. Я тогда еще был заместителем командира батальона охраны, и мне было поручено органи-

звать охрану охотничьего участка, где находилось место стоянки машин Жукова и сопровождавших его лиц. Видел я маршала близко, метров с 10—15. Он оказался вовсе не великаном, как я его себе представлял, а среднего роста, крепким, кряжистым, плотным и, вместе с тем, довольно подвижным. Одет он был не в маршальскую форму, а в кожаную куртку, брюки и, кажется, в армейские сапоги. На голове — необычайной формы, тоже кожаная то ли кепка, то ли какая-то не форменная фуражка с козырьком, похожая на картуз. Сам процесс охоты, загона и отстрела зверя проходил не на наших глазах, а невдалеке от места, где стоял автомобиль. Мы только слышали несколько выстрелов.

Потом все собрались на той же площадке, где стояли машины, приволокли двух убитых оленей. Один из заядлых охотников, мой комбат, майор Леонид Мильштейн подошел к расстроенному маршалу и что-то ему сказал. Тот, как-то набычившись, посмотрел на него и громко, четко (так, что и мы все слышали), крепко, по-русски выругался и сказал запомнимшуюся мне фразу: «Я не на мясозаготовки приехал, а на охоту!» Потом комбат мне рассказал, что выстрел Жукова был неудачным, стрелял он в бегущего оленя и вогнал заряд в дерево, за которое в момент выстрела забежал олень. А они, помогавшие организовать охоту, уложили двух. И вот тогда ему, Мильштейну, организаторы охоты поручили предложить маршалу в подарок один из охотничьих трофеев. Что из этого получилось, вы уже знаете.

Боялись, что от разгневанного военачальника кому-нибудь из организаторов этой охоты, сложившейся неудачно для Главкома Группы войск, «перепадет на орехи». Но, как говорят, событие последствий не имело.

А вскоре на посту Главкома ГСОВГ Жукова сменил недавно получивший высокое воинское звание **Маршал Советского Союза Соколовский Василий Данилович**, бывший до этого начальником штаба у Жукова. Внезапное смещение маршала Жукова с должности Главнокомандующего Группы

войск и назначение на его место В.Д. Соколовского породило тогда немало слухов и домыслов. Это было как гром с ясного неба. В солдатских казармах и комендатурах уловившие дух высочайшей немилости к героическому маршалу начальники и политработники срочно снимали портреты трижды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Г.К. Жукова. Говорили что-то неясное и невнятное про неправильную его политику в отношении союзников.

Новому Главкому, маршалу Соколовскому срочно понадобилось изготовить в Лейпцигской типографии различные именные папки с оттиснутыми на них золотом титулами нового Главнокомандующего, блокноты, пачки высококачественной бумаги с новыми реквизитами. Этот заказ срочно изготовили, а отвезти его в Берлин, а точнее — в Потсдам, где размещался штаб Группы и Советской Военной Администрации, поручили мне.

Погрузили в легковой автомобиль все эти объемистые тюки и пакеты. Дали мне еще двух вооруженных солдат. Было уже около полудня, когда мы тронулись в путь. К Берлину же мы подъехали почти на закате, потом преодолели несколько КПП, где у нас тщательно проверяли документы и осматривали груз. В результате, когда мы добрались до здания, где работал Главком, уже наступил вечер. Стоявший при входе в это здание офицер, проверив мои документы, предложил немного подождать. Вскоре к нему вышли два хорошо одетых сержанта, которые взяли весь этот груз, и повел нас офицер длинными коридорами в кабинет Главкома, оставив в машине сопровождавших меня солдат.

Задержав меня в приемной Главкома, офицер через некоторое время вернулся и с разрешения дежурного по приемной майора подал знак, чтобы я вошел в кабинет, а за мной внесли весь этот груз. Я вошел, увидел маршала и, как мог четко, доложил ему о выполнении его задания. Удивительно, но во время моего рапорта Главком встал. Он показался мне очень высоким, с лицом суровым и в то же время приветливым. Просмотрев каждый предмет, даже пролистав бегло не-

сколько блокнотов, он поблагодарил меня за доставку и попросил передать его благодарность коменданту Лейпцига и всем, кто организовал исполнение его поручения. В конце визита он пожал мне руку. Его рукопожатие было твердым, решительным, и у меня сложилось впечатление, что его ладонь значительно больше моей и это ладонь либо плотника, либо хлебопашца. Ранее я почти ничего не знал об этом военачальнике, но после встречи подумал, что это, наверное, неплохая замена здесь, в Германии, знаменитому маршалу Жукову.

Как-то в середине сентября 1946 года нас, с десятков офицеров батальона, среди которых, помню, был и известный уже читателю блестящий офицер, старший лейтенант Бадер, и некоторых офицеров комендатур, неожиданно вызвали в Управление городской комендатуры в форме «под ремень» (для строя). Оттуда, под командой заместителя коменданта полковника Труфанова, рассадив по нескольким легковым машинам, нас повезли на военный аэродром, куда вскоре приземлился самолет. Мы были выстроены недалеко от того места, где остановился «Дуглас». Из него вышел человек в темной шинели (или в форменном плаще) с непонятными для нас знаками различия. С неизвестным нам генералом, встретившим его, он направился в нашу сторону. Я еще издали узнал этого человека по портретам и кинохронике, хотя лично никогда не видел.

Это был **Андрей Януарьевич Вышинский**, бывший генеральный прокурор СССР. Как оказалось, он спешил на финал Нюрнбергского процесса, где шел суд над главными нацистскими военными преступниками.

Он обладал каким-то сверлящим, пронизывающим взглядом. Обходя наш бравый строй, он каждого словно буравил насквозь своими, как мне показалось, стального цвета глазами.

Тогда я подумал, что под его взглядом съезжаты все фашистские главари, сидящие на скамье подсудимых Международного трибунала на этом Нюрнбергском процессе. И дол-

го еще его пристальный взгляд мы чувствовали на себе. Да и сейчас, вспоминая ту встречу, я будто снова под прицелом его глаз.

А вот когда я уже служил в комендатуре, самой запомнившейся мне стала встреча с **сыном Генералиссимуса — генерал-майором авиации Василием Иосифовичем Сталиным.**

О нем я много слышал еще в штрафбате от летчика-штрафника, умершего на операционном столе в медсанбате Петухова. Читатель, наверное, помнит, что после него на тот же операционный стол пришлось на операцию ложиться мне. Тот Петухов служил до штрафбата в авиадивизии, которой командовал Василий Сталин, тогда еще полковник.

Когда для встречи его я выехал на берлинскую автостраду, то уже издали увидел плотно идущую колонну автомобилей, в которой кроме нескольких легковых машин было две большие грузовые машины-фургона. Я вышел из машины и встал на обочине. Вся эта колонна остановилась, и из первой машины вышел подполковник, который, почти не объясняясь, приказал мне садиться в его машину и вести всю колонну в резиденцию, предусмотренную для высокого гостя. А этой резиденцией у нас была благоустроенная загородная вилла «Пределъ». Там дежурный офицер распределил по стоянкам грузовые и часть легковых автомобилей. Меня подзвал генерал Сталин, и я впервые увидел его, обратив внимание на то, что он, как мне показалось, очень похож на своего отца, Иосифа Виссарионовича в молодости, особенно на фотографию Иосифа Джугашвили, помещенную в книге «Биография И.В. Сталина». Роста генерал был небольшого, да и фигура его плотной не показалась.

Он спросил, где комендант, почему его нет здесь, на вилле. Понимая, что вижу перед собой не кого-нибудь, а сына нашего великого вождя, я как-то растерялся и сказал, что комендант ждет генерала в комендатуре. В ответ на это Василий Сталин произнес что-то вроде «мог бы и здесь встретить».

Что-то он сказал одному из своих офицеров, тот подал, видимо, условленный ранее знак, и несколько легковых машин вырулили по направлению к выезду с территории виллы. Мне было приказано снова сесть в головную машину (мой «Опель», естественно, опять замыкал колонну), и мы выехали. Офицеры, дежурившие на вилле, по телефону сообщили в комендатуру о нашем отъезде.

Вскоре мы остановились перед входом во двор комендатуры, где в ожидании гостя уже стоял полковник Борисов со своими заместителями. Встреча показалась теплой и сердечной, а может, такой она и была на самом деле. Все поднялись на второй этаж — Сталин и его жена (дочь маршала Тимошенко, Екатерина), за ними довольно грузный подполковник и их личный врач в штатском. Группу замыкал небольшого роста старший лейтенант.

Вместе с ними вошли в кабинет коменданта его заместители полковники Пинчук и Труфанов, начальник политотдела, приземистый полковник Виноградов. Я остался у дверей (мало ли какая команда последует). Буквально через несколько минут из кабинета вышел тот самый старший лейтенант и попросил показать туалеты, мужской и женский. Обследовал их он долго, видимо, очень тщательно, потом зашел снова в кабинет и через минуту вышел.

О чем шел разговор в кабинете Борисова, я не знал, но начальник политотдела Виноградов (однофамилец нашего штрафбатовского агитатора) вышел и срочно разослал своих офицеров (и офицеров батальона охраны, вызванных в комендатуру к тому времени) по культурно-развлекательным местам города: в варьете, театр балета и в цирк. Василию Сталину они были предложены в качестве объектов культурной программы. Он выбрал цирк и поехал туда с полковником Пинчуком, женой, личным врачом и тем самым тучным подполковником. Мне и еще одному офицеру было приказано сопровождать и охранять их.

В цирке, как и в других культурных учреждениях Лейпцига, всегда были забронированы ложи для нужд коменданта

города. Одну из лож заняли почетные гости: в первом ряду разместились генерал Василий, его жена и полковник Пинчук, а позади них тот самый таинственный тучный подполковник и врач.

Мы разместились рядом, в соседней ложе, причем сели так, что меня от главного гостя отделял только невысокий барьер с подлокотником, на который генерал иногда клал свою руку, и эта кажущаяся близость, естественно, волновала меня: ведь я сижу рядом и даже чуть не касаюсь человека, носящего великую фамилию «Сталин»!

Первое отделение циркового представления с гимнастами, борцами, акробатами, жонглерами, силовиками и клоунами, работавшими в непривычной для нас манере немецкого плоского, пошлого юмора, гости смотрели, как мне показалось, без особого интереса. Когда первое отделение окончилось и служители стали устанавливать на арене оборудование для аттракционов с хищниками, Василий вдруг схватил Пинчука за руку и говорит: «Веди меня к зверям, хочу посмотреть на них до выхода на арену». Пинчук вроде бы пытался, хоть и не очень решительно, остановить генерала, ему было неудобно: ведь и коменданта, и его замов население города знало и относилось к ним с уважением. Но остановить гостя ему не удалось, и вот так, за руку поплелся он вслед за генералом через еще не огороженную часть арены. За ними сразу же последовал и тот тучный подполковник.

Когда они возвращались, ограждение уже было установлено и им пришлось идти непосредственно вблизи зрителей-немцев, занявших места в первых рядах. Заметно было их удивление непосредственностью генерала и одного из заместителей коменданта.

Но вот началось второе отделение с участием зверей. Они, оказывается, не учли, что в ближней ложе сидят именитые гости, и вели себя несдержанно, так что служителям арены требовалось оперативно засыпать опилками или песком то, чем некоторые из животных нечаянно отмечали свое пребывание здесь. Конечно же, «аромат» этих отметин не могли

нейтрализовать ни опилки, ни песок, и он достигал обоняния гостей, но беспокоил, как показалось, только даму. Врач передал жене Василия несколько мандаринов, и она, очищая их, чтобы ароматными дольками заглушить неприятные запахи, бросала корочки через плечо назад, а там услужливо их ловили и врач, и этот солидный подполковник. Естественно, что какая-то часть зрителей смотрела уже не на арену, а на гостевую ложу. Нам стало стыдно за беспардонность супруги генерала. Утешала только мысль, что немцы не знали, что она жена сына Великого Сталина, победившего гитлеровскую Германию.

После цирка полковник Пинчук уехал с гостями на виллу, где их уже ждал комендант Борисов. Мне не нужно было туда ехать, и я не был свидетелем того, как генерал Василий, увидев там обильный стол, накрытый в его честь, сказал полковнику Борисову: «Ешьте и пейте это сами. А мне покажите комнату, где я могу поужинать и отдохнуть». Оказывается, эти большие фургоны были его походной кухней и рефрижератором. Он возил за собой поваров и официантов, а также московские продукты и напитки. В общем, это было естественным приемом охраны сына Генералиссимуса, наверное, придуманного не самим генералом. Все-таки в Германии могли найтись какие-нибудь «Отто Скорцени», которые собирались совершить покушение на глав союзнических государств в Тегеране в 1943 году. В дальнейшем обеспечении программы пребывания генерала Сталина в Лейпциге я не участвовал, знаю только, что он провел в Лейпциге два дня, и дальнейших контактов у меня с ним не было. Осталось лишь ощущение необычного случая увидеть близко родного нашему Верховному, нашему Генералиссимусу человека, да еще возникшая неприязнь к его супруге, так высокомерно ведущей себя напоказ.

Вскоре, как я уже упоминал, полковника Борисова отозвали в Москву, а меня перевели в комендатуру другого города, где я прослужил всего несколько месяцев. В декабре 1947 года пришел приказ коменданта округа полковника Литвина

о переводе меня в Союз «по плановой замене». И вскоре уже знакомый поезд «Берлин—Москва» уносил нас на восток, на родную землю Советского Союза. В Москве наши пути с мамой Риты, Екатериной Николаевной, разошлись: мы оставались в Москве ждать нового назначения, а она поехала в Ленинград, где жила до войны.

Я рассчитывал, что сразу же попаду в город Ковров (под Москвой). И от столицы недалеко, да и предписание мне по замене было туда на должность, освобождаемую начальником разведки дивизии, убывающим на мое место в Германию. Вроде бы все складывалось удачно. Я даже уже представлял, каким боевым опытом смогу поделиться с разведчиками, что именно из штрафбатовского арсенала боевого опыта передам им.

Но происходило там все совсем не так. На пути встали многие препятствия, которых я не предвидел и которых, в силу своей молодости и жизненной неопытности, не мог и предположить. Но о них ниже.

И началась наша новая жизнь, и продолжилась моя военная служба уже на Советской земле, еще далеко не залечившей раны войны, не залатавшей все дыры в экономике. В этой жизни было много интересного и неожиданного. Мне тоже судьба приготовила немало встреч с разными людьми, о чем я постараюсь кратко рассказать в следующей главе.

ГЛАВА 14

Здравствуй, Родина! Издержки денежной реформы. Москва. В резерве округа. Назначение с понижением. Косая Гора под Тулой. Рождение Александра II. Извилистый путь в военную академию. Войска «Дяди Васи». Прикарпатье, 38-я армия. Снова Дальний Восток. Незабываемые встречи. Харьков. Финал службы. Развал СССР

Наш переезд в Советский Союз был настолько радостным событием, что нас даже не озаботило то, что по расписанию мы пересекли границу СССР вечером, накануне Ново-

го, 1948 года. Это совпадение мы все считали добрым знаком, даже не представляя себе сложностей, которые могут возникнуть у нас в связи с завершением проводимой в Советском Союзе первой послевоенной денежной реформы. В пограничный Брест, тот самый Брест, при освобождении которого три года тому назад наш штрафбат понес большие потери, мы прибыли с небольшим опозданием, когда до завершения обмена денег, выданных нам по месту службы, на новые (из расчета десять старых рублей на один новый) оставалось всего два часа. За это время мы, до наступления Нового года, должны были успеть произвести обмен денег.

Нам указали, где находится обменный пункт на вокзале, а там, у касс, скопилась такая очередь, что нам сразу объяснили, что сумма, которую мы сможем обменять, будет заметно ограничена. В общем, наши не такие уж тугие кошельки стали совсем тощими. Однако, несмотря на эту неприятность, вернувшись в свои вагоны, мы все же отметили возвращение на Родину и так удачно совпавшее с этим важным для нас событием — наступление Нового года!

И поезд точно по расписанию, ровно в полночь, отправился со станции Брест, и наши бокалы с вином в честь Нового года звенели под лягг буферов трогающегося поезда. Почти не отрываясь от окон, смотрели и смотрели мы в эту первую ночь на наше родное небо с, казалось, несравнимо более крупными и значительно более яркими звездами, чем там, на чужом и все удаляющемся от нас Западе. Днем нас нельзя было оторвать от созерцания родных пейзажей, встречающих и провожающих наш поезд, раскрасневшихся от мороза станционных работниц, заменивших своих мужей, братьев, в большинстве не вернувшихся с войны. И как прелестны были молодые женщины в форме железнодорожников. Куда там до них хваленым полькам, а тем более немкам. Смешанное чувство радости от возвращения на Родину и печали от расставания с друзьями владело нами.

Наконец, Москва. Хорошо, что у Риты оказались здесь добрые дальние родственники, и мы нагрянули к ним на не-

дельку, как рассчитывали, до получения нового назначения. А прожили там около трех месяцев, так как отдел кадров Военного округа, будто нарочито, долго подыскивал мне должность. По тогдашним правилам, более чем двухмесячное нахождение в резерве влекло прекращение выплаты денежного содержания, и мы вынуждены были, чтобы прожить с семьей в послереформенной Москве, сдавать в скупочные магазины, фактически за бесценок, почти все небольшое, что привезли. Я постепенно становился все менее разборчив и уже согласен был на любую должность. Вот когда с больным ребенком на руках и вновь беременной женой я «дозрел»: будучи майором, дал согласие на должность старшего лейтенанта в Косогорский райвоенкомат Тульской области в подчинение капитану, просидевшему всю войну в тылу. Говорили же потом, что не в скупочные магазины нужно было нести, а тем кадровикам. Может быть...

Добрались мы до Косой Горы. Жилья нет. Поселились на квартире у военкоматовского конюха, пока нам на троих не выделили комнатуху площадью метров восемь, в общей квартире с печкой, топившейся малокалорийным, но многозольным углем с тульских шахт. Эта «квартира» находилась рядом с Косогорским металлургическим комбинатом, постоянно извергавшим из своих труб и домен неимоверное количество дыма и копоти, из-за которых нам, а особенно маленькому Сереженьке, иногда нечем было дышать. Да и вторая беременность жены стала вследствие этого протекать сложнее. И я принял решение отправить их в Ленинград, к уже устроившейся там в своей старой маленькой квартирке маме и бабушке.

Вскоре, ближе к лету, я выпросил себе отпуск и впервые приехал в Ленинград, город Петра, город Ленина, Октябрьской революции, Город-Герой. Он потряс меня своей красотой, и как раньше мои женщины сравнивали Лейпциг с городом на Неве, так теперь я сравнивал его с далеким уже Лейпцигом и на каждом шагу убеждался в том, что Лейпцигу далеко до Ленинграда.

Вот в этом городе-красавце и родился наш второй сын. Назвали его по общему согласию Александром, пусть будут у нас в семье Александр I и Александр II! Между прочим, когда Саша вырос и женился, первенца они тоже назвали Александром. Это уже был Александр III!

В отличие от Сережи, Саша родился полновесным и «полнометражным». Рос быстро и, забегая вперед, скажу, что рост его со временем превзошел и Сережин, и мой — дорос он до 184 см. Был он физически крепким и с возрастом проявлял все более разносторонние способности. И получилось, как тогда модно было делить всех на «физиков» и «лириков», вырос он в отличие от Сергея «лириком».

Не зная нотной грамоты, овладел игрой на многих музыкальных инструментах, включая пианино, кларнет, саксофон, гитару. Сумел создать вокально-инструментальный ансамбль (а тогда эти ВИА были в моде), разъезжал с гастролями «по Северам», как тогда было принято говорить. Он к тому же еще поэт и бард. Окончил успешно в Харьковском университете факультет иностранных языков, по специальности — английский язык, овладел этим языком в совершенстве, выработал свою методику его изучения, защитил диссертацию, стал доцентом, написал несколько учебников английского языка, заведовал кафедрой иностранных языков в одном из технических вузов, издавал и был главным редактором всеукраинского журнала на английском языке. Правда, по сравнению со своим братом Сергеем, отличавшимся особой аккуратностью и строгой обязательностью, Саша не обладал в достаточной мере этими качествами.

Сергей тоже вырос физически крепким, сильным, любителем пеших путешествий. Начинал с Уссурийской тайги и Тихоокеанских берегов Дальневосточного Приморья, а потом исходил все Черноморское побережье Крыма и Кавказа с палаткой и примусом. Наверное, страсть эта зародилась в нем в годы моей службы в Прикарпатской Украине, где довольно часто совершались наши семейные, пешие походы

вдоль необычайно красивых горных рек или на вершину самой высокой горы в тех местах Карпат — Говерлы.

Работать он стал с 15 лет, молотобойцем в авторемонтной мастерской, учебу продолжал уже в вечерней школе. После поступления в институт, окончания физмата и службы в армии уже почти 40 лет, достигнув пенсионного возраста, работает учителем физики в высшей школе спортивного мастерства. На профессиональном уровне овладел фото- и видеосъемками. В общем, в отличие от Саши, не «лирик», а «физик».

Но все это потом, с годами. А тогда, после окончания моего отпуска, отвез я их всех к себе на Косую Гору, в ту самую каморку. И вот в этой комнатухе, где некуда было даже поставить кроватку для младенца, наш Сашенька спал... в чемодане. А однажды ночью крышка его захлопнулась, и он чуть не задохнулся в нем. Хорошо, что материнский инстинкт Риты сработал вовремя! Здесь мы и жили до 1950 года, пока я не поступил в военную академию.

А на Косой Горе нам повезло в том, что Рита, периодически бывая в Туле «по продовольственному вопросу», случайно встретила на улице нашего фронтового друга Жору Сергеева, «пулеметчика», бывшего неоднократно моим заместителем в боях. Так что связь наша восстановилась и не прерывалась до самой кончины Жоры в 1974 году.

В Ленинградскую же Военно-транспортную академию поступил я не совсем обычным путем.

Но немного предыстории.

В Косогорском райвоенкомате я ведал учетом офицеров запаса. Работы было много, шло сокращение армии — это мы, военкоматовские работники, чувствовали по все большему притоку на учет офицеров, уволенных в запас. И что меня больше всего волновало — боевые офицеры, не имеющие гражданской специальности, вынуждены были идти на самые непрестижные должности. В связи с большим притоком рабочей силы из-за массового увольнения из армии тем, кто не имел гражданской специальности, приходилось рабо-

тать сторожами, дворниками, а то и, несмотря на тяжкие ранения, на самых тяжелых работах — навалоотбойщиками в шахтах Тульского угольного бассейна. Помню даже случай, когда подполковник, бывший **начальник связи корпуса**, большой специалист-практик, но не имевший по этой отрасли специального образования, едва смог устроиться **дежурным телефонистом** в какую-то контору.

Проработал я в военкомате почти два года, и во мне созрело решение: во что бы то ни стало поступить учиться в такую военную академию, которая бы давала специальность, нужную «на гражданке». А то ведь, не ровен час, уволят из армии, а кто я? Командир штрафной роты? И кому я нужен буду? И подал я рапорт в Военную юридическую академию (Москва).

Тогда предварительные вступительные экзамены во все военные академии проходили при штабах округов, и их результаты рассматривали единые мандатные комиссии. А Юридическая академия прельстила меня (да и, наверное, не только меня) тем, что не нужно было сдавать экзаменов по математике, которую я за время войны, и особенно — после ранения в голову, основательно забыл. И поехал я в феврале 1950 года в Москву на экзамены.

Все положенное по программе сдал сравнительно успешно, хотя и не без трудностей. На заседание мандатной комиссии при штабе Московского военного округа, состоящей в основном из генералов и полковников, явился в новом кителе, со всеми орденами и медалями. Как только я доложил, что я кандидат в юридическую академию, вся комиссия подняла меня на смех: «Такой молодой майор, боевой офицер — и не в академию имени Фрунзе?» На мой довод о том, что общевоинская академия не дает гражданской специальности, один генерал даже стал подтрунивать: «Давай тогда уж лучше в ветеринарную! Все равно свои командирские погоны сменишь на узенькие (тогда медикам, ветеринарам и юристам было положено носить узкие погоны), зато кобылам клизмы

научишься ставить, на гражданке пригодится!» И все стали меня уговаривать поступать в Военную академию им. Фрунзе, мол, мы тебе зачем и недостающий экзамен (по тактике и Полевому уставу). Я снова проявил упорство, и тогда они заявили мне: «В Юридическую не проходишь по конкурсу». Видно, в нее было много кандидатов, а во Фрунзенскую — недобор.

Вот так, несолоно хлебавши, я вернулся на свою Косую Гору! Но решение во что бы то ни стало поступить хоть в какую-нибудь военную академию, дающую гражданскую специальность, не оставляло меня и, к неудовольствию военкома, я выпросил себе отпуск и уже в июне поехал в Ленинград, где было много академий.

Военно-морскую я сразу исключил, не моя это стихия. Артиллерийскую — тоже (специальность чисто военная), и поехал в Академию связи имени Буденного. Там мне отказали, но посоветовали обратиться в Военно-транспортную имени Кагановича, где открывался новый факультет и мог быть недобор.

Когда в приемной комиссии меня стали расспрашивать о службе, я понял, что чем-то заинтересовал их. Еще не зная, на какие факультеты будут набирать, стал упираться на то, что я из семьи потомственных железнодорожников, что и дед, и отец, и мать, и братья мои работали на железной дороге. А я мечтал в свое время учиться в Новосибирском военном институте желдортранспорта, да и закончить 10 классов фактически помог мне тогдашний Нарком путей сообщения Каганович, чье имя носит избранная мною академия. Поступить же в Новосибирский военный институт инженеров железнодорожного транспорта мне помешала война, и сейчас надеюсь на исполнение этой моей мечты, поступив на факультет железнодорожного транспорта академии.

Столь страстную мою тираду собеседник мой с явным сожалением прервал, сообщив, что на факультеты, имеющие отношение к железной дороге, набор завершен, а вот на инженерно-автомобильный еще есть возможность поступить.

Куда девался мой железнодорожный патриотизм! Я сразу же согласился, чему, кажется, обрадовался и мой собеседник. Через несколько дней я получил документы о том, что зачислен кандидатом в слушатели. В них был установлен срок, к которому я был обязан явиться для сдачи конкурсных вступительных экзаменов (минуя окружные предварительные!). И, счастливый, я вскоре, не дожидаясь конца отпуска, мчался в свой Косогорский райвоенкомат.

Мой райвоенком, майор Якубов, недовольный тем, что я только и делаю, что разъезжаю по экзаменам, все-таки вынужден был меня отпустить. И хотя здесь мне нужно было сдавать и математику, и физику, и химию, да еще и все то, что я сдавал в Москве, я решился. И не знаю уж, какими усилиями мне все это удалось осилить, но я был зачислен на 1-й курс 4-го инженерного автомобильного факультета. Можете представить себе, с какой радостью я простился с этой своей домменно-металлургической Косой Горой!

Я уже раньше говорил, что мне посчастливилось служить здесь, в академии, под началом легендарного генерала Черныкова Александра Георгиевича. Но пять лет в академии свели меня еще со многими хорошими людьми. Обо всех, естественно, не упомянешь, но не могу упустить случая назвать тогда еще майора Таназиенко Николая Мартыновича, молодого, по-особому подтянутого не только внешне, но и внутренне. Обладая феноменальной памятью и способностью объективно оценивать все наши поступки, он сумел быстро сплотить курс и держал его все пять лет в атмосфере искренности и правдивости. Я вскоре был назначен старостой курса, насчитывающего более сотни слушателей. Самыми близкими друзьями по курсу стали для меня подполковник Шалапин Дмитрий Иванович, избранный секретарем партбюро курса, майор Булавкин Сергей Александрович, назначенный командиром одного из пяти учебных отделений, и капитан Взятышев Николай Александрович, все пять лет избиравшийся секретарем парторганизации нашего учебного отделения.

Дружили мы и после академии, пока ставший уже генерал-майором Дмитрий Шалапин не погиб в автокатастрофе. Полковник Сергей Булавкин, с которым последние годы службы нам довелось быть вместе, будучи уже в запасе, скончался скоропостижно от сердечной недостаточности. С Николаем Александровичем Взятышевым мы до сих пор, вот уже более полувека, дружим. Его после окончания учебы оставили в академии на преподавательской работе, там он защитил диссертацию, стал профессором, полковником, и теперь, уже будучи в отставке, но очень еще бодрым, в свои более чем 80 лет продолжает преподавать в академии. В любой мой приезд в Ленинград мы с ним встречаемся и ведем долгие разговоры о прошедших годах, о тех наших однокурсниках, которые уже переселились в мир иной, и о нынешних, довольно непростых временах...

Учился я в академии, как и многие, с определенным напряжением, но окончил академию «с отличием», в звании подполковника, и имел право на выбор места дальнейшей службы. В числе этих мест оказалось одно в Воздушно-десантных войсках. Я выбрал именно его, так как захотелось испытать себя в прыжках с парашютом, да к тому же я знал, что некоторое время тому назад этими войсками долго командовал легендарный человек, генерал-полковник А.В. Горбатов, так полюбившийся нам еще по боям под Рогачевом. А значит, в войсках этих, полагал я, должны быть еще живы «горбатовские» традиции.

Так я стал начальником автослужбы 8-го Воздушно-десантного корпуса (ВДК). Штаб и некоторые органы управления его были в белорусском городе Полоцке, а дивизии дислоцировались вблизи этого города, а также в белорусском Витебске, в Каунасе и других местах Литвы.

В командование этими войсками тогда вступил Герой Советского Союза генерал-лейтенант Маргелов Василий Филиппович, как оказалось, патриот ВДВ до мозга костей, последователь методов командования своего предшественника, Александра Васильевича Горбатова, такой же леген-

дарный человек, любивший и пестовавший эти войска. Тогда аббревиатуру ВДВ и ветераны, и молодые десантники расшифровывали как «Войска Дяди Васи», любовно именуя так своего командующего, вкладывая в эти слова и огромное сыновнее уважение к нему, и некоторое душевное смятение перед величием его полководческого таланта. И легенд о нем складывалось немало. Вообще любовь к ВДВ и гордость ими воспитывалась не только парашютными прыжками, но я помню, с каким вдохновением десантники пели свою любимую строевую песню, в которой были и такие слова:

Как ангел с неба он слетает,
Зато дерется он — как черт!

Свои первые прыжки с парашютом я совершил при штабе 8-го ВДК в Полоцке, а затем, после его расформирования, прыгал уже в 105-й Гвардейской Воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии, штаб и несколько полков которой дислоцировались в Костроме. Там я занимал уже должность заместителя командира дивизии по технической части.

В десантных войсках было много интересных традиций. Но одна из них особенная, касающаяся только офицеров — игра в преферанс в воздушных кораблях (так было принято называть самолеты с десантом на борту) во время перелетов к месту высадки, длившихся по часу и более. Штурман самолета за 15 минут до десантирования предупреждал играющих, и те успевали «расписать пулю».

Ну а вообще здесь, в дивизии, мне пришлось поближе узнать «Дядю Васю» Маргелова — и его крутой характер, и его душевность.

Помню, однажды он очень строго наказал меня за то, что во время моего отпуска командир одного из полков, решив построить для техники к зиме более совершенные укрытия, уже в конце лета сломал все старые. Но не рассчитал силы и средства, и в осень техника осталась под открытым небом. Меня, только что вернувшегося из отпуска, вызвал в полк

прибывший с инспекторской проверкой командующий ВДВ, генерал Маргелов. На мою попытку оправдаться тем, что я был в отпуске и вообще не знал о таком решении командира полка, генерал едко заметил: «Отпускные получал? Так прежде, чем уезжать, надо было спланировать все дела наперед. Вот и отвечай теперь за планирование. — А потом добавил: — Командира полка я тоже накажу, но он просто глупец, а ты мне нравишься, мне такие десантники нужны. Поэтому с тебя и спрос больше. Поймешь и, уверен, сделаешь все, чтобы не промахнуться в дальнейшем». Командира полка он снял с должности. Поразмыслив, я пришел к выводу, что наказан я сурово, но справедливо. И мне удалось склонить нашего комдива, генерала Симонова, мобилизовать силы всей дивизии, чтобы исправить положение в этом «проштрафившемся» полку.

Не могу не остановиться хотя бы на краткой характеристике своего командира, генерала Симонова Михаила Егоровича. Перед тем как ему было присвоено это высокое звание, где-то раскопали, что он на фронте, будучи всего-навсего старшиной, командиром музыкантского взвода одной из дивизий, присвоил себе звание не то капитана, не то майора. Дело передали в ЦК (без его решений тогда генеральских званий не присваивали). Занимался подобными делами Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, который возглавлял Матвей Федорович Шкирятов. Узнал он обстоятельства тех давних событий, при которых отступавший под натиском противника батальон этот старшина остановил и повел в атаку. А когда был тяжело ранен, то в госпитале раненые солдаты этого батальона называли его своим комбатом, ну а там решили: раз комбат, то или майор, или, в худшем случае, капитан. Так что после ранения из госпиталя Михаил Егорович вышел со справкой о ранении уже как офицер. Шкирятов на эти обстоятельства отреагировал мудро: «Многие тогда бросали не только батальоны и полки, а этот — наоборот. Значит, оправдал он это свое фронтовое звание. Так

тому и быть». И подтвердили ему задним числом то, фронтовое звание и присвоили генеральское.

А я в свои тридцать три года с небольшим получил в это время звание полковника.

Характер у генерала Симонова был сложный. Это от него я слышал такую фразу: «Тенором не командуют!» Весьма образно! Видимо, это у него была профессиональная (музыкант же!) поговорка. Был у него тоже заместитель, но «по строевой», так сказать, мой коллега, полковник Сорокин Михаил Иванович, и вот что-то между ними не заладилось. Все-таки генерал был слабее в тактических вопросах и в военной теории вообще, чем Михаил Иванович. И комдив решил избавиться от «соперника» по принципу: какой же начальник потерпит рядом подчиненного умнее себя. Но надежнее способа, чем выдвинуть его на повышение, не нашел. А в результате — комдив Симонов так и умер генерал-майором, а Михаил Иванович Сорокин со временем стал командующим войсками ЛенВо, а затем и генералом армии, заместителем Министра обороны СССР. К сожалению, он уже несколько лет назад тоже покинул этот мир.

Вскоре в моей службе произошли неожиданные перемены. По случаю опухоли щитовидной железы мне была сделана операция, и я был признан негодным к дальнейшей службе в десантных войсках, что меня весьма огорчило и расстроило. Прыжки с парашютом я полюбил и совершал их с удовольствием. По минимальным нормам, офицер ВДВ моего ранга должен был совершать не менее трех-пяти прыжков в год, но мне очень нравились прыжки и даже удавалось делать по двадцать или тридцать в год в самых различных условиях, зимой и летом, днем и ночью и даже с приводнением. Правда, в этом случае прыгали мы со специальным снаряжением, куда обязательно входил спасательный жилет, автоматически надуваемый воздухом в нужный момент

Заключение медиков было безоговорочным: «Не годен к службе в ВДВ», и я решил вообще уволиться в запас, поскольку

ку не представлял себя вне этих полюбившихся мне войск. Это немного походило на мои фронтовые доводы при возвращении в штрафбат после ранений.

Написал я тогда рапорт об увольнении, и он «по команде» ушел в Москву. Вызвал меня генерал Маргелов, который тогда за какие-то грехи его подчиненных был смещен с должности командующего ВДВ, но не согласился покинуть войска и остался заместителем командующего. Посожалел он о случившемся со мной и посоветовал не торопиться с увольнением. Однако, встретив мой решительный ответ, что, кроме как в ВДВ, служить нигде больше желания нет, рапорт написал.

Долго ходил этот рапорт по разным инстанциям, но в конце концов на нем появилась окончательная резолюция бывшего тогда Главкома Сухопутных войск, будущего министра обороны, Маршала Советского Союза А.А. Гречко: «Молодой, еще послужит».

Вот так я и оказался начальником автослужбы 38-й армии в Прикарпатье, штаб которой стоял в Станиславе, ставшем вскоре Ивано-Франковском. По делам службы много приходилось бывать и в Закарпатье. Живописные горы, водопады, богатая природа, своеобразная гуцульская архитектура — все это разнообразие интересовало и обогащало новыми впечатлениями.

Конечно, новыми были для меня и впечатления о людях, с которыми теперь приходилось работать. Хорошо запомнился командующий армией, генерал-майор Н.Г. Штыков, человек желчный, злой, казалось, просто ненавидящий всех своих подчиненных. При очередных разносах (похоже, только из них и состояла его деятельность) переходил на унижающие человеческое достоинство оскорбления. Невольно вспоминался командующий ВДВ генерал Маргелов, наш «Дядя Вася», да и многие наши фронтовые командующие.

Вскоре Штыкова сменил генерал Ухов. В противоположность своему предшественнику, обладал он нравом веселым.

Правда, иногда горячился, срывался на грубые выражения, но быстро остывал и говорил самокритично: «Ну, как я тебя отчихвостил? Не обижайся, со мной это иногда бывает».

При нем на должность члена Военного Совета армии пришел полковник Средин Георгий Васильевич, человек редкой души, напомнивший мне моего первого командира — младшего политрука Тарасова. Обладал Георгий Васильевич пронизательным умом, собственным мнением по всем вопросам военного бытия. Помню, как-то один московский инспектор из Главного Политуправления сделал ему замечание, что в военных городках дивизии, где начальником политотдела был толковый, остроумный, энергичный полковник Репин И.П. (фронтовые пути которого, как и мои, проходили через Варшаву и Берлин), мало яркой, наглядной агитации, и привел в пример городской парк, где этой агитации было в изобилии. Тогда Георгий Васильевич спросил его, что именно по своему содержанию ему больше всего там запомнилось. А тот замялся, сказал, что не помнит. Тогда Средин прямо сказал этому проверяющему: «Зачем это обилие лозунгов, если их содержание не оставляет следа в душе и памяти человека?» И москвич сконфузился.

Вот так тонко сумел поставить на место не в меру ретивого «верхнего» политработника наш новый член Военного Совета. Вскоре ему было присвоено генеральское звание, затем он уверенно продвигался по службе и дошел до должности первого заместителя начальника Главного Политуправления Вооруженных Сил СССР. Да и полковника Репина вскоре перевели с повышением куда-то на Север.

Однажды меня вызвали в Москву и предложили поехать «за генеральскими лампасами» в Дальневосточный военный округ, в Уссурийское военное автомобильное училище, начальнику которого только что было присвоено звание генерала. Через год его собирались перевести в европейскую часть СССР, а мне предлагалось постажироваться этот год у него в заместителях, а затем занять эту генеральскую долж-

ность. Дальний Восток, как уже знает читатель, — моя родина, и я без раздумий согласился. Начальником училища был генерал-майор, Герой Советского Союза Яксаргин Василий Владимирович. Небольшого роста, щуплый, с лицом в пятнах зеленки и кругляшках лейкопластыря. Такое впечатление было, что уж очень он любил не столько болеть, сколько лечиться. Почти каждый его рабочий день начинался с училищной санчасти. Дотошным был до абсурда. Рапорт дежурного по училищу, да и любое обращение к нему офицера, не принимал, пока не сделает десяток замечаний. А поводы для этого всегда находились. То не так ногу приставил, то не на тот угол носки развернул, не на той высоте руку к головному убору приложил, и грудь не так выпятил, и т.д., и т.п.

Вскоре после моего приезда он ушел в отпуск, дав мне перед этим тьму указаний по поводу укрепления престижа училища и поддержания высоких показателей дисциплины и успеваемости. В первые же дни моего исполнения обязанностей начальника училища случилось ЧП: один курсант в нетрезвом виде учинил драку в городе, серьезно избив пряжкой солдатского ремня гражданского юношу. Чтобы пресечь подобные случаи (имевшие место, оказывается, и ранее), я решил этого хулигана предать суду военного трибунала, и он был осужден на два года дисциплинарного батальона, о чем доложил по инстанциям.

Когда генерал Яксаргин возвратился в Уссурийск из отпуска, то устроил мне разнос за то, что я, видите ли, опозорил перед командованием округа и ЦАВТУ Министерства обороны наше училище. А в нем за долгие годы, до моего прихода, не было ни одной судимости. Я понял, что самое страшное во всем этом то, что я «вынес сор из избы», хотя эти мои решительные действия отрезвили многих. Однако Яксаргин доложил начальству о моих якобы непродуманных действиях и поставил вопрос о невозможности использования меня на самостоятельной должности начальника учили-

ща. Понятно было, что в округе прислушались к мнению генерала-Героя.

А вскоре вдруг, на заседании парткома при политотделе училища, встал вопрос о рассмотрении моего персонального дела, связанного якобы с тем, что при вступлении в члены партии я скрыл факт репрессирования моего отца. А на заседании парткома почему-то присутствовал и представитель особого отдела, курировавший наше училище. Пришлось мне уверять, что именно в 1943 году, когда я вступал в кандидаты, я даже в заявлении написал о моем отце. Тогда, помню, секретарь парткомиссии или кто-то другой из влиятельных политработников сказал мне, коль скоро я еще из училища написал отцу в ответ на уход из семьи, что не считаю его более отцом, мне не следует впредь упоминать о репрессии в отношении него.

В ответ на это мое объяснение особист безапелляционно заявил, что у них (особистов) имеются документальные данные о моей нечестности перед партией. Вот через сколько лет, подумал я тогда, достали меня те, «алкинские» вербовщики, пытавшиеся сделать меня своим информатором. А тут как раз нужны были дополнительные доводы к доказательству моей непригодности к замещению должности начальника училища. И выговор, правда, без занесения в учетную карточку, объявленный тогда мне, видимо, был необходимым дополнением к мнению генерала Яксаргина, ни слова не проронившего на том злополучном заседании парткома.

И менее чем через год Яксаргин был переведен на должность начальника военной кафедры Кубанского сельхозинститута, а на его место прибыл полковник Павлов, занимавший в прошлом, как и я, тоже должность зам. командира десантной дивизии, правда, опыта руководства автомобильной службой в масштабе Воздушно-десантного корпуса и Общевоинской армии не имевший.

Так и не состоялось мое «производство в генералы».

Но этот негативный момент скоро «закрылся» приятным

событием: в Уссурийск членом Военного Совета 5-й армии прибыл мой давний сослуживец Иван Петрович Репин. У нас сохранились прежние товарищеские отношения, и мы оба были рады встрече. Нашлись, конечно, и общие гарнизонные дела, в которых он был мне и другом, и наставником. Вскоре он получил генеральское звание, и военная служба перенесла его в Москву в Управление Сухопутных войск, потом членом Военного Совета Ленинградского Военного округа, а затем и в столичный округ. На долгие годы мы расстались. Теперь генерал-полковник Репин уже в отставке, и мы не теряем связи.

Служба в Уссурийске подарила мне и несколько других замечательных встреч, обогативших меня и как офицера, и как личность вообще. Одна из них — незабываемая встреча с Константином Симоновым, известным советским поэтом и прозаиком. А произошло это так. На празднование 20-летия Великой Победы он приехал на Дальний Восток и, встретив 9 мая 1965 года во Владивостоке, на следующий день приехал в Уссурийск, чтобы посетить знаменитый памятник дальневосточным партизанам.

А памятник этот находился на территории нашего училища, и к нему в День Победы со всего Уссурийска тянулись колонны молодежи с гирляндами из цветов и хвойных ветвей. Мне довелось в числе гарнизонного начальства сопровождать Константина Михайловича.

Трудно описать эту встречу с выдающимся человеком, особенно вечер в курсантском клубе, где он без усталости читал свои фронтовые стихи. А потом дарил автографы. Тогда из училищной библиотеки растащили все его книги для этой цели. Когда при личном знакомстве с ним мне удалось рассказать ему о том, что недалеко от города есть удивительное место — могила Виталия Бонивура, юноши восемнадцати лет, погибшего от рук японских оккупантов, Константин Михайлович попросил назавтра сопровождать его к этому историческому месту.

Дорога недалекая, но гость наш успел расспросить меня о моих военных годах, заинтересовался очень нашей штраф-батовской историей и пообещал нам свою дружбу. И был верен слову — мы долгое время переписывались с ним.

После посещения Дальнего Востока Константин Михайлович издал небольшую, но очень памятную для нас книжечку «Признание в любви». В ней он искренне признавался в любви к интересному и своей историей, и своей природой Дальнему Востоку, и в частности к Уссурийску, а мы принимали часть этих признаний и на себя лично — такое великое обаяние исходило от этого человека.

Не могу умолчать еще о людях, заслуживающих самых добрых эпитетов в свой адрес.

Тогда командующим 5-й армией, штаб которой стоял в Уссурийске, был генерал Петров Василий Иванович. Поскольку по службе мне довольно часто приходилось с ним встречаться, приглашать его на различные торжества в училище, расскажу о своих впечатлениях от этих встреч.

Я восхищался его доступностью, как-то необычно сочетающейся с его недостигаемостью — так высоко он стоял над всеми своим умением убеждать и невольно возникающей верой в справедливость и непререкаемость его суждений.

Вскоре он стал начальником штаба округа а затем и сменил командующего войсками Дальневосточного военного округа, генерал-полковника Лосика Олега Александровича.

Оттуда генерал Петров был назначен первым заместителем министра обороны и стал Маршалом Советского Союза. Для меня он тогда был настолько авторитетен, что мне казалось, будто вскоре он заменит тогдашнего министра обороны, маршала С.Л. Соколова. Недавно Василию Ивановичу исполнилось 90 лет, и мне так хотелось передать ему пожелания здоровья еще на долгие годы. Я попросил это сделать Ивана Петровича Репина, поддерживающего с ним добрые контакты.

Другой легендой Дальневосточного военного округа был его командующий, Герой Советского Союза, генерал-пол-

ковник, ставший потом маршалом бронетанковых войск, Олег Александрович Лосик. Мудрый, ответственный военачальник, выдержанный, не любивший устраивать разносы по разным поводам. Он обладал феноменальной памятью и помнил характеристики всех более или менее крупных рек, дорог и горных перевалов как в своем округе, так и на территории сопредельных государств (Китая, Кореи). Оперативно-командные сборы генералов и старших офицеров округа проводил настолько организованно, что, побывав на них, каждый чувствовал, как становится обладателем и новых знаний тактической обстановки, и умений организовывать на примере этих сборов любые командирские занятия. Мне приходилось обращаться к нему, когда он отдыхал в одном из санаториев близ Владивостока, и я был приятно удивлен его доступностью и подчеркнутой вежливостью, в частных разговорах и беседах с подчиненными был мягок, обходителен, приятен. Редко доводилось встречать таких военачальников крупного масштаба.

После четырех с небольшим лет службы на моем родном Дальнем Востоке и после несостоявшегося моего выдвижения на генеральскую должность московское руководство, в частности возглавлявший тогда нашу автотракторную службу Вооруженных Сил генерал Бурдейный А.С. и его заместитель генерал Смирнов Александр Тимофеевич, сделали все, чтобы вернуть меня в европейскую часть СССР. В августе 1968 года я получил назначение, аналогичное тому, что было генералу Яксаргину, только в Харьковский автодорожный институт, приобретший мировую известность еще и потому, что в его составе была лаборатория, где конструировались скоростные автомобили «ХАДИ», установившие не один мировой рекорд скорости. Руководил этой лабораторией известный гонщик и конструктор Владимир Никитин, неоднократный чемпион СССР и мира.

Руководить военной кафедрой в гражданском вузе — дело для меня новое, непривычное, и многие, уже имевшие опыт работы в таких условиях, мне что-то советовали, от чего-то

предостерегали, чем-то даже пугали. Да и укоряли, зачем, мол, согласился ехать в задымленный, запыленный город, без приличной реки и практически без зелени.

Однако я был приятно удивлен тем, что город очень даже зеленый, а дыма в нем не больше, чем в других индустриальных городах, да и реки, хоть и небольшие, но их было целых четыре.

Еще более приятной была встреча с руководством института.

Кафедру пришлось создавать «с нуля». Ни помещений, ни оборудования, ни кадров. И если офицеров-преподавателей для начала мне уже назначили из Харьковского гвардейского танкового училища, то все остальные вопросы успешно решались с руководством вуза.

Начав, как я уже говорил, «с нуля» в сентябре 1968 года, уже в середине января 1969 года мы проводили полнокровные плановые занятия со студентами.

Все время с руководством института у нас было полное взаимопонимание и взаимная поддержка, особенно в деле укрепления дисциплины. Недаром же иногда говорили: «то ли военная кафедра при институте, то ли институт при военной кафедре». И действительно, авторитет военной кафедры, ее влияние на многие стороны жизни института были значительны. Не случайно эта кафедра не один год признавалась лучшей среди всех военных кафедр Украины по военно-патриотическому воспитанию молодежи, а я, ее начальник, дважды был награжден Почетным знаком ДОСААФ, удостоверение к нему оба раза подписывал Семен Михайлович Буденный.

В 1981 году институт построил для кафедры современный учебный корпус, только жаль, к тому времени мне пришлось уволиться в запас по болезни. Да и возраст уже подходил к предельно допустимому для кадровой службы. И еще более десяти лет после увольнения, по просьбе меняющихся ректоров, я оставался в институте на нештатной должности ре-

ферента-помощника ректора. И я благодарен этим людям за доверие.

За тринадцать лет руководства кафедрой и десять лет работы в ректорате произошло много событий.

Очень памятными были наши встречи с бывшим тогда председателем Общества советско-вьетнамской дружбы, Героем Советского Союза, советским космонавтом № 2, генерал-полковником авиации Германом Степановичем Титовым, пригласившим нас на 30-летие общества. О Германе Степановиче, после личного общения с ним, осталось очень приятное впечатление как о человеке заботливым, душевным и глубоко благородным. С ним так легко было беседовать, его душа и сердце, казалось, были распахнуты настежь, его глаза светились добротой и участием. Эта встреча осталась во мне на всю жизнь, и неожиданная, безвременная кончина Германа Степановича отозвалась большой болью.

Считаю также, что мне крупно повезло, когда в конце марта 1983 года к нам в ХАДИ приехал другой космонавт, дважды Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко. Невероятно общительный, с хорошим чувством юмора, глубоко эрудированный не только в вопросах космонавтики. Его выступление перед коллективом преподавателей и студентов института было настолько интересным, захватывающим и впечатляющим, что я уверен: все, кому повезло присутствовать на этой встрече, не забудут ее до конца дней. Я приведу здесь лишь две его фразы, подтверждающие сказанное. Он рассказал, как однажды во время возвращения самолетом из какого-то дальнего города СССР в Москву к нему подошел юноша и, протянув ему фотографию самого Гречко, попросил автограф. И Георгий Михайлович подписал эту фотографию так: «Владимиру (имярек) на память о совместном полете. Летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Г. Гречко». Представляю, что делалось в душе этого юноши от такого неожиданного и весьма остро-

умного автографа! Ведь действительно летели вместе! И неважно теперь, в космос или только в Москву. А на один из вопросов студента «вот вам, космонавтам, наверное даже выпить чего-нибудь, кроме чая или соков, нельзя?» Георгий Михайлович с ходу, как-то по-особенному прищурился и так всегда улыбающиеся глаза, ответил: «Если чего-нибудь ну уж совершенно нельзя, но очень хочется, то можно!»

Вообще, моя жизнь, как и жизнь многих, проживших ее активно, оказалась богатой на встречи с необыкновенными людьми. Каждый из них оставил свой след в душе, каждый заронил в сердце доброе семя, и по сей день дающее всходы доброты, уважения к людям, высокой требовательности, прежде всего к себе и к тем, кто так или иначе близок по работе, по соседству или даже по случайной беседе, но и нетерпимость ко лжи, непорядочности, хамству. На этом, дорогой читатель, позвольте мне завершить свое, может быть, немного затянувшееся повествование, мою исповедь и перед вами, и перед своими сверстниками, и перед нашими потомками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Значение офицерских штрафных батальонов в войне, как и самого приказа № 227, либо вообще не раскрывалось, либо вокруг них слагались домыслы и легенды, иногда из полуправды, а иногда и из откровенной лжи. Радует то, что в последнее время стали выходить в свет книги, например, учебник **«Новейшая отечественная история XX век»** (изд. ВЛАДОС, М., 2004) для студентов, где очень кратко, но совершенно четко сказано, что

«Приказ № 227 имел целью самыми жесткими мерами пресечь проявления трусости и дезертирства, категорически запрещал отступление без особого распоряжения командования. Все понимали, что такие приказы издаются только в момент величайшей опасности государству. Приказ сыграл свою роль, поскольку отвечал внутреннему настроению народа».

Да и о самих штрафниках-офицерах доминировало мнение, будто машина тогдашних репрессий выхолостила их души, превратила в отверженных, обреченных на бесславную гибель людей, идущих в бой лишь под дулами пулеметов заградотрядов. А вот в этом учебнике и о «миллионах штрафников», и о самих этих заградительных отрядах сказано с документальной точностью следующее:

«Приказ № 227 вводил штрафные батальоны и роты для отбывания военными наказания за уголовные и воинские преступления. Они использовались на наиболее тяжелых и опасных участках боевых действий. В 1942 г. в них было направлено 25 тыс. человек, в последующие годы войны — 403 тыс. Надобность в заградительных отрядах, о которых позднее распространялось много всяких небылиц, с изменением обстановки в пользу Красной Армии отпала, они были расформированы в соответствии с приказом наркома обороны СССР от 29 октября 1944 г. Домыслы о стрельбе отрядов по своим войскам не подтверждаются историческими документами». (Книга 2, с. 131.)

В 2006 году в издательстве «Яуза» вышла книга Игоря Пыхалова «Великая Оболганная война», в которой на документальной основе определено и количество одновременно действовавших штрафных батальонов, и количество штрафников в них:

«Если взять 1944 год, то общее число имевшихся в действующей армии штрафных батальонов колебалось в пределах от 8... до 15..., а их среднемесячное число равнялось 11... При этом среднемесячная численность штрафников в штрафном батальоне составляла 225 человек».

Далее в книге убедительно доказывается, что «доля всех штрафников, с учетом и штрафных рот, *«достигает всего лишь 0,42% численности действующей армии».*

К моему огорчению, пока мне не удалось найти данные о количестве офицеров, прошедших через «чистилище» штрафбатовское. Но вот из той же книги Игоря Пыхалова еще несколько цифр, опровергающих домыслы о «миллионах» штрафников, обреченных на бесславную гибель:

«...за всю войну в штрафные части было направлено 427 910 человек¹.

Получается, что доля военнослужащих, побывавших в штрафных ротах и батальонах, составляет всего лишь 1,24%... Так, в 1944 году среднемесячные потери переменного состава убитыми, умершими, ранеными и заболевшими достигали 10 506 человек, постоянного — 3 685 человек. Это в 3—6 раз больше, чем уровень потерь личного состава обычных войск...»

К 60-летию Победы не только издательство «Яуза», но и некоторые другие откликнулись публикациями исторически правдивых произведений о Великой Отечественной войне. И даже «Олма-Пресс», выпустившее несколько лет тому назад надуманный от начала и до конца «роман» «Штрафбат. Кровь Серого», выпустило ряд книг, основанных на правдивых источниках. Надеюсь, и моя книга встанет в ряд этих, давно ожидаемых читателями произведений, правдиво освещающих страницы истории Великой Отечественной войны.

Моим главным желанием было убедить читателей в том, что бойцы штрафбатов были в большинстве своем не утратившими понятия об офицерской чести воинами, понимавшими, что и в этих экстремальных условиях они оставались советскими офицерами.

Хотелось бы, чтобы все изложенное в моей книге способствовало тоже и сохранению правды, пусть об отдельной, но важной странице недалекого военного прошлого наших стран, некогда входивших в СССР, и истинному представлению о природе того патриотизма, которым сильна была наша страна во все времена.

Победа в Великой Отечественной войне явилась важнейшим событием уже ушедшего в историю XX века. Но XX век принес нам и невероятно разрушительное событие — развал некогда могущественной державы, великого Советского

¹ Это в том числе и в армейские штрафные роты, среднемесячное число которых, например в 1944 году, было равно 243 и куда офицеры не направлялись. (А.П.)

Союза, той нашей единой Родины, которая смогла в тяжелейшей войне, практически в единоборстве, одолеть разрастающуюся опухоль на теле человечества — гитлеровский фашизм.

Возникшие на развалинах СССР постсоветские государства, с разорванными по живому экономическими, культурными, да и просто человеческими связями, потеряли былое могущество и перспективу. За время так называемой независимости республики бывшего Советского Союза ни на шаг не продвинулись к самой независимости. Народ в основной массе разорен и задавлен. Мы ничего не получили, кроме разрастающейся, как раковая опухоль, коррупции, беззастенчивого казнокрадства. Мы стали свидетелями разделения общества на все увеличивающийся класс миллиардеров и все более сваливающийся в нищету и вымирающий класс трудящихся, выживающая часть которого усилиями новоявленных крепостников превращается в рабов тех, кто обогатился на всем, что создано ранее этими же трудящимися. Все заметнее прорастают побеги оголтелого национализма, так похожего на разгромленный великим советским народом фашизм.

Мы ничего не приобрели, кроме сомнения в своих силах и даже неверия в них, особенно на фоне постепенной изоляции современной России от ее друзей. Все заметнее становится умышленно пропагандируемый, упорно насаждаемый алкоголизм и порноиндустрия, ведущие к дальнейшему разложению морали, а в конечном счете — к деградации общества. И все активнее в этом разложении участвуют электронные средства массовой информации, особенно телевидение и становящийся все более доступным Интернет.

И как сказал истинный патриот России, прекрасный писатель, живой классик военной прозы Юрий Бондарев в одном из своих «Мгновений», — «Волга не будет впадать в Миссисипи»:

«Совесть вытаптывается лакированными ботинками на параде пошлости, и мы стали свидетелями идиотизма нашей

культуры, нашей нравственности — не в этом ли вина развращенного вседозволенностью телевидения?

В Судный день встанет перед грозным судьей «перестроечная пресса», которая осмеивала и убивала наши святыни, и ничем не искупит она проституирование мыслью, правдой, историей, добром, любовью, истиной, литературой, и не простятся иным псевдолитераторам ни политические доносы на оппонентов, ни лизоблюдство, ни холуяж...» (Ю. Бондарев. Мгновения, Бермудский треугольник. ИТРК, М. 2001, с. 293).

Вместо дружеской взаимозависимости семьи Советских Республик появилась самая настоящая зависимость — и экономическая, и финансовая, и, в конечном счете, политическая, но уже от мирового жандарма США, от всяких разных валютных фондов и банков международного империализма, в конечном счете контролируемых теми же Штатами.

И поколение, которое завоевало Великую Победу и в короткий срок восстановило разрушенное войной народное хозяйство, это поколение теперь оказалось наиболее притесненным.

А какая атака идет на молодежь! В школьных учебниках выхолащивается история Великой Отечественной войны и социалистических завоеваний, молодое поколение, хоть еще частично, но уже вырастает не помнящим героического прошлого своего народа, своей истинной истории. Но ведь общеизвестна истина: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее пальнет из пушки». Приведу еще несколько строк из «Мгновений» Юрия Васильевича:

«Наше искусство с полоумной безоглядностью деградирует; из литературы, театра, кинематографа вытрапливается сама жизнь... подменяясь тошнотным ужасом, мерзостью, рвотными позывами. В это же время свободная демпечать исходит восторгом от выгребных ям и помоев...» («Мгновения», «Ложь с человеческим лицом», с. 270).

Действительно, репертуар телепередач изобилует либо

так называемыми «реалити-шоу», «без комплексов», либо откровенно безнравственными «учебными» передачами из области сексуальной революции. А бесчисленные детективы и судебные процессы стремятся не только убедить всех в полной криминализации страны нашей, но и часто прямые инструкции для потенциальных преступников. И везде кровь, убийства, насилие, а если юмор, то почти первобытный. Не говорю уже о патологическом стремлении сценаристов многих художественных и «документальных» фильмов к намеренному искажению советского периода истории нашей страны. Понятно, что телевидение, как и Интернет, в наше время — очень мощное средство воспитания, особенно молодежи.

В этой связи не могу удержаться, чтобы не процитировать несколько строк из книги Юрия Сякова «Неизвестные солдаты» (С.-Петербург, 2004):

«Трудно представить всю картину лицемерия и порочности облеченных властью... которые на словах... за военно-патриотическое воспитание молодежи, а на деле... способствуют насаждению беспамятства и равнодушия не только к мертвым героям, но и к живым участникам Великой Отечественной войны».

В подтверждение этого достаточно только привести печально известный Закон о монетизации льгот инвалидам и участникам той Великой, победоносной, хотя и многожертвенной войны. И если раньше, когда живых участников этой войны было неизмеримо больше, у государства хватало средств и на бесплатное лечение инвалидов, и на бесплатный проезд ветеранов, «самолетом, паровозом, пароходом», любым транспортом в любой конец страны, и каждый ветеран войны имел возможность навестить боевых друзей или поклониться их могилам, — почему теперь, когда нас, победителей фашизма, осталось в десятки, даже в сотни раз меньше, у правительства не хватает средств даже на бесплатный проезд ветерана в трамвае или в автобусе.

В годы «становления демократии», когда всю охаива-

лась наша героическая история, да и нынче нередко звучат «открытия», будто со стороны нашего народа ушедшая в историю вместе с XX веком Великая Отечественная война была несправедливой, а «настоящую правду» о ней можно будет, видите ли, сказать, когда уйдут из жизни все ее участники. Конечно, тогда будет легче врать, ибо опровергать эту ложь будет некому.

Но они, эти «оракулы», ошибаются. Мы еще живы, и многие из нас, может быть, для того и живут долго, чтобы не дать псевдоисторикам до неузнаваемости исказить истину. Живы наши дети и внуки, и не все они поддались антиисторической пропаганде многих современных СМИ, не все они стали поклонниками бизнеса за счет обездоленных.

Известный не только в Харькове поэт, один из последних лауреатов Государственной премии СССР Борис Чичибабин, подводя итог своим размышлениям о позорном развале Советского Союза, писал:

Немея от нынешних бедствий
и в бегстве от будущих битв,
кому быть в ответе за век свой?
А надо ж кому-нибудь быть!

Пусть я слишком часто цитировал стихи, но вот это четверостишие харьковского поэта Валерия Болотова из поэмы, посвященной советским офицерам, по-моему, впрямую относится и к бойцам офицерских штрафбатов:

Когда ползли фашистские химеры,
Чтоб мою Родину унизить, растоптать,
Советские вставали офицеры,
Вставали, чтоб бетонной глыбой стать.

Мне, прошедшему свою часть войны командиром взвода и роты в офицерском штрафбате, довелось увидеть его, так сказать, изнутри, и я в силу своих умений и своей памяти постарался об этом честно рассказать вам. И не мне, а вам судить, насколько эта моя, фактически документальная повесть, подкрепленная ныне богатейшим материалом из Цен-

трального архива Минобороны РФ, мой бесхитростный рассказ о прожитом и пережитом затронули ваши души и сердца, открыли для вас те малоизвестные страницы прошедшей войны, вокруг которых наплетено столько недобросовестных измышлений.

Я горжусь и счастлив тем, что принадлежу к поколению советских людей, которые ценою крови своей и самой жизни защищали нашу великую Родину и почти в единоборстве одолели чуму XX века — гитлеровский фашизм. Наш девиз тогда был: «Служу Советскому Союзу!» Верю, пусть уже не мы, но наши потомки доживут до того счастливого времени, когда с такой же гордостью будут служить если не Советскому, то, может быть, Славянскому Союзу Суверенных Республик, новому СССР.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

С тех пор как отгремел Победный салют 9 мая 1945 года, прошло уже более 60 лет. Но еще больше времени ушло с тех огненных дней и ночей, ставших главным содержанием этой книги. Безжалостное время уносит и участников тех событий. Из моих боевых друзей и тех, кто тогда имел отношение к нашему 8-му штрафбату и с кем читатель познакомился в этой повести, многих уже не стало. Из всех известных мне штрафбатовцев я держу связь только с бывшим командиром взвода нашего батальона, ныне 85-летним подполковником в отставке Афониным Алексеем Антоновичем да бывшим штрафником 8-го ОШБ, тоже подполковником в отставке, перешагнувшим 92-летний рубеж, Басовым Семеном Емельяновичем.

Наверное, мы действительно живем долго для того, чтобы успеть рассказать правду пришедшим нам на смену поколениям о той, поистине Великой войне, завершившейся Великой Победой над чудовищем, угрожавшим всему челове-

честву планеты нашей по имени Земля. И если мне это в какой-то степени удалось, значит не зря я живу на земле.

Теперь совсем немного о личной жизни.

В 1950 году я поступил в Ленинградскую Военно-транспортную академию и с семьей поселился на квартире моей тещи, фельдшера медпункта одного из заводов Кировского района Ленинграда. Она познакомила нас с 15-летней девочкой, круглой сиротой, которую она опекала. У Тонечки Куропятниковой (так звали девочку) отец, Василий Васильевич, артиллерист, погиб, защищая Ленинград, и похоронен в братской могиле в Синявино. Маму и младшего брата Тони тоже унесла война. Естественно, мы прониклись сочувствием к этой девочке и старались помогать ей советами в жизни и в учебе. Когда в Ленинград на постоянное жительство переехала с Дальнего Востока моя повзрослевшая сестра, которую звали тоже Антониной, они подружились, и эта крепкая дружба длилась на протяжении 55 лет, до самой кончины сестры моей.

К окончанию мною академии девочка Тоня выросла, вышла замуж за красавца латыша Франца Ружа, к тому времени только что закончившего солдатскую службу, и отныне она стала носить фамилию Ружа. Но наши добрые отношения не прерывались. Две подружки — Антонины, обе Васильевны, продолжали дружить, их мужья работали на одном заводе. Мое скитание по Советскому Союзу, обусловленное армейской службой, не мешало, когда я по службе или в отпусках бывал в Ленинграде, навещать здесь мою сестру. Наши общие встречи с семьями сестры моей и ее лучшей подруги, Антонины Ружа, всегда были желанны и приятны.

Прошли годы. Овдовел я, овдовела и Антонина Васильевна Ружа. Наши многолетние добрые отношения, переросшие в более высокие чувства, привели нас к единственно правильному решению — соединить свои судьбы супружескими узами, что было одобрительно встречено нашими детьми и давно уже повзрослевшими внуками. Теперь у нас сложилась большая семья, в которой даже четыре правнуч-

ки. И мы чувствуем заботу о себе постоянно. На склоне лет наших здоровье у нас далеко не прежнее, а катаклизмы и потрясения, касающиеся больше всего нашего поколения, прямо скажем, не вызывают в нас того оптимизма, который владел нами даже в самые тяжелые годы войны.

И именно сейчас взаимные уважение и любовь продлевают нам оставшиеся годы жизни и дают силы преодолевать возникающие проблемы по мере своих, уже вовсе не безграничных возможностей.

Приложения

**ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР**

28 июля 1942 г. МОСКВА № 227 *Без публикации*

**О МЕРАХ ПО УКРЕПЛЕНИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И ПОРЯДКА
В КРАСНОЙ АРМИИ И ЗАПРЕЩЕНИИ САМОВОЛЬНОГО
ОТХОДА С БОЕВЫХ ПОЗИЦИЙ**

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток,

так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства неограничены. Территория Советского государства — это не пустыня, а люди — рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, — это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступить дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каж-

дую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановиться, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев — это значит обеспечить за нами победу.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Ро-

дины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот призыв — значит отстаивать нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель — покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступить дальше на Восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3—5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов, и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших ко-

мандиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях. Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны И. СТАЛИН

«Утверждаю»

Заместитель Народного комиссара обороны

генерал армии Г. Жуков

26 сентября 1942 г.

ПОЛОЖЕНИЕ О ШТРАФНЫХ БАТАЛЬОНАХ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ

I. Общие положения

1. Штрафные батальоны имеют целью дать возможность лицам среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава всех родов войск, провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий.

2. Организация, численный и боевой состав, а также оклады содержания постоянному составу штрафных батальонов определяются особым штатом.

3. Штрафные батальоны находятся в ведении военных советов фронтов. В пределах каждого фронта создаются от одного до трех штрафных батальонов, смотря по обстановке.

4. Штрафной батальон придается стрелковой дивизии (отдельной стрелковой бригаде), на участок которой он поставлен распоряжением военного совета фронта.

II. О постоянном составе штрафных батальонов

5. Командиры и военные комиссары батальона и рот, командиры и политические руководители взводов, а также остальной постоянный начальствующий состав штрафных

батальонов назначаются на должность приказом по войскам фронта из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников.

6. Командир и военный комиссар штрафного батальона пользуются по отношению к штрафникам дисциплинарной властью командира и военного комиссара дивизии; заместители командира и военного комиссара батальона — властью командира и военного комиссара полка; командиры и военные комиссары рот — властью командира и военного комиссара батальона, а командиры и политические руководители взводов — властью командиров и политических руководителей рот.

7. Всему постоянному составу штрафных батальонов сроки выслуги в званиях, по сравнению с командным, политическим и начальствующим составом строевых частей действующей армии, сокращаются наполовину.

8. Каждый месяц службы в постоянном составе штрафного батальона засчитывается при назначении пенсии за шесть месяцев.

III. О штрафниках

9. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава направляются в штрафные батальоны приказом по дивизии или бригаде (по корпусу — в отношении личного состава корпусных частей или по армии и фронту — в отношении частей армейского и фронтового подчинения соответственно) на срок от одного до трех месяцев. В штрафные батальоны на те же сроки могут направляться также по приговору военных трибуналов (действующей армии и тыловых) лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, осужденные с применением отсрочки исполнения приговора (примечание 2 к ст. 28 Уголовного кодекса РСФСР). О лицах, направленных в штрафной батальон, немедленно доносится по команде и военному совету фронта с приложением копии приказа

или приговора. *Примечание.* Командиры и военные комиссары батальонов и полков могут быть направлены в штрафной батальон не иначе как по приговору военного трибунала фронта.

10. Лица среднего и старшего командного, политического и начальствующего состава, направляемые в штрафной батальон, тем же приказом по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) (ст. 9) подлежат разжалованию в рядовые.

11. Перед направлением в штрафной батальон штрафник ставится перед строем своей части (подразделения), зачитывается приказ по дивизии или бригаде (корпусу, армии или войскам фронта соответственно) и разъясняется сущность совершенного преступления. Ордена и медали у штрафника отбираются и на время его нахождения в штрафном батальоне передаются на хранение в отдел кадров фронта.

12. Штрафникам выдается красноармейская книжка специального образца.

13. За неисполнение приказа, членовредительство, побег с поля боя или попытку перехода к врагу командный и политический состав штрафного батальона обязан применить все меры воздействия вплоть до расстрела на месте.

14. Штрафники могут быть приказом по штрафному батальону назначены на должности младшего командного состава с присвоением званий ефрейтора, младшего сержанта и сержанта.

Штрафникам, назначенным на должности младшего командного состава, выплачивается содержание по занимаемым должностям, остальным штрафникам — в размере 8 руб. 50 коп. в месяц. Полевые деньги штрафникам не выплачиваются.

Выплата денег семье по денежному аттестату прекращается, и она переводится на пособие, установленное для семей красноармейцев и младших командиров Указами Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. и от 19 июля 1942 г.

15. За боевое отличие штрафник может быть освобожден досрочно по представлению командования штрафного батальона, утвержденному военным советом фронта. За особо выдающееся боевое отличие штрафник, кроме того, представляется к правительственной награде. Перед оставлением штрафного батальона досрочно освобожденный ставится перед строем батальона, зачитывается приказ о досрочном освобождении и разъясняется сущность совершенного подвига.

16. По отбытии назначенного срока штрафники представляются командованием батальона военному совету фронта на предмет освобождения и по утверждении представления освобождаются из штрафного батальона.

17. Все освобожденные из штрафного батальона восстанавливаются в звании и во всех правах.

18. Штрафники, получившие ранение в бою, считаются отбывшими наказание, восстанавливаются в звании и во всех правах и по выздоровлении направляются для дальнейшего прохождения службы, а инвалидам назначается пенсия из оклада содержания по последней должности перед зачислением в штрафной батальон.

19. Семьям погибших штрафников назначается пенсия на общих основаниях со всеми семьями командиров из оклада содержания по последней должности до направления в штрафной батальон.

«Я ИЗ ЗАГРАДОТРЯДА»

Наверное, сейчас у нас не сыщешь равнодушного к истории. Мы пристально вглядываемся в минувшее, и словно туман рассеивается. То, о чем вчера не говорили вообще, недоговаривали или шептались, сегодня открыто обсуждается. Среди прочего является вдруг такое, что многих повергает в шок. Сколько истин, казавшихся незыблемыми, поставлено под сомнение! Уж и не победителями, а побежденными готовы во всеуслышание объявить нас некоторые в разоблачительном азарте.

Один товарищ недавно признался в том, что не может отделаться от ощущения, что многое в прочитанных им мемуарах наших уважаемых военачальников — полуправда. Похоже, в чем-то он прав... Сегодня, когда настало время раскрыть всю правду, в том числе и о войне, многое, что было доселе под лаком, пугает и возбуждает бурные страсти. Например, заградотряды.

Нынешним летом в одной из передач московской программы Центрального телевидения принимали участие работники архивов. Они справедливо сетовали на излишнюю закрытость их ведомств. Дело доходит до того, сказал один, что видные историки не могут добиться опубликования памятного многим приказа № 227, известного под названием «Ни шагу назад!». Ведущий понимающе кивнул: «Ну да, про заградотряды». Сказано это было таким тоном, что стало ясно: заградотряды — это нечто настолько жуткое, настолько бесчеловечное и дискредитирующее нас и нашу армию, что вспоминать о них страшно. Хотя, дескать, уж мы-то знаем...

Вот этот лейтмотив «уж мы-то знаем» достаточно часто встречается в письмах именно о заградительных отрядах. Возьмем некоторые. «Заградотряды сталинские были созданы из НКВД. Они присылались из тыла и стреляли своих без всякого разбора. Сами сидели в тылу, наедали морды. Они искусственно заталкивали людей в мясорубку...» «Из-за приказа № 227 часто бывало, что войсковое подразделение, у которого кончились боеприпасы либо вышло из строя орудие, вынуждено было погибнуть или сдаться в плен. Ведь при отступлении бойцов ждали стволы заградотрядов. Это ли не глупая смерть людей?»

Самое примечательное в этих письмах, на мой взгляд, тон. Без сомнений, не допускающий возражений. «Уж мы-то знаем...» Но откуда авторы знают «всю правду» о заградительных отрядах? Об этом ведь даже не упоминается в нынешних книгах и энциклопедиях. И еще, полагаю, подобная «правда» черпается из чьих-то устных воспоминаний, сочиненных не без злого умысла. Ведь о чем, по сути, эти письма? Какой вывод из них напрашивается? Вполне очевидный. Вы говорите о массовом героизме и самопожертвовании наших бойцов? Не щадили себя в бою? С гранатами бросались под танки? А что им оставалось делать, если в затылок смотрели стволы автоматов заградотрядчиков? Своя пуля не слаще немецкой... Так под сомнение ставится святое.

Ежегодно в редакции газет и журналов приходят тысячи писем фронтовиков. Пишут минометчики и моряки, пехотинцы, летчики и танкисты... Пишут многие, но ни разу — ни разу! — не слышал, чтобы кому бы то ни было из коллег довелось встретить письмо, в котором были бы слова: «Я из заградотряда». При всеобщем-то «знании» о заградотрядах. Кто же решится? Презрительный взгляд — самая безобидная из всех ожидаемых реакций.

Что ж мы молчали-то столько лет? Эта мысль не раз мелькала у меня, когда знакомился в Подольске с архивными материалами, относящимися к действиям заградительных отрядов в годы Великой Отечественной войны.

Чего мы боялись? Признать, что на фронте были не только герои, но и трусы, малодушные, шкурники, мародеры и дезертиры? Но на какой, скажите, войне, в какой армии их не было? Такого сорта людей и в мирные дни достаточно. Что уж говорить о фронте, где стреляют, калечат, убивают, а случается, приказывают идти на смерть. Однако в нашей армии шкурников и дезертиров было гораздо меньше, чем у врага, героев же во сто раз больше. Поэтому победили мы, а не фашисты.

Когда у нас появились заградотряды? После выхода приказа № 227 в июле 1942 года? Да ничего подобного! Есть вот такой любопытный документ: «Организация заградительных отрядов представляет собой одну из важнейших задач командиров и комиссаров. Каждое крупное воинское соединение должно иметь за свою спиной хотя бы тонкую, но прочную и надежную сетку заградительных отрядов... Удирающий шкурник должен наткнуться на револьвер или напороться на штык...» Это приказ № 213 Реввоенсовета Западного фронта от 1920 года. С трусами и паникерами боролись всегда, на всякой войне, во всех армиях мира. Если боролись недостаточно решительно — армии терпели поражение.

Что за обстановка была на фронте, когда вышел приказ № 227? Мне удалось разыскать несколько человек, которые воевали в заградительных отрядах. Один из них — Николай Антонович Сухоносенко, член КПСС с мая 1943 года, награжденный орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и несколькими медалями. Он написал: «В то время, когда зачитывался приказ № 227, я был курсантом школы младших специалистов топографической службы, которая после эвакуации из Харькова находилась в Эссентуках. Был свидетелем и участником того страшного отступления наших войск (если можно так назвать беспорядочный отход массы людей в военной форме) от Ростова-на-Дону на Кавказ. Тогда, совсем еще юношей, я воспринимал это страшное бегство под натиском вооруженного до зубов фашист-

ского войска как катастрофу. Теперь, по прошествии стольких лет, становится еще страшней от одной мысли: что могло бы произойти, если бы не были приняты суровые, но необходимые меры по организации войск, оборонявших Кавказ? С созданием заградотрядов курсанты школы, в том числе и я, привлекались к их действиям. Мы участвовали в задержании бегущих с фронта солдат и командиров, а также охраняли находившиеся в Эссентуках винный погреб, склад, консервный завод и элеватор, которые подвергались набегам этой неорганизованной массы военных людей. Двое суток под Эссентуками останавливали мы отступавших. По мере комплектования групп примерно человек по 100 отступающие сопровождалась на сборные пункты. Затем ставились в оборону».

Возможно, те, кто наслышан о расстрелах на месте без суда и следствия, о прочих ужасах, якобы связанных с заградительными отрядами, к этим воспоминаниям ветеранов отнесутся недоверчиво. Мало ли кто что помнит и кто что видел. А может, другие видели и помнят совсем другое? В таком случае, думаю, нет ничего убедительнее документов, писанных в окопах. Передо мной журнал боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда 52-й армии. Начат он 5 августа 1942 года, когда армия входила в состав Волховского фронта. Чем занимался отряд летом и осенью этого года? Формировался. Согласно приказу № 227, в заградительные отряды должны были направляться лишь самые опытные и обстрелянные бойцы. Однако, оказывается, в чем-то жизнь на фронте была похожа на нашу, нынешнюю. Кто ж, какой директор по доброй воле отпустит хорошего работника со своего завода или фабрики? Командиры тоже не хотели отдавать лучших бойцов. Ежедневно, пока шло формирование, в заградотряд прибывали двадцать-тридцать бойцов и командиров. Каждый день одного-двоих отправляли назад как не отвечающих строгим требованиям. Только абсолютно надежным и отчаянно храбрым солдатам фронт мог доверить свой ближайший тыл. Две трети в отряде были коммунистами и комсомольцами.

Что еще? Отряд учился. Нет, не тому, как стрелять по своим бегущим, а тому, как обороняться и наступать. В его задачу входила также охрана переправ через реку Волхов. На всех дорогах, ведущих от передовой, были выставлены заградительные посты из двух-трех человек. Опять же, судя по документам, не проходило дня, чтобы заградотрядчики не задержали десяток-полтора заблудившихся, потерявших свои части. Тот, кому доводилось бывать в лесах под Волховом, знает, что заплутать там немудрено, тем более когда стреляют, а вокруг минные поля. Таких сбившихся с пути возвращали в части. Скажете, для подобных дел не надо быть обстрелянным солдатом. Но ведь задерживали и дезертиров, а те, как известно, часто были вооружены и знали, что, если попадутся, им грозит трибунал.

А вот, к примеру, боевые донесения 3-го Отдельного заградительного отряда 8-й армии Волховского фронта. Разница в них только в датах, фамилиях, цифрах да географических названиях. Поэтому приведу одно — за 27 сентября 1942 года: «1. За истекшие сутки противник вел слабый артиллерийский огонь. 2. Отряд расположен на старом месте. 3. Отряд занимается несением службы заградительных постов... 5. За 27 сентября отрядом задержано 38 человек без документов. Направлены в свои части»¹.

Я намеренно пропустил четвертый пункт, потому что он, наверное, совсем уж удивителен для тех, кто жаждет разоблачительной правды о заградительных отрядах. А правда в 3-м Отдельном заградительном отряде в тот день была такова: «4. При отражении вражеской атаки пали смертью храбрых во второй роте сержанты Тарасюк Алексей Савельевич, Белашев Семен Васильевич, красноармеец Кулешов Иван Васильевич. При артобстреле в районе платформы Русановской были убиты сержант Истомин Ефим Гаврилович, старшина Николаев Василий Лаврентьевич, красноармейцы

¹ ЦАМО СССР, д. 10, оп. 36256, л. 37.

Гордеев Василий Александрович и Косаченко Василий Евдокимович»¹.

Лучшие и надежнейшие бойцы армии. Кого ж, как не их, бросать на самые опасные участки? И бросали. В конце донесения вывод: особенно велики потери во второй роте за последние дни потому, что командир 265-й стрелковой дивизии, которому временно подчинили роту, использует ее для ведения разведки боем.

Мне трудно удержаться от частого цитирования документов. Как иначе переубедить тех, кому кажется, что он знает о заградотрядах «всю правду», тех, чьи злые письма приведены выше? Поэтому позволю себе еще одну выдержку из журнала боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда 52-й армии. Сделана эта запись 30 мая 1944 года. Армия тогда уже дошла до Румынии, вела бои на реке Прут. «В 9.00 началось наступление немцев на высоту 197,0. Часть бойцов из разных частей армии устремилась к реке Прут на переправы, где и задерживалась заградпостами нашего отряда. В результате было задержано и возвращено на передний край около 300 человек. Во время несения службы у переправы были убиты ст. сержант Николаев А.Г., мл. сержант Юрченко И.Т., контужены ст. лейтенант Михалев Н.Г., ефрейтор Офицеров С.И.»².

Никаких пояснений к этому нет. Но представьте на минуту охваченную паникой толпу в три сотни человек, оставившую окопы и рванувшую к переправе в едином стремлении спастись. Представьте, что стоило ее, вооруженную, вернуть в окопы, повернуть лицом к врагу, заставить биться. Какая это была свалка, если в заградотряде двое убито, еще двоих контузило. А теперь скажите: нужны ли были заградотряды?

Меня, да и многих других, интересует вопрос: так стреляли ли бойцы заградительных отрядов по своим? По бегущим,

¹ ЦАМО СССР, д. 10, оп. 36256, л. 37.

² ЦАМО СССР, д. 12, оп. 41259, л. 48.

отступающим, дезертирам — стреляли? Или нет? Прямое свидетельство на этот счет удалось найти лишь одно. В письме Н. А. Сухоносенко. Он пишет: «Оружие было применено один раз, когда легковая машина не остановилась по нашему сигналу. Огонь был открыт по колесам. В результате нами оказались задержаны командиры, сидевшие в машине, старший в чине полковника. Других случаев я не знаю».

Больше ничего — ни в архивных документах, ни в воспоминаниях. Правда, заставляет задуматься та запись в журнале боевых действий 4-го Отдельного заградительного отряда, которая относится к 30 мая 1944 года. Как удалось задержать на переправе три сотни струсивших и бросивших окопы?

Может быть, силой оружия? Не знаю. Но если даже и так? Неужто и это должно нас шокировать? Неужто этого стыдиться? Не того, что бежали, что бросили фронт, а того, что привели в чувство трусов всеми доступными средствами? Нет, надо было остановить труса любой ценой, иначе Родина могла погибнуть. Война-то шла уже у Волги. А полковник, видимо, готов был тормозить лишь за Уралом. Трусов и паникеров расстреливали всегда, во всех армиях мира. Или мы этого не знаем? Что ж тогда молчали о заградительных отрядах?

Еще одну запись из журнала 4-го Отдельного заградительного отряда позволю себе привести. Она сделана 7 августа 1944 года, незадолго до расформирования отряда. В ней — итог большей части пройденного заградотрядом пути: «Готовились к празднованию дня образования части. Личный состав помыт в бане, сменил белье и привел в порядок оружие и обмундирование... В 18.00 было проведено торжественное собрание, на котором с докладом выступил командир отряда майор Борисичев, осветив итоги работы отряда за год. За год отряд задержал 1415 человек, в том числе 30 шпионов, 36 старост, 42 полицейских, 10 переводчиков и др. За отличное выполнение заданий командования в отряде награждено 29 человек орденами и 49 медалями. Отряд прошел путь от Дона до реки Прут, покрыв расстояние в 1300 километров... За год прочесано 83 населенных пункта, в том числе 8 городов.

Личный состав вел и наступательные, и оборонительные бои в районе Днепра, села Белозерье, города Смела и других. В результате освобождено 7 населенных пунктов... За год отряд потерял убитыми 11 человек, ранеными 40. Выросла партийная организация отряда. Принято в члены ВКП(б) 29 человек, в кандидаты — 30»¹.

Я не вижу тут ничего недостойного нашей славной военной истории. Кого и от чего загоразивали заградительные отряды? В конечном счете нас с вами, страну свою загоразивали от врагов и трусов, которые, впрочем, на фронте тоже враги. Кого и почему должно это шокировать?

Обо всем не расскажешь. Но в деталях помню рассказ бывшего заградотрядчика Д.Е. Цветкова о том, что происходило в ноябре 1942 года на Калининском фронте. Вижу, почти явственно вижу подсвеченный заходящим солнцем сказочной красоты сосновый бор, каких много в России. На опушке залег заградотряд. Позади никого, лишь открытая дорога в наш тыл. Впереди, за кустарником, жидкая линия окопов, грохот стрельбы и рев вражеских танков. Задача перед Цветковым и его товарищами стояла в соответствии с приказом № 227: «Ни шагу назад!» Если наши, те, что впереди, побегут, не выдержат — остановить, вернуть назад, в оборону. Но никто не побежал. Оборона перед заградотрядом была смята. На заградотрядчиков через кусты ломились танки с крестами. Цветков рукой ощупывал ребристый бок гранаты...

Дальше было страшно. Как именно — не знаю. Цветков дважды принимался рассказывать, да так и не смог: душили спазмы и слезы. Махнув рукой, собрался уходить. Надел пиджак, висевший на стуле. На нем орден Красной Звезды, два ордена Отечественной войны, медали и нашивки за ранения — четыре тяжелых и два легких. А кто-то говорит: «Отсиживались в тылу...» Не верьте!

*Капитан 2-го ранга С.Г. Ищенко
(Военно-исторический журнал. 1988. № 11)*

¹ ЦАМО СССР, д. 12, оп. 41259, л. 48.

ШТРАФНИК О ШТРАФБАТЕ

Статья в харьковской областной газете «Слово ветерана»
от 20.07.2002 г.

Наша газета «Слово ветерана» опубликовала статью А.В. Пыльцына «Приказ 227». Пожалуй, это первая публикация, в которой честно рассказано о штрафных офицерских батальонах периода Великой Отечественной войны. Эта статья офицера, прошедшего свою часть войны командиром взвода, а затем и роты 8-го Отдельного штрафного батальона 1-го Белорусского фронта, затронула во мне многое из моей фронтовой жизни.

Дело в том, что я в 1943 году был рядовым штрафником именно этого штрафбата, входившего в состав Центрального фронта, которым командовал генерал К.К. Рокоссовский. Надо же было так случиться, что мы, воины одного штрафбата, бывший штрафник и бывший командир роты, встретились здесь, в Харькове, спустя почти 60 лет!

Вот я и хочу поделиться с читателями своими представлениями рядового штрафника об офицерских штрафбатах, созданных по известному приказу Сталина «Ни шагу назад!». Не все знают, что это за батальоны. О них еще недавно не принято было не то что писать, но даже говорить.

В 1942 году во время обороны Киева я оказался в немецком плену, будучи военинженером 3-го ранга 409-го отдельного саперного батальона.

Бежал из плена, был схвачен и снова бежал. Долго пробирался через всю Восточную Украину к линии фронта. Наконец, удалось перейти к своим, где был сразу же зачислен в

действующую часть Красной Армии по своей военной специальности.

Но с выходом приказа № 227 и, видимо, срочной необходимостью заполнения создаваемых по этому приказу штрафбатов нас, бывших военнопленных, срочно отозвали из подразделений какие-то комиссии из трех человек. Эти комиссии, не разбираясь в том, сдался ли в плен офицер или не по своей вине попал туда, всех без разбора направили в штрафбаты рядовыми. Так и мне довелось испытать на себе приказ № 227. Из штрафбата, как правило, у штрафника два выхода: или госпиталь по ранению, или гибель в бою.

Нами, штрафниками, командовали кадровые офицеры: взводные — лейтенанты и старшие лейтенанты, ротные — капитаны, майоры. Комбатом был полковник или подполковник.

В газетных и журнальных статьях, посвященных штрафным подразделениям, которые мне доводилось читать, почти ничего не говорилось о их командном составе. А они, эти командиры штрафных взводов и рот, пребывали вместе со всеми штрафниками в окопах, атаках, ледяной воде форсируемых рек. И ранили их, и убивали их вместе с нами. Когда, например, в наступлении ранило меня, перевязку сделал мне мой командир взвода, который чуть позже погиб. Редкие из командиров оставались невредимыми. Штрафники — бывшие офицеры, вероятно, вправе были считать себя смертниками, но после ранения они полностью восстанавливались в правах и званиях офицерского состава. Отчисление из штрафного батальона производилось только по приказу командующего фронтом.

Так, в моем офицерском личном деле хранится выписка из приказа войскам Центрального фронта № 0601 от 25 августа 1943 года, в которой говорится: «Бывший инженер технической роты 409-го отдельного строительного батальона Киевского укрепрайона, военинженер 3 ранга Басов Семен Емельянович... в боях действовал отважно, решительно. Будучи назначенным наблюдателем, смело выдвигался за тран-

шеи переднего края, добывал ценные сведения о противнике. 15 июня 1943 года был ранен в бою и госпитализирован. Отчисляется из штрафного батальона, восстанавливается в правах начальствующего состава и препровождается на ранее занимаемую должность. Командующий войсками Центрального фронта генерал армии Рокоссовский. Член Военного совета фронта генерал-майор Телегин».

Кадровые же офицеры — командиры взводов и рот штрафников после ранений могли перейти в другие, не штрафные части. Но многие, как и комвзвода 8-го ОШБ старший лейтенант А. Пыльцын, несмотря на это право, возвращались из госпиталей к штрафникам и не по одному разу, зная, что им снова придется делить со штрафниками нелегкую их судьбу, которая могла привести к гибели. Вот их действительно можно было назвать «смертниками».

Видимо, в этом проявлялись и единство, и дружба офицерская, несмотря на различие в положении и правах этих разных категорий советских офицеров — и штрафников, и их командиров. Поистине надо было глубоко уважать своих подчиненных, волей нелегкой своей судьбы оказавшихся в штрафбате, чтобы быть вместе с ними в опасности.

И, наверное, именно потому, что и у штрафников, и у их командиров было такое боевое единодушие, батальон — и когда в нем довелось воевать мне (на Курской дуге) и после, в самой тяжелой боевой обстановке — всегда образцово выполнял любую боевую задачу.

А в том памятном 1943 году, в знаменитой Курской битве, наш 8-й ОШБ Центрального фронта насмерть стоял в районе Понырей и Малоархангельска, на самом острие немецкого наступления. Несмотря на яростные атаки немцев, не отступил ни на один шаг, ни на один сантиметр. Устояв в этой обороне, был переброшен для наступления в сторону Тросны. В первый же день атаки выбил немцев с их позиций, захватив важную высоту.

Так действовали штрафники-офицеры и их командиры. Известно, что такие батальоны не имели боевых знамен. Им

не присваивались наименования гвардейских или имена освобожденных городов. Батальоны эти не награждались орденами. А те далеко не обильные награды, которыми отмечались офицеры командного звена и отдельные штрафники за их подвиги, — это поистине кровью заслуженные ордена и медали.

Я сожалею, что судьба в свое время сделала меня штрафником. Но я и горжусь тем, что та же судьба привела меня в такой стойкий, упорный боевой батальон, как 8-й ОШБ.

А после него меня восстановили в офицерском звании инженер-капитана и в должности помощника командира 47-го Отдельного дорожно-строительного батальона, в котором прошел всю оставшуюся на мою долю войну. Закончил ее уже в Варшавском, ордена Красного Знамени 144-м отдельном мостостроительном батальоне 8-й Гвардейской армии, а затем, уже в Берлинской операции, — 5-й ударной армии. В запас уволен в 1947 году.

*С. Е. Басов, майор в отставке, бывший штрафник
8-го Отдельного штрафного батальона на Курской дуге*

СПИСОК

офицеров-штрафников 8-го ОШБ 1-го Белорусского фронта,
погибших в боях на земле Гомельской области (Белоруссия)
в ноябре 1943 г. — феврале 1944 г.

(По данным Книг Памяти районов.

Уточнены по документам из Центрального архива
Министерства обороны Российской Федерации)

Дорогие читатели! Прочтите этот мартиролог. И пусть ваше внимание к каждому имени, упомянутому в нем, послужит своеобразным поминанием тех, кто отдал жизнь за Родину и за возвращение себе офицерской чести и звания достойного защитника Отечества.

По Жлобинскому району

1. Алфимов Евгений Иванович, воентехник 2-го ранга.
2. Архипов Константин Илларионович, воентехник 1-го ранга.
3. Белоусов Иван Иванович, старший лейтенант.
4. Беляев Аким Евгеньевич, техник-интендант 2-го ранга.
5. Богданов Ахат Аднатович, младший лейтенант.
6. Бондаренко Яков Назарович, техник-интендант 2-го ранга.
7. Булюк Федор Епифанович, лейтенант.
8. Василенко Григорий Дмитриевич, техник-интендант 2-го ранга.
9. Волков Федор Васильевич, военврач 3-го ранга.
10. Володин Александр Иванович, лейтенант.
11. Воронков Василий Петрович, капитан.
12. Глушанин Владимир Михайлович, младший лейтенант.

13. Гребенник Иван Павлович, лейтенант.
14. Гриб Антон Владимирович, лейтенант.
15. Дей Аврам Семенович, младший политрук.
16. Денисенко Владимир Александрович, майор.
17. Дмитерко Дмитрий Дмитриевич, старший лейтенант.
18. Дмитриев Василий Петрович, младший лейтенант.
19. Егоров Иван Васильевич (офицер).
20. Жуковский Сергей Павлович, лейтенант.
21. Золоторев Александр Александрович (офицер).
22. Ильяшенко Алексей Федорович, младший воентехник.
23. Калинин Григорий Александрович, младший лейтенант.
24. Камеко Михаил Игнатьевич, младший лейтенант.
25. Канышков Василий Егорович, лейтенант.
26. Карпинин Митрофан Андреевич, младший лейтенант.
27. Кирилец Василий Иванович, техник-интендант 2-го ранга.
28. Козлов Михаил Васильевич, младший лейтенант.
29. Козлов Николай Владимирович, политрук.
30. Короткевич Иван Иванович, воентехник.
31. Костюченко Алексей Сидорович, младший лейтенант.
32. Кузнецов Михаил Яковлевич, лейтенант.
33. Кушнеров Яков Васильевич, младший лейтенант.
34. Лях Тимофей Максимович, младший лейтенант.
35. Мархай Петр Степанович, военфельдшер.
36. Недашковский Яков Митрофанович, младший воентехник.
37. Никитченко Григорий Ефимович, лейтенант.
38. Николаев Павел Алексеевич, капитан.
39. Петров Василий Петрович, младший лейтенант.
40. Погребницкий Анатолий Федорович, лейтенант.
41. Полоз Петр Васильевич, младший лейтенант.
42. Полухов Алексей Антонович, политрук.
43. Попов Петр Максимович, старший лейтенант.
44. Привалов Семен Васильевич, лейтенант.
45. Примаков Степан Петрович, военфельдшер.
46. Прищепа Степан Никитич, младший лейтенант.
47. Рено Александр Георгиевич, старший лейтенант.

48. Рожок Григорий Васильевич, военфельдшер
49. Самойленко Константин Исакович, младший лейтенант.
50. Седоусов Федор Емельянович, младший лейтенант.
51. Скидоненко Василий Михайлович, военфельдшер.
52. Суровцев Степан Исакович, лейтенант.
53. Сыроежко Александр Онуфриевич, интендант.
54. Теребило Павел Васильевич, младший лейтенант.
55. Терещенко Петр Васильевич, лейтенант.
56. Теселкин Василий Корнилович, политрук.
57. Товстуха Иван Михайлович, техник-интендант 2-го ранга.
58. Трифонов Василий Ильич, младший лейтенант.
59. Тыркин Федор Андрианович (офицер).
60. Хабенко Александр Павлович, техник-интендант 2-го ранга.
61. Хлопин Иван Васильевич, военфельдшер.
62. Хоромин Михаил Саввич, техник-интендант 2-го ранга.
63. Хотев Иван Евгеньевич, младший лейтенант.
64. Цыбуля Петр Семенович, военфельдшер.
65. Цымбаренко Антон Иванович, военфельдшер.
66. Червинский Владимир Станиславович, младший лейтенант.
67. Черников Василий Семенович, младший воентехник.
68. Черноног Иван Евдокимович, младший лейтенант.
69. Черный Петр Тихонович, младший политрук.
70. Шевченко Иван Никитич, лейтенант.
71. Шилов Иван Корнеевич, младший политрук.
72. Шкирман Александр Аврамович, младший лейтенант.
73. Шурубенко Семен Константинович, военфельдшер.
74. Шустов Павел Степанович, лейтенант.
75. Якимович Леонид Петрович, техник-интендант 1-го ранга.
76. Ярина Иван Никитович, лейтенант.

По Рогачевскому району

1. Айтваров Захар Камзатович, офицер.
2. Алисов Николай Алексеевич, техник-лейтенант.
3. Антонов Василий Константинович, старший лейтенант.

4. Барыбин Борис Николаевич, старший лейтенант.
5. Беликов Сергей Иванович, офицер.
6. Белов Евгений Александрович, старший лейтенант.
7. Беспалый Михаил Андреевич, лейтенант.
8. Бондаренко Александр Васильевич, младший лейтенант.
9. Борляков Кузьма Михайлович, лейтенант.
10. Брагин Иван Петрович, старший лейтенант.
11. Бровин Сергей Иванович, старший лейтенант.
12. Буценко Григорий Николаевич, военинженер 3-го ранга.
13. Василевский Иван Александрович, младший лейтенант.
14. Ведьгун Марк Тимофеевич, лейтенант.
15. Вергун Анатолий Андрианович, старший лейтенант.
16. Глущенко Николай Прокофьевич, майор.
17. Иванов Василий Иванович, офицер.
18. Душкевич ..., старший военфельдшер.
19. Епишкин Александр Гаврилович, лейтенант.
20. Еремин Иван Петрович, старший лейтенант.
21. Жигалев Дмитрий Иванович, лейтенант.
22. Житник Гавриил Семенович, лейтенант.
23. Климов Михаил Ануфриевич, старший лейтенант.
24. Копов Григорий Иванович, майор.
25. Кршевицкий Николай Иванович, лейтенант.
26. Кудрявец Иван Филиппович, лейтенант.
27. Ладыга Иван Григорьевич, младший лейтенант.
28. Ларченко Прохор Степанович, техник-интендант 1-го ранга.
29. Назаров Александр Александрович, лейтенант.
30. Недух Василий Михайлович, младший лейтенант.
31. Оганезов Мелик Оветикович, лейтенант.
32. Олейников Яков Яковлевич, лейтенант.
33. Опенько Григорий Степанович, лейтенант.
34. Поляков Петр Филиппович, политрук.
35. Попов Николай Георгиевич, старший лейтенант.
36. Ребрин Александр Карпович, офицер.
37. Савчук Иван Степанович, старший лейтенант.
38. Сельский Самуил Григорьевич, старший лейтенант.

39. Сергеев Иван Иванович, военврач 2-го ранга.
40. Сергейчик Александр Иосифович, старший лейтенант.
41. Середа Владимир Владимирович, лейтенант.
42. Слесоренко Юлиан Максимович, младший лейтенант.
43. Халько Архип Львович, офицер.
44. Хоменко Анатолий Дмитриевич, младший лейтенант.
45. Цейко Александр Николаевич, младший лейтенант.
46. Чепелев Иван Иванович, офицер.
47. Юранов Константин Тимофеевич, лейтенант.
48. Яковлев Иван Николаевич, воентехник 2-го ранга.

ПРИМЕЧАНИЯ

Фамилии и воинские звания погибших указаны в соответствии с записями в Книгах Памяти или по копиям приказов по батальону (офицер).

В Книге Памяти Рогачевского района опубликовано письмо штрафника 8-го ОШБ, техника-интенданта 1-го ранга Ларченко Прохора Степановича (№ 28 в списке), уроженца дер. Студенец Костюковичского района Могилевской области, написанное им жене за 3 дня до своей гибели перед рейдом батальона в тыл врага. Вот это письмо.

18 февраля 1944 г.

Здравствуйте, мои милые и дорогие жена и дочки!

Я жив и здоров. Самочувствие хорошее. Скоро будем гнать врага из нашей родной Белоруссии и уничтожат его беспощадно. Приближается день Красной Армии, день ее победы над врагом. Милая и дорогая жена Тина, этот день 23 февраля, ты знаешь, я всегда отмечал, так как с днем побед Красной Армии связан и день моего рождения. В этом 1944 году думаю провести его как никогда радостно, так как буду находиться на передовой и участвовать в окончательном разгроме врага. Думаю, что придется поднять и бокал вина в этот знаменательный день...

Дорогая жена Тиночка! Закончится Отечественная война, и, если останусь жив, мы должны в этом же году встретиться. Этими мыслями и чувствами горячей любви к тебе, моя неоценимая подруга жизни Тиночка, и к нашим милым дочкам Людочке и Светочке весь проникнут и ими буду жить все года и везде, где бы я ни был. Этот 1944 год покажет, насколько мы, дорогая Тина, Людочка и Светочка, счастливы. Не скрывая от тебя, милая Тина, я должен сказать, что иду по серьезному пути и буду стойко сражаться за нашу любимую великую Родину...

Дорогая Тина! По хозяйственным вопросам и о своей поездке на территорию Белоруссии ты решаешь сама. В недалеком будущем, быть может, по этому вопросу помогу и я. Прошу, пиши старикам в Студенец, передавай и от меня всем привет и лучшие пожелания. Прошу не беспокоиться, если часто не буду тебе писать. Обстановка не позволяет. Будьте же здоровыми и счастливыми, мои славные Тиночка, Людочка и Светочка!

Целую крепко, крепко тебя и дочек,

Прохор.

Научно-популярное издание
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Александр Пыльцын
ГЛАВНАЯ КНИГА О ШТРАФБАТАХ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор Л. Незвинская
Художественный редактор С. Курбатов
Технический редактор В. Кулагина
Компьютерная верстка В. Фирстов
Корректор О. Супрун

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клара Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: Info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

*По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»*
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*
International@eksmo-sale.ru

*По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформ-
лении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118. E-mail: vipzakaz@eksmo.ru*

*Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:*
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, в/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Буховской Обороны, д. 84Е. Тел. (812) 365-46-03/04.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/48.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (883) 220-19-34.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс (044) 495-79-80/81.
Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.
В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.
В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-80/91.
rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 10.08.2009.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 687

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

«В прорыв идут штрафные батальоны...»

Будучи при советской власти фактически под полным запретом, после падения СССР эта тема стала одним из главных козырей антисоветской пропаганды, любимым поводом для обличений «проклятого тоталитарного прошлого» и политических спекуляций нечистоплотных псевдоисториков. Кульминацией этой кампании стал показ по государственному телевидению скандального сериала «Штрафбат» — насквозь лживой агитки, старательно подводившей к мысли, что именно «штрафники выиграла войну», хотя на самом деле в 1942—1945 гг. численность штрафных частей составляла всего 1,24 % от численности советских Вооруженных сил.

Не говоря уж о том, что далеко не все воевавшие в штрафбатах были штрафниками — согласно сталинскому приказу постоянный командный состав штрафных рот и батальонов комплектовался *«из числа волевых и наиболее отличившихся в боях командиров и политработников»*. Одним из таких офицеров «постоянного состава» был автор этой книги Александр Васильевич Пыльцын, с декабря 1943 по май 1945 года воевавший в 8-м Отдельном (офицерском) штрафном батальоне (полевая почта 07380), прошедший с ним от Белоруссии до Берлина и подробно, обстоятельно и честно рассказавший об этом боевом пути — не приукрашивая «окопную правду», но и не очерняя прошлое.

**Правдивые книги о советских штрафниках
можно пересчитать по пальцам одной руки.
И эта среди них — лучшая.**

